

JAIRA

НАСЛЕДИЕ

2016

Шаткий и обманчивый мир, сложившийся более чем через семь тысяч лет после губительной битвы добра со злом. Мало того, что мировые державы недолюбливают друг друга и не предпринимают мер для поддержания отношений, миру до сих пор угрожает зло в лице могущественного архимага, которому может противостоять только один герой, преданный забвению. Угроза висит над всем миром, но никому нет нужды искать защиты, пока не погибает в дуэли с архимагом одна из верховных ведьм людской державы. Ее воспитанница, наемница и вор, начинает свое расследование и задумывает месть убийце наставницы. Ей предстоит использовать все свои навыки, чтобы помешать архимагу в осуществлении плана и выжить в игре, с самого начала обреченной на смерть.

Глава 1

Старые раны

Взгляд чародейки, устремленный к звездам, угасал. Глаза стекленели. Архимаг стоял над ней, наблюдая за ее смертью, чувствуя, как ее магия перетекает в астрал, оставляя лишь слабый «отпечаток» в ее теле. Она довольно долго сопротивлялась, но это лишь потому, что он позволял ей. Ему нужны были ответы, его терпению за столько лет уже давно пришел конец. Слишком долго ему пришлось ее выслеживать, слишком долго преследовать, но выбора не было — только эта ведьма знала то, что ему так было нужно. Но она не сдалась, не выдала секрета и предпочла умереть, ведь кто по собственному желанию полезет в драку с наимогущественнейшим чародеем мира? Им не завладело огорчение или досада. Рано или поздно он добьется своего.

Так было всегда на протяжении семи тысяч лет.

Пламя на поле, где произошло сражение, потухло. Луну скрыла туча. В темноте светились только его глаза, вместо зрачков в которых были зеленоватые омуты. Он смотрел на юг, на огни близкого поселения амазонок.

— Я найду тебя.

Отчаяние душило как вода утопающего. Еще чуть-чуть — и захлебнешься. Как тут удержаться на плаву, когда вокруг все плачет о поражении...

«Людам, вместо того, чтобы спокойно жить своей жизнью, как им хочется, приходится искать способы выживания. Только не все умеют выживать, не каждому дается эта способность. Чем больше чувство тревоги, тем больше люди не доверяют друг другу, тем больше суеты и паники. Тем больше хаоса. У людей нет чувства безопасности даже в своем доме. Им нужны защитники, герои, которые будут их идеалом. Но с каждым днем надежда гаснет — герои погибают и мало найдется смельчаков встать на их место. И сегодня мир потерял еще одного героя, только понимают ли они это?..»

Звон раздавался медленными тяжелыми ударами, уносившимися во все стороны эхом и терявшимися во всех доступных уголках. В этот раз это был не набат и не зов на молитву. Солнце еще не проснулось, но все вокруг было озарено пляшущим светом от погребального костра, отбрасывающего на предметы оранжевые отблески. В тот же цвет был окрашен богатый шелк, каким была убрана покойница. Колокольный звон вызывал в душе отнюдь не скорбь — тревогу, а пламя все больше преображало ее в страх, почти в ужас от того, что смерть смогла подобраться так близко.

Женщины всех возрастов, окружавшие деревянное ложе, стояли безмолвно и неподвижно. В хаотичном танце и неугомонном треске огня едва ли можно было заметить, как некоторые из них тихо переговариваются, изредка одними глазами поглядывая на девушку, стоящую поодаль и крепко сжимавшую левой рукой инкрустированную драгоценными камнями рукоять меча. Как замороженная, она смотрела в пламя на уходящий в потусторонний мир ее единственный шанс узнать ответы на свои вопросы. Очень тихо слева к ней подошла Ксия, новенький плащ авангарда которой пылал алым даже в этом оранжевом зареве.

— Джайра.

Она не ответила.

— Мне очень жаль...

Наемница слегка качнула головой, но непроницаемость чувств не исчезла. Она понимала: надо было ответить.

«Почему она не свернула с Рыцарского Тракта? Почему повела его за собой сюда?..»

Из часовни, догоняя колокольный звон, поплыло заунывное пение на мертвом языке. Джайре не нравилось это пение, даже для похорон оно было слишком повелительным — на таком языке надо править, а не петь. Собственно, так и было семь тысячелетий назад, когда первый Протектор прекратил бесконечную битву. Где же они, Протекторы, демоны их разорви? Уж они бы не дали умереть наставнице Джайры, не дали бы набрать такую огромную мощь ее убийце. Все в этом деле было не так, будто разгадка всех тайн была проста и знали ее все, кроме самой Джайры.

На пару мгновений завеса огня взвилась в небо пыльным всполохом, взревев подобно дракону. Амазонки, словно вспугнутая сонная стая птиц, попятились назад, расширяя круг, и только двое не шелохнулись, вдруг оказавшись в центре этого круга. Когда огонь вновь утихомирился, обнимая безжизненное тело своей повелительницы, ведьмы огня, обе воззрились друг на друга. Верховная амазонка Акадия была старшей сестрой Эврикиды, и ее скорбь была вполне объяснима, но эта женщина железной воли также сохраняла каменную непроницаемость, как и Джайра. Было у кого учиться. Огонь странным образом преображал их взгляды, и казалось, будто они пытаются сжечь друг друга.

«Куда бежит человек, когда ищет помощи? Домой. Всем, что осталось от ее дома, от ее семьи, была старшая сестра. Ждала ли она от нее защиты? Надеялась ли, что архимагу неинтересны амазонки? Этого уже никто не сможет выяснить, ведь ей никто не помог...»

Когда Акадия кивнула в сторону Джайре отойти для разговора, для нее этот жест был вполне ожидаем. Зло усмехнувшись, девушка решительным шагом направилась прочь от костра — по ее мнению, им не о чем было говорить. Нахмурившись, Акадия терпеливо вздохнула.

За спиной возникла одна из легатов, амазонка высшего звания, Амрена, всегда следовавшая тенью за своей повелительницей.

— Ей здесь не место, вы прекрасно это понимаете, госпожа.

Словно соглашаясь с высказанным недовольством, нестройным бряцаньем отозвались мечи других амазонок-легатов, подошедших к ним.

— Тебе ли это решать, Амрена? Прошло десять лет, даже больше, и невиновность Джайры давно доказана...

— Чем? — прошипела легат. — Тем, что она якобы добросовестно ушла из сената, так и не ответив за свою измену? Все поселение возмущено ее присутствием здесь.

— Она имеет на это право. Эврикида...

— Эврикида укрыла ее от нашего гнева, зная, что ты не позволишь сестру и пальцем тронуть. И Джайра воспользовалась этим.

Акадия резко обернулась к Амрене, окатив ее волной гнева.

— Да что ты можешь знать о Джайре, кроме своей ненависти и зависти к ней.

— Знаю, и достаточно для того, чтобы иметь причины изгнать ее отсюда навсегда, а может, и казнить. Ведь это из-за нее погибла Эврикида.

Лицо Акадии стало изменяться, принимая все более обеспокоенное выражение.

— Пока Джайра здесь, весь авангард и легаты находятся в постоянном бдении.

— Замолчи, — процедила Акадия сквозь зубы, но легат продолжала наступление.

— Я слышала ваш разговор с Эврикидой, как вы создали из этой бездомной совершенное оружие, только вот что-то это оружие больше не хочет, чтобы им управляли. Да и другим оно тоже оказалось нужно позарез.

Акадия молчала. Каким образом маленькая послушница подслушала разговор, давность которого переваливала за тридцать лет, уже не имело значение.

— И что же, — голос стал срываться, как ни пыталась контролировать его Акадия, — что ты собираешься делать? Пока я на троне, у тебя нет полной власти, да и Джайра тебя ненавидит не в меньшей мере, чем ты ее. Ты сама говоришь: она не хочет никому больше подчиняться, — значит, и тебя слушаться не станет...

— Как и тебя, верховная амазонка, — что-то в интонации и в самих словах, достаточно простых, но сказанных с таким огромным весом, привело Акадию в крайнее замешательство, и необъяснимый панический страх заставил искать пути спасения...

Будучи далеко от этого судьбоносного разговора, кипя от злости, Джайра шла, не разбирая дороги, лишь бы подальше от этого сборища. Ноги привели ее на главную площадь перед Дворцом Справедливости, верхушка хрустального купола которого уже набирала краски рассвета. Над всей площадью возвышалась статуя Имраны Заступницы, протягивающей навстречу левую ладонь в дружественном жесте. В туманном освещении гранитное изваяние было будто живым, и Джайре всегда казалось, что она улыбается ей. Сколько надежд было в душе, когда Джайра впервые увидела ее, облаченную в искусно вытесанный скульпторами застывший плащ, словно развевающийся на ветру, в этом великолепном крылатом шлеме без забрала; сколько восторга и безудержной радости просто потому, что она даст клятву этой легендарной воительнице, пускай и всего лишь памятнику. Правая рука женщины, положенная на сердце, все еще где-то в глубине вызывала, как и в прежние времена, сильные чувства, что-то вроде мужества, верности, целеустремленности, и улыбка Имраны не оставляла сомнений в том, что они послужат только благородным целям. На гранитном постаменте даже при слабом сиянии светочей было отчетливо видно надпись: «Не человек должен служить магии, а магия — человеку. Это и великий дар, и большая ответственность. Не искушенный — не злодей, но раскаявшийся достоин прощения». Когда началась Война за Северное Побережье, Ардонию больше некому было защищать, в городах остались только женщины, немощные и дети, тогда и началась Охота на женщин, способных очаровывать своей красотой. С тех самых пор и существуют амазонки. Из года в год, изо дня в день они искали способ вернуть миру все то благое, что он потерял в ходе многочисленных войн и что удалось сохранить им. Вытесанные слова были частью клятвы, которая являлась для амазонок святой истинной во всем. Эту клятву никто не нарушал, но и Джайра не делала этого никогда. Важно то, что тогда Акадия, та самая Акадия, легат, только что получившая звание легиоры и взошедшая на трон верховной амазонки, которая выбрала в свои опционы Джайру, не поверила ей и выдвинула обвинение. Она прекрасно помнила тогда торжество Амрены и ее сторонниц, растерянность Акадии и отчаяние Ксии, еще послушницы, ее ученицы. Страшно подумать, как давно это было — больше десяти лет назад! Хотя по самой Джайре это не скажешь — ее внешность не изменилась благодаря унаследованному эльфийскому долголетию, правда, неизвестно, каким образом оказавшемуся в ее крови, — чего не скажешь о внутреннем состоянии. В один момент все чувства, притупленные временем и долгим скитанием в поисках нового пристанища, вдруг стали острыми ножами, и их ничто не могло вытеснить, уже ничто.

«Странно. И даже обидно. Я хороню свою нынешнюю семью на руинах старой. Говорят,

когда человек теряет свой дом, в мире для него больше нет безопасного места. Где мне теперь искать свой дом, свой безопасный уголок?..»

— Ты помнишь день клятвы? — вопрос Ксии не был внезапным — ее шаги были слышны еще за пару метров от этого места. — В последнее время я часто ее вспоминаю.

Джайра обернулась к амазонке. По внешности ей дашь столько же, сколько и ей самой — лет двадцать, не больше. Волосы цвета опавшей осенней листвы гладко завернуты в ракушку, но, сколько помнила свою ученицу Джайра, одна прядь всегда выбивалась и ложилась ровной ленточкой на правый глаз. Родинка у внешнего уголка левого глаза все еще приковывала к ним внимание. Маленькая ученица выросла. Сколько порывов и сил было сокрыто в душе Ксии, знала только Джайра, и как жаль, что она никогда не откроет их миру.

Амазонка, различив в полумраке татуировку плюща на левой щеке наемницы, устремила взгляд, преисполненный отчаянной верности, на взиравшую на них Имрану.

— Я — амазонка, бесстрашная защитница чести. Я — воин на страже благоденствия мира. Я — странница в поисках счастья народа. Клянусь никогда не отступать от угрозы, какой бы она не была. Клянусь чтить и хранить наветы Протекторов, принимая их за законы. Клянусь вернуть в мир все то благое, что он потерял, в стремлении сделать его лучше. И магия мне в этом поможет, ибо не человек должен служить магии...

— ... а магия — человеку, — закончила Джайра вместе с ней, только получилось как-то слишком мрачно. — Это ты прислала мне синего сокола?

— Да, я. Я послала его, как только смогла — ты же знаешь, в первую очередь нужно было обеспечить безопасность всего поселения...

— Да-да, знаю...

Звон наконец-то умолк, но пение продолжалось, и удары колокола сами собой отзывались в голове. Сглаживало гул только журчание воды из фонтана неподалеку.

— Получила повышение? — Джайра кивнула на плащ Ксии.

Пребывающая в заботливом беспокойстве и нерешительности, Ксия просияла:

— Да, месяц назад. Благодаря тебе, — наемница непонимающе взглянула на амазонку. — Ну, это ведь ты научила меня всему.

Джайра отмахнулась.

— Я дала тебе только основные навыки, до авангарда ты дослужилась сама. Не преувеличивай ценность моих уроков, они стоят столько же, сколько...

— Нет, — с энтузиазмом перебила ее Ксия, — нет, вовсе нет! Ты была лучшей центуорой, все это говорят. Никто лучше тебя не мог оценить баланс меча или предугадать следующий удар противника... Помнишь, как ты меня обучала? — она надула губы и весьма образно поддразнила: — «Перестань думать о моем мече! Думай о своем! И не бойся синяков от ударов — лучше синяки, чем кровавые раны!», — Джайра заулыбалась, узнавая свои слова строгого учителя. Увидев ее реакцию, Ксия продолжала: — «Не зевать! В бою у тебя не будет на это времени!», «Что значит — «попробую»? Либо делай, либо не делай! Врагу ты также будешь отвечать на удары?»...

— Но ведь обучение было не закончено, — уже почти смеясь, прервала ее Джайра. — Ты без меня стала разведчицей, лучницей, копейщицей, стражницей, а теперь вот и авангардом.

— Дело не в этом, — неожиданно Ксия прямо посмотрела в глаза Джайре. — Ты была всем для амазонок. Ты и сейчас многое для них значишь, иначе они бы так бурно не реагировали на твое появление. Ты была единственной, кто мог в одночасье поднять всех и

построить в безупречно ровные ряды, могла поднять парой слов боевой дух на столько, что от своей храбрости начинала кружиться голова. Ты и сейчас нам всем нужна. Останься.

Джайра молча покачала головой, опустив глаза. Ученица все еще возлагала на учителя слишком большие надежды.

Не отвечая, наемница медленным тихим шагом двинулась по сиреневой аллее. Амазонка в ожидании шагала рядом с ней.

— Ты же знаешь, что я не могу.

— Почему? Твоя невиновность доказана, наказание ты уже отбыла сполна: десять лет изгнания — не шутка!

— Преступление не так-то просто выкинуть из памяти...

— Но ведь ты его не совершала, так? — Ксия остановилась, зайдя вперед Джайры и преградив ей дорогу, взяв за плечи. — Ты не могла пойти на такое предательство.

С тем же каменным лицом, что она смотрела на погребальный костер, Джайра смотрела на Ксию. Пение медленно замолкло, даже эхо утихомирилось.

— Я в это никогда не верила, — почти шепотом продолжила амазонка. — Акадия была твоей наставницей долгое время, не могла же ты вот так просто пойти против нее, пойти чуть ли не на убийство. Это не в твоём характере. Ты лучше бы предала себя, чем кого-либо еще.

Вокруг стояла живая тишина, которая бывает только перед самым часом рассвета.

— Вот только почему-то у Амрены нашлись доказательства, — без интонации произнесла наемница. — Спасибо тебе за твою веру в меня, но лучше не возвращаться в прошлое. Сколько бы мы ни говорили об этих ранах, они никогда не затянутся.

С площади кто-то позвал Ксию, но та все еще стояла перед Джайрой, стараясь подобрать слова для утешения. Оставался только последний вопрос:

— И что же ты теперь будешь делать?

Джайра благосклонно улыбнулась.

— А что обычно делают одинокие скитальцы? Что-то вроде «спасают мир от зла»? Не беспокойся, для меня найдется еще немало дел. Тебя зовут, не теми ожиданиями.

Глубоко вздохнув, девушка долгим движением убрала руки с плеч подруги и неохотно пошла на зов, обернувшись проследить, куда та направится.

Территория амазонок располагалась на холмистой равнине, питавшейся от трех полноводных рек: Малей, Эюны, протекающей голубой лентой с Ледяных гор через всю Ардонию на север к Серебряному морю, принадлежащему Бесконечному океану, и ее притока — Дочери Эюны. С любого достаточно высокого холма было хорошо видно не только небольшие долины этих рек, но и всю равнину до самого подножия гор, а южнее слабо мерцала тонкая светлая полоса — заслон от южных земель. На одном из таких холмов неподалеку от площади любила когда-то проводить время в раздумьях бывшая амазонка. Высокое изваяние лучницы в темноте озарялось лиловым светочем, создающим слабую иллюзию движения, впрочем, способную постоянно внушать страх троллям с западного холмистого Удела, куда был устремлен лук амазонки. В тени никто не мог тебя заметить, а предрассветные сумерки предоставляли в твое распоряжение полное одиночество, что сейчас было и нужно Джайре. Как и прежде, устроившись в самом темном углу и обхватив руками колени, она наблюдала за медленно расцветающим небом.

С самого начала все эти интриги среди амазонок казались Джайре бредом сумасшедшего. Ну, как можно было говорить о добродетели, когда за спиной была спрятана

корысть? Что так изменило высоконравственных защитниц мира? Когда это произошло? Момент упущен, с этим ничего не поделаешь.

Но что-то отравляло их разум, заставляло думать о власти. Зачем? Почему? Джайра была уверена, что они бы сами не смогли ответить на эти вопросы, задай их им. Никогда никто и не помышлял раньше о том, как бы самой занять трон, всегда выбирали лучших — тех, кто следовал своей клятве без каких-либо сомнений и ни при каких обстоятельствах не отступился бы от нее. Держать столько ненависти не то чтобы к миру, к кому-то вообще было просто ужасно с точки зрения амазонок, их главным средством достижения благополучия были мирные переговоры, реже — дебаты у барьера. Любое злодеяние вызывало отвращение... Вот почему нарушение клятвы, даже ложное, тогда так сильно повлияло на решение суда амазонок. Такая ненависть никогда не забывается, не поможет даже время. Даже если кто-то простил Джайру, например, Акадия, выказывающая столько внимания на церемонии погребения, отношение уже не станет прежним. А сколько было планов на будущее! Сколько открытых горизонтов! И восстановление разрушенного временем амфитеатра с высокой трибуной в виде дракона, чтобы вернуть ораторские выступления легатов; и приглашение dwarфов для обучения амазонок кузнечному делу; и покупка самых лучших лошадей — из самой Таурии. И много раз в обсуждении участвовала и сама Эврикида, искренне желавшая помочь возрождению былого величия амазонок при Протекторах. Все обратилось в прах, когда Джайру изгнали. Спасибо Эврикиде — она взяла ее под свою опеку, несмотря на все свои проблемы. Когда синий сокол принес Джайре известие о смерти ведьмы, она была в Шерии, ожидая наставницу уже второй день, чтобы отправиться зачем-то в эльфийские княжества, будто бы их там кто-то ждал. Увидев поутру птицу на подоконнике снятой на время комнаты, она даже не подумала, что в письме может быть что-то плохое. Эврикида часто посылала синих соколов, так как ей не хватало терпения сидеть на месте в ожидании и в письмах она называла только конечное место прибытия. Открывая аккуратно свернутый маленький свиток, который уже сказал ей о том, что это не письмо наставницы, Джайра ожидала увидеть там одно короткое слово — название эльфийского княжества или города, где они должны встретиться, но странное чувство тревоги не ошиблось. Мортос. Самый могущественный темный архимаг. Но зачем ему понадобилась ведьма огня? Что ему от нее было нужно?..

— Откуда ты знаешь, что это был Мортос?

— О, мой друг, ответ настолько прост, что я даже не знаю, как тебе его преподнести.

— А, ну да. У вас чем проще, тем сложнее.

— Твой сарказм иногда сбивает меня с толку...

Чтобы сообразить не шевелиться, было всего пара мгновений, но даже их не потребовалось — у наемницы ее уровня это было в порядке вещей, даже в спокойствии она могла сохранять полную неподвижность. Но эти двое могли привлечь внимание своим шумом даже статуи, не говоря о троллях, с чьих территорий они пришли.

— Почему ты вообще меня сюда привел? Как это может мне помочь?

— Ты единственный человек, которого я знаю. Твоя предшественница этого звания сейчас превращается в пепел на том погребальном ложе, как должно любому чародею.

— Почему бы не прийти к амазонкам как подобает твоему сану? В конце концов, можно было пойти с тем пограничным стражем, а я тем временем уже давно бы слушал вести в Октаве.

— Ответ на этот вопрос ты знаешь: эльфов люди не слишком-то любят, что не

заслужено. В отличие от вас мы умеем прощать и развеивать ложные подозрения, в то время как вы кормите свое недоверие беспричинными обидами...

— Вот не надо сваливать на меня тысячелетнее молчание.

— Я ничего про это не сказал...

Эльф присел у правой ноги каменной амазонки, глядя на церемонию похорон. Глаза его удивительным образом даже при лиловом свечении сияли яркой голубизной, какая бывает только у вод Озерного Края. Одевание лучника с витым орнаментом узоров не оставляло сомнений в том, что эльф действительно из Западных Лесов, а не веллиец — у того обязательно была бы татуировка какого-нибудь растения на лице и были бы открыты руки. Светлые, почти белые волосы гладко заплетены в косу — явный признак того, что он принадлежит какой-нибудь княжеской личной гвардии; обычные лучники носили волосы полураспущенными, а пограничники и вовсе их обрезали до плеч. Темную фигуру, появившуюся рядом с эльфом, было трудно разглядеть, но, тем не менее, одно понятно сразу: наемник. Ни гербов, ни нашивок, ни насечек; не разобрать, откуда он, только если не присмотреться к внешности, к лицу. Прямой нос с заостренным кончиком, миндалевидная форма глаз, острый подбородок и волосы цвета горячего шоколада, как и плодородная земля его родины, — южанин.

— Ты уверен, что нас не заметят? — судя по голосу, звучному и даже при шепоте казавшемуся кричащим, он не совсем простой наемник; был когда-то солдатом. Но что-то было в нем еще...

— Уверен, как и то, что скоро рассветет, — голос плавно меняет мелодичность — певец. — Смотри. Они все на погребении. Вон там, у желтого светоча, должны быть разложены вещи ведьмы.

Джайра встрепенулась. «Что за наглые воры!»

Наемник издал смешок, отдающий легкой паникой.

— Что? Над чем ты смеешься?

— Ты серьезно думаешь, что нас не заметят? Точно так же ты мне это говорил, когда мы пытались пройти мимо троллей. Помнишь, чем это обернулось? — он потрепал свой плащ с огромной дырой внизу. — Думаю, здесь одними дубинами и когтями не обойдется.

— Что ж, я мог с этим делом справиться лучше, — эльф скромно пожал плечами и уже подался вперед, как наемник его остановил, зацепив рукой за капюшон.

— Поэтому в этот раз я поведу.

— Но ты же не знаешь местность.

— Для этого не обязательно знать каждый куст.

Боковым зрением Джайра увидела, как наемник осмотрелся. Мало кто знал, что боковое зрение может показать намного больше, чем прямой зрительный контакт. Эта старая хитрость известна в основном Искателям и некоторым Стражам, среди наемников мало кто понимал смысл этой уловки. И... вот оно! В волшебном свете его глаза показали тайну наемника, которая ускользнула от Джайры вначале. Всего одно мгновение и слабый красный отблеск в глазах.

«Некромант».

Так и не заметив ее, оба странных вора начали спуск с холма, издавая только тихий шорох, как если бы это рыскали охотничьи ищейки. Только вот кто же их подослал?

Озерный эльф и некромант. Не кажется ли не вполне естественным такой союз? Да наплевать, если бы они сейчас сообща не подбирались к вещам ведьмы с какими-то своими

целями. Они явно знали убитую, иначе зачем им все это? Знакомство этого эльфа с Эврикидой еще можно объяснить, но вот наемнику, да еще и некроманту здесь не место. Его убили бы и в деревенском захолустье, травили бы собаками, а потом позвали бы Искателя или Стража завершить дело; амазонки не исключение. В обычной ситуации навряд ли бы кто-то стал так рисковать ради каких-то безделушек... Возможно, они даже знают разгадку тайны.

В голове отдавался гулом торопящийся стук сердца. Встав во весь рост, Джайра, почти не дыша, наблюдала за их передвижением. Всего пару метров до желтого светоча! Тоже видевшая крадущихся по холму посторонних, им наперерез бежала Ксия, выпутываясь из перевязи маленького амазоничьего рога.

— Не успеешь.

Некромант оставил эльфа в тени бука, самостоятельно перебравшись за спинами амазонок к светочу.

— Ловко.

Еще немного. Даже если бы Ксия успела протрубить тревогу, эльф мог за пару мгновений забраться на дерево, а некромант — спрятаться за светочем, пока бы амазонки соображали, что происходит. Даже если бы некроманта схватили, он бы успел взять то, что хотел.

— Ну же!

Некромант делает шаг назад, оборачивается к эльфу. Ксия мешкает, видя напряженно стоящую на холме Джайру. Но что делает эльф! Какого демона он вышел на свет! Кажется, он подает какие-то знаки некроманту, и тот устремляется призрачной тенью снова к холму, но останавливается в немой растерянности, видя на своем пути не замеченную ранее ими наемницу. Ксия исполняет свой долг — по долине разносится тревожное гудение рога. Моментальная реакция стражниц не оставила вора даже шанса скрыться, не то чтобы сбежать. Ксия стояла на том же месте, где наконец-то смогла снять рог с пояса, и в недоумении поглядывала то на схваченных воров, то на Джайру, раздосадованную и ослепленную проснувшимся солнцем. Убирая руку от глаз, она вспомнила старую поговорку, часто слышимую ею от наставницы:

— Бесплезно ловить удачу за хвост, если капканы ставила не ты.

Чего они этим добивались? Просто лазутчика-эльфа Акадия бы еще пощадила в силу союза амазонок с эльфами, но не вора, вора драгоценного имущества ее сестры. На благополучный конец нечего и надеяться. Но что им было нужно в вещах ведьмы огня? Сколько помнила Джайра скудный, но уникальный запас Эврикиды, он был всегда неизменен, и ничего особо ценного там не было. Во всяком случае, ответ на этот вопрос уже не узнать.

С холма можно сразу спуститься к коновязи, где ожидал ее не расседланный Ворон, жеребец из Таара, верный спутник многих путешествий наемницы. Если бы не недовольное фырканье и раздраженное дрожание, в еще не отступившей темноте его было бы не разглядеть — редкая в восточных породах лошадей вороная масть имела интересную особенность не давать отблесков во мраке. Еще будучи безымянным, конь предназначался в конюшни султана, но пришелся по вкусу ассасину-«око» по прозвищу Безымянный и был украден в первую же ночь на новом месте. Надо отдать должное мастерству ассасина — пропажу обнаружили только ближе к обеду. Еще бы, ведь это была Джайра.

Подойдя к коню, наемница проверила подпругу.

— Что за ребячество...

Послушницы, любящие заплетать и украшать ленточками гривы и хвосты местных лошадей, уже успели поработать и над Вороном, из-за чего он и ворчал, не давая спать соседям. Успокаивающе похлопав любимца по мощной шее, Джайра беспощадно оборвала ленты и распустила косы. Конь благодарно встряхнулся, снова все разлохматив и вызвав кривую улыбку хозяйки. Рядом с коновязью лежала расшитая походная сумка из кожи таурийских варанов, отлично сохраняющая прохладу для еды, которая тоже тут имелась. Заботливая припасливость Ксии.

— Благодарю, но у меня есть все, что нужно, — заранее услышав шаги амазонки, Джайра похлопала по своей седельной торбе из кожи серых дахавских кобр. Ксия вздохнула, опустив руки.

— Да уж, твое снаряжение гораздо лучше, чем могут предложить амазонки.

— В этом-то и вся прелесть свободного наемника, — лукаво улыбнулась Джайра. — Твоя сумка, впрочем, может пригодиться... если бы ты согласилась поехать со мной.

Ксия изумленно уставилась на Джайру, даже не предполагая такого предложения от нее. Наемница решила не упускать шанса вытащить способную ученицу на свет.

— Подумай хорошенько, прежде чем отказываться. Ты даже не представляешь, сколько возможностей ждет тебя за воротами заставы. Понимаю, я тоже раньше наивно думала, что внешний мир не пригоден для жизни, поэтому и ненавидела Эврикиду поначалу за то, что она заделалась моим тюремщиком. Но именно она и стала моей путеводной звездой и помогла мне стать такой, какая я есть. Вот и ты не упускай свой шанс стать кем-то большим, стать лучше...

— Ты, думаешь, стала лучше? — неожиданная резкость подруги одновременно и ошарашила Джайру, и подтвердила ее предположения. Наемница, отвернувшись, ухмыльнулась. — Ты стала жестокосердной, недоверчивой, упрямой до предела — и это ты называешь улучшением? У меня другое мнение на этот счет.

— Что ж, ты вольна сама выбрать свою жизнь, — игриво ответила Джайра. — Смотри, только не ошибись... Кстати. Странно, что ты не присматриваешь за теми ворами.

Снова вздох. Это уже начинало раздражать.

— Ну, что там опять? Говори живее — я хочу сейчас же уехать.

— У тебя не получится, — наемница уже затаила дыхание, ожидая наихудшего. — Акадия отдала приказ не выпускать тебя из поселения без ее разрешения.

Вот это и было наихудшим — последние попытки верховной амазонки удержать бывшую подручную не убеждениями, так силой.

— Неужели она думает, что я так легко подчинюсь? — Ксия, в отличие от Ворона, не привыкшая к таким внезапным взрывам гнева, вздрогнула и только через пару морганий сообразила догнать Джайру, порывисто направившуюся во Дворец Справедливости.

По дороге им нужно было пройти мимо толпы стражниц и авангарда, обезоруживающих и связывающих пленников, впрочем, совсем не сопротивлявшихся, особенно некроманта, который всем своим видом показывал полное смирение с участью, будто он был отнюдь не против смертной казни. Если по внешности эльфов всегда было сложно определить их истинный возраст, то у некроманта можно было хотя бы назвать тот возраст, во время которого его настигло проклятье. Лет двадцать, может на пару лет больше. Обоих можно назвать ровесниками Джайры и Ксии. Тогда как эльф пытался в чем-то вразумить амазонок, наемник безмятежно осматривался по сторонам, по всей видимости, считая эти пейзажи

последними, что видит в своей жизни. Поэтому не было странным то, что он обратил внимание на двух воительниц, почему-то не участвующих в аресте.

— Что ты собираешься делать? Разнести до руин Дворец Справедливости?

— Нет, ей это будет только на руку, если я покажу свою силу. Я поступлю так, как того от меня ждут они.

Ксия помолчала пару секунд, но ничего не смогла придумать.

— А они ожидают предательства?

— Нет, но почти.

— Но подожди! Так же нельзя!..

Проходя мимо связанных воров, Джайра глянула на некроманта, вдруг сосредоточившего все свое внимание на наемнице и слегка щурившегося, будто что-то припоминая. Может быть, и она бы что-то вспомнила, но отмахнулась от этих ненужных сейчас мыслей. На первом плане была цель успеть к Академии до того, как к ней приведут воров, иначе та придумает еще миллион и один повод задержать Джайру. Даже если она использует суд как средство своих намерений, Джайра сумеет извлечь из этого и свою выгоду. Но все же интерес к оружию, изъятому у лазутчиков, оказался на короткий миг сильнее интереса поскорее покинуть поселение раз и навсегда.

Странно и даже немного страшно видеть оружие в руках того, против кого оно создавалось. Это как если бы медведь ставил капканы в лесу для других медведей. Как бы это абсурдно ни казалось, но именно такие сюррикены, один из которых был у некроманта, предназначались для истребления нечисти. Заколдованные некогда волхвами и благословленные триумвиратом Сакротума, большей частью они принадлежали экзорцистам. Но даже этот сюррикен был слишком большой для метания подобно дротикам или ножам. Скорее он был похож на бумеранг с шестью зазубренными лопастями. «Хорошее прикрытие». Джайра снова взглянула на некроманта. Тот, видимо, задев у кого-то из амазонок позолоту на доспехах, — один из «благородных» металлов, почитаемыми за совершенный материал для оружия против зла, — отдернулся как от ожога, привлекая этим внимание. «Не повезло». Теперь это оружие борцов со злом только ухудшит его положение.

— Джайра, это просто глупо! — пыталась остановить ее Ксия. — Ты сама идешь на приманку! Идешь в ловушку! Беги, пока не поздно...

— Я не хочу снова убегать отсюда, как тогда, хоть бы раз уйти спокойно и без спешки.

Тяжелые витражные двери, словно внезапным порывом штормового ветра, распахнутые Джайрой, впустили в затаившуюся синеву Дворца Справедливости бурю сверкающих пылинок рассветного солнца. Неразборчивое эхо оборванного разговора улетало под своды пламенеющего купола и сгорало в неподвижной тишине. Так же неподвижно стояли легаты, чьи недоверчивые взгляды были обращены на нарушительницу всеобщего спокойствия. Тогда как Ксия осталась стоять в проеме, оглядываясь на лестницу и наблюдая за приближающимся шествием, Джайра медленно пошла навстречу ледяным глазам, казавшимся одинаковыми синими звездами. Верховная амазонка восседала на троне подобно величественной статуе, только не как Имрана, а как застывший правитель древности, с абсолютно ничего не выражающим лицом, но глаза горели ярче, чем у стоящих ниже, у пьедестала. Амрена все же стояла выше остальных — на первой ступени. Реакция на появление Джайры была слишком острой, чтобы ее не заметить и не понять сразу же, о чем могло бы рассказать утихшее эхо. Напряжение, однако, выдавали только сжимавшие подлокотники руки Академии.

— Как интересно, — произнесла Амрена, — ходячее преступление само явилось на свою казнь.

Остановившись у подножия пьедестала, Джайра молча перевела взгляд с Акадии на Амрену. Свет рассвета падал только на наемницу, раскрашивая ее в настоящие цвета, а не синь.

Легат продолжала:

— Обычно чужаки приходят во Дворец Справедливости по одной из двух причин: либо у них есть какое-то послание к легиоре, либо их здесь ожидает смерть...

— Она здесь не чужая, — отозвалась Акадия. — На твоем месте должна стоять она.

С шумом вдохнув, Амрена резко обернулась к трону. Джайра все так же молча созерцала всю эту ссору — пусть лаются между собой, ей это не нужно.

— Мы все равны перед Небом, — примирительно произнесла одна из легатов, — и не время сейчас выяснять, кто на своем месте, а кто нет.

— Но изменникам здесь не место!..

— Невинность давно доказана...

— И что с того? Хотите сказать, после десяти лет изгнания павшая амазонка может свободно передвигаться по поселению?..

— Дело даже не в преступлении...

— Вот именно! Вся ее сущность и есть преступление...

— Довольно! — воскликнула Акадия. — Прекратите этот балаган!

— Но ведь начала его ты, — прошипела Амрена, — исправляй сама свою ошибку, или тебе уже не достаточно своих сил?

Ползущий пожар с купола упал на лицо Акадии, медленно сжигая синеву.

— Следи за своими словами, легат, — громовым голосом ответила верховная амазонка. — Пока легиора здесь я, никто не в праве говорить мне о бессилии. Будь сильнее ты, Амрена, все обстоятельства сложились бы иначе, — переведя взгляд на Джайру, она смягчила тон. — Джайра здесь на правах гостя и может свободно передвигаться по поселению.

— Только гостей не запирают на замок, — голос Джайры всех привел в растерянность, как и в те времена, когда она была амазонкой. Только одно ее слово могло поменять ход мыслей у всех.

— Пока мы не решили проблему...

— Ваши проблемы меня не касаются, — снова перебила верховную амазонку наемница. — Без меня вы их решите даже скорее, потому что все решаешь только ты одна. Так отпусти же меня!

Зал постепенно заполнили амазонки, окружившие клетку с пленниками. Единственным пожарищем в зале оставался только трон легиоры, все остальное уже приняло свой истинный цвет.

Немного оторопев, Акадия растерянно оглядела зал.

— Отпусти меня!

На короткое время все затихли, ожидая ответа верховной амазонки. Нервно поведя плечами, она произнесла:

— Мы решим это после суда. Дождись своей очереди.

Вздыхнув, Джайра едва слышно прошептала:

— Может, я и подожду, но ты можешь горько пожалеть, что не сделала сразу то, о чем я

прошу.

Амрена презрительно усмехнулась:

— По-моему, ты не в том положении, чтобы кому-либо здесь угрожать.

Уже повернувшись и сделав пару шагов к общей толпе зрителей суда, Джайра обернулась к легату. Двух секунд хватило, чтобы Амрена сдалась в борьбе взглядов.

— Я никому не угрожаю, опасность исходит не от меня. Я лишь предупреждаю.

Даже среди огромного количества людей, среди которых то там, то тут кричал яркостью алый цвет, Джайра была слишком заметной фигурой, несмотря на то, что цвета ее одежды были куда скромнее: черный, серый, местами белый, глубокий зеленый, изношенный почти до бурого. Все амазонки держались в стороне от нее, все, кроме Ксии.

— Я говорила тебе. Но ты меня не послушала...

— Достаточно, Ксия.

— Но я права.

— Да, ты права, но для меня достаточно. Хорошо?

Амазонка вздохнула, упрямо покачав головой и сложив руки на груди.

— И почему ты всегда поступаешь по-своему, а не как нужно?

— Я же сказала: достаточно. Я хочу послушать, что скажут эти двое.

— То, что они скажут, ничего не изменит.

Джайра скептически пожала плечами.

— Откуда ты это можешь знать? Жизнь не предсказуема, на то она и жизнь.

Даже если бы не начался суд, Ксия все равно не нашлась бы, что сказать на хитрую ухмылку подруги.

Началом суда послужили с грохотом захлопнувшиеся двери. Все амазонки, как один механизм, двумя шагами построились в ровные ряды, грозно глядя на преступников. Затем наступила напряженная тишина, и на несколько секунд все услышали тихий разговор воров.

— ... договаривались, Херон. Я не нашел там ничего, о чем ты мне рассказывал.

— Ну, не могла же Эврикида прийти в княжества с пустыми руками?

— Также, как и не могла позволить Мортосу заполучить его.

Оба переглянулись.

— Уверен, мы близко к цели. Кто-то из ее близких должен что-то знать.

— Почему-то я в этом не уверен.

Слишком спокойно. Слишком спокойно они ведут себя. Какой общий план мог быть у этих двоих? И так понятно, что у эльфа могут быть гораздо большие планы, чем просто что-то украсть. Но эльфы не такие: они ни за что не подставят тех, с кем действуют сообща, — слишком благородные. А еще они говорили о Мортосе. Кого это некромант высматривает в толпе?..

— Кто вы такие? — проговорила Акадия. — И по какому праву вы незаконно проникли на нашу территорию? Даже более того: вы покусились на собственность одной из нас.

— Приветствую вас, Акадия Антиварра, верховная амазонка и легиора, — отвечает эльф, значит, это он верховодит в этом дуэте. — Я Херон Аэленилл из Храма Западных Лесов, а это Фарен... наемник из Южных Провинций. — Что это за пауза? Почему он запнулся и не назвал имя его рода? Вообще что-то странное. — Нас не пропустили через заставу, поэтому пришлось пойти в обход, через Удел Троллей, чтобы попасть к вам. Мы просто хотели увидеться с ведьмой стихий Эврикидой Антиварра, но, узнав о ее смерти, решили прийти на церемонию погребения...

— И украсть ее вещи? — воскликнула Амрена. — Очень веская причина для вашего вторжения.

— Нет, вы не так поняли нас. Она должна была передать нам одну вещь на хранение, но не успела.

— И что же это за вещь? — Акадия не переставала следить за Амреной, стараясь не дать ей опередить себя. — Что за вещь может быть нужна и эльфу, и некроманту?

По залу пробежал ропот презрения. Стражницы у клетки крепче сжали древко копий. Пленники обменялись разочарованными взглядами. Некромант что-то шепнул храмовнику, и, судя по его выражению лица и движениям губ, его слова были «Я же говорил».

Эльф замешкался. Некромант тем временем перестал озираться по сторонам и остановил взгляд на Джайре. Ничего не опасаясь, она так же смотрела прямо на него. Для наемницы казалось подозрительным такое спокойствие прямо на пороге смерти, почему он полностью полагается на храмовника. Его прямой не скрывающийся взгляд был вполне объясним: она была здесь единственным человеком не в амазоничьих доспехах, единственной посторонней. Даже в каком-то смысле вместе с ним в одной клетке, прутья из металла не в счет. Только у нее есть преимущество — симпатия Акадии, хоть и своеобразная, против него же было настроено все и вся. Надежды не было ни на что, тем более на эльфа, такого же пленника, как и он. И все же по отношению к Джайре интерес был слишком не прикрытым, слишком наглым.

— О, ты только посмотри на него, — шептала Ксия едва слышно. — Все эльфы излучают такую гармонию? Даже когда злятся?

Джайра возвела глаза к куполу.

— О Небо... Ксия, меня сейчас замутит от твоего простецкого благоговения перед эльфийской красотой. Поверь мне, все это только маскировка их пытливого и изобретательного ума. Ты даже не заметишь, как он тебя очарует высокопарными речами.

Ксия фыркнула.

— По твоим словам даже добро — это темное дело в пользу чьей-то выгоды.

— А разве не так? — ухмыльнулась наемница. И до Ксии вдруг дошло, что затевает хитроумная искательница приключений, но помешать ей не сможет никто.

— ... Даже если бы у меня было такое право, я не мог бы вам сказать, что это за вещь.

«Глупец».

— Пожалуйста, во имя добродетели позвольте нам взять то, что для нас предназначено, и уйти с миром.

«Вдвойне глупец».

— Или что? — Амрена приблизилась к клетке вплотную. — Обычно после таких слов следует угроза.

— Нет, я...

— Только понимаешь ли ты, что сейчас одинок в этой игре интриг и шантажа? Тебе даже откупиться нечем. О тебе, чудовище, я вообще молчу — твоя судьба определена твоей же уродливой и кровожадной сущностью...

— Тогда твоя судьба — низость провокаций и бесконечная борьба за власть жалкими средствами.

Джайра тихо усмехнулась. Этот наемник хорошо видит скрытые конфликты и мотивации людей. Надо быть поосторожней с его проницательностью. «Однако, какой остряк».

Смешно было наблюдать, как поражена была легат, но, в то же время, ее негодованию не было предела, и все это смешивалось в нелепую растерянность. Тем временем, легиоре принесли оружие пленников, и она просто не могла не обратить внимание на сюррикен.

— Что это за оружие? Говори, некромант.

Не успел южанин и рта раскрыть, как снова встрял эльф:

— Я прошу вас, послушайте меня! Эта вещь может оказаться надеждой на спасение всего мира! От имени Кворума Западных Лесов я прошу вас...

— С Кворумом у нас договор, — осердилась Акадия, — но это не означает, что любой эльф может тайно проникать на нашу территорию и брать все, что ему заблагорассудится! Если вас не пропустили через заставу, значит, посчитали вас недостойными находиться здесь. Может, некроманта и не распознали в этом темном человеке, но о нем очень многое могло сказать оружие. Я никогда такого не видела, но, судя по той магии, что живет в нем, оно предназначено служению мраку...

«Она ожидает от меня подчинения», — Джайра внимательно наблюдала за ходом событий. — «Они хотят видеть во мне чудовище не хуже этого некроманта. Что ж, ни один из вас ничего не получит...» — с холодным огнем в глазах наемница вступила на сцену.

— Я видела такое оружие, — Акадия заметно забеспокоилась, тогда как Амрена нашла цель для своего гнева. — Оно предназначено в услужение Искателям, реже — Стражам. Ничего особенного, кроме абсолютной точности попадания в цель без единого промаха.

Мысль о том, что оба лазутчика напрямую связаны и с ее наставницей, и с темным магом, не давала Джайре оставить без внимания клетку. Встав чуть ближе к пленникам, она подперла руками бока, с вниманием хищника ожидая продолжения событий. За спиной снова раздался шепот воров:

— Это она?

— Да. Ума не приложу, откуда она взялась на холме.

— И ты возлагаешь на нее последнюю надежду?

— Да, — уверенно ответил после короткой паузы некромант. — Она знает, на что идет — видно по ее движениям...

Прищурившись, Джайра подозрительно посмотрела на них. Некромант, хоть и понимая, что их разговор услышан, не менял своего интереса к ней. Что ж, теперь хоть понятно, чем он обусловлен. С некоторой точки зрения было предательством своих же приоритетов помогать этим чужакам, идя против воли амазонок, но оно того стоило — в отличие от Акадии, она сможет выведать их заговор, ведь она это умеет лучше всего.

— Я просила тебя дождаться своей очереди, — предупреждения Акадии были небеспочвенны — Амрена уже съела наживку.

— А я и дождалась, — полуулыбка на лице Джайры не сулила ничего хорошего, это знали все амазонки. Хорошо, что ее намерения были во благо этим двоим. — По законам амазонок оба вора — и некромант, и эльф — должны быть повешены. Но их судьба также может разрешиться поединком.

Напряжение настолько было велико, что амазонки забылись и начали переговариваться друг с другом, не веря своим ушам.

— Так как я здесь на правах гостя, — выдох удивления легиоры ни от кого не скрылся, а Джайра беспощадно продолжала диктовать свои правила, — то имею полную свободу действий. Я встаю на защиту этих двоих. Кто будет защитником от обвинителя?

Не дожидаясь ответа, наемница сразу вопрошающе взглянула на Амрену. Это был явный

вызов, дерзкий и даже наглый.

— Как ты можешь встречать в справедливый суд амазонок! — воскликнула легат. Глаза горели яростью, ноги будто сами шли навстречу противнице. — Ты не заслуживаешь доверия, а лезешь в дела сената!..

— Так я и знала. Не надо разводить тут ораторские речи, Амрена, — вздохнула Джайра, — лучше сразу выдвини свое обвинение и мы квиты, а то ты опять всех утомишь своими бесполезными возгласами, как тогда, десять лет назад.

— Да как ты... Ты, лживая наемница! Ты уже не амазонка только из-за того, что встаешь на сторону этих сопляков!..

— Ну и что? — с усмешкой произнесла Джайра. — Я пользуюсь своими правами, только и всего. Тем же самым занимаешься и ты вот уже с десятков лет, разве нет? А вот насчет амазонки — я давно уже не вхожу в сенат твоими заботами, так что этим меня не удивишь и уж тем более не испугаешь, — глаза Джайры горели как у демона, искушающего свою жертву. Только вот жертва давно была искушена, и не надо было прилагать особых усилий, чтобы вызвать ее на новое грехопадение, на этот раз — фатальное.

— Ты не считаешься с интересами своего же племени!..

— Раз я не амазонка, так зачем же мне считаться с чьими-то интересами? И уж тем более с твоими...

— Ну, всё! — не выдержав, Амрена вынула меч из ножен и, направив его на Джайру, вышла в центр зала для поединка. Джайра добилась своего и тихо торжествовала. — Меня достали твои выходки! Ты не заслуживаешь ни уважения, ни чести! Отбывая всего лишь наказание, ты променяла нас, амазонок, на тот мир, что безжалостно уничтожает все высоконравственное и благоволит всем низостям. В друзьях у тебя чародеи, воры и убийцы вместо соплеменниц. Как же низко ты пала!

— А вот это уже открытое оскорбление. Если ты хотела сразиться со мной, так бы сразу и сказала, а так я только потеряла с тобой драгоценное время. Так ты хочешь биться со мной, выступаешь в качестве защитника обвинителя, я тебя правильно поняла?

В ответ Амрена издала что-то, похожее на рычание зверя.

— Ну, что ж, защитники обозначены, пленники у всех на виду и их преступление известно всем, осталось только начать поединок. Бьемся насмерть? Я предлагаю до первого поражения.

Амрена свирепела на глазах, становилась разозленным хищником, показывая свою сущность жадности. Легаты начали ее сторониться.

— Для тебя все это — лишь игра, — срывала голос амазонка, — и тебе даже в голову никогда не придет, что твои дерзости могут погубить огромное количество жизней! Все свои ошибки ты скрываешь за ложью, за своим лицемерием и превращаешь все в фарс!

Демонские огни в глазах Джайры превратились в холодное пламя контролирующей себя ненависти. Желание проучить давнюю обидчицу было не преодолимо.

— Роковая ошибка с твоей стороны — так думать обо мне. Не знай я, что такое смерть и что такое жизнь, у меня бы не было этой метки, — она указала на татуировку в виде плюща, расплзающегося вокруг левого глаза. — Не пройди я путь воина как свое единственное предназначение, которому следуют тагари, я бы не выжила в том мире, что столь огромен и великолепен по сравнению с вашим жалким клочком земли. Не пройди я полмира, не изучи я столь многогранные сознания народов, я бы так и осталась ограниченной своей одряхлевшей идеологией, забыв уже, что это всего лишь слова, а не настоящее дело. А ты,

Амрена? Что постигла ты за эти десять лет полной отчужденности от реальности, строя свои глупые планы? — амазонка просто испепеляла взглядом наемницу, онемев. — Ничего! Ты осталась такой же недалёковидной неудачницей, прикрывающейся спинами других при случае. Но теперь-то ты одна, прятаться больше не за кого, даже за свой амазоничий сан — ведь у меня ранга нет, а значит, равняться с тобой я могу только по силе, и я гораздо сильнее тебя. Признай это, чтобы не погубить саму себя, и я уйду с миром, забрав этих пленных под свое покровительство.

Когда-то очень давно, будучи угнетенной и в полном отчаянии, Джайра мечтала и предвкушала этот день, когда она покажет всем, что они потеряли и что с ней лучше не враждовать — она всегда найдет средства против обидчика, но сейчас этот момент казался ей самым горьким разочарованием в жизни. И большой глупостью, в какой-то мере. Вспылить из-за такого пустяка, как Амрена, да еще и усилить это чувством утраты наставницы и чувством скрытого превосходства, которое лучше никому не показывать, ведь это может оказаться слабостью, которую используют против тебя... Но у амазонок, ограниченных донельзя моралью, конечно, не хватит ума на такую тонкую хитроумную игру, именно поэтому они сейчас подавленно молчали, осознавая, что перед ними стоит то самое чудовище, которое они и хотели увидеть в бывшей соплеменнице. Только оно вызывало у них не омерзение, как этот бедняга некромант, а ужас. Кто бы мог подумать, что только один человек может утратить такое количество людей. В этом был свой смысл...

Поругав себя в мыслях за такую неосторожную выходку, Джайра не оставила без внимания испуганные лица зрительниц. Даже Ксия была подавлена. Где-то в глубине даже зашевелилось что-то злобное, обиженное когда-то этими людьми... Но не время злобствовать — это выглядело бы как-то мелочно и низко, нужно было вытащить этих пленников и собственноручно вырвать из них правду, пускай это будет стоить жизни Амрены, она давно нарываётся.

Отстегнув плащ, легат взмахнула мечом и встала на изготовку перед Джайрой.

— Ты всегда превозносила себя, — изрекла она. — Будто ты высшее существо, а все остальные ничего не стоят. Даже сейчас, когда ты одна, за твоей спиной нет никого, кто бы тебя поддержал хотя бы словами пожелания удачи, ты продолжаешь вести себя так же высокомерно, как и прежде. В этом вся ты, в этом все отвратительное, что в тебе есть. Даже если я потерплю поражение, ты останешься уродом среди людей.

С воинственным кличем Амрена понеслась на Джайру. Усмехнувшись словам амазонки, наемница с легкостью парировала удар, даже не вынимая меч из ножен. Все удары и тактика легата были хорошо известны Джайре, предсказуемы и даже не волновали кровь горячей атмосферой схватки. Долгое время наемница с усмешкой на лице и с дьявольским блеском в глазах, преследующим взгляд соперницы, просто уворачивалась от атак амазонки, не применяя особых усилий и не тратя зря энергию, тогда как Амрена выдохлась уже после первых минут боя. Исход схватки был предопределен, это понимали все, но каждый с затаившимся дыханием наблюдал за танцем двух воительниц. Наконец, Джайре надоело отмахиваться. Уклонившись от очередного удара, она легкой подсечкой свалила с ног легата, раскинувшую руки и пораженно глядящую на купол. Издав короткий смешок и покачав головой, Джайра склонилась над ней, произнеся:

— Ты так ничего и не поняла. Твое поражение очернит мою репутацию у амазонок, и только. Но я давно уже вам не принадлежу, как и вы мне. Я не стремлюсь завоевать ваше расположение — оно мне не нужно. Потому что у меня есть гораздо большее, чем вы можете

мне дать. Я могла бы с вами этим поделиться, но вместо дружелюбного приветствия и гостеприимства вы чуть ли не хотите сжечь меня на костре как чародея, или же подчинить себе, пускай даже насильно, — она исподлобья глянула на Акадию, понявщую намек и нахмурившуюся. — Но я тоже человек, у меня свои предпочтения, — повернувшись спиной к Амрене, словно пренебрегая врагом, Джайра отошла на пару шагов к клетке, не подавая виду, что она прислушивается к происходящему за спиной. — Пойми, Амрена, мне не нужна твоя смерть, мне она никакой пользы не принесет.

Вскочив, амазонка, выполнив сложный акробатический трюк, чтобы обмануть чутье наемницы, сделала выпад прямо в сердце, но реакция и скорость противницы оказались намного быстрее. Снова уйдя от атаки, она оглушила амазонку и выбила меч у нее из рук. Пытаясь привести в норму равновесие, Амрена обескуражено уставилась на Джайру.

— Признай свое поражение. Это удобный выход для тебя, — без капли угрозы проговорила наемница. — Ты сама сказала: я в любом случае в проигрышной ситуации, зато ты останешься жива.

Все еще переводя дыхание, Амрена склонила голову. Джайра самодовольно улыбнулась: — Вот и умница.

Так и не обнажив оружия, Джайра снова направилась к клетке с пораженными пленниками. «Еще одни... У этих хотя бы нету страха в глазах...» За спиной послышался слабый свист рассекаемого воздуха, впрочем, вполне ожидаемый для Джайры. С моментальной реакцией она резко ушла в сторону и, круто повернувшись, выставила Шип, клинок ассасинов, спрятанный в левом наруче. Эффект был ошеломляющим. Все еще стоя рядом с ней, Амрена была поражена. Рука Джайры будто останавливала ее, ладонью лежа на левом боку. По расшитой рубашке амазонки медленно расплывалось пятно цвета вина.

— Я предупреждала тебя, но ты меня не послушала. Я дала тебе выбор, ты вновь решила остаться равнодушной к опасности. Не бойся, я тебя не убила, но это будет тебе уроком хотя бы того, почему нельзя нападать со спины. И проигрывать тоже надо уметь.

Ее рука слегка дрогнула будто от толчка, одновременно звякнул Шип, возвращаясь на свое место, и пошатнулась Амрена, попятившись назад. Рана была действительно не смертельна, но могла вывести ее из строя на довольно длительное время. Несколько мгновений движение в зале создавала только наемница, дошедшая до клетки и открывшая замок на ней. Наконец, зашевелились легаты.

— Стой!..

— Ты не уйдешь от правосудия!..

— Замолчите! — голос Акадии перекрыл все остальные выкрики, немедленно их прервав. — Это был честный бой, она заслужила право спокойно уйти.

Джайра фыркнула про себя: «Хм, заслужила... Даже право дышать воздухом у них нужно заслужить». Тем не менее, она повернулась к Акадии, встретившись с ней взглядом, и грациозно поклонилась, не без гордости. Теперь на лице легиоры читалась скорбь, утрата чего-то важного, но Джайре уже не было до этого дела. Слишком много времени в пустую пришлось потратить, чтобы показать этим одичалым воительницам, что не им с ней тягаться. Толпа без препятствий пропустила ее с пленными к выходу. Эльф тут же принялся за благодарности.

— Спасибо вам огромное! А вы друг Эврикиды Антиварра? Вы не представляете, как мы вам благодарны! Я просто не могу себе представить, что бы с нами было, не будь вы здесь!..

— Сделай мне одолжение, — вдруг произнесла Джайра.

— Все что угодно!

— Можешь помолчать?.. Идите за мной.

За спиной наемницы уже вновь назревала ссора. Амазонки обступили Акадию:

— Как ты можешь так просто отпустить эту преступницу! Она заслуживает кары, еще большей, чем прежняя.

— Она должна последовать за своей наставницей. Только туда ей и дорога!

— Замолчите! — в гневе Акадия была очень похожа на Эврикиду — от такого тяжелого и гнетущего взгляда любому мир мог показаться с игольное ушко. — Я не желаю опять выслушивать чьи-то обвинения и требования. Оставьте меня в покое...

Амазонки будто не слышали ее. Первой подала голос Амрена, в сознании которую держал гнев:

— Верните Джайру... Мы не закончили с ней. По всем ардонским законам она должна быть казнена.

Только настоящие властные люди, достойно несущие свое могущество, могли одним малейшим движением обратить взоры всех к себе и внушить повиновение. Акадия медленно поднялась с трона и сошла к поверженной амазонке.

— Пока здесь правлю я, никогда женщина не будет казнена амазонками, тем более — Джайра. Каков бы ни был закон, он не дает нам права забывать напрочь о милосердии и заступничестве. Только попробуйте тронуть ее, начать на нее охоту, подвергнуть анафеме амазонок — сами отправитесь в ад...

В это время Джайра уже с триумфом вышла из дворца. Ее догнала Ксия и пошла рядом.

— Ты сумасшедшая, — прошептала она ей. — Теперь они тебя будут преследовать. Зачем тебе эти двое? Неужели ты хочешь завести себе слуг?

— Что ж ты не сказала «рабов», ведь это более подходящее слово для амазонок...

— Прекрати! Я не хочу с тобой ссориться! Это не я сказала, что ты... Джайра, я просто не могу тебя понять. Зачем ты это сделала?

— Я уже говорила тебе: я не хочу нарушать спокойствие твоего сна и мыслей, рассказав все мои сокровенные тайны. Тебе лучше отойти от меня — чего доброго они еще и тебя презирать будут.

— Что ж, если они так подумают на меня, то мне на них наплевать. Но вот что ты с ними сделаешь?

Обе взглянули на некроманта и эльфа, прислушивавшихся к их разговору.

— Для начала — выведу их из поселения...

— Спасибо за хлопотливость, — прервал ее некромант. Джайра встала как вкопанная, со смешанными чувствами слушая наглого вора, — но, думаю, мы сами сможем за себя постоять.

Повернувшись к нему, она встретилась с ним глазами. «Какой вежливый! И это наемник? Да никогда в жизни я этому не поверю. Как бы его раскусить?.. Эльф тоже хорош — быстро меняет маску с молящего просителя на раболепного должника». А некромант продолжал, глянув на эльфа — дал знак не встречать:

— Нас только интересует, не оставила ли ваша наставница что-либо особенное после себя? Какие-нибудь рукописи или манускрипт? Вообще какие-либо записи?

Джайра вздернула левую бровь. Вот так напрямую интересоваться предметом кражи...

— У нас нет злых намерений, поверьте, — все же встрял эльф. — Как вы уже слышали,

нас послал Кворум.

— Вот этому как-раз-таки и сложно поверить, — усмехнулась наемница, переведя взгляд на него. — Храмовник и некромант! Посланные Кворумом эльфийских князей! Чудней легенды я еще не слышала. А ты, Ксия?

— Если ты их освободила, может, стоит их выслушать? — раздраженно ответила амазонка, давая понять всем своим видом, что ей это безразлично. Джайра тихо усмехнулась, покачав головой. Похоже, ребячество не так скоро еще выветрится у нее из головы.

— В этот раз я поступлю по-твоему, можешь не сомневаться, — хитро улыбнулась она Ксие, недоуменно вытаращившейся на нее, — но не здесь. Уж слишком много тут ушей, — удостоверившись в том, что Ксия теперь на ее стороне, Джайра снова повернулась к некроманту. — Куда бы вы ни направлялись, выехать на Девичью дорогу вы должны только вместе со мной.

— Почему же?

— Они вас одних ни за что не пропустят.

— Боюсь, она права, — вздохнула Ксия.

Ужас эльфа был почти искренним, если бы не чрезмерная жестикуляция:

— Неужели люди настолько неверны сами себе?

Наемница критично оглядела эльфа с головы до ног. Ему следует еще многому научиться, если он хочет ее дурачить и дальше.

— Нет, это как-раз-таки их верность самим себе. Они неверны своим словам, зря пуская их на ветер... Ксия, скажи, есть ли у вас свободные лошади? — и сама направилась дальше к коновязи.

— Есть, только одна — Белогривка.

— А где ее хозяйка?

— Ты ее только что чуть не убила.

Джайра удивленно заморгала.

— Не думала, что у лошади Амрены может быть такая кличка... Не важно, она нам не подходит. Придется раскошелиться на пару скакунов.

— Подожди, я с вами, — Ксия с места бросилась к конюшне. — Только заседлаю Золотку.

Второй раз за такое короткое время Джайра испытала удивление от такой нелепости.

— Умеешь ты клички лошадям подбирать, — а сама похлопала Ворона по мощной шее. — Ничего, скоро мы будем на воле.

На ее слова конь тряхнул головой, выражая свое недовольство, и слабо ущипнул ее за плечо.

— Эй! Я обещаю тебе — уже завтра ты сможешь размяться на просторном лугу. Идет?

Конь клацнул на нее зубами.

— Да будет тебе! Все лишь бы поноситься на свободе, ничего больше на уме нет...

— Джайра.

Поразительно, но последнее воспоминание Джайры, как вот так же Акадия стояла перед ней, очень хорошо сохранилось. Только верховная амазонка выглядела совсем не так: тогда не было усталости во всем теле, не было бледности и прозрачной серости на лице, не было этого заледеневшего взгляда. Остается только догадываться, какая тяжелая ответственность лежит на плечах этой сильной, но хрупкой женщины, и как она ее

постепенно одолевает.

Легко поклонившись и приложив по старой памяти руку к сердцу, наемница с едва заметной тревогой, но не без гордости ответила:

— Что угодно моей госпоже?

Акадия улыбнулась.

— Даже уже миновав битву, ты все еще наслаждаешься победой и пользуешься ее плодами. В этом вся ты, как и всегда.

Наклоном головы Акадия пригласила ее прогуляться. Осмотревшись, как бы кто не напал в ее отсутствие на пленников, Джайра указала им оставаться рядом с коновязью и последовала за амазонкой.

— Как давно это было, Джайра, когда ты поступила к нам на обучение? Как давно тебя забрала под свое крыло сестра?

— Да, давно это было, — «Неужели у тебя никого больше не нашлось, кому излить душу, Акадия? И почему же выбор пал на меня?..» Сколько бы ни была сильна обида Джайры на Акадию, однако она внесла большой вклад в жизнь наемницы, уважение возвышалось над всеми другими чувствами. И все же такая резкая перемена в легиоре немного настораживала.

— Слишком много времени прошло с тех пор, — на лбу Акадии пролегла глубокая складка, изобличая ее возраст. — Слишком много сил потрачено впустую. Слишком много... Знаешь, я всегда надеялась, что она бросит весь этот хаос, всю эту неразбериху с магией и придет сюда, назвавшись независимой защитницей женской стойкости духа. Но этого так и не случилось. Скажи, почему? Почему она пошла на дуэль с этим магом? Зачем?

Остановившись у старого ах-аха рядом с часовней, Акадия тяжело оперлась на ограду, и без того удерживающую холм. Слабо звенели колокольчики на разноцветных шелковых ленточках, привязанных послушницами к резным столбам. На послушницах и лежала вся работа в поселении: и ухаживание за цветами, и украшение часовни, и уборка. Так амазонки воспитывали дисциплину в молодых девушках и прививали им любовь к традициям и чувство ценности к наследию, доставшемуся всему миру от предыдущих поколений. Музыку здесь редко услышишь — больше ценилась тишина, как самое незыблемое во всем мире. И Джайра молчала, позволяя этой тишине дать хоть малую долю своей умиротворенности верховной амазонке. А что тут скажешь, когда человеку просто нужно рассказать обо всех своих невзгодах?

— Наша семья, наш род никогда не занимал высоких постов, никогда не ввязывался ни в какие серьезные конфликты, но почему-то так получилось, что из всей семьи остались мы с сестрой. Наш род вымер вместе с ней. Я ни на что не годная Антиварра.

— Не занижайте планку. Род Антиварра долгое время оставался одним из самых знатных домов Ардонии, в особенности Эдинийских провинций. Хоть ваше фамильное поместье отошло другому семейству, вас все еще помнят и встречают с надлежащим гостеприимством. Ваша сестра стала чародеем Пятиконечной Звезды, а вы состоите верховной амазонкой уже десять лет, и никто еще не посмел вас сместить с этого поста...

— О, не беспокойся, до этого момента осталось пара дней, а может быть, даже несколько часов. Я уже не могу удержать этих амбициозных девушек даже в рамках закона и морали, не говоря уже о своем влиянии. Ты была последней каплей. Сестра тоже постоянно проявляла повсеместно свою пылкость, там, где нужно и где не нужно. И посмотри, до чего это ее довело... Понимаешь ли ты, что происходит, Джайра?

— Смотря что вы имеете в виду.

— Старый мир рушится, вот что. Его опоры прогнили насквозь и уже не отвечают требованиям людей. Если уж такие сильные люди, как сестра, не могут выдержать натиска грядущих перемен, то кто же сможет? Кто взвалит весь мир на свои плечи, когда обломятся эти опоры? — как бы Джайра ни понимала Акадию, все равно она не могла понять до конца, зачем она завела этот разговор. Что она знает такого, чего не знает сама Джайра? — Вот что я тебе скажу, — расправляя плечи и снова будто обретая силы, Акадия решительно обернулась к наемнице, — не вставай под удар добровольно. Я знаю, каков твой характер, и уж точно понимаю, что на одном месте ты сидеть не будешь, но не трать свои силы на бесполезные авантюры. Ты уже открыла не ту дверь. Неразумно было с твоей стороны затевать эту драку.

Девушка покачала головой:

— Амрена сама ее затеяла. Если этот разговор вы завели только для того, чтоб снова указать мне на мои поспешные поступки, то вы ошибаетесь — я иду в ногу со временем, это амазонкам пора менять свой строй.

Джайра направилась обратно к коновязи, глянув мельком на воров — о чем-то тихо разговаривали поодаль, осматривая Дворец, где чуть не встретились лицом к лицу со смертью. Акадия вздохнула:

— Ты могла бы просто оставить этих пленников и спокойно уйти, но нет — ты никогда без шума не уходишь, что ты, что...

Имя сестры застряло у верховной амазонки в горле комом, с которым она едва смогла справиться. Джайра пришла ей на выручку:

— Без причины мы шума не устраивали, сами знаете. Эти двое мне нужны. У них было дело к Эврикиде, — у самой как-то дыхание срывалось на имени наставницы, — и они стремились к ней любыми способами, так что даже застава амазонок им не была преградой. Неужели вы бы не хотели на моем месте выяснить, что им нужно?

— Нет. Ее больше нет, а значит, и никаких дел тоже.

Горе снова вернулось к Акадии, и снова взгляд стал ледяным. «Пожалуй, я здесь ничем не смогу помочь».

— Ну, может быть, у вас дел нет, а у меня после нее еще очень много осталось незаконченного, — не дождавшись ответной реакции, Джайра села в седло — из конюшни напротив Ксия выводила за повод заседланную Золотку. От природы боявшаяся темных сил, как и все животные, лошадь начала сопротивляться, как только они приблизились к некроманту. В итоге, Ксия залезла на лошадь только тогда, когда она отвела свою питомицу подальше от страшного типа. Ничего не сказав на прощание, Акадия поднялась по ступеням Дворца, наблюдая за отъездом наемницы оттуда, словно призрак прошлого — до того казалась прозрачной ее фигура, до того тусклой при свете полуденного солнца, что даже мелькала неясная мысль, будто женщина могла сию же секунду испариться, легкой дымкой развеявшись по чистому воздуху. Такой она и осталась в памяти Джайры.

Глава 2

Эльф и некромант

«Старый мир рушится», сказала Акадия. Жаль, что она увидела это только сейчас. Сколько лет наемница была на службе у верховной амазонки, столько лет всегда между ними была недосказанность, будто их разделяла какая-то глубокая и широкая река, а они были на разных берегах и не могли докричаться друг до друга. В глазах Джайры мир уже давно потерял опору. И что могло произойти в следующий момент, не мог знать никто. Но было ясно, что какое-то событие должно потрясти всех и вся, иначе и быть не могло. Тем не менее, событие это не несло пока что какую-либо значимость и оставалось далеким миражом, поэтому и разговор этот быстро улетучился из головы.

Теперь они шли по дороге прочь от поселения амазонок: Ксия и Джайра верхом по бокам, эльф и некромант в центре. Прервав, наконец, тягостное молчание, первым заговорил некромант:

— Все же, я думаю, нам более не стоит обременять вас своим присутствием. Скажите только, кому мы обязаны жизнью?

От такой неприкрытой дворянской речи Джайру чуть не перекосило, и на какое-то мгновение она даже онемела. Но небольшое замешательство сменилось крайним изумлением. За все это время эти двое ни разу не услышали ее имени. Такое совпадение обязательно нужно использовать с выгодой, иначе как бы и весь мир благодаря им не узнал ее настоящее имя и лицо, вечно скрытые под кличками и маской.

Ксия расхохоталась:

— Ну, вы и невежды! Это же...

— Нет, им лучше не знать моего имени, — перебила ее Джайра. — Это будет для их же блага. Возможно, вы слышали что-нибудь о некоем Буревестнике? Это одно из моих имен, можете так меня и называть.

— Буревестник? Вы? — удивился эльф. — Не может быть! Вы нас обманываете...

— Что вполне похоже на Буревестника, — саркастически произнесла она. — Можете этому не верить, но я все равно не скажу вам моего настоящего имени.

Некромант чему-то разудыбался. Надо бы сбить с него спесь, хватит задирать нос, будто она ребенок. «И как только это у него получается?»

— Что вам обоим было нужно от Эврикиды?

Первым ответил эльф.

— Как вы уже слышали, нас послал Кворум эльфов с очень важной миссией. Дело в том, что она послала письмо непосредственно Кворуму с громким известием о... находке чрезвычайно важного открытия. Все ждали ее прибытия, но весть о близком местонахождении темного архимага заставила князей принять крайние меры — послать кого-нибудь на перехват Эврикиды, чтобы уберечь от врага эту тайну. Собственно, за этим мы и здесь.

Джайра нахмурилась. «Что-то он темнит, и из-за этого в словах путается».

— Простите, что не называем явно причину своего вторжения на территорию амазонок, но от сохранения этой тайны зависит чуть ли не судьба всего мира.

— Что-то ты слишком много знаешь для простого эмиссара, — прищурилась на него Джайра. «Тайна эльфа может оказаться большей, чем у этого потерянного дворянского

выскачки...» Эльф смутился, прокручивая в голове разговор — где он мог раскрыться.

— Ну а ты, некромант? Надеюсь, твоя легенда будет поскладнее.

— Что я могу тебе сказать, Буревестник?

— Правду.

Некромант усмехнулся:

— Если я действительно скажу правду, то ты все равно мне не поверишь.

Джайра презрительно уставилась на него.

— Как, ты говорил, тебя зовут?

— Фарен, Буревестник.

— Так вот, Фарен, как тебе кажется, что я могу подумать о тебе? Ты не говоришь цели своего подозрительного путешествия к моей наставнице, постоянно что-то скрываешь, говоря загадками, смотришь на меня каким-то странным взглядом, да еще ко всему прочему ты некромант. Или ты говоришь мне правду, или я не медля тебя убью.

— Джа... Прости — Буревестник! — воскликнула Ксия. — Ты сама не хочешь раскрывать даже своего имени, а выведываешь чужие тайны! Это нетактично с твоей стороны!

— С моей стороны все тактично, — огрызнулась она, — потому что я их спасла и по праву их жизни принадлежат мне. Отвечай, некромант!

Несмотря на то, что она остановила Ворона и направила на Фарена меч, он даже не шелохнулся и с таким же спокойствием ответил:

— Даже под страхом смерти я не отвечу правдой на твой вопрос, потому что это будет бесполезно.

«Как он сдержан... Кто же ты такой?» Даже по его глазам нельзя было понять, что он думает.

Воззрившись друг на друга с полминуты, они оба замолчали, потом Джайра медленными движениями убрала меч в ножны, и шествие вновь продолжилось.

— Что ж, — проговорила она, — в таком случае ты будешь тем, на что намекали амазонки.

— Буревестник! — попыталась прервать ее Ксия.

— Ты будешь моим рабом, пока я не узнаю эту правду.

— С большим удовольствием, — со смехом ответил некромант. — Пить и есть за чужой счет — неплохое предложение, если плата за это заключается всего лишь в прислуживании привередливой наемнице.

— Следи за своим языком, а то эта привередливая наемница может тебе его ненароком отрезать, — процедила Джайра сквозь зубы.

— Тогда она точно никогда не узнает истинной правды, — таким же тоном сказал Фарен. — Если ты и в дальнейшем намерена говорить о себе как посторонний наблюдатель, то я назову тебя еще и сумасшедшей.

— Думай обо мне и называй меня, как хочешь, но ты в моих глазах все равно будешь рабом, пока я не узнаю твоих намерений, а если понадобится, то я буду преследовать тебя до того момента, пока ты сам не сойдешь с ума...

— Эй! Прекрати! — остановила ее Ксия. — Ты уже слишком далеко заходишь! Не думала, что ты способна на такое...

— Ты меня абсолютно не знаешь, Ксия. И не суди обо мне как о той самой амазонке, что ушла отсюда много лет назад. Я уже давно не из вашего племени — как выразилась

Амрена, я стала «лживой наемницей» и не собираюсь отступать от своей навязчивой сущности...

— Вы чересчур критичны к себе, — вставил свое слово храмовник. — Нужно стремиться к совершенству, а не к худшему...

— Попридержал бы ты при себе свои нравоучения, эльф, — напустилась она на него. — Глядишь, и ты станешь мне прислуживать, как твой дружок...

— Я не хочу с вами ссориться, я просто хочу отблагодарить вас за спасение. У вас слишком взрывной характер — странно, что вы еще живете на свете, да еще и в качестве наемницы.

— Странно, это когда летом снег идет. Лучше помолчи, пока я не разозлилась.

— Почему вы так требовательны к себе и к окружающим? — продолжал храмовник. — Нужно быть более гуманной, прислушиваться к голосу сердца и к чувствам других. Разве не этому учат нас Протекторы? Любовь и счастье — главные спутники нашей жизни...

На его последние слова Джайра оглушила всех своим залиvistым мелодичным смехом.

— Ты бы еще Благословенный Век вспомнил, сынок.

Эльф растерялся:

— Почему «сынок»? Я вам только в братья гожусь...

— Да потому что, судя по твоим словам, у тебя еще молочные зубы не выпали.

Теперь засмеялась Ксия. Шутки Джайры всегда смешили ее. Не мог скрыть усмешки и некромант.

— Оглянись вокруг: ты видишь где-нибудь хоть маленький островок тех, кто старается жить так, как ты говоришь? Сейчас всеми движет отнюдь не счастье, а деньги, жажда власти, борьба за хорошее место под солнцем, а ты говоришь — любовь! Если уж на то пошло, то любви как таковой нет.

— Нельзя так говорить! — испугалась Ксия.

— Я это говорю уже не в первый раз...

— Тогда я не ошибусь, сказав, что ты ее никогда не получишь, если не вернешь свои слова обратно.

— Не думала, что ты такая суеверная, — внимательно поглядела на Ксию Джайра. — Уж кто-кто, а чтобы ты... да еще и амазонка!.. Это что-то новенькое... Ладно, воркуйте тут без меня, я пойду вперед — чем быстрее я куплю лошадей, тем быстрее я избавлюсь от вас, и тем быстрее я смогу покинуть это место и приняться за свои дела.

Она натянула на голову капюшон и, дав шенкеля коню, поехала галопом к видневшейся впереди деревушке.

— Должен признаться, твоя подруга не отличается терпением и добрым нравом, — сказал Фарен, когда наемница скрылась из виду.

— У меня такое чувство, будто я ее впервые вижу. Это абсолютно другой человек, не тот, что я знала раньше. Она постоянно что-то недоговаривает...

— Это правда, что она Буревестник? — поинтересовался эльф.

— Да, к сожалению. Странно, почему она не хочет говорить своего имени?..

— Возможно, для того, чтобы мы не смогли выдать ее врагам, — предположил некромант. — Весьма предусмотрительное подозрительные. Твое имя Ксия, не так ли?

— Да.

— Спасибо за заступничество, но, боюсь, в дальнейшем ей это не поможет.

— Могу дать тебе только один совет в этом случае: не вздумай бежать от нее. Она

обязательно догонит.

— Что она может сделать некроманту? Убить?

— Убить — нет, но проучить — это в ее духе. Насколько я ее знала раньше, она всегда платит по долгам, так что не стоит недооценивать ее.

— Буду иметь в виду.

— Наверяд ли она долго продержит тебя в подчинении. Даже бывши вместе с Эврикидой, они всегда действовали порознь...

— Что ты имеешь в виду под «вместе с Эврикидой»? — удивился храмовник. — Они путешествовали вместе?

— Да, Эврикида была ее наставницей. Обычно ученики оплакивают или хотя бы тоскуют по своим учителям, но ничего этого я не вижу в ней. Я поняла, что вы оба хорошо разбираетесь в людях. Пожалуйста, надоумьте ее не делать того, что она задумала.

— Я постараюсь это сделать, — ответил Фарен. Джайра уже подъезжала к ним, ведя за собой двух лошадей, — тем более, я догадываюсь, что у нее на уме...

— Итак, — с еще большим ехидством произнесла Джайра, — я много пропустила? Уже составили краткий мемуар о моей жизни? Окрестили меня злодейкой всего мира? Продумали план убийства?

— А ты церемониться не любишь, — заметил некромант, ловко вспрыгнув на вороную лошадь, купленную для него. Только воронье лошади могли сносить присутствие рядом темных сил. Почему — было неизвестно, но по учениям древних сам черный цвет нес в себе ту же тьму, что и силы.

— А ты думал! Привыкай, ты еще долго будешь у меня в услужении.

— Буревестник, — снова одернула ее Ксия, — пора бы уже прекратить весь этот сценический сарказм. Что на тебя только нашло?

— Ксия, Ксия, как же ты многого еще не знаешь, — иронично улыбнулась Джайра. — Всегда во всех видишь только хорошее, надеешься только на хорошее, весь мир для тебя будто детская сказка с хорошим концом. Как была наивной девчонкой, так и осталась.

— Ну, знаешь ли! — от сердитого вида амазонки Джайра пришла в изумление, с едва сдерживаемым смехом уставясь на нее. — Меня посвятили в ранг авангарда! Я уже не обычная послушница или стражница! И далеко не девчонка!..

— Но все такая же наивная, — засмеялась Джайра. — Система рангов ничего не дает сама по себе. Выслуга лет — это пустяк. Послушницы порой намного умнее даже самой верховной амазонки, не то что авангарда. И не смотри так на меня! Уж я-то за свои слова могу ответить.

Эльф с некромантом недоумевающе переглядывались, разумно сохраняя молчание. Вконец испортив настроение и себе, и Ксие, Джайра выслала Ворона вперед, оставив всю процессию позади себя на самой границе слышимости. У Ксии часто поджималась нижняя губа и все никак не разглаживалась складка негодования над бровями.

— А она крепкий орешек, — усмехнулся некромант. — Сильно тебе досталось.

— Очень странная реакция на горе, — очень тихо произнес эльф. — Она негодует, гневается, раздражается по пустякам, но не позволяет себе расслабиться и на пару секунд забыться.

Улучив момент, пока амазонка сверлит взглядом спину наемницы, некромант вопросительно глянул на эльфа, но тот покачал с сомнением головой. Некромант нахмурился.

Постепенно слова спутников начали доходить до амазонки, и морщинка разгладилась.

— Говорите, она переживает горе?

— Да, — отозвался храмовник, — и это очень сильное переживание, под стать ее силе воли. У нее есть родные? Дом?

Ксия вздохнула:

— Нет, у нее никого нет. В том-то все и дело...

Наемница их не слышала, да и не хотела слышать. Порой Джайра оглядывалась вокруг: она больше никогда не увидит этих мест. Дорогу окружали живописные крестьянские поля пшеницы и ржи, а вдалеке изредка был виден лиственный лес. Крестьяне жили рядом с поселением амазонок по договору: они дают им провизию, а женщины-воины защищают их от нападений врагов. Она проводила здесь много времени, слушая звуки природы вокруг. Вдоль дороги всегда стрекотали цикады, в небе пел жаворонок, а в траве изредка промелькивали степные зверьки. В сезон жатвы где-то из поля была слышна заунывная песня крестьян, состоящая из одних только звуков, неразборчивая и прерывающаяся. Эти места она считала своими родными, пока не осознала свою ошибку. Это место было темницей для свободы и для ее жизни. Сколько раз парадоксальный закон амазонок ограничивал ее мораль, сколько раз с нее требовали пойти наперекор своим решениям... После этого она уже не знала, какую землю назвать родиной. Это угнетало ее, но все больше ужесточало сердце. Не удивительно, что она не верила в любовь и мир.

Как только солнце стало светящимся лиловым шаром, Джайра свернула с дороги в подлесок, заросший жестким терновником. Догнав ее вместе с пленниками, Ксия поравнялась рядом.

— Ты собираешься устроить лагерь здесь? Но...

— Что?

— Это место очень... темное, и отсюда не видно дороги.

Спрыгнув с Ворона, Джайра повела его в глубь терновника, разрубая ветки мечом. От слабого запаха дыма, пробивающегося сквозь испепеленные магией меча края кустов, конь часто зафыркал, но покорно шел за хозяйкой.

— Мне не нужна видимость дороги, мне нужно, чтобы меня не видели.

В центре подлеска оказалась ровная поляна, скрытая со всех сторон деревьями, сквозь которые едва можно было разглядеть окружающую местность.

— Откуда ты знаешь об этом месте?

— Ксия, надо же когда-то выйти из четырех стен, а? Не думала об этом? Как вы, амазонки, вообще умудряетесь защищать свою территорию, если не знаете даже местность вокруг поселения?

Ксия молча спешила и начала расседлывать Золотку.

— Мы заночуем здесь?

— Тебе что-то не нравится, храмовник?

От ее грозного взгляда эльф старательно затряс головой:

— Нет-нет, что вы, все отлично! Я только «за»!

Взгляд перешел на некроманта, оценивающего укрытие.

— Место очень удачное для предупреждения засады. Мы ждем нападения?

— Нет.

Подождав с пару секунд, он развел руками:

— Исчерпывающий ответ.

— Тебе другого и не надо, — неожиданно для него, девушка кинула почти в лицо некроманту покрывало. — Сделай навес, раб, и разведи костер, — стянув покрывало с головы, некромант воззрился на Джайру, снимающую седло с Ворона, но только коротко засмеялся и приступил к выполнению указания. Храмовник, решив помочь другу, набрал сухого терновника и начал разводить костер.

— И почему ты ее слушаешься? — прошептал он, косясь на Джайру. — Еще не встречал человека, упрямее нее.

— Почему бы и не послушаться некоторое время? Может быть, она потеряет интерес к пленнику и отпустит за ненадобностью. Лишний груз ей тоже не нужен... Ты думаешь, ей ничего неизвестно?

— Она же сказала: ведьма ничего не оставила после себя, никаких вещей, никаких записей, и ей ничего не рассказывала. Похоже, наши поиски здесь обрываются...

— Хорошо, что не смертью, а всего лишь тупиком. Заметь — это не я решил спровоцировать амазонок на арест...

— О чем это вы? — под навес к ним подседа Ксия, доставая из сумки яблоки и раздавая пленникам. С дальнего конца поляны, куда почти не попадал свет костра, и без того укрытого покрывалом, доносился довольно приятный звон стали — Джайра натачивала клинок, сидя на большом валуне.

— О том, что слишком рискованно было перелезть через стену вашей заставы, — улыбнулся Херон. — Сам Создатель дал нам в защитницы эту сильную наемницу.

— Что ты имеешь в виду под сильной? — удивился некромант, кивнув Ксие в благодарность за яблоко.

— Благодарю... Даже не обнажив клинка и не атакуя, она победила хорошо вооруженную амазонку явно высокого ранга. Это должно о чем-то говорить.

Все трое некоторое время молча наблюдали за Джайрой, проверяющей клинок на переливах света. Над поляной нависло синее бездонное небо с редкими искрами звезд, на востоке всплыла полная луна. Взглянув на нее, Фарен тоскливо вздохнул.

— Хороша рабовладелица: даже накормить своего раба не удосужилась, — он покрутил в руке нетронутый плод, из-за покрывала высунулся нос Ворона, тянущий воздух к руке некроманта.

— Вообще-то, — ответила амазонка с полным ртом, — это ее запасы. Она сама мне сказала поделиться с вами.

— Правда? — конь довольно сжевал яблоко с протянутой руки, оставив на ладони слюнявый след. — Что ж, может, она не так уж и безнадежна.

— Вот и я так же говорю! — оживилась девушка, подкидывая ветки в огонь. — Буревестник сама ведет себя нелюдимо, а говорит, что у нее нет друзей...

Неожиданно наемница остановилась на полдвижении, настроженно глядя в просвет на дорогу. Все трое тоже замерли. Ничего не обнаружив, она продолжила свое занятие.

— Это очень старый прием, — прошептала Ксия, вместе со всеми наблюдая за работой. — Когда амазонка в своем укрытии громко точит меч, это значит, она предупреждает врага о своей готовности к бою.

Эльф удивленно поднял брови. Наемник нахмурился.

— Так значит, она все же ожидает нападения?

— Не знаю. Во всяком случае, я тоже с вами, и они не могут напасть на соплеменницу, кем бы они не считали ее... Рядом с ней мы в безопасности, уж поверьте. А они даже не

представляют, кому объявили войну.

— Как ты с ней познакомилась? — сняв лук, Херон принялся переплетать волосы, отливавшие золотом при свете огня, и серебром при сиянии луны. Неподалеку устроились на траве стреноженные лошади, прядавшие ушами от круживших вокруг светлячков.

Вспоминая о чем-то хорошем, Ксия улыбнулась.

— Я даже не помню, сколько мне лет было, когда я пришла к амазонкам. Буревестник уже была разведчицей. Тогда она была большим авторитетом в племени, очень часто к ней обращались за помощью в разрешении каких-либо споров. Акадия еще была в легатах. Эрджина Протане, верховная амазонка того времени, не очень-то любила Буревестника, и Акадия всячески заступалась за нее, а она заступалась за Акадию. Как-то все было тогда так слажено, так дружно по сравнению с сегодняшним порядком в поселении... Меня определили в послушницы, а Буревестника поставили в центуоры нашего поколения. Признаюсь, у меня плохо получалось владеть оружием, из-за этого и доставалось от других послушниц, не говоря уже об ученицах, и она постоянно ставила их на место, пока ей это не надоело и она не предложила мне заняться тренировками со мной лично, — Ксия немного посмеялась. Джайра, отложив меч, сняла плащ и наручи, принявшись смазывать Шип. — Из нее вышел хороший учитель. Я многому у нее научилась, и сейчас бы не отказалась от тренировки.

— А что было потом? — Фарен покосился на друга — уж слишком тот внимательно слушает разговорчивую амазонку.

— А потом... потом внезапно умерла Эрджина, и на трон единогласно взошла Акадия. Все считали, что Буревестник станет ее фавориткой, но вот тут-то и начались их ссоры. Конечно, не такие сильные, как с Амреной, но она настаивала на изменении нашего устоя для большей обороны и обучения, Акадия же полностью поддерживала старые законы, хотя они предполагали те же цели. Редко они находили компромисс. Ну, и Буревестник стала отступницей, постоянно надоедая нашей госпоже. Вот тогда-то она и попала в качестве наказания к Эврикиде.

— Так это было наказание, не добровольный уход из поселения?

Ксия задумалась на пару секунд, склонив голову набок.

— Мне кажется, будь у нее возможность, она бы все равно ушла из племени, но не таким образом: без всего, одна. У нее отобрали всю экипировку, понизили в ранге до такой степени, что даже не знали, как ее назвать. В общем, она стала никем в племени, ее просто растоптали и прогнали, посмеявшись вслед. Акадия явно не подозревала, что ее подвергнут такому унижению соплеменницы, иначе не согласилась бы на это наказание.

— Вот и еще одна причина ее ненависти к амазонкам, — усмехнулся Фарен.

— Нет, — с живостью возразила Ксия, — это неправда! Если бы она ненавидела амазонок, то не стала бы стараться снова заслужить наше уважение, не пошла бы на безрассудные поступки.

— Наверяд ли эти поступки предназначались для амазонок...

— А как ведьма приняла ее?

— Эврикида? О, она была непредсказуемой женщиной! Уж на этот вопрос я ответить не могу. Но, судя по Буревестнику и ее переживаниям, они крепко сдружились.

Девушка замолчала, снова улыбаясь воспоминаниям. Пару секунд понаблюдав за тем, как Джайра проверяет исправность наруча, Фарен направился к ней.

— Куда это ты?

— Поздороваться.

Херон пожал плечами и продолжил разговор с амазонкой, только уже на тему оружия.

Заметив идущего к ней некроманта еще в кольце света костра, Джайра сделала вид, будто его не видит. Почему-то он ждал ответа от нее первой и просто стоял, скрестив руки на груди. Через пару минут она, наконец, произнесла:

— Еще долго будешь загораживать мне свет? Не стеклянный вообще-то.

Улыбнувшись, он отошел в сторону.

— И все же ты ожидаешь нападение.

— Я же сказала: нет. Или ты оглох?

— Тогда к чему все это театральное представление? — он кивнул на прислоненный меч и на наруч в руках Джайры.

— Слишком много вопросов задаешь, раб.

— Зачем ты нас так усердно защищаешь? Ну, меня понятно — я твой раб, но причем тут Херон?

Отложив наруч, Джайра уставилась на него безразличным взглядом.

— И что тебе неймется? Сиди и молчи, нахлебничай, пока есть возможность.

Фарен покачал головой.

— Привыкать мне не придется — это долго не продлится. Когда-нибудь тебе надоест игра в рабовладельца.

— Когда надоест, тогда и приходи.

Встав с камня, Джайра собрала оружие. Фарен поднял с земли упавший плащ и, слегка встряхнув, подал ей. В одном движении наемницы, как она резко выхватила его из рук, выразилось такое презрение, что некроманту на пару секунд стало не по себе. «Презирает, но держит при себе». Ее цели, все еще остававшиеся для него загадкой, становились все интересней. Что ей нужно от него? Всего лишь выяснить причину его появления здесь? Тогда она прилагает очень много усилий для конспирации: сокрытие имени, маска жестокосердной наемницы, неразговорчивость. «Зачем она так старается? Что за враги у нее могут быть, что ее подозрения почти граничат с паранойей?..»

В плечо кто-то толкнул, оставив влажное пятно.

— Эй, приятель...

Конь наемницы, в отличие от нее самой, проявлял дружелюбие, хоть и мотивированное бесплатной раздачей яблок. Как ни в чем не бывало, Ворон давал себя потрепать по холке, погладить по шершавому носу, и Джайра ревниво наблюдала за любимцем из тени, пристегивая пояс с мечом.

«Предатель. За яблоко душу продаст...»

— Джайра, — с подозрительным энтузиазмом к ней подбежала Ксия, — помнишь наши тренировки?

— Ну, помню, и что?

— Давай потренируемся? Пожалуйста!

Амазонка вытянула опешившую Джайру в слабый круг света костра, к которому рядом с Хероном подсел Фарен, все еще маявшийся вопросами. Встав в позицию готовности к бою, Ксия с ожиданием уставилась на Джайру во все глаза, чтобы не пропустить ее молниеносной атаки. Наемница же так и стояла, все еще пораженная этим внезапным порывом подурачиться на мечах.

— С чего это вдруг тебе взбрело в голову это пустое костоломство?

— Хочу, чтобы ты указала на мои ошибки. Мы не сходились на мечях с тобой уже лет десять!

— Вообще-то семь, если ты помнишь мой короткий визит, — пробурчала Джайра, вынимая меч и кинув косо́й взгляд на ненужных зрителей у огня, с большим вниманием наблюдающих за ними. — Ну, начинай, — пожала она плечами, возя мечом по траве, отчего зелень тут же становилась жухлой и даже обожженной в местах соприкосновения с клинком. Попав на свет пламени, меч загорелся рунами всех цветов радуги и тут же погас. Эльф, безмятежно жевавший яблоко, замер, с еще большим интересом уставившись на меч.

Ксия медлила, ходя кругами.

— И долго еще ты будешь усыплять мою бдительность?

— Я думаю, как лучше напасть. Ты всегда отражаешь все первые удары.

— Кажется, ты позабыла все уроки, и не только мои, — усмехнулась Джайра. — В чем смысл первого удара?

Ксия растерянно заморгала.

— В... в провоцировании на открытие?

— Верно, — Джайра сделала резкий выпад на амазонку, мгновенно переместившись со своей позиции к ней. Ксия отразила удар, хоть и едва удержалась на ногах, потеряв равновесие от неожиданности, но тут же, засмеявшись, среагировала ответной атакой.

Бой, хоть и щадящий, тренировочный, больше походил на танец цыган, грациозный, с живописными взмахами и прыжками, с мгновенными и поразительными трюками. Оба наблюдателя заворожено следили за девушками.

— Впервые вижу такую технику боя, — произнес Фарен.

— Ее меч...

— Что с ее мечом?

Некромант пригляделся.

— Что это? Дварфские руны?

Херон смотрел так, будто видел чудо, которое почему-то не замечали другие.

— Именно его я и хотел увидеть в действии еще там, во Дворце Справедливости. Таких мечей немного в мире. Почти все они принадлежали эльфийским князьям, еще несколько потеряны в Черной Пустыне, и малая часть — в Самерии и дальше за магическим заслоном. Их создал один из династии Протекторов, чтобы защитить наш мир от войны в Церре. Откуда у нее такое оружие?

— А у тебя есть такой? — с насмешкой глянул на него Фарен. Херон обиженно поморщился.

— Нет, такие остались только у князей Полумесяца, — меч приковал взгляд эльфа, и тот неотрывно следил глазами за каждым его движением. — Откуда? Как? За таким артефактом гоняются все воины мира, наемные и государственные...

— Да мало ли где она могла его раздобыть, ты лучше оцени ее движения. С кем она сражалась? У людей даже нет способностей, чтобы отбиваться от таких приемов. Кто она такая?.. Стагата? Страж?

От храмовника не скрылось беспокойство друга.

— Не думаю, — оба переглянулись, — посмотри на ее татуировку. Ты знаешь, что это?

— Метка ассасинов, — озарение принесло отрадное облегчение. — Она из Аль-Пассала?.. Нет, она не хецинка... Есть еще мысли?

— Нет, — задумчивость на время сняла с лица эльфа непринужденную безмятежность и

почти до идиотизма доходившую радость. — Но она и сама не знает, кто же она такая. Посмотри: броня набрана из отдельных, абсолютно разрозненных частей, плащ и седло поношены и не раз перекрашивались, а волосы... Я знаю у амазонок одну традицию — они обрезают волосы только в случае своего поражения, а так — у каждой они растут с самого рождения.

— Да, я заметил их разнообразные косы. А у нее они коротковаты, чтобы быть такими с рождения, да и очень ровные... Сколько же раз она их обрезала?

Эльф покачал головой:

— Не думаю, что она все еще следует обычаям амазонок. Скорее, это вопрос удобства. Ты не заметил? Они поменяли цвет, стали темнее.

Приглядевшись, Фарен случайно встретился глазами с Джайрой, чье подозрение заставило потупить взгляд некроманта.

— И что это значит? Никогда раньше не встречал такого.

Эльф вздохнул, что-то вспоминая.

— Это последствие очень жестокого проклятья.

— Она проклята? — кажется, он слишком громко это произнес, поэтому наемница на долю секунды остановилась, но ловко уклонилась от выпадов амазонки.

— Не она — кто-то из ее родителей. Это проклятье метаморфозы, заставляющее человека, если он не способен сопротивляться магии, видоизмениться до полного исчезновения. Заклинание обладает настолько мощной силой проникновения, что доходит до ребенка и хоть немного касается его, пускай он даже не в утробе матери. Ей повезло: непостоянный цвет волос — сущий пустяк по сравнению с тем, что могло с ней произойти. Это говорит о некоторой ее устойчивости к магии. Возможно даже, в ней самой что-то есть, но потенциал не раскрыт. Очень загадочный человек...

— Мало того, что она наемница-девушка, — слабо засмеялся некромант, — да еще и с загадочными особенностями. Может, это что-то тебе да скажет, а, Херон?

Эльф хмуро воззрился на него.

— Все еще смеешься над целью наших поисков? Зачем же ты тогда согласился идти со мной?

— А у меня есть выбор? Ты дал мне подпорки не сломаться от внутренней тьмы, но они не будут стоять вечно. А если сидеть на месте, дело само собой не решится.

— Мудрые слова, — эльф по-дружески хлопнул друга по плечу.

В одно мгновение Джайра отбросила от себя Ксию и метнулась к беседующим. Фарен оттолкнул Херона под навес и сам едва ли не подставился под клинок, звеневший в напряженном зависании прямо у горла. Ворон что-то проворчал и продолжил щипать траву, остальные лошади встрепенулись от резкого угрожающего движения.

— Вот ты и выдал себя, храмовник, — прошипела Джайра. Сбитый с толку, Херон растерянно хлопал глазами, небесно-голубыми, очень редкими даже среди эльфов. — Признаю, ты мастерски играл свою роль наивного глупца, чтобы тебе поверили амазонки, но до конца игру не довел. Кто ты? Отвечай! Что вам обоим было нужно от Эврикиды?

Ошарашенная, Ксия стояла не шелохнувшись, позабыв о том, что ее амазоничий меч отлетел куда-то в терновник. Один некромант сохранил на лице бесстрастие. Медленно, как будто заигравшемуся в опасные игры ребенку, он проговорил:

— Убери оружие, и тогда мы поговорим. Спокойно и без угроз... Пожалуйста.

«Да что ты за человек такой? Откуда столько самообладания?» Почему-то именно

самообладание некроманта и раздражало Джайру больше всего. Уровень терпения, которого ей никогда не достичь. Глядя так глаза в глаза друг другу еще несколько минут, оба, не сговариваясь, встали на ноги. Джайра убрала меч в ножны и сложила руки на груди.

— Я жду ответа.

Эльф неуклюже поднялся с земли, нервно отряхнувшись и не зная, куда деть руки. Фарен ели сумел удержать косую улыбку. «Каков актер...»

— Я сказал тебе правду, Буревестник. Я из Западных Лесов. По повелению Кворума эльфов, я искал Эврикиду Антиварра, чтобы узнать у нее очень важную тайну. Ничего более.

Если бы могла, наемница заморозила бы взглядом не только эльфа, но и его спутника, и всю поляну заодно.

— Думаешь, я не догадываюсь, что ты что-то недоговариваешь? Что ж, полправды все же лучше, чем вообще ничего. Ну, а ты, раб?

Фарен возвел глаза к небу.

— Я лучше последую твоему совету нахлебничать, пока это возможно.

Джайра фыркнула. Такая наглость, способная соперничать с ее язвительностью, попадалась ей впервые.

— Так тому и быть, — вытащив из терновника меч амазонки, Джайра сунула его Ксии со словами: — Как обычно, у тебя слабая правая нога, поэтому ты не можешь удерживать равновесие. И еще левая рука медлит. Когда ты успела получить перелом?

— Это тролль. Четыре года назад. Я была на разведке.

Джайра покачала головой:

— Сколько раз я говорила, что обучение амазонок не совершенно... И что это еще за игрушки на рукояти? — Джайра указала на маленькую фигурку грифона вместо навершия.

— Это символ года, когда я стала амазонкой. Все так делают! Разве ты не заметила на мече Амрены скорпиона?..

— Что за фетишизм? Оружие — не наряды, здесь нет места украшениям.

— Зато твой меч сверкает как ночное небо Сиерикона...

— Потому что он особенный, да и достался мне таким... Ложитесь спать. Я разбужу вас на рассвете.

После еще одной неудавшейся угрозы она чувствовала себя униженной и не хотела даже смотреть в глаза кому-либо из присутствующих, просто молча рванулась к деревьям и ловко в два прыжка взобралась по веткам вверх, скрывшись в листве. Неприятный осадок на душе остался у всех, но только Фарен испытывал необъяснимую вину непонятно в чем. Уже когда все устраивались вокруг костра, он спросил:

— Чем я ее обидел?

Слушатели ответили через несколько секунд колебаний.

— Не знаю...

— Тем, что меня защитил.

На этом разговор окончился, даже не начавшись.

Примерно через полчаса Ксия и Херон перестали крутиться, выбирая удобную позу, и заснули. Фарен же еще долгое время неподвижно смотрел на луну, прощупывая внутри себя эти подпорки, о которых напомнил другу. На дальнем конце поля спрыгнула с дерева Джайра, тихо и грациозно, как кошка, и прокралась к поклаже в тени навеса. Почувствовав ее приближение, некромант закрыл глаза и постарался сделать дыхание ровным и глубоким.

Что может сказать оружие о войне? Очень многое. Дубовый лук эльфа представлял

собой образец эльфийского мастерства изготовления стрелкового оружия. Это были две гладко обтесанные и сплетенные в изящную спираль ветки, не тронутые ни гнилью, ни кровью, ни насекомыми. Рукоять из мягчайшей кожи, удобная и приятная на ощупь. Тетива изготовлена из волоса единорога — это понятно по пробегающей по нити искре, когда поворачиваешь лук при свете луны. Стрелы амазонки эльфу не вернули — видно, кто-то их прикарманил себе, значит, они были не менее искусно сделаны. Отложив лук, она глянула на спящих, проверяя их сон, и перешла к оружию некроманта. Сюррикены Джайра видела только у «ищеек Сакротума», Искателей, охотящихся на нечисть, и те были обычными, выкованными в деревенских кузницах. Такой вид оружия был удобен тем, что как бумеранг возвращался обратно, если не попадал в цель с первого раза, а еще с помощью цепочки точно рассчитанных ударов о жесткую поверхность мог преодолеть достаточно большое расстояние. Но этот был каким-то жутким на вид, будто сам по себе, без хозяина, представлял серьезную опасность. Как только она прикоснулась к сюррикену, рубин в его сердцевине засиял ослепительным светом, отчего девушка выпустила оружие из рук, и сияние тут же померкло. Похоже, камень представлял собой что-то вроде индикатора и реагировал на прикосновение любого человека — в ее руках он осветился, в руках некроманта он таинственно мерцал красным, пульсируя будто удары сердца — но вот что он обнаруживал, было неясно. Никто не проснулся, она продолжила осмотр. Еще поражали габариты сюррикена: центр по радиусу был намного больше метательного диска, какой используют рыцари на силовых тренировках, а загнутые лезвия, складывающиеся и вновь появляющиеся при малейшем нажатии на рубин, были сравнимы с чудовищными когтями того же грифона, что выбрала себе в побрякушки Ксия. Вот только грифоны и подобные им существа, вроде мантикоры, феникса и даже дракона, уже давно не появлялись, а лезвия действительно смахивали на когти. Металл она не смогла распознать, но не это главное. Такое оружие служило против любых сил зла, несмотря на их человеческое происхождение, а не им, чем являлся этот некромант. Если даже предположить, что сюррикен дал ему храмовник, то каким образом этот странный человек не получал от него никакого вреда? Да и вообще удивительно, как он еще не превратился в урод, подобно сородичам, и не растерзал храмовника, и уж тем более — амазонок и сейчас Ксию и ее саму. С некромантом всегда было сложно справиться, помогал только меч, как, впрочем, и от любого недоброжелателя, перешедшего на насилие, почему Джайра и берегла клинок как единственного всемогущего защитника, но как некромант все еще держал себя в руках — было просто на грани логики. Единственная причина, по ее мнению, — это эльф, ничего больше и в голову не приходило. Оставив в покое сюррикен, она снова взяла в руки лук. Ничего необычного — такие луки были у всех эльфов, встречающихся во всем мире под разными предлогами, но что-то в самом храмовнике было не так. О чем они разговаривали? Почему так пристально разглядывали ее? Что им было нужно от ведьмы? Угрозы не помогают, хотя это средство всегда действовало на подобных личностей весьма эффективно, обманными маневрами их тоже навряд ли проведешь — уж очень хорошо они цепляются за свои искусно выдуманные маски, но при всем при этом позволяют себе небольшие отступления, как этот серьезный разговор. Очевидно, не боятся разоблачения, и даже если бы до этого дошло — ничего в этом страшного для них нет. «А почему?.. Потому что здесь нет того, зачем они пришли? Но что это? И тот, и другой говорили про записи, манускрипты — одним словом, вести, но какого рода? Что еще за «открытие»? А этот — «темная лошадка» — вообще ничего не желает говорить! Что же такого знала Эврикида?» Джайра

усмехнулась про себя. По ходу дела, ее наставница держала бесценные секреты от всего мира, но ничего ей не рассказывала. В чем же подвох?..

Увлечшись рассуждениями, Джайра потеряла контроль над слухом на короткий момент и только спустя пару секунд обратила внимание на осторожный шорох со стороны дороги. Совершив какое-то короткое действие, наемница исчезла из виду, словно растворилась в темноте и подрагивающих тенях. Отмахнувшись от целой стайки светлячков, Фарен приподнялся на локте, высматривая ее среди деревьев. Ничего там не различив, он встал и направился в другую сторону от костра, туда, где блестел лысиной камень, на котором Джайра точила меч. Здесь терновник был не такой жестокий и безропотно пропустил некроманта под тень листвы.

На другой стороне поляны Джайра подобно хищнику следила с крепкой яблонею ветки за неожиданным ночным гостем. Черно-зеленый костюм, едва различимый в отсветах огня, расписанный под листья. Разведчица. Цепляясь одеждой за приставучий кустарник, амазонка создавала много шума для шпионки, но старалась как можно тише подойти к источнику света, едва заметного с дороги. Дождавшись, пока гостя выйдет на более-менее открытое от колючек пространство, Джайра спрыгнула на нее, повалив к земле. От неожиданности девушка слабо вскрикнула, но Джайра зажала ей рот и подставила Шип к лицу.

— Миссия провалена, разведчица. По кодексу амазонок ты опозорилась. Покончишь с жизнью сама, или тебе помочь?

Наемница дала ей ответить:

— Ты-то мне и нужна, Джайра.

— Силия? Каким демоном тебя сюда понесло?

Она поднялась на ноги, позволив встать и амазонке.

— Кто тебя послал? Или ты принесла какое-то известие?

— Ни то и ни другое, — голос девушки дрожал. Хоть Джайра и не могла толком различить в темноте ее лицо, но по этому дрожанию могла точно сказать, что та вот-вот заплачет. — Боюсь, сенат амазонок скоро падет, и все из-за бессмысленной вражды, длящейся столько лет. Никто не в силах остановить эти раздоры... Помогите нам, пожалуйста! Амрена и все остальные... они бросили вызов Акадии! Я едва нашла вас!..

— Тише, — зашипела на нее наемница, на пару секунд обернувшись к костру. — И говори внятней. Я поняла только то, что Акадия уже не верховная амазонка...

— Да, так и есть! Пожалуйста, вернись в поселение и помоги ей разобраться с бунтом! Нас мало, а доводы Акадии уже не действуют на новый авангард. Нужно что-то делать, иначе они ее убьют...

— Я сказала: тише! — кроме всхлипов, она все равно ничего больше не слышала. — С какой стати я должна лезть в ваши дела? Они меня не касаются.

— Но ведь ты тоже была амазонкой! Ты одна из нас...

— Была! Самое большее, что я могу сейчас сделать, это разбудить Ксию и отослать ее с тобой. И то не вижу в этом смысла.

— Они не слушают Ксию, нужна ты! Ты всегда их ставила на место, помнишь?..

Резко кинувшись на амазонку, еще совсем девчонку, Джайра сверкнула на нее глазами, заставив умолкнуть и содрогнуться.

— Это было много лет назад и сейчас не имеет силы. Что ты можешь сама помнить? Тебе было всего ничего, маленькая новобранка. Даже тогда меня считали отступницей и

уловили момент посмеяться в след! Что может измениться в этот раз? Когда дворец амазонок был символом непокорного духа и независимости морали, вас чтили и считали героинями, теперь же эта независимость отреклась от своих собственных принципов и не понимает, что сама же себя и погубила. Полная безответственность. Так чего же ты от меня хочешь? Чтобы я убила всех несогласных? Это не выход. Да и немаленькие уже, сами разбирайтесь... И не ной. Слезами меня не разжалобить. Вы сами прогнали меня, сами оскорбили, и Акадия — больше всех, поэтому не ждите от меня отзыва — я *лживая наемница* с сохранившейся несмотря ни на что гордостью, и останусь ею. Если хотите сохранить мир в поселении, пора бы уже отказаться от старых порядков и посмотреть в глаза правде.

Оставив рыдающую амазонку, упавшую на колени и еле сохранявшую самообладание, Джайра тихо проскользнула к костру. Увидев пустую лежанку некроманта, она настороженно огляделась, сжимая рукоять меча. Обычно каким-то внутренним чутьем, существующим почти на уровне инстинкта, она чувствовала любую опасность, умела ее предугадывать и вовремя отражать или убегать, если победа не под силу. Но сейчас, хоть разум и кричал множеством догадок, очень убедительных и основательных, это чутье молчало. Если опасность угрожала не ей, то этому глупцу, вышедшему погулять в ее отсутствие. Хоть бы оставил какой-нибудь знак... да зачем ему это делать? Она ему никто. «Как и для всех...» Да и для нее единственный значимый в этом мире человек погиб ради известной только одному Создателю цели. У кого же спросить, почему Мортос убил Эврикиду? И что за тайны она скрывала?..

Услышав стрекотание сверчка, искусно изображенное Джайрой, Ксия немедля открыла глаза, будто и не спала глубоким сном. Указав ей молчать, наемница кивнула идти за ней в лес. Кинув взгляд на спящего Херона, Ксия прокралась в тень, еще издали заслышав всхлипы.

— Силия! Что ты здесь... Зачем ты сюда пришла? Что случилось? Да успокойся же ты и объясни мне все...

Поймав Золотку, Джайра на ходу затянула лошади подпругу и накинула уздечку, сквозь ветки проведя животное к хозяйке.

— Садись в седло. Наговоритесь на обратной дороге.

— В чем дело, Джайра? К чему такая спешка? Что случилось?

Джайра сурово наблюдала слезы разведчицы. Даже если бы она имела желание что-то сказать, то все равно бы промолчала — отчасти потому что не хотела снова выслушивать увещания, отчасти — потому что в стороне послышался треск сучьев под осторожной ногой. Никто не должен стать свидетелем падения символа независимости чуть ли не всего мира, даже этот благовидный некромант.

— Иди.

Одно короткое слово, ни прощания, ни напутствий. Ксия не нашлась с ответом. Помогая взобраться на лошадь разведчице, она неотрывно смотрела на Джайру глаза в глаза и только сейчас поняла, что истинной амазонкой была как-раз-таки Джайра, а не они все. Когда лошадь резко тронулась с места и понеслась наперегонки с ветром по дороге, Фарен вышел из укрытия, встретив тот же суровый взгляд наемницы.

— Что случилось?

— Я отвечу тебе на вопрос в зависимости от того, как много ты слышал.

Фарен развел руками:

— Ну, если не считать подобных вопросов от Ксии и плача этой несчастной девочки, я

ничего не слышал.

— Поэтому я и не отвечу, — ухмыльнулась она. — Мне не нужно тебе что-то разъяснять из услышанного, как и не нужно что-то рассказывать из происходящего. Это дело касается только амазонок, никого больше.

— Именно поэтому ты отказалась им помочь? — уже направившаяся обратно на поляну, она остановилась, обернувшись к нему. — Я ничего не слышал, повторяю. Но я прекрасно все понимаю.

Говорил он весьма серьезно для шутки, и на упрек это было не похоже, но как он узнал об обстановке в поселении?

— Как?..

— Как я узнал, ты хочешь сказать? Помни: я был раньше нормальным человеком и не раз наблюдал похожие случаи. Это просто смена власти. Если они сохраняют здравый ум в борьбе за верховенство, то дело обойдется мирно. Если нет, мне их жаль.

Лицемерно пожав плечами, Джайра двинулась вдоль кромки подлеска.

— Неужели тебя действительно не волнует, чем все закончится у них?

— Нет.

Некромант неотступно следовал за ней.

— Почему же?

— Какая тебе разница?

— Ты тоже была амазонкой, это твой дом, твои друзья, и неужели тебе все равно, что они перебьют друг друга?

— Все равно, потому что это ни одно из того, что ты назвал. Отстань от меня. Не лезь вообще в мою жизнь и дела, которые тебя не касаются, — это тебе не по зубам.

— Ну, да — ты-то у нас крепкий орешек, — усмехнулся Фарен.

Джайра резко обернулась, да так, что едва ли оба успели предупредить удар друг о друга. Светло-карие глаза Фарена, когда не отражали печальную суть его участи или же горделивую наглость в ответ на язвительность наемницы, представляли собой зеркало души иного рода, редкого и даже уникального. Мужество, стойкость, пылкость, твердость духа, явно воспитанные с годами многих испытаний и многочисленных побед. Этот человек, кем бы он ни был в прошлом, никогда не сдастся, с чем бы ни свела его судьба. И это проклятье было первым проигрышем в его жизни, с которым он тоже не хотел мириться до конца. Смелости и терпения ему не занимать, он даже взгляда не отводит от ее горящих негодованием глаз, а гневаться она была в своем законном праве.

— Да кто ты такой? Что ты копаешь под меня яму? Кто тебя подослал? Отвечай!

Вздохнув и обдав ее странным запахом шоколада, не понятно, откуда взявшимся, он покачал головой, не разрывая установившегося между ними разряда — глаза метали молнии у обоих:

— Каким же опасным человеком надо быть, чтобы считать всех, окружающих тебя, врагами. Меня никто не посылал, тем более — за тобой. Не скрою, твое лицо мне кажется знакомым, но говорю и завожу знакомство я с тобой впервые, хоть и наслышан о Буревестнике.

«Ага, вот ты и попался! Логика и рациональные действия — вот что для него характерно». Джайра сменила тактику.

Вдруг резко и неожиданно она рассмеялась ему в лицо, отчего Фарен опешил и только растерянно смотрел на нее, как от смеха она хватается за живот. «Либо она притворяется,

либо...»

— Что смешного я сказал?

Джайра продолжала заливаться. Этот подход, наконец, подействовал на некроманта. Ему не нравятся насмешки, тем более — тогда, когда он говорит очевидную правду. Что ж, возможно, это его сломает и откроет замок на его тайнах.

— «Опасный человек», да, да, — не утихала Джайра. — И это мне говорит без пяти минут монстр! Тебя выдает твоя беспечность, некромант. Знаешь ты об этом?

«Надо вогнать его в сомнения, и тогда он раскроется, как книга на нужной странице. Надо только чуть-чуть подтолкнуть его к откровению, и это не займет много времени — раненные души всегда ищут пристанище для отдыха».

Фарен посуровел. Отчасти ему была понятна игра этой наемницы, но со своими чувствами он не мог совладать до конца. Еще никто не мог так сразу вывести его из равновесия.

— Если ты сама говоришь мне о том, кто я такой, то должна понять, почему я так беспечен.

— Конечно, понимаю, — покривлялась Джайра, наслаждаясь тем, как это раздражает собеседника. — Ближе к ночи снова крови хочешь?

— Нет, как-раз-таки наоборот. Даже такие серьезные вещи ты умудряешься превратить в сарказм, — на глазах сомнения взяли над ним верх. Ехидство Джайры сменилось осторожностью. «Не спугнуть бы...»

— Нет предела совершенству, — пожала она плечами. — И что же, тебя это беспокоит?

Они продолжили идти медленным шагом друг за другом вдоль деревьев.

— Да. Это значит, что что-то не так.

Хорошо, что Джайра шла впереди. Она не смогла скрыть удивление, на пару секунд прорвавшее маску надменности. Другой бы радовался этому на его месте, но это было бы ошибкой. Похоже, этот человек больше понимает тьму, чем все остальные такие же «счастливицы», и поэтому имеет очень хорошее оружие против нее, но не подкрепленное знаниями. Надежда есть, только кто даст ей окрепнуть?

— Что-то изменилось, и важно понять — что, чтобы я мог использовать это...

Почти точь-в-точь ее мысли.

— А ты не думал, что если копаться в чем-то хорошем, то можно отпугнуть его своими беспочвенными опасениями? Наслаждайся спокойствием, пока жизнь позволяет. Мятежная душа может и потом нагнать упущенное.

Похоже, она что-то пробудила в нем. Внезапно он остановился, глядя на пустующий горизонт, словно увидев там восход солнца. Что ж, пока все идет по плану. Странно, что оказалось так легко натолкнуть его на откровенность, но Джайре требовалось узнать, кому он служит. Каким бы ни был этот вопрос жестким, а нужно как можно сильнее замаскировать его и тянуть ниточку с ключом постепенно.

Меланхолично осматривая тот же горизонт, что и Фарен, сложив руки на груди, она как будто между делом спросила:

— Если ты некромант, то где твое клеймо?

Фарен мгновенно переключил внимание на Джайру.

— У меня нет клейма. Я не раб, чтобы быть клейменным.

Искреннее отвращение. Теперь можно немного надавить.

— Тогда кто же тебя контролирует? Неужто храмовник? — ее изумление со стороны

выглядело тоже весьма искренне, но Фарена больше заинтересовал вопрос о клейме, чем ее попытки что-то у него узнать.

— Херон? Нет. Я сам себя контролирую. И вообще не понимаю о чем ты.

— Замечательно! — она всплеснула руками.

— Что?

«Неужели эльф ничего ему не рассказал? Даже самое малое, что должен знать зараженный тьмой? Немыслимо!» Он сам не знает, кто он такой, и не знает, что происходит внутри него. Если он не узнает этого сейчас, его убежденность в своих силах очень быстро растворится в сомнениях. «Конечно, всегда есть возможность того, что кто-то им управляет и без клейма — архимагу это под силу, но чтобы быть таким невеждой...»

— Ты знаешь, что такое проклятье некроманта?

— Еще бы я не знал! Уж получше тебя об этом знаю...

«Вот только не хватало, чтобы он сейчас строил из себя лихого парня...»

— Значит, не знаешь, — вздохнула Джайра, направляясь снова к костру. — Я говорю о знаниях, а не об ощущениях. Это своего рода болезнь, заражение тьмой. Чтобы она не распространилась по всей душе: совести, мечтам, стремлению, морали, чувствам, — для ее контроля нужна сила, способная противостоять и направлять в нужное русло. Вопрос: что это за сила, которая может быть намного сильнее тьмы?

— Жизнь. Верно?

«Ладно, хоть понятливый».

— Угум. Самое прямое поступление жизни в твое тело, изнуренное физически и уставшее сражаться с этой болезнью в одиночку, — при этих словах она обернулась к нему, обводя его глазами, как доказательство. От этого Фарен поежился, — это кровь и плоть, живые, естественно. Но этого недостаточно. Если твоя душа не сильна во всех тех составляющих, что я уже называла, и еще во многих других, то эта подпитка идет на усиление мрака. Вот почему некроманты такие чудовища, и вот почему обращенных стараются убить сейчас же, пока они не набрали мощь. Некроманты были в прошлом не просто людьми — это либо сопливые трусы, у которых нет воли, либо пораженные воины, сломленные под натиском мрака. Мой тебе совет: пока не нашел свое освобождение, следи за состоянием своей души, особенно если тебя некому контролировать.

Она остановилась. Оба стояли у того камня, где Джайра сложила свои вещи, поодаль ото всех. Пристально рассматривая некроманта, она спросила:

— Как давно ты не спишь?

Вопрос смутил его настолько, что тот не нашелся, что ответить.

Джайра вздохнула:

— Твой контроль отчасти зависит от того, в какой ты физической форме. Твой сон — это единственное, что я могу тебе сейчас предложить, — видя, как меняется его лицо, Джайра поспешно объяснила: — Это ради моей же безопасности. Не обольщайся на хорошее отношение рабовладельца.

Фарен усмехнулся, вспомнив, почему он здесь находится. И тут же сообразил, как ловко вывела она его на открытый разговор. И чего, опять же, она этим добивалась?

— Раз ты спрашиваешь, наверно, по мне это заметно.

Порывшись в своей сумке, она достала сверток величиной с ладонь и осторожно открыла его, протянув какой-то непонятный предмет Фарену.

— Что это? На вид мерзкое.

— Это Кровавый плод, и по-другому, как мерзкий, его больше и не назовешь. Ешь.

Он отшатнулся от протянутой руки.

— Ешь, — он все так же недоверчиво смотрел на нее. — Он поможет восстановить силы. Еще потом благодарить будешь.

Фарен осторожно прикоснулся к пульсирующему плоду, почти черному от переполнявшего его сока.

— А где гарантии, что я не сорвусь?

— В нем нет той магии, которая питает мрак. Он только восстанавливает жизнь.

Вдохнув поглубже, он принял плод из ее рук. На вид он казался слизким, и даже блестел соответствующе, поэтому был похож на сердце, настоящее сердце, но первое впечатление оказалось ошибочным — он был гладкий и крепкий, хоть и мягкий на ощупь. Поколебавшись еще с полминуты, Фарен откусил от него. Сок не брызнул во все стороны, как ожидалось, просто потек из мякоти как густое вино. И тут же внутри почувствовалось облегчение, напряжение ушло.

Расслабленно вздохнув, некромант взглянул на Джайру. Она не обращала на него внимания, погружившись в мысли, судя по едва заметной складке между бровей — слишком серьезные.

Джайра была разочарована в разговоре. Проникнуть к нему в душу у нее получилось, даже самой себе не усложняя жизнь его переживаниями, но ничего не узнав. Его никто не клеймил, а Мортос и вообще кто-либо другой из темных никогда так не поступил бы — это же законы магии, законы мироздания. Конечно, это был исключительный случай, что этот человек так стойко держится на своей праведной позиции, но ей не это сейчас интересно. Эльфы никогда не будут прислуживать тьме, на то они и эльфы, но даже под самой большой угрозой они ни за что не выдадут тайну, а по дружбе — так вообще лучше уберегут своих союзников от таких опасных секретов. Но некроманту храмовник все же что-то рассказал, ведь не стал бы тогда некромант идти первым на кражу.

— Где ты взяла это? — отвлек ее Фарен, указав на остатки Кровавого плода, который он уже почти доел.

— В Болотистой пустоши. Хотела продать, но тебе он нужнее.

— Опять же из соображений твоей безопасности, — усмехнулся он.

Она рассеяно кивнула, присев на камень и глядя в потухающие угли костра.

Ничего не выходит. Тупик. Даже если эльф и некромант не говорят полностью всю правду, все сходится к Эврикиде. Замкнутый круг. Эврикида слишком много знала, но это не мешало ей жить. Пока ее не нашел Мортос. Очевидно, что ему нужна была та же тайна, за которой пришли и эти двое, но навряд ли хоть кому-то теперь что-то удастся выяснить. Можно обратиться к знакомым ведьмы, самые сведущие в мировых тайнах — чародеи из Октавского Убежища, Пятиконечная Звезда. Сейчас у них тоже не лучшее положение — ведьма огня была одной из сильнейших среди сильнейших, трудно найти ей замену. Хотя в Ардонии есть еще много чародеев огня, способных дойти до такого же могущества, как и ее погибшая наставница. Чтобы выбрать нового хранителя Убежища, в Октаву соберутся четверо других хранителей. Не со всеми у Джайры были хорошие отношения, как, впрочем, и у Эврикиды, но попытаться стоит. Хотя наверняка ничего из этого не выйдет — сами чародеи тоже не захотят выдавать такие ценные знания, пускай даже и не кому попало. Остается только идти следом за Мортосом и искать возможности хотя бы отомстить. Джайра хмыкнула. Другие, кто преследовал с той же мстостью своих обидчиков, казались

всегда ей мелочными, жалкими, потому что мечь — это слишком затратное дело для своих сил и остроумия, которое в итоге может срикошетить. Но сейчас она чувствовала себя беспомощной, и другого способа как-то действовать дальше, найти следующую цель для себя, найти ответы на свои вопросы она больше не видела. Это отчаяние? Нет, это просто растерянность...

Фарен пристально смотрел на Джайру, пытаясь прочитать в глазах, о чем она думает. Эта наемница обладала удивительными способностями, и он был уверен, что это далеко не все, что она умеет. У такого человека должны быть очень масштабные планы. Собственно, из-за этих-то планов она сейчас и чего-то допытывалась у него. Но разговор сошел на такую нейтральную тему и даже на благожелательный конец, что он не мог понять до конца, что пошло не так. Самых сильных всплеска эмоций было два: когда он посмеялся над ней и когда ответил, что у него нет клейма. Первый можно обусловить ее защитной реакцией, но по второму ничего не понятно... Или она пыталась выяснить, стоит ли ей от него избавиться, или пыталась узнать, откуда он, или же хотела услышать имя его повелителя... Почему-то ему казалось, что последнее — наиболее вероятно. Видимо, она зашла в тупик в своих размышлениях, и Фарену хотелось ей ответить той же дружелюбностью, с которой она отдала ему очень редкий фрукт, сравнимый по ценности с королевскими доспехами, а уж среди чародеев — и того больше. Пускай даже эта дружелюбность и была прикрыта условиями, но она того стоила. «Я же не хочу все-таки таскаться за ней по всей Ардонии, как пес! К тому же, если кто-то из нас не пойдет на уступки, это все может очень скверно кончиться».

Прочистив горло, тем самым обратив ее внимание на себя, Фарен как можно более осторожно произнес:

— Если ты хочешь что-то узнать от нас, ты могла бы напрямую задать свои вопросы, а не тянуть из нас правду уловками. Рассказать то, что скрывают эльфы, я все равно не могу — я тоже дал обещание — но ответить на другие вопросы я не против.

Джайра безнадежно покачала головой, возведя глаза к небу. «Думал, возьмет меня своей благосклонностью. Нет уж! У меня тоже свои тайны».

— Отдыхай, иначе не выступишься, — бросила она через плечо, снова уходя в темноту деревьев.

Разведя руками, Фарен усмехнулся.

«Вот и пойми ее... Сама же отказывается. Гордая...»

Действительно почувствовав сладкую тягу сна, он снова прилег под навесом. Херон мирно спал, видимо, устав — не привык к таким приключениям. Еще бы, его знатность не позволяет ему путешествовать самому, и все эти рассказы о поручении Кворума — ложь. Он сам пошел на поиски пропавшей ведьмы, а возможно, и ответа, как уберечь мир от зла, где искать спасителя. Этот же спаситель помог бы и самому Фарену, только, похоже, единственный шанс что-то узнать упущен, и они в таком же тупике, как и наемница. Теперь Херон наверняка вернется снова на свою родину, а Фарену ничего не остается, как отправиться в столицу и искать хоть что-нибудь там...

Глава 3

Падшие

Против всякого обыкновения высокие резные ворота были открыты, а единственными стражницами были искусно вырезанные воительницы на створках. Въехав во внутренний двор, прямо к кольцу фонтанов перед статуей Имраны, и резко остановив лошадь, Ксия спешила, вглядываясь в мерцающие огни Дворца Справедливости, наполненного в этот темный час шумящей толпой. Слушая всю дорогу смешанный с всхлипываниями и слезами рассказ разведчицы, своей подопечной, амазонка и так вполне ожидала грядущих событий, но не так скоро. Конечно, из авангарда стать легатом нельзя так быстро, но не в звании все дело. Унаследовав часть авторитета отступницы Джайры, она стала негласным лидером, голосом совести всех, кто младше легатов, объединив часть из них в продолжение идей Акадии, но более сильное, нежели представляла сама легиора.

На подступах к лестнице к ней от дверей Дворца спустились единомышленницы.

— Ты как раз вовремя.

— У нас еще есть время, пока легаты спорят между собой.

— Что говорят? — не останавливаясь ни на шаг, Ксия взбегала по лестнице. Разум начинала охватывать паника. «Что за вздор... Надо вести себя как Джайра».

— Изабелль и Леона пытаются сохранить порядок, но им долго не удержать стражниц. Легаты ни на кого пока не обращают внимания и не дают высказаться другим. Раманта заменяет голос Амрены, говорит, она ее опцион.

— Опцион? — усмехнулась Ксия. — А она, что, уже легиора?

— Нет, но даже будучи не в силах стоять на ногах, претендует на трон. Но против нее стоят все легаты, как и против легиоры.

— Что говорит Раманта?

— Что у ее госпожи есть неопровержимые доказательства предательства легиоры, что она защищала амазонок от разрушительных планов изменницы и ее отступницы, и поэтому у нее есть все права стать верховной амазонкой, но из благородных чувств к сестрам она не станет навязывать свою волю, пока мы все сами этого не захотим.

Авангардистки сурово переглянулись между собой. «Нам нужен лидер. Только один человек должен усмирить всех... Как жаль, что Джайра не осталась...»

— Где Акадия?

— В часовне. Заканчивает плач по Эврикиде.

— Лучше бы ей забыть пока о своем горе и обратить свой взор на сенат...

— Оставьте ее, — спокойно произнесла Ксия, — убитый горем правитель никому не нужен. Пусть сначала справится со своими чувствами. Она придет к своему народу сама, вот увидите. Она нуждается в нас так же, как и мы в ней.

— Только поймет ли это сенат?

Снова молчание, если можно молчать, слыша этот шум, угнетающий душу. Здесь и сейчас находились самые смелые юные девушки, поддерживающие порядок во всем поселении амазонок по мере своих сил. Вот только напрямую влиять на ход событий они не могли — последней преградой, как и последним убежищем, был закон. Нарушить закон — значит, разрушить все связи, что держат амазонок вместе.

— Так или иначе, но мы не можем позволить Амрене стать легиорой, — уверенно

произнесла одна из девушек. Тут же ее поддержала другая:

— Именно. Если она станет во главе племени, то обязательно пойдет войной на короля Ардонии.

— Не просто войной. Она будет пробиваться к власти, пока не добьется своего.

— Главное — сейчас не дать ей шанса превратить наш сенат в самоубийственную армию.

— Нужно собрать всех, — прервала тягостные мысли Ксия, — всех, кто стремится сохранить мир. Авангард, стражницы, разведчицы, лучницы, — всех.

— Елена все еще смотрительница Дворца. Я попрошу ее поддержать нас — если Дворец останется за нами, легаты могут спорить сколько угодно, но трон не получают без нашей доброй воли.

— Думаю, нужно отвести послушниц в часовню. Они не должны видеть эти междоусобицы, пусть лучше учатся стойкости духа у молящейся легиоры.

— Нужно уговорить центуору приготовить копейщиц дать отпор недовольным.

«Правду говорила Джайра: вовремя сказанное слово меняет все».

Подхватывая на лету каждое слово друг друга, амазонки предпринимали все возможные меры сопротивления любым переменам, могшим дать возможность кому-либо из легатов перехватить инициативу в свои руки, не думая о том, на чьей стороне будет перевес. Войдя под своды Дворца, девушки, не привлекая внимания, разошлись по всему залу. Все амазонки перешептывались между собой, и только легаты соревновались друг с другом больше в громкости голоса, чем в весомости доводов.

— ...Да кто ты такая, чтобы перебивать старших по рангу!

Стоя неподалеку от смотрительницы Дворца Справедливости, внимание которой уже привлекла одна из авангардисток, Ксия наблюдала, как две девушки поспешно выводят послушниц, оставляя двери открытыми. Центуора внимательно выслушивала еще одну авангардистку, наклонив к ней, шепчущей, голову и не отрывая сурового взгляда от легатов.

— Меня наделила своим голосом Амрена, как я уже сказала.

— Но, тем не менее, простое послушание никто не отменял.

Центуора согласно кивнула и осторожно пошла по периметру зала, касаясь ладонью плеча каждой копейщицы и повторяя одну и ту же команду.

— А зачем ему существовать, когда даже сама легиора не следует законам амазонок?

— Да как ты смеешь!..

— Никому не дано права, кроме легата, открыто выразить недовольство легиорой, и уж тем более — оскорблять ее!

— Акадия сама виновата, что довела все до такого плачевного состояния...

В слабом туманном сиянии, предвестнике рассвета, тяжело опираясь на трость, в зал вошла Амрена. Глаза горели лихорадочным жаром от слабости, на лбу выступила испарина, но вся ее сила выражалась только одной ее полуулыбкой, злобной, саркастичной, презрительной, какой она одаривала всех, на кого попадал ее взгляд, обводящий присутствующих. Разрывая постепенно смыкающееся кольцо копейщиц и примыкающих к ней второй линией лучниц, она ясно дала понять, что прекрасно видит происходящее, усмехнувшись при взгляде на центуору.

— О! Да тебя, наверно, даже гроб не удержит! — вместо приветствия прозвучало ей от легатов.

— Надо мной ли вам глумиться.

В ожидающей тишине только Раманта нарушила остолбенелость, встав по правую руку от Амрены. Легаты готовы были направить весь свой пыл на нее, но явно из любопытства ожидали ее объяснений. Авангардистки переглянулись, и крайняя из них к двери, сделала пару осторожных шагов к выходу.

— Оставь эту затею, — немедленно отреагировала на нее легат. — Акадия даже сама себе не может помочь, а уж вам и подавно. Да и не нужны вы ей...

Склонившись над тростью, она дрожала от смеха, хотя, скорее, ее одолевал озноб...

— Ты спятила! Видно, отступница тебе и мозги повредила!

— Да она давно уже свихнулась на своей идее заговора!..

— Да что вы об этом знаете! — внезапно оглушила она легатов. — Визжите, как гиены при виде хорошего куска мяса в лапах льва, а сами не понимаете, что кусок вам не по зубам. Акадии на всех вас наплевать! Она оплакивает свою драгоценную Эврикиду, эту проклятую ведьму, приведшую сюда это отродье Джайру...

Ужасное предположение, одновременно достигшее всех умов, пронеслось испуганным вздохом и растерянным, совершенно не нужным движением по всему залу.

— Да-да, — продолжала Амрена, едва держась на ногах, — именно так. А как вы объясните, почему эта девчонка появилась в поселении после нападения некромантов на Пекну? Почему ведьма так опекала ее? Почему Акадия потакала ей во всем и обучила всему, что знает сама? Зачем такое внимание одной жалкой бродяжке? Без рода, без имени... без жизни.

«Она бредит... она бредит...» Из всех амазонок только одна Ксия боролась с сомнениями. Уж она-то знала Джайру...

Вместе с рассветом в зал тихо вошла Акадия, слышавшая из открытых дверей весь разговор, разносившийся по площади. Поглощенные речью легата, никто не обратил на нее внимания.

— Все эти годы все наше поселение было укрытием только для Джайры! Вспомните, сколько раз за время ее нахождения здесь на нас нападала нечисть? Все это время мы защищали только ее! Она получила нашу жизнь! Это мы должны были бы владеть сегодня мечом так же, как она. Вместо этого наша украденная жизнь тратится на весь этот никчемный мир, погрязший в хаосе. Раньше мы могли сражаться с кем угодно, могли бросить вызов самим дроу — могли противостоять их магии. Вы и сейчас думаете так же, верите в это. Простушки! Нас обвели вокруг пальца! Мы даже одного человека не можем одолеть — она с победой сегодня ушла из поселения. Ведь это все — только видимость. Ложь!..

В очередной раз оглядывая зал, Амрена наткнулась на ледяной взгляд Акадии. Легиора, пропускаемая с изумлением глядящими на нее амазонками, подошла к Амрене:

— Зачем ты это делаешь? Хочешь, чтобы я ушла с трона? Я уйду, только не разбивай им сердца...

— Чем поможет твой уход? — прошипела женщина. — Амазонок уже давно нет. Это чудовище должно было стать последней амазонкой, да только отбилась от рук, сорвалось с поводка. Ведь так, Акадия?

— Не впутывай Джайру...

— Я? Я ее впутываю?! Это ты, верховная амазонка и легиора, впутала сюда эту мерзость! Погубила все то, ради чего мы все здесь живем! Еще не все потеряно — я отослала сокола к заставе, чтобы они не пропускали ее. Если мы снова оденем ошейник на это

отродье, у нас будет в руках оружие огромной силы!..

— Джайра никогда не склонит голову перед кем-либо! — терпение Ксии лопнуло. Она это сделала из отчаяния, но только добавила масло в огонь.

Амрена медленно повернулась к ней.

— А, малютка Ксия, главная почитательница этого демона. Она тебе не говорила сама, откуда она родом? Конечно же, нет! Она и сама ничего о себе не знает. А знаете, почему она так важна для всего мира?..

— Не делай этого! — в этот раз отчаяние одолело Акадию. Амрена снова обратила взгляд на нее.

— Это правда? — к легиоре подошла центуора. Лицо вот-вот могла исказить гримаса боли, в глазах отражалось уныние всего мира. — Скажи! Все, что ты говорила в минуты, когда мы оставались вдвоем обсудить дела, — все это правда?

Эхо многократно повторило «правда», похожее больше на плач чаек. Никогда еще тишина под сводами Дворца Справедливости не была такой тяжелой.

Нерешительный взгляд Акадии вызвал у центуоры выдох, больше похожий на звук удушения, чем на дыхание.

— Мира? — к ней шагнула одна из копейщиц, обеспокоенная реакцией учителя. И сама тут же растерялась от собственного дрожащего голоса.

— Мира, прошу тебя, не воспринимай все так плохо, — покачала головой Акадия. — Для нас еще не все потеряно...

— Потеряно? — воскликнула одна из авангардисток, говоривших с Ксией на лестнице за пару минут до этого. В глазах стояли слезы. — Что это за страшные слова она говорит? Почему мы все потеряли? Когда это случилось?

В поисках ответа все женщины смотрели друг на друга, но видели только такое же безграничное отчаяние.

— Акадия, что же это? — как и предсказывалось, даже легаты снова обратились за помощью к легиоре. Но она молчала.

Неожиданно для всех центуора кинула свой меч к ногам верховной амазонки. По лицу прошла едва сдерживаемая судорога горя.

— Кому я служила все это время? Кого я учила? Все это было для отвода глаз? Спектакль для стервятников? Ответь мне, моя госпожа!

Легиора снова вздохнула:

— Надо было мне отпустить Джайру, когда она просила об этом. Тогда бы ты до сих пор молчала, и глядишь, добилась бы своего. Но твоя уязвленная гордыня захотела вытащить свой авторитет из грязи, хотя ты даже не падала. И так было всем ясно, что Джайру превзойти нельзя — ее мастерство доведено до совершенства, которого нам никогда не достигнуть. Она даже не покупается на такие мелкие едкости, какими ты выплескиваешь на всех свой яд... Ну зачем ты рассказала им об этом? Что тебе это дало?

— Ответь мне, Акадия, — прошипела Амрена, глядя на женщину исподлобья, — что от вашего заговора с Эврикидой получила бы ты? И что досталось бы всем нам?.. Молчишь? А я отвечу: ничего. Все это было ложью.

Небо заметно потемнело, откуда-то издалека донесся раскат грома.

Начиная с ближних рядов, все женщины начали бросать оружие на пол. Грохот металла о мраморный пол отдавался от стен и купола так, будто рушились стены огромной крепости. Ксия не верила своим глазам. С оружием в конце концов остались только она и Акадия.

Амрена прошептала:

— Так знаете, почему Джайра так важна для всего мира?..

Легиора умоляюще взглянула на амазонку.

— Посмотри, чего ты добилась! — опомнившись, что она сорвалась на крик, женщина прикрыла рот рукой, обведя всех взглядом, и, немного успокоившись, продолжила: — Амазонок больше нет, так оставь в покое это дело! Нет нужды раскрывать этот секрет всему миру. Об этом никто не должен знать до предназначенного часа...

— Я скажу. Ничто меня не остановит. Она так важна, потому что она...

— На нас напали! — в общем горе никто не слышал, как через всю площадь ко Дворцу из последних сил бежала разведчица, ворвавшаяся не к месту и не к времени с роковым известием.

По залу в воздухе пронесся странный, похожий на демонический, смех, стусившийся на пустом троне, над которым мгновенно проявились сквозь невидимую дымку кроваво-красные глаза и очертания эльфийской фигуры. Под общий вдох ужаса по залу снова пронесся этот гадкий смех, и своды Дворца Справедливости сотряс гром, разбивший купол. Осколки величиной с наконечники копий разноцветным водопадом посыпались навстречу устремленным к ним взглядам...

Глава 4

Монетки из козырной

— Подъем! Солнце уже высоко и не будет вас ждать целый день, как и я!

От такого крика Фарен вздрогнул, но по старой привычке немедленно сел. Джайра не преминула отметить про себя, что это признак казарменной службы. Протирая глаза, он осмотрелся. Рядом что-то с аппетитом ел Херон, так же аппетитно пахло жареным мясом с какими-то приправами. Лошади были все еще стреножены, но заседланы и зафиксированы поводом. Сама наемница сворачивала навес, но все это делала впопыхах, будто кто-то гнался за ней. И было отчего так торопиться. Еще до рассвета Джайра заметила синего сокола, летевшего к заставе, видневшейся одинокой стеной посреди дороги. Если в поселении все так и произошло, как то ожидалось, то наверняка стражницам послали приказ не пропускать их. Теперь вся надежда только на привратницу: если она сохранила благоразумие и не поддалась общей панике, то все еще может обойтись, если же нет... Жаль, что придется пойти на жертвы. Чтобы отвлечься от произвольного составления плана прорыва, она подумала о том, не сказать ли эльфу, что это полевая крыса, а не фазан? «Он, конечно, разницы не знает — куда ему! — но было бы забавно увидеть его реакцию».

Кое-как продрав глаза и стараясь отогнать сонливость, Фарен взял одну из палок с нанизанными кусочками мяса и принялся к нему. Затем удивленно посмотрел на Херона, уплетающего за обе щеки свою порцию.

— Правда, восхитительный запах? Я и не думал, что фазан может запечься до такой хрустящей корочки!

Удивившись еще больше сказанному, он увидел появившуюся самодовольную улыбку наемницы, проходящей мимо с поклажей. Уж он-то знал истинный вкус птицы, но обижать друга разоблачением жестокой шутки не стал.

— Да, действительно... А куда мы так спешим?

Такой формулировки вопроса Джайра не ожидала, поэтому как-то не сразу нашлась что бы ответить подходящего.

— Лично я — никуда, а вот вы — да. И поживее!

Видимо, до этого без Фарена не решавшийся поинтересоваться у наемницы, Херон тихо спросил:

— А где Ксия?

— Ушла, бросив вас мне на растерзанье. Быстрее! — она вырвала еще одно покрывало, служившее подстилкой, из-под Херона, из-за чего тот повалился вперед, едва не угодив на тлеющие угли. — Если будете и дальше так рассиживаться, вас снова схватят, а я не собираюсь больше за вас заступаться.

Откинув даже нетронутое мясо, Фарен направился к своему коню. Херон, отстав на пару шагов, последовал его примеру. Джайра верхом, припав к шее коня, выезжала из подлеска, подгоняя Ворона бежать рысью. Купленные деревенские лошаденки едва поспевали за ним и то и дело сбивались в легкий галоп. Совладав со своей лошадью, Херон как можно тише спросил у Фарена, перегнувшись через переднюю луку:

— Ты понимаешь, в чем дело?

— У амазонок не все гладко сейчас. Возможно, Акадия уже не легиора. Я думаю, Буревестник предполагает, что на заставе нас могут не пропустить по приказу новой

правительницы.

Оба с тревогой переглянулись. Опасения Джайры передались и им. Уже подъезжая к воротам высокой арки, единственным просветом среди высокой стены, она указала им остановиться и ждать поодаль, в пределах слышимости. Сама же подъехала к стражницам, заинтересованно наблюдавшим за ней.

— Светлый день, совята! — с насмешкой обратилась к ним она, подъехав почти вплотную, держа поводья только правой рукой, левой же подбоченясь — так рука ближе находилась к мечу. — По времени пора бы уже и смене быть.

— Что делают здесь эти двое? — гневно произнесла одна из стражниц, испепеляя взглядом спутников наемницы. — Мы не пропускали их через заставу!

Чтобы скрыть беспокойство и выкроить время для раздумий, как поступить дальше, Джайра обернулась на сопровождаемых — на заставе еще ничего не знают.

— Да вот, их выловили из лап троллей, вывожу их обратно из поселения — как бы они и там бед не натворили. Кто у вас сегодня за привратницу?

Вторая амазонка воздела голову к верхушке стены, прокричав:

— Рина!

Через стену на пару мгновений перегнулась еще одна амазонка постарше и тут же спустилась по лестнице внутри стены, оказавшись рядом со стражницами.

— А, это ты, предвестница бурь. Сожалею о твоей потере.

Повезло, что эта амазонка была не из числа сторонниц Амрены.

— Спасибо за сочувствие, — кивнула наемница. — Не откроешь ли для меня и моих подопечных ворота? Меня ждут в Накре, да и не хочется мне долго нянчиться с этими дурными головами.

Привратница долгим немигающим взглядом посмотрела на Джайру, что той сразу стало понятно — что-то не так.

— Конечно, это моя обязанность.

Встав на возвышение у механизма замка, амазонка поворачивала в скважине ключ, отданный ей на хранение, выполняя сложную комбинацию поворотов. Джайра махнула всадникам ехать вперед. Без замешательств оба рысью направились к открывающимся стальным решеткам. Над самым ухом, где стояла Рина, Джайра услышала ее шепот:

— Поторапливайся. Смена уже в пути, я получила письмо с приказом арестовать тебя, а если будешь сопротивляться — убить. Если мои стражницы увидят письмо у меня на столе, они последуют приказу легата, а не моему, и я не смогу вас защитить.

Вздыхнув и, как ни в чем не бывало, повернувшись к привратнице, наемница жизнерадостно произнесла:

— Спасибо, Рина. Чтоб я без тебя делала!

С пониманием кивнув друг другу, обе разошлись. Некромант и эльф уже были по ту сторону стены, Джайра направила Ворона неторопливым шагом под арку, как сверху донесся крик еще одной стражницы:

— Измена! Схватить их!

Рина, сделав какое-то неуловимое движение копьём, явно намеренно зацепилась наконечником о прутья решетки, тщетно пытаясь высвободить его. Джайра голосом выслала коня в галоп, подняв тучу дорожной пыли. Привратница, оставив копьё, с опозданием повернула ключ, и решетки с визгом захлопнулись. Под аркой началась суматоха, но никто бы уже не смог догнать всех троих, несущихся во весь опор в ближайший город.

Когда вдали показались первые постройки, Джайра придержала коня. Фарен и Херон поравнялись с ней, тоже переведя лошадей на шаг.

— В поселении что-то случилось? — тревожно, почти забыв о своей маске, произнес эльф, заглядывая в лицо наемнице, накидывающей капюшон и натягивающей повязку до самых глаз: не видно ни единой черты лица, ни единого волоса. — Почему крикнули «измена»?

Джайра молчала. Его тревогу можно понять — договор с эльфами всякий раз при новой легиоре заключается заново, и если их бегство помешает этому союзу, в ответе за это будет только он, никак не наемница или кто-либо другой. Но был ли смысл говорить ему о том, что его опасения уже, возможно, сбылись? Ей это казалось лишним, если что — пусть некромант объясняет, раз он такой искусный политик. И снова эти мысли о его прошлом. Как мог дворянин, политик и воин, стать некромантом? Возможно, он еще и рыцарь. Шутка судьбы или чьи-то козни? Впрочем, еще предстояло узнать его получше, покопаться в душе — может, удастся выяснить, что его кто-то контролирует...

— Слушайте меня, если не хотите попасть в неприятности, — изменения в голосе поразили не одного эльфа. Навряд ли это чудодейственная повязка на лице, больше смахивающая на разбойничью, этот видоизмененный голос принадлежит только ей: и не женский, и не мужской, что-то похожее на юношеский, но такой тягучий и шипящий, что по нему можно было назвать занятие человека, но не его самого. Соглядатай, вор, ассасин, не меньше. — Буревестника здесь не знают, но зато знают Лиса. Знают и другого человека, но вам лучше обращаться ко мне «Лис». Ясно? И не вздумайте задавать глупые вопросы — станете либо жертвами, либо шутами.

— Может, мы лучше поедем дальше? — растерянно произнес Фарен, подыскивая ответ в своих познаниях, куда же она их ведет.

— Нет, если вас не увидят со мной, на Девичьей дороге вас обокрадут до нитки. То, что с вами я, — залог вашего безопасного выезда на дороги.

Замолчав и дав понять всем своим видом, что к разговору больше не расположена, Джайра двинула Ворона размашистой рысью дальше.

Первым более или менее крупным городом по дороге от амазонок был Накр, с виду ничем не примечательный разросшийся поселок, но спрятавший в своих стенах один из центров Гильдии воров, следивший и за Южными Провинциями, и за городами Озера Дождей. Мало кто это знал, возможно, только сами вору. Хоть Гильдия и представляла собой единую сеть, главы центров недолго любили друг друга. Хорошо то, что Лис, тот самый Лис, что обвел вокруг пальца и выставил из Китрана главу местной Гильдии — «гнезда», как зло ее называли другие, — был в почете в «охотничьих угодьях» Накра. Собственно, был даже одним из основателей. «Певчего» еще долго не могли выбрать, но Лису все равно были уже не рады в самом крупном торговом городе Ардонии, поэтому если и нужно было что-то узнать, то сделать до Октавы это можно было только в Накре. Сам же городок был мало населен, но через него многие начинали свой путь наемника, головореза и других авантюров, так что и не скажешь, что здесь мало кто жил.

Протолкавшись сквозь толпу искателей приключений, все трое остановились у мрачного трактира в самом сердце города. Разместив подопечных в комнатах, Джайра подседа к трактирной стойке, опустив повязку. «Егерь» — сам трактирщик, еще тот пройдоха — покосился на нее, но не отреагировал. Зачем показывать другим, что в «охотничьих угодьях» снова появился Лис? Посетители трактира мало на нее обращали

внимание, но излишняя предосторожность теперь ей не мешает в любом месте и в любое время.

Через весь зал тянулся, отпихивая мелкие столы по углам, широкий и длинный дубовый стол, пропитанный соками еды и выпивкой. Кое-где древесина пошла ожогами и глубокими морщинами от восковых свечей и долгих лет. Этот стол давал отдых многим путникам всех рас и классов и слышал немало слухов, историй, небылиц и новостей, и сам был их источником. Все места были заняты круглые сутки, но даже в такой тесноте не было никаких возмущений. Джайра не подсаживалась к остальным, держась в стороне. Настроение у всех было отнюдь не праздничное: много кто жаловался на жизнь, вспоминал старину и бранил на весь мир короля и придворных. В общем говоре не разобрать было чей-то один голос, однако один наемник с густой черной бородой сумел перекрыть голоса других.

— ... А я вот что скажу: Протектора бы нам сейчас! Уж он-то бы установил свои порядки! Как не крути, а с ним бы мы зажили лучше, развернись преисподняя!

— Протекторов не бывало уже пару тысяч лет, — отозвался с дальнего конца трясущийся старик. — Они исчезли, как и их мертвый язык. Народ сам правит своим миром...

— Нет, брешишь, бестия! — отозвался местный кузнец, вскочив с места и приложив пивную кружку о столешницу. — Если бы Протекторы исчезли, мы бы все жили в страхе и в хаосе!

Подражая своему мастеру, вспрыгнул со стула его мальчишка-подмастерье:

— Да! И язык их не мертвый, а бессмертный!

Все сидящие дружно загоготали, но потом одобрили слова смышленьша.

— Только где же их найти?..

— Говорят, их княжество давно скрыто от посторонних глаз, а кто туда сунется — больше не возвращается...

— Это эльфы туда никого не пропускают!

— Мы сами виноваты, что испортили с ними дружбу. Бессмертных нельзя оскорблять, никогда!

— Да будь они прокляты со своими драконами и метаморфами! Нам хватает нынешних уродов!..

— Химеры-метаморфы здесь не причем — они как-раз-таки сражались за них! А о драконах не слышно и того дольше, чем о Протекторах.

— Нет, с ними было лучше...

— Но послушайте! Если мир еще не рухнул в бездну, значит, Протекторы еще есть!

Эта новость больше всего воодушевила гостей. Пошел тост за тостом в честь Протекторов и их желанного возвращения. Джайра не верила в эти сказки, хотя Эврикида очень долго пыталась заставить ее принять их на веру. Кто бы мог подумать, что в народе снова вспомнили об этих легендарных воинах, дарующих прощение благодатным светом, дарованным им Небом... По правде говоря, за последние лет пятьдесят народ претерпел множество лишений и невзгод, но еще не скоро дойдет до открытого бунта, так что незачем было во всеуслышание проклинать и Бессмертных, и короля — мало ли что может случиться. Невольно Джайра вспомнила один из вечеров у костра с Эврикидой, когда та, в порыве пьяного веселья, шутки ради учила ее придворным танцам и не отвязалась до тех пор, пока ученица не принялась за эти танцы всерьез. Тогда-то она и бросила попытки

записать Джайру в сторонники Протекторов. «Танцы потребуются тебе! А как ты думаешь еще проникнуть в дворцовое общество? Еще ни один герой из легенд не показывал себя неуклюжим троглодитом на балах! Даже великий Эндур Мракоборец, а ведь его руки загубели от тяжести меча...»

— ...Эх, зря ты не веришь! Когда-нибудь, — с бутылкой вина с пекнских виноградников в руке ведьма качалась прямо у костра, театрально жестикулируя, — мир снова увидит Протекторов! Я клянусь в этом, и ты тому свидетель, — опасаясь за свою наставницу, как бы та не упала в огонь — ей-то он ничего не сделает, а вот одежда сторит мгновенно — Джайра пыталась поймать ее руку. — Я сама знала одного из них. Поверь мне, скоро все увидят чудо!..

— Да-да, конечно, — поддакнула Джайра, вынимая бутылку из рук Эврикиды. — По моему, тебе уже достаточно.

Усадив женщину на покрывало, она села на свое место и тоже глотнула немного вина.

— Дай-ка мне еще этого бардового. Да и ты еще мала для такого напитка! — ведьма выхватила из ее рук вино и запрокинула голову, жадно глотая.

— Для вина — мала, а для меча — так нет? — возмутилась Джайра — Странные у тебя суждения.

Через пять минут наставница уже спала, а на утро жаловалась Джайре на бушующих в голове насекомых и упрекала ее и себя за то, что не остановилась вовремя. Что они праздновали тогда, Джайра не помнила, но такие вечера вдвоем были очень редки, поэтому и остались в памяти. К тому же, это был последний перед их долгой разлукой, окончившейся погребением.

«Все это сказки», — сказала она сама себе.

Через некоторый промежуток времени в трактир спустился эльф и, не церемонясь, подсел к наемнице.

— Спасибо тебе за все. У меня не хватило бы денег даже на ночлег, не то чтобы на лошадь...

— Можешь оставить ее себе.

— Благодарю, очень благородно с твоей стороны. Я и мой народ будем рады тебя увидеть в Западных Лесах.

— Да? В прошлый раз вы были со мной не так уж и дружелюбны.

— Ты была в наших краях? — удивился эльф. — Тогда, возможно, ты меня знаешь?

— Нет, тебя я не припоминаю, но храмовники меня не интересуют. Тем более что они предвзято относятся ко всем приезжим.

— Да, — слабо засмеялся эльф, — это в их привычке. И все же — когда там будешь снова, спроси меня, Херона, и тебе предоставят укрытие на любой срок.

— Спасибо за одолжение. Переночуешь и утром можешь проваливать на все четыре стороны. Свободен.

Она спешила скорее отвязаться от эльфа, потому что вернулся трактирщик, который сейчас разнимал разбушевавшуюся компанию гуляк, все из-за того же спора о Протекторах. Эльф, снисходительно улыбнувшись, снова поднялся в комнаты, дабы не привлекать внимание посетителей. «Егерь» подозрительно проводил его взглядом, опершись на стойку перед Джайрой.

— Странных людей ты с собой привела, хитрец из хитрецов. Кто они тебе?

Джайра отмахнулась:

— Да так, попались на дороге, какие-то эмиссары, да только бедны как мыши. Уж лучше ты мне расскажи, что новенького на задворках?

Трактирщик безразлично осмотрел помещение будто бы в поисках новых заказов. Ничего подозрительного не заметив, он продолжил разговор вполголоса:

— Да что тут новенького... Есть парочка монеток, что нынче звенят и всем покоя не дают. Объявился тут в лихачах новый атаман, говорят — бывший конокрад.

— Да ну! — засмеялась Джайра, узнав в этом атамане старого знакомого. — Занятно.

— Из козырной интересные птички, — таинственно продолжал вор. Наемница проследила за Фареном, устроившимся за крайним к ним столиком и заказавшим у помощника трактирщика выпить.

— Что лопочут?

— Да будто с верхушки кто-то козырного туза обдесятить хочет, подбирает картишки половчее. В гнездо крикуна посылал, и будто не простого — крикун тот шороху навел, даже певчего свою кровь пить заставил, говорят — не нашего полета ястреб, не простого.

Она нахмурилась, ничего не понимая.

— Пстой, то есть как это — не простого? От вездесущих что ли? — и едва заметно указала на свою татуировку-метку на лице.

— Нет, — покачал головой вор, — в том-то и дело. Из этих... ну... ты знаешь, — он понизил голос до шепота, — из Хладнокровных.

Джайра помрачнела. «Что нужно клану нечисти в Ардонии?»

— Что дальше?

— Да сильно он пальцем в небо тыкал, тебя спрашивал.

— Меня? — недоверчиво спросила она.

— Ну, Лиса то есть. А его никто не видел уж давненько, а монетки не дают — дорого больно они потом обойдутся от самого Лиса.

Наемница усмехнулась.

— Правильно шевелятся.

— Вот и я говорю. Дык крикун тот, похоже, кого-то в золотнике унюхал, так как швырнул туда кости.

— А где именно в золотнике? На решке или короле?

— Нет, — округлил глаза вор, сам пораженный такими новостями, — на шпильке.

— Шпильке? Интересно, — давно было понятно, что королевская власть дала трещину, но чтобы пропустить в свои ряды воров — в сам Шпиль Королей, королевскую резиденцию — это было уже слишком. — А кто с верхушки кричит, крикун не кашлял?

— Нет. Певчий тоже знать бы хотел, да забился. Ждет, пока пыль от копыт уляжется. Да никто и не хочет хвост прижимать, уж сильно капкан большой.

Джайра задумалась. Кому понадобились способности Лиса, да еще и для того, чтобы обокрасть самого короля? Клан Хладнокровных — сборище вампиров, оборотней и вурдалаков, которым заправляет только один лидер, но ему безразлична Ардония. Может, это опять же козни архимага?

— Дружище, — снова окликнула она трактирщика, — а сделай-ка мне милость: узнай для меня, где в последний раз видели темнейшего.

«Егерь» немного поколебался, разглаживая бороду, потом два раза прочистил горло, и к стойке подошел один из посетителей. Что-то шепнув своему вору, немедленно ответившему и вернувшемуся за стол, он снова повернулся к Джайре.

— Неужто Лис сам решился взяться за поручение? — даже борода не могла скрыть усмешку.

Наемница сурово взглянула на него.

— А зачем Лису выполнять чьи-то поручения?

— И то верно, — кивнул «Егерь». — Темнейшего ожидают увидеть в ближайшем времени в Пещерах Скорпионов, но зачем — никто не знает. Говорят, — снова понизил голос вор, — его видели недавно в Южных Провинциях, вот сейчас он и возвращается восвояси. Ты знаешь что-нибудь об этом?

Подыгрывая ему и делая тревожное лицо, Джайра пожала плечами.

— В делах магии я не сведуща, но за ответ благодарю, — обведя зал глазами, она снова обратила внимание на некроманта, внимательно наблюдавшего за ней. Не скрылись от глаз и другие посетители. — Что слышно с края слезливого неба? Там все уладили, без меня?

— Уладили, как же. Травовары и зубоскалы постарались. Видно, этот очумевший начал отбивать у них добычу.

— Складно, складно... А скажи мне, много ли у тебя охотничков здесь сидит?

«Егерь» нахмурился.

— Трое.

— А я вижу шестерых. Смотри, как бы егерь у охотничьих угодий не поменялся, — предостережение было уместным — за общим столом действительно сидели еще трое воров, только вели они себя не как «охотнички». Переглянувшись, словно сообщив, что они поняли друг друга, оба сделали вид, что ничего и не было, и трактирщик протянул в молчании Джайре кружку вина. С этой кружкой она отошла от стойки и подсела к Фарену, ожидавшему ее. Настолько пристален был его взгляд, что ей показалось, будто он пытается что-то прочесть в ее мыслях.

— Просто глазеешь на меня, или на языке опять вертится ехидное словцо? — с презрением спросила она. — Не испытывай мое терпение, говори.

— Чем известен Лис?

«Неужели ты еще не понял, что со мной опасно вести такие игры?» На его щеках появилось предвестие широкой улыбки — пара ямочек, таких безобидных на вид. Глаза блестели интересом. Или это все же подействовало вино?

— Зачем это тебе знать? — вздохнула Джайра.

— Чтобы понять, что ты задумала.

Она изобразила крайнее удивление.

— С чего это вдруг ты взялся за мои замыслы?

«Никак иначе — заботы Ксии...»

Некромант не отрывал того же пристального взгляда от нее, задумчиво крутя кружку в руке. Игру в гляделки Джайра редко когда проигрывала, только если противник знал ее слабые места и секреты. Для некроманта он был слишком проницателен, приходилось быть осторожней с выбором слов. Тем не менее, простая тактика «своего человека» в тот раз прошла удачно. Если он настолько умен, то во второй раз это не получится.

— Ты сказала, что здесь знают еще одного человека, но нам это знать необязательно. Я думаю, причина одна: если Лис известен не так широко, то уж твоя вторая маска на шумела достаточно. И я догадываюсь, чем именно, — он кивнул на татуировку.

«Демоны его побери! До чего он докапывается?»

— По-моему, кто-то слишком много выпил, — оставался только один выход — свести

все в шутку, которая может замять тему разговора. Хитро улыбнувшись, она указала на его кружку.

«И снова она уходит от ответов. Думаешь, я не умею играть в такие игры?»

— Что ж, — ответил он. Теперь на лице появилась улыбка, не менее хитрая, чем у Джайры, — если это вино, хотя я сильно сомневаюсь, спасибо ему на том. Давно ты состоишь в Гильдии?

Джайра откровенно усмехнулась. «Упорство — твое второе имя, да? Это мы еще посмотрим, кто упорней...» Повернувшись к нему боком, будто игнорируя вопрос, она без интереса оглядывала зал, изредка отпивая мелкими глотками вино.

«Что, теперь играем в молчанку? Быстро же она меняет правила...»

— Видимо, давно. А в ассасинах? Похоже, тоже давно. Кажется, воры называют вас «вездесущими»? — не сдержав удивление, Джайра резко повернулась к нему. Фарен едва смог подавить смех. «Кажется, я знаю больше, чем она ожидала». — Тогда очень странно, что тебя здесь тепло принимают. Ответ один: в Гильдии ты появилась раньше, чем стала наемным убийцей.

«Он насмехается надо мной!»

— Ну, и как, легко убивать?

— Как видишь, муками совести не страдаю.

— А если честно? Ты действительно убийца?

Какое-то странное любопытство, будто он не верил тому, что она может оказаться опасным человеком. «К чему так подрывать его веру в добро? Кроме нее, у него и так ничего не осталось».

— Нет.

«Такой короткий ответ, а облегчения он скрыть не смог. Боялся за свою жизнь? За жизнь храмовника? Или же у этого интереса другая причина? За кого он меня принимает?»

— Хорошо. Значит, убийство не входит в твои планы. Скорее всего, это месть, так? — Джайра вздохнула. Впервые в жизни кто-то так угадывал ее мысли. Даже Эврикида так не могла. — На роль твоей цели подходит только один человек, если его можно назвать человеком, — она затаила дыхание. — Он убил твою наставницу, ведьму огня, и теперь ты собираешься отомстить ему. Только под силу ли это тебе? Хотя... Ты же Лис, и еще демон знает кто, почему бы и нет.

Их неподвижность и то, как они смотрели друг на друга, привлекла даже некоторых посетителей, не то, что воров. Первой не выдержав, засмеялась Джайра, смех подхватил и Фарен, и уже оба расхохотались на весь зал.

— Я же говорила: кто-то перебрал.

— Шутишь? Я вырос на этом вине.

— Только пьяному могли прийти в голову такие бредни.

Оба теперь казались толпе окружающих пьяными, но молодости все прощается, ведь никто не знал их так, как они уже узнали друг друга.

Все еще продолжая посмеиваться, Джайра пристально рассматривала Фарена — запоминала внешность в тот момент, когда он был расслаблен и вел себя раскованно. Черты лица, как она и определила с самого начала, были преимущественно южные, только сейчас, так близко, стало видно почти заживший шрам от пореза через всю правую часть лица. Видно, нападение было неожиданным, в своей личной схватке с вампиром, не сумевшим его обратить, но заразившим тьмой, он достаточно долго сопротивлялся. Хотелось бы увидеть

его в битве, но не с сюррикемом. Это не его оружие — нет в его движениях той ловкости и рассчитанной плавности, что есть у лучников и всех прочих, владеющих оружием дальнего боя, но вот как он владеет мечом? Ведь, судя по мускулам, он явно был мечником. Не рыцарем — у тех левая рука ведет себя как единое целое из-за привычки к щиту, но его говор... Абсолютно нет никакого акцента, как у южан — их растянутое «о» во всех словах ни с чем другим не спутаешь, значит, он из Октавы... Дворянин явно высоких кругов, умеющий держать меч в руках и отлично им владеющий, но не рыцарь. В каком месте он мог попасться в лапы к нечисти? В городе Дикий, что на самом краю Ардонии, даже дальше Южных Провинций, у подножия Ледяных Гор, ведет свое жалкое существование небольшое собрание ссыльных дворян, но туда не доходят волны Хладнокровных, да и никому не нужны каменные рудники с их скудной на плодородность земель. Мало кому известно, что оттуда же ведется контрабанда драгоценных камней и руд, но и это не должно волновать темное общество... Где-то она уже видела его лицо, только застывшее и искаженное так и не вырвавшимся криком, но где... Воспоминание было весьма отчетливым, но образ места и времени ускользал из памяти. Похоже, была причина, почему она старалась это забыть.

— Что, выискиваешь во мне признаки одержимости? — не понятно, толи с угрозой, толи в шутку произнес Фарен, заметив ее оценивающий взгляд. По этому насмешливому кощачьему выражению лица вообще мало что поймешь — видно, это был его вариант непроницаемой маски на людях, как, впрочем, и у нее — ехидная насмешка. — Я понимаю твою осторожность. Сам бы рад хоть на пару минут забыть о том, что я представляю опасность для окружающих, — Джайра слушала его в полной неподвижности. — Я все еще сопротивляюсь той тьме, что внутри меня, — с безнадежным вздохом продолжал Фарен, — но боюсь, я долго не продержусь. Честно признаться, у меня был еще один вопрос к твоей наставнице.

— Какой же? Может, я смогу на него ответить.

В сомнениях он провел рукой по волосам, длинным и волнистым, слегка запыленным от дороги, еще раз вздохнул. «Нелегко ему признаваться в том, что он в чем-то нуждается». Поколебавшись еще несколько мгновений, прикусывая нижнюю губу и глядя в пустоту, он, наконец, тихо спросил:

— Как избавиться от моего проклятья?

«Столько отчаяния в голосе, столько надежды в глазах... Он человек, еще человек, несомненно». От этой мысли даже веет какой-то восторженной радостью, той же самой надеждой. И она может ею поделиться.

— Странно, что эльф ничего тебе об этом не рассказывал. Я мало что понимаю в магии, но знаю кое-что о проклятиях — ровно столько, чтобы их избежать или исцелиться. От любого из них есть несколько способов исцеления, но для некромантии я знаю лишь один, и он требует от тебя больших жертв, — внимание некроманта было полностью приковано к ней. Казалось, он был готов даже читать по губам, если ему закроют уши. — Ты должен полюбить и пожертвовать своей жизнью ради любви... Я, кажется, теперь понимаю, почему Херон ничего тебе об этом не рассказал. Похоже, он знает и другой способ, менее смертельный.

— Почему же смертельный? — улыбнулся Фарен. Видимо, отрада настолько затмила его здравый ум, что он не понимал всего смысла исцеления.

— Потому что еще никто не выживал после самопожертвования, — строго прошептала Джайра. — Разве что только личи и зомби. Стать из одного неживого другим — не очень-то

привлекательная перспектива, тебе не кажется?

Он молчал, чему-то улыбаясь внутри себя. Видно, ему понравился этот способ исцеления? Или же он уже кого-то любит? Джайра фыркнула.

— На твоём месте я бы использовала с наибольшей выгодой свои возможности, — резко выпалила она.

— Каким образом, интересно? — он вдруг озлобился.

— Ты бессмертен, тебя невозможно убить, только специальное оружие может сразить тебя. Так почему бы не использовать свои некромантские способности против своих врагов? Ты бы мог совершить великие подвиги, и кто знает, некромантов стали бы почитать и больше не преследовали бы.

— Не преследовать кого? Этих монстров, что разоряют целые деревни? Нет, ради них я ничего не буду совершать, да и тем более, я не из их числа.

— А к какому числу ты относишься? — её тон становился все более язвительным.

— Сам не знаю, — с иронией произнес он, будто и не обращая внимания на её ехидство. — Свое место под солнцем я давно потерял, хожу туда-сюда, в надежде найти ответы на свои вопросы, и ищу что-то, сам не знаю что. Да тут еще и жажда живого из-за проклятья. Такую жизнь никому не пожелаешь, правда?

— Н-да... Можешь переночевать, и утром — свободен. Я не нуждаюсь в твоих услугах.

— Не нуждаешься в моих услугах как некроманта или просто как должника? — усмехнулся он.

— Как должника. Свободен...

— Позволь дать тебе совет на прощанье, — он уже встал с места и даже сделал пару шагов к лестнице вверх, но остановился на первой же ступеньке. — Откажись от своей цели. Это проигрышное дело.

— Что ж, тогда это будет мой первый и последний проигрыш, — горделиво проговорила Джайра.

Чему-то улыбнувшись, Фарен поднялся к себе. Джайра молча проводила его взглядом. Этот человек вызвал у нее странные чувства и мысли, до этого ни разу не возмущавшие ее жизнь. Впервые она видела кого-то, кто готов был бороться со своей тьмой до конца, пускай даже смертельного, но все же... Или в такой редкостной встрече виновато ее окружение — все воры, убийцы, безнравственные наемники? А может, проблема в ней самой? Да, она сама это осознавала, Амрена была права, называя ее лживой наемницей. Дело не в самой природе твоего существования, а в его целях. Падать ниже было уже некуда, но Джайра как-то не думала раньше об этом. Возможно, все ее попытки оправдания, что все ее действия были необходимы для выживания, были ошибочными, но она не могла предположить какое-либо другое течение жизни. Этот некромант поселил в душе сомнения, не только в своих принципах, но и в самой себе. Как он мог оставаться на позиции добродетели и приверженности добру, будучи принадлежащим злу? Уму непостижимо! Удивительно, что еще в ком-то в этом мире надежда на благополучный исход может поддерживать силы, даже тогда, когда все predetermined и нет смысла бороться дальше с огромным непостижимым злом своими собственными жалкими силами...

Отгоняя прочь угнетающие сомнения, Джайра слегка встряхнула головой. «Какой бред только не придет на ум!» Если дать волю этим мыслям, можно свихнуться. А от того, что видела в своей жизни она, каждый был бы на грани. В какой-то степени она была этим горда — тем, что не сломалась, что не поддалась ничему и никому. И все же, есть в мире такие

вещи и люди, которые гораздо сильнее тебя. И Фарен был одним из них. Хотелось бы надеяться, что ему удастся избавиться от проклятья. Но это уже не ее дело.

Цели поисков эльфа все еще оставались для Джайры загадкой. Она не обратила бы и внимания на них, если бы не слышала тот разговор на холме, эти мольбы эльфа к амазонкам, да и сам этот эмиссар вел себя неумело для соглядатая, хотя хорошо хранил свою тайну. Поэтому она его и отпустила. Тем более что он сам толком не знал, что скрывала Эврикида. Зато знал Мортос. Уже сидя в своей комнате и смазывая Шип, она прислушивалась к шорохам из соседней комнаты, снятой ею для спутников, и одновременно витала где-то далеко над всей этой суетой. Слишком много бессвязного происходило вокруг: бессмысленное убийство ведьмы темным архимагом, появление вербовщика из Хладнокровных в Гильдии воров, намечающаяся кража из сокровищницы Шпиля Королей, поиски Лиса в качестве «игрока партии»... Что-то из этого всего общее, оно на поверхности, но что именно — Джайра не могла понять до конца. Как странно, что заказ на «партию» исходит от нечисти. Как известно, все, что касается темного общества, первым делом касается и самого Мортоса. «И что же тебе понадобилось у короля-рыцаря?» Еще одно необычное совпадение — он захотел нанять именно Лиса, хотя как вор он ничем не отличался от других «игроков». И что самое поразительное — все это сразу же после убийства Эврикиды!..

Как громом пораженная, Джайра окаменела в ошеломлении. Даже забыла про Шип.

— Он узнал, — беспокожно прошептала она, продолжая размышлять вслух, — он узнал ее тайну. Шпиль Королей! Ну, конечно же!

Следующая за этим мысль к ошеломляющему восторгу от открытия добавила каплю страха и обреченности. Вздохнув и ссутулившись, она покачала головой. «А еще он знает, что Лис — это я...» Совершенно позабыв про чистку оружия, Джайра тяжело упала головой на подушку, ища глазами ответ на потолке.

Одно дело — скрываться от городской стражи, ускользать из-под носа у наемников, обманывать весь мир, надевая маски безымянных героев, но совсем другое — прятаться от могущественного чародея, олицетворения зла всего мира. И никто не сможет ей помочь в этих смертельных прятках, потому что никто не может противостоять ему. Так же не смогла и Эврикида, одна из чародеев Пятиконечной Звезды, одна из хранителей Октавского Убежища чародеев, ее наставница и сильнейшая ведьма огня. Наверняка к эльфам она стремилась не просто так, увлекая за собой и Джайру. Возможно, у них есть какая-то управа на этого монстра. «О, Эврикида! Почему ты молчала? Все это время ты искала способ покончить с этим великим злом, и меня готовила в приемницы?..» Самой Джайре хотелось узнать, какую роль она сама играла во всех этих ухищрениях Эврикиды, но даже если шанс узнать был упущен, она была уверена — она должна довести до конца планы наставницы. Идя по тонкому лезвию, следуя за едва заметной ниточкой, продолжать путь миротворца будет не просто, но кто, если не Джайра?..

В боковую дверь, соединяющую две комнаты, неуверенно постучались. Не услышав ответа, незванный гость приоткрыл дверь, заглядывая внутрь. Ожидая бурных протестов или соответствующих колкостей, Фарен застыл с широко распахнутыми глазами. Слишком потрясенная и уставшая за последние несколько дней без отдыха, Джайра спала, не успев ни снять полностью всю экипировку, ни отложить смазанный Шип. Непокойный сон растрепал по подушке волосы, принявшие при свете свеч темно-русый оттенок, и заставлял ее подрагивать и судорожно сжимать руки. Но взгляд Фарена был прикован к ее лицу, то

хмураемся, то искажаемся от горя. По щекам текли слезы. Слезы! Забыв обо всем, он прислонился к косяку, придерживая дверь. Не смея — из гордости или из принципа, кто знает — показывать переживания на людях, она не может отмахнуться от чувств во сне так же просто, как в поселении амазонок. Похоже, на самом деле она не была столь бессердечной, как уже решил Фарен. В ее человечности и милосердии он убедился, задав вопрос об убийствах, но у него и в мыслях не было, что она не бесчувственна. Хотелось бы ее утешить, да только как? Начнет петушиться, а потом поднимет на смех, защищаясь цинизмом. И все же что-то в ней есть...

— Эй, Фарен, — тронул его за плечо Херон, даже не глядя за дверь, — нам нужно выдвигаться.

— Да-да, сейчас...

Где он мог ее видеть? Что-то подсказывало ему, что они еще не раз увидятся, и от этого жизнь не станет легче.

Джайра проснулась через пару секунд после того, как закрылась дверь. Какое-то странное чувство, на уровне чутья, что за ней кто-то подглядывает. Взявшись за меч, лежавший на полу у изголовья кровати, она настороженно прислушалась, обводя взглядом комнату. Что-то изменилось. «Ну конечно!» Сорвавшись с места, она дернула ручку уже закрытой на ключ смежной двери. И тут же в подтверждение ее догадкам под окном раздался нестройный цокот копыт. Она подбежала к окну — так и есть: у конюшни топталась сонная лошаденка эльфа, тут же из-под навеса выехал на своем вороном некромант, оглянувшийся на окна. Запаниковав, Джайра прижалась спиной к стене.

— Ты попрощался с ней? — тихо произнес Херон. Несмотря на тишину вокруг, его голос все равно было бы не расслышать, тем более за окном. Фарен покачал головой.

— Она заснула. Я не хотел тревожить ее сон. Хотя, наверно, нужно было...

— Почему? — эльф перевел взгляд на пустое окно наемницы.

— Ей снился кошмар. Что-то такое, от чего она плакала.

Херон вздохнул, разворачивая лошадь к выезду.

— Если она продолжит путь своей наставницы, ее ждет еще много горя и лишений. Хорошо, что ты не рассказал ей о целях наших поисков — в ее руках это было бы смертельным оружием.

С тревогой бросив взгляд в спину удаляющегося эльфа, Фарен снова взглянул в окно, сам не понимая причины для беспокойства. Вскоре Джайра услышала ускоряющуюся рысь лошади, затихающую с расстоянием, и потом все замолкло. Она снова выглянула на улицу. На руку что-то капнуло, и только сейчас она сообразила, что все лицо было влажно от слез. Начав их яростно вытирать ладонями, она представляла, что могли увидеть в ее комнате эти двое, пока она забылась сном усталости. «Никто не должен знать о моих слабостях».

Глава 5

Вор для рыцарей

Проснувшись от очередного кошмара, в котором, судя по сохранившимся обрывочным ощущениям, что-то произошло в поселении амазонок, Джайра все же была в терпимом расположении духа. Скучный и холодный завтрак согревала мысль лишь о том, что она наконец-то навсегда покинула этот край разочарований и несбывшихся надежд. Слишком много воспоминаний, печальных и болезненных, связывало ее с амазонками. Теперь все это можно было сбросить как ненужный груз. В противном случае, это стало бы неизбежной слабостью, избавиться от которой было бы невозможно. Она с облегчением вздохнула, осознавая, что все старые связи с прежней жизнью окончательно разорваны. Но, тем не менее, поиску ответов на вопросы это никак не поможет, для этого нужно действовать. Самое главное — начать. Вот только с чего?

С какой стороны ни посмотри на сложившиеся обстоятельства, а все дороги вели в Октаву, столицу Ардонии. Что ни говори об этой «песни ардонской земли», но опасностей в ней было больше, чем мест, где можно укрыться от них. Пожалуй, единственным наилучшим прибежищем для Джайры было местное логово ассасинов. Хотя она не была в городе уже больше года, — все как-то проезжала мимо — но весточки от своих союзников изредка получала. В последнее время война между Гильдией воров и пришлыми таарскими убийцами начала расширяться. Не понятно до конца, слух это или нет, но с полгода назад погибли почти все октавские ассасины, уводя соглядатаев и воров как можно дальше от истинного расположения своего укрытия. Логово осталось в секретности, сает — мастер логова — тоже остался прежним, но их силы почти иссякли. По всем мерам усиления из Аль-Пассала должны были прибыть на замену погибших новые ассасины, не обученные и ничего не знающие об этой стране, и к ним в придачу — аль-муалим, опытный наставник, кто-то из «многочисленных рук» Вездесущего. Кто бы ни был в этот раз аль-муалим, именно на него падет вся ответственность за подготовку и сохранение жизней от новых угроз всех «мунтетлаков» и «тельмифов», а заодно — ведение подпольной войны с «осиным гнездом». Громкое дело о краже может стать одним из ключей в этом противостоянии — преимущество одной из сторон убавит пыл другой. Если в деле участвует один помощник Вездесущего, то оно уже может оказаться опасным для тех, кто стоит по ту сторону двери. Но если «аль-мусиальдов» будет двое... возможно, прольется немало крови. Смотря как агрессивно отреагирует другая сторона.

Этой войной можно сбить с толку тех, кто будет ее окружать, любителей наблюдать за наемницей и пытаться влезть в ее тайны. Кому-то все же придется все рассказать, чтобы ее отсутствие мог кто-нибудь объяснить другим вполне оправданной причиной, но это мелочи. Они скрасят время ожидания ближайшего новолуния, когда соберутся чародеи Пятиконечной Звезды, хранители Октавского Убежища, чтобы выбрать нового повелителя огня. Кроме них, туда явятся те, кто претендует на опустевшее место. Чем не случай поднять их против архимага?

И все же первоочередной целью Джайры было добраться до одного из крупных городов Ардонии Китрана, куда стекалась большая часть вестей со всего мира. Возведенный на окраине Сердечной области страны, Китран стоял на пересечении четырех дорог: Зеленого Пути из Южных Провинций, Девичьей от Накра, тянущейся еще от владений амазонок

Тропы Лесорубов от окраин западных земель и самой главной — Рыцарского Тракта, — и с самого своего первого камня предназначался для торговых дел. Здесь собиралось множество наемников для заработков. Вообще наемниками назывались все подряд, кто не имел определенного класса и принадлежности к чистой расе, поэтому город был цветаст на лица, языки и нравы. Отсюда можно было попасть куда угодно, если у тебя были деньги. Из Китрана до Октавы было шесть дней пути, если ехать от восхода до заката без передышек и в меру используя выносливость лошади. По дороге попадались лишь мелкие деревушки, но это был единственный путь в столицу. Можно было, конечно, податься до Серых Гор вдогонку за Мортосом напрямую, но ехать по бездорожью было намного труднее, чем по дорогам Ардонии, полных разбойничьих шаек, да и спешить с воздаянием не стоило. Еще один путь можно было проложить через Южные Провинции, но южане были слишком подозрительны для путешественников, подобных Джайре, и не интересовались происходящим в мире, поэтому там было трудно что-либо узнать. Так что дорога до Октавы была действительно единственным путем. Из столицы выбраться из государства незамеченной и достичь Пещер Скорпионов не составит труда.

Было далеко за полдень. На востоке вился какой-то странный дым. Над степью стояла напряженная тишина, не свойственная этим местам. Ветер дул с востока, и поэтому до Джайры доносился запах гари, от которого Ворон волновался и часто фыркал. Что там происходило? Разговаривая с конем и глядя его по гладкой лоснящейся шерсти, Джайра сама не знала, кого она успокаивает — себя или Ворона. Если кто-то из народов или рас начал творить в Ардонии бесчинства, то это не сулило ничего хорошего. В этом случае на дорогах и в городах изменится отношение к подозрительным странникам и будет установлена проверка не только вещей, но и имени. У правителя Ардонии Амниса Викариус Лючис были прочные предрассудки насчет чародеев. Он был рыцарем, но трясся от различного рода суеверий как мальчишка. Хоть Джайра не умела использовать магию и не обладала даром подчинять себе стихии, но если выяснится, что она была ученицей знаменитой ведьмы, которую, кстати говоря, сильно боялся Амнис, то ей не миновать неприятностей.

В замешательстве она осадил Ворона, остановившись посреди дороги и всматриваясь в восточную даль. Был ли этот пожар в Южных Провинциях или ближе? Даже если это горели знаменитые леса провинции Соловьиные Рощи, страшно было представить, кто напал на мирных жителей, да и с какой силой — Эхен, центр — статус — Соловьиных Рощ, был хорошо укреплен, и, насколько помнила Джайра, ополченцы там сражались не хуже тех же самых латников. Дым был виден за много километров вокруг — даже после четырех дней пути, почти у самого Китрана, дымные змейки уходили высоко в небо, извиваясь и раскрывая плащи под порывами ветра. Было бы любопытно проверить, но, как известно, любопытство такого рода чревато риском. Во всяком случае, в Китране все должно проясниться.

В Китране царил базарный шум, и, казалось, никто ничего не знает о том, что творится на юге. Где можно было первым делом узнать как можно больше известий, причем абсолютно бесплатно? Конечно же, на базаре. Пару дней назад в город приехал караван из Октавы, все жаждали услышать новости из столицы, поэтому на сходке торгашей каждому давали высказаться всласть. Среди местных было немало приезжих, что было еще занятней.

— ... решил сделать предложение руки и сердца Каэле! — слышалось в одном углу. — Посланник уехал туда месяц назад, ее ответ еще не известен.

— Если она даст согласие, то в Ардонии прибавится преступников! Зачем Амнису этот

брак?..

«Да, ошеломляющее известие». Каэла была царицей дроу, она была очень красива и настолько же жестока. Этот союз, конечно, был выгоден для обеих сторон, но невероятно то, даст ли горделивая и жестокосердная царица свое согласие благородному и мирному королю-рыцарю Ардонии.

В другом углу говорили о другом:

— ... кто-то разорил и сжег дотла все Южные Провинции!..

«Ага, это интересно».

— Говорят, это кочевники. Их много обитает в тех местах...

— Нет, это новая волна некромантов! Их видели, когда они переходили границу со стороны Черной Пустыни. Говорят, там не осталось ничего живого!..

— Да нет! Это дроу! Говорю вам, это подлые темные эльфы решили предъявить права на более плодородные земли, чем их черные пески. Когда Амнис узнает об этом, он им покажет!..

Все три версии были вполне существенны, но которая из них была правдой? Все же кто бы это ни был, а напрашивается только один вывод: этот год, да и пару последующих тоже, Ардония будет голодать. Южные Провинции — это хлеб всей страны, с этим не поспоришь. Неужели Амнис использует новые связи с дроу, чтобы обеспечить ардонцев провизией?..

— ... Винные лорды опять не могут поделить Пекну.

— Сдался им этот городишко!..

— Брешишь! Это же винная жила Ардонии — каждый хочет такой богатый погреб...

Ох уж эти виноделы. Почти что каждый год четыре землевладельца провинции Виноделов объявляют друг другу войну. Крестьянам на это все равно — вино делают они, а не лорды, пусть те и тешутся своей игрой, им-то какое дело?

— ... Графы Сиерикона снова подали прошение о независимой державе.

— Ну и дурни! У них же нет своей надежной армии — как они будут охранять свои земли? Их защита только и держится на сэре Эроне Элборе.

— Зачем им вообще отделяться от Ардонии? Им звания статуса не хватает что ли?..

Сиерикон и так живет по своим законам, просто Амнису нужен выход в море, вот и все. Хотя для этого у него есть Норф, а в Сиериконе стоит весь ардонский флот, точнее — флот речных графов Сиерикона... Что же до сэра Эрона, то это уже давно надоевшая история. Бедный рыцарь был широко известен благодаря своему спорному владению у города Либель. На земли и стены замка Багровый Дол то и дело обрушивался бунт за бунтом, и несчастный Элбор почти всю свою жизнь промотался по всей стране туда-сюда, чтобы отвоевать в очередной раз свое имение. Притом его соседи даже не моргнули ему как-то помочь.

— ... в который раз отказала Шелковому Лорду.

— Бедняжка Мариин. Вокруг принцессы теперь кружит много стервятников...

— Шелковый Лорд — еще тот ухажер. Он перед каждым выходом наряжается так, будто сам принцесса!..

Пока слушатели поддерживали дружным хохотом удавшуюся шутку, Джайра вспоминала этого Шелкового Лорда. Таковым прозвали лорда Остина Дьюрра, миловидного юношу, больше смахивающего на девицу. Чем он был плох? Как человек ничем, но как лорд — абсолютно никакого понимания о своем титуле. Его отец, владелец провинции Золотые Леса, скончался при дворе, так и не успев договориться с королем-отцом о браке своего единственного сына. У него оказалось хорошее наследство в виде нескольких тысяч гектаров

деревьев, из которых производились почти все ткани Ардонии — золотоцвета и серебрянки, пользующихся спросом особенно у знатных особ. Шелк был самым ходовым товаром, но молодого Остина так прозвали скорее из-за покладистого и слишком мягкого нрава, чем из-за богатого имения.

— ... верховный совет алхимиков Исры все еще ищет их героя, того самого, Кровопийцу, и предлагает за любые вести о нем хорошую награду.

— За живого или мертвого?

— Да он скорее сам придет за этой наградой — найдет листовку с этим числом с нолями на теле случайно убитого им доброжелателя...

От этой шутки Джайру передернуло. Кровопийца — еще одно ее вымышленное имя, и этот герой, собственно, она и есть. История вышла скверная с этим глупым героизмом, но интерес алхимиков был очень подозрителен. Почему они зовут не самого героя, а предлагают награду за его — это даже глупцу ясно — поимку? Исра — испокон веков город ученых мужей, что же они хотят изучить в этом прославленном герое?..

— ... Торговые пути с Аль-Пассалом оборвались. На море снова грабят валькирии и тарбанские пираты, через Пещеры Скорпионов не пропускают дреу, а на Южные Провинции напала нечисть, и теперь даже через Желтые Степи и Ягуаровые Саванны ни к одному из хецинских городов не пройти!..

— А как же Последнее Убежище и Мглистый перевал? Оттуда есть прямая дорога в Таар.

— Нет, этот путь давно проклят. В Обсидиановых руинах пропал уже не один караван, а Амнис не желает отправлять на земли Каэлы своих рыцарей...

«Обсидиановые руины? И кто в них хозяйничает теперь?» Раньше ими распоряжались дреу, установив там небольшую таможенную для людских торгашей, но никогда не грабили. В рабство они брали только кочевников с Желтых Степей, именуемых так в простонародье. На самом деле они назывались Таурией, но это название скоро будет позабыто. Последнее Убежище — это четыре обгоревших замка недалеко от границы Ардонии. Здесь еще можно было как-то существовать, но не жить, хотя нередко это место назначалось обменным пунктом между ардонцами и хецинами, восточным народом. Мглистый перевал был не единственным в Серых Горах, но все же был безопаснее всего для торговцев. Что же предпримут для восстановления торговли Ардония и Аль-Пассал?..

— ... Купец из Октавы набирает себе целую армию наемников! Он уже всех переманил к себе не только из Гильдии, но и проезжих!

— А, старый трус! Он просто боится новой шайки разбойников на дороге в Октаву, вот и окружает себя хорошими и плохими воинами — будто бы это его спасет!..

Джайра узнала все, что было нужно. Нанявшись в сопровождение к купцу из Октавы, она могла беспрепятственно войти в город с широко открытыми перед ней воротами, к тому же срубить немалый куш. Гильдию наемников она не любила — там предлагали только постоянную работу, поэтому она отправилась сразу к купцу, точнее к его старшему охраннику. Предстояло немного пораболепствовать...

Когда ее впустили в комнату, рыцарь охраны купца сидел за столом и заполнял множество договоров для наемников. Больше всего Джайру удивило то, что занимался этим сам кастелян Шпиля Королей. Весь его вид показывал крайнее раздражение, едва сдерживаемое рыцарскими манерами, — по его мнению, нанятие такого количества бездарных вояк было ни к чему, можно положиться только на свою охрану, с чем никак не

мог согласиться купец. Бегло взглянув на вошедшего, сэр Гарольд Фленьелл проскрежетал ледяным голосом:

— Как ваше имя?

— Зовите меня, как вам угодно, сэр.

— Без подлизывания, пожалуйста, — гневно процедил рыцарь. — Назовите свое имя.

Обычно с любым начальником охраны можно было договориться в абсолютной бесполезности твоего имени, но, как видно, с кастеляном лучше не спорить. Вдохнув, Джайра ответила:

— Для договора хватит и того, что меня прозвали Выскочкой.

На самом деле, Выскочка уже давно как мертв. Не ее стараниями.

— Мне безразлично, кто и за какие достижения вас так прозвал, наемник. Если это ваше имя, то я впишу его в договор.

«Хороший ответ».

— Как вам угодно.

— Где вы раньше служили? Где ваш послужной список? — задавая вопросы, кастелян не поднимал головы и глаз от бумаг.

— Много где. Я не могу вам его дать, потому что все места невозможно записать на одном листе бумаги.

Рука рыцаря, что-то безостановочно писавшая, зависла в воздухе. Он удивленно взглянул на Джайру.

— Кто вы? Вы не числитесь в Гильдии наемников, а я работаю с ней уже много лет. Я никогда вас раньше не видел.

— Не удивительно, сэр, — я тоже вижу вас впервые, и, тем не менее, хочу открыть вам глаза на неопровержимую истину: в Гильдии не записано даже четверти всех наемников, что ошиваются в Ардонии в поисках средств себе на пропитание.

На глазах выражение лица рыцаря стало меняться и, в конце концов, он рассмеялся.

— Кто вы такой, разверзлись преисподняя? — у Джайры дернулась левая бровь. Наверно, ее приняли за мужчину из-за поддельного низкого голоса и из-за того, что она была закутана в свой плащ как тогу, и ее фигуры не было видно. Впрочем, такой невольный обман случается уже не в первый раз. — Если вы действительно настолько умны, что по нынешним временам большая редкость для наемника, зачем вам так необходимо наниматься в охрану господина Сальмонея?

«Сальмонея Нар Атив? Что за дела у него могли быть в Китране?..»

— С караваном, хорошо охраняемым и с очень важной персоной во главе, дорога в столицу будет куда безопаснее, чем в одиночку. Вас устраивает такой ответ, господин рыцарь?

Фленьелл, с явной неосмотрительностью не скрывая своего подозрения, поджал губы. «Для тебя этот ответ по рыцарским меркам в самый раз».

— Хорошо, — произнес кастелян после минутных раздумий, — вы приняты. Сбор в семь на Торговой площади. Без опозданий. Плату получите в Октаве.

Учтиво поклонившись, как всегда она это делала с природной эльфийской грацией, наемница вышла из комнаты.

Одна странность за другой: кастелян королевского дворца Шпиля Королей, всегда безвылазно находившийся на своем посту, вдруг занимается мерзким нанимательством неумелых наемников в Китране для охраны благодетеля столицы купца из Аль-Пассала

Сальмоная Нар Атива. Еще страннее может быть только король-рыцарь, делающий предложение царице дреу. А, это уже и так случилось... «Куда катится страна?..»

Караван будет идти медленно, но если купец действительно так боится разбойников, его нужно было убедить гнать лошадей до Октавы, не сбавляя темпов. Для начала необходимо сделать так, чтобы ее место в охране было как можно ближе к шатру купца. В этом деле нет никаких лазеек, разве что только снова попасться на глаза Фленьеллу, но навряд ли он вспомнит ее — за пару дней он перевидал множество лиц, чем было особенно ее лицо, тем более, что оно закрыто повязкой? Об этом она думала уже сидя в трактире, где оставила Ворона. Наметилась еще одна проблема: ночлег в Китране стоил не меньше двенадцати серебряников или двух золотников. Для оплаты ей не хватало совсем чуть-чуть. Если бы она не купила лошадей для этих двух оболтусов, то смогла бы доехать до Октавы сама как купец. Но деньги для нее не главное, она не была привередливой — могла переночевать и в лесу, и на лугу, и на болоте, — куда путешествие забросит, но было обидно то, что ее конь будет спать эту ночь с комфортом эльфийского постоялого двора, сравнимого с королевскими палатами, а ей придется прозябать в дешевой ночлежке с клопами, тараканами и прочими неудобствами. Что ж, может, это было правильно, ведь не ей, а ему завтра предстояло тащиться по пыльной каменистой дороге медленным шагом весь день. Пока она старалась не думать о том, что навряд ли выспится в эту ночь, и наблюдала за местными жителями Китрана и его округи.

В этом городе ярмарка была каждый день, а значит, и пирушки длились столько же. Сколько раз Джайре приходила в голову одна и та же мысль: чтобы стать таким грубым и безрассудным существом, достаточно просто напиться до потери равновесия, и ты уже погружаешься в мир забытья, где тебе, как пьяному в доску, прощается все и вся. Но у этого обстоятельства была еще и другая сторона: напившись, ты бы стал хорошей наживой для мошенников и воров. Одно дело, здесь и те, и другие не настолько ловки и хитроумны, как их «собратья по работе» в Аль-Пассале, и поэтому их можно легко поймать за руку во время их проделок. Для этого, конечно, нужна была хоть маленькая частичка трезвого ума, но тут это не практиковалось — в Ардонии все следовали одной и той же морали: драться — так драться, пить — так пить! И все остальное в том же духе. У одних народов больше, у других — меньше, но смысл тот же. Следовательно, каждый вечер во всех трактирах начинался одно и то же представление под названием «Выпьем за то, что мы умеем пить». И почему люди, в отличие от тех же эльфов, в любых празднествах не знают меры? Несмотря на огромное количество добротного выпивших, среди посетителей оказались и трезвые. Именно за ними и наблюдала Джайра. Сама она сидела в углу трактирной стойки, в тени, так что ее никто не мог заметить, пока сам бы не подошел сюда же. Трезвыми были несколько рыцарей, видимо, из октавского гарнизона — только те, кто составлял воинство столицы, мог так богато одеваться и носить такие доспехи, достойные самого Амниса, ну или сами Королевские Мечи. Большинство из них полезло разнимать начавшуюся драку, другие же начали свое веселье у стойки. Неожиданно один из них заговорил с Джайрой:

— Вы местный?

Удивленно взглянув на рыцаря, но не видя опасности для себя, наемница ответила:

— Нет, но знаю этот город от блох на крысах до градоначальнической казны.

Рыцарь улыбнулся, немного посмеявшись.

— А вы здесь проездом? — спросила она в свою очередь.

— Да, завтра уезжаем. Некоторые из гарнизона Октавы, некоторые из Королевских

Мечей, купец Сальмоней выписал нас для охраны каравана.

— Видимо, ему вас мало — он собрал всех наемников округи. Если он так печется о своей защите, то либо он везет что-то чересчур дорогое, либо он сам что-то натворил. Не раскроете секрет, ведь вы его сопровождаете от самой Октавы?

— Не знаю, по-моему, он просто боится за свою жизнь.

— Точнее деньги.

— Ага, это точно! — снова рассмеялся рыцарь. — Деньги для него означают жизнь, не всегда, конечно, но сейчас это так... Меня Бенрадом зовут, друзья называют меня просто Бен. А вас как?

— У меня много имен. Даже сам не знаю, какое назовет меня точнее...

— А вы шутник! Вам бы посланцем быть и вести переговоры, а не мотаться по свету...

— Тогда можете называть меня Посланцем, если вам так нравится.

Рыцарь снова расхохотался.

— А откуда вы можете знать, кто я на самом деле? Может, я действительно Посланец?

Бен вдруг внимательно посмотрел на Джайру:

— Нет, вы не можете быть Посланцем. По вам видно, что вы воин, а воины не любят переговоры.

— И вы тоже? Не все войны настолько агрессивны, насколько не все посланцы любят занудные переговоры.

— А ты опять прав! Откуда ты родом?

— Сложно сказать. Я мотаюсь, как ты сказал, по свету много лет, даже не знаю, что назвать родиной.

— И все же?

— Для тебя это так важно?

— Мне просто любопытно узнать, откуда берутся такие бойцы, острые на язык.

Джайра смиренно вздохнула:

— Не ты первый это хочешь узнать. Но пусть это лучше останется моей тайной, если ты не хочешь, чтобы я тебя убил, как свидетеля.

Бен снова засмеялся, и тут его о чем-то спросил один из друзей рыцарей. В это время в трактир зашел кастелян. Осмотрев стойку, — очевидно, он проверял, что делают его рыцари — он увидел и Джайру и, слегка улыбнувшись, кивнул ей. В ответ она сделала то же самое, удивившись про себя, что человек на такой высокой должности мог запомнить ее, неказистую наемницу.

— Ты знаком с нашим управленцем? — изумился Бен, заметив их сдержанное приветствие.

— Ну, если подписание договора можно назвать знакомством, то да.

— Так ты тоже нанялся в охрану Сальмоней! — вдруг радостно воскликнул Бен. — Ура! Можно будет еще поговорить в дороге!..

— Да, отсутствие денег на пропитание еще и не такое заставляет сделать... Я уже довольно долгое время не могу понять одно обстоятельство, — перебила его Джайра, — почему вы, рыцари Октавы, не в постоялом дворе на Торговой площади, а здесь, в захудалом трактире?

— Да просто до площади отсюда идти несколько кварталов, а казарма всего-то через дорогу. Нам там целый уровень выделили.

— Да уж, если ты рыцарь из Октавы, то любой ардонец хоть жизнь за тебя отдаст, лишь

бы похвастаться перед другими, что ты знаком с ним.

— А ты остановился здесь? Пойдем с нами в казарму! Может, там не такие мягкие перины для изнеженных приверед, но зато бесплатно.

— И денники там тоже предоставляют?

— У тебя и лошадь есть? Конечно! Мы за тебя замолвим словечко в конюшне.

Отлично. Можно больше не беспокоиться за неприятный ночлег.

Казармы хоть были и не совсем уютным местом для проживания, но они бесплатны. Лучшего ночлега для наемника, у которого заканчиваются деньги, невозможно и придумать. Конюшни тоже выглядели ухоженными — можно не волноваться за Ворона.

Было бы глупо надеяться на то, что обитатели «гнезда» выпустят из города такой богатый караван и оставят его без особого внимания. Еще в трактире за рыцарями следили «пернатые» — трое или четверо, не определить — они постоянно менялись, входили и выходили. Их обычный подход — не показываться дважды своей жертве и не задерживаться на виду больше часа. Как это предсказуемо. Видно, «певчий» в отчаянии, раз над беззащитными рыцарями вьется целая стая. Что ж, хитроумный маленький хищник сильнее каких-то там мелких стервятников, пора Лису взять шефство над несведущими в воровских играх столичными железными солдатами.

Как Джайра и думала, за казармами тоже наблюдали, но, по всей видимости, не ожидая от рыцарей внимательности, воры бродили по улице, абсолютно не скрываясь, разве что только неброские одежды. С верхней койки, предоставленной Джайре, был отличный обзор из окна на всю улицу. На противоположной стороне у дверей трактира, в котором они только что были, стояли двое подозрительных горожан, осматривавшихся вокруг и явно ожидавших еще кого-то. Надеясь узнать что-то интересное, Джайра спрыгнула с кровати.

— Ты куда? — поинтересовался Бен, зевая.

— Прогуляюсь еще немного, свежий воздух быстрее клонит в сон...

Уже не слыша ответа, она вышла из казармы. К этим двоим подошел третий, у него на поясе при свете луны блеснули метательные ножи. Все трое скрылись в темный переулок за трактиром. С присущей ей осторожностью Джайра перебежала улицу. Вокруг было тихо, только мимо прогрохотала поздняя повозка. Эти трое не ушли далеко — они встали прямо у стены трактира. Несмотря на то, что была открыта дверь кладовой и оттуда светил яркий огонь лампы, их лиц не было видно. Незаметно прошмыгнув в кладовую, Джайра присела за бочонками с элем, скрывшими ее с головой.

— Ну, что? Деньги принес?

— Сначала все расскажи, а потом требуй плату! Откуда я знаю, что ты мне скажешь, — вслед словам звякнули ножи.

— Не злись, у нас только полезные известия.

— Так что деньги вперед! Не зря же я рисковал своей шкурой, кто вас знает, разбойничье отродье, вдруг ты нас обманешь!

Послышался звон монет.

— Так-то лучше...

— Выкладывай, атаман не отличается терпением.

— Он здесь? Рискованно с его стороны.

— Это уже не твое дело. Говори все, что знаешь, и проваливай.

— Купец набрал целую армию наемников и рыцарей, в основном это неумехи из Гильдии, но есть и знаменитые воины...

— Кто? Имена?

— Бенрад Де Мио, дальний родственник семейства Викариус Лючис. Жуан Хтар и Рутто Валиенс, Королевские Мечи. Гарольд Фленьелл, кастелян Шпиля Королей, Молодой Феникс и Медведь.

— Это все рыцари, но среди наемников только местные. Есть правда одно сомнительное имя...

— Какое?

— Выскочка. Именно так было записано в списке сопровождения.

— Он же отправился в бездну из-за того прохвоста Лиса. Неужто это все лживые слухи?

— Не знаем, но скорее всего просто кто-то взял его кличку.

— Но ведь никто не видел наверняка, что с ним стало, откуда вы можете знать: он это или не он?

— Поэтому мы и сомневаемся в нем — прошло восемь лет, кто сейчас может знать правду, кроме самого Лиса.

— Что вы еще знаете?

— Караван огромен, но хорошо охраняем. Большая часть рыцарства сопровождает шатер купца, так было и при их въезде в город, наемники по своей незрелости будут ехать кучей в конце и в начале колонны. Известно, что купец страдает кашлем, поэтому из шатра он и носу казать не будет. С Рыцарского Тракта они никуда не свернут. Всей охраной руководит Фленьелл, так что слабое место у каравана будет где-то на середине. Купец много продал за эту ярмарку, в его повозках вместо товаров — мешки с золотом и серебром. Будет чем поживиться...

Не самая радостная новость. Поостеречься купца точно не уговорить.

— Рыцари и наемники ничего не знают о содержимом торб, так что для них будет самым главным — их жизнь, жизнь купца только после. Если не грозить им смертью, но взять торговца в плен, то они все сдадутся, а если показать наемникам золото, то они встанут на вашу сторону. Местные все продажные.

— Хорошо, атаман будет доволен. Если все получится, то можете прийти в логово за вашей долей, безопасность гарантирую.

Все трое растворились в ночной мгле.

Когда Джайра вернулась в казармы, на все здание раздавался разноголосый храп.

Утром она проснулась раньше всех — привычка вставать задолго до рассвета. На улицах Китрана был туман, из окон в комнаты влетал холодный душ из росы. Несмотря на жуткий холод, все спали мертвым сном и, казалось, еще не скоро проснутся. Выпала хорошая возможность привести себя в порядок. Когда Джайра уже собрала свои вещи и направилась в конюшню, в дальнем углу донеслось чье-то сладкое зевание. Скоро огромные башенные часы города пробьют семь утра, за десять минут до курантов должны были дать сигнал подъема. За это время она многое могла сделать.

Ворон все еще подремывал в деннике, прислонясь боком к деревянной стенке конюшни. Вся амуниция была на месте — воры в казарме не прислуживали, что радовало. Как обычно поздоровавшись со своим любимцем, дружески похлопав его по мощной шее, Джайра снова выглянула наружу. Улицы города все еще были пусты. Ярмарочный гам должен был начаться только после восьми. Солнце уже взошло, растворяя остатки тумана. Никого и ничего подозрительного вокруг не было. Почему-то ей пришла в голову мысль, что вчерашний подслушанный разговор — всего лишь сон, проверить это можно только выехав из города.

Подождав, пока Ворон вдоволь напьется и наестся, она начала расправлять уздечку. По зданию раздался протяжный отдающийся во всех уголках гудок, и все вдруг моментально в казарме оживило. На верхнем уровне, где она ночевала вместе с рыцарями купца, началась беготня и сонное бормотание. Прислушиваясь к голосам, наемница заседлала коня и вывела его на площадку перед конюшней подышать утренним бодрящим воздухом. Всего за несколько минут рыцари успели сытно поесть и сделать все приготовления для будущего похода. Тем временем по улицам города стали стекаться к площади наемники разных рас и классов, кто верхом, кто пеший. Уже по одному только их внешнему виду Джайра с легкостью могла понять, что они еще неопытны. Решив, что ей тоже лучше подождать караван на Торговой площади, она села в седло и последовала за всеми. На лицах многих наемников читалась раздражительность и ощущение неприятной боли — следствия вчерашних попок. Лошадь была мало у кого, и то по этим животным было видно, что они никогда не видели раньше людской крови и не слышали непрекращающийся долгое время грозный звон стали, а спокойно паслись где-нибудь на мирном живописном лугу и работали лишь на поле. То, о чем вчера говорили разбойники, было правдой: все местные были неумехами и, что не исключено при таком наборе, продажными душонками, раз решили рискнуть своими жизнями только ради хорошей платы. После того, как часы пробили семь часов, на площади появился караван, окруженный ровным строем рыцарей Октавы. Гарольд Фленьелл, рыцарь, что нанимал ее вчера, пересчитал всех по списку, не называя имен. Значит, он запомнил всех в лицо. Потом он разделил всех на отряды и разослал в разные концы каравана. Когда она уже отъезжала со своим отрядом к самому концу всей процессии, ее увидел Бенрад.

— Эй! Посланец или как тебя там! — на этот смеющийся возглас обернулись многие из сопровождения, большинство наемников расхохотались, когда из общей массы к знатному рыцарю выехала она. Смеющихся Джайра не одарила даже презрительным взглядом — здесь не было никого, достойного ее внимания. — А ты ранняя пташка. Я не видел, как ты вчера вернулся в казарму. Может, ты вообще не спал?

— Нет. По крайней мере, я помню, как я закрыл глаза и как я их открыл. Это вроде бы называется сном?

Мимо них проехал Фленьелл, обративший внимание на смех Бена и тут же устремивший строгий взгляд на наемницу.

— Он поедет со мной, — пояснил Бенрад и продолжил беседу. — Что ты вчера имел в виду под словами о том, что у тебя много имен? Я много думал об этом перед тем, как заснуть.

— Не стоило — это не такая уж и важная тема для размышлений. Я понимаю — тебя смущает то, что я не сказал своего настоящего имени. Но, поверь, если я назову хоть одно из моих прозвищ, я не могу обещать того, что оно не равнялось у тебя когда-либо с именем врага.

— Я не могу себе представить, чтобы ты был хоть когда-нибудь моим врагом, — улыбнулся Бен. — У тебя забавная манера говорить, из-за этого ты, похоже, и наживаешь себе врагов, но я не нахожу в тебе чего-то более опасного для меня и для окружающих в том числе.

Джайра пристально посмотрела на него. Бен не отводил в сторону своих глаз. «И этот меня еще будет испытывать?»

— Я не могу понять, чего ты от меня ждешь? — сурово проговорила она. — Я не

собираюсь устраивать здесь кровавую резню, но, тем не менее, я могу постоять за себя в бою, если потребуется. Если ты меня в чем-то подозреваешь, то на это я могу ответить напрямую: мне не нужна жизнь вашего драгоценного купца и деньги меня интересуют только тогда, когда мне нечем расплатиться за свой скромный завтрак и ночлег в уютной постели.

Ослабив напряженность своего взгляда, Бен снова засмеялся.

— Что ж, это удовлетворяющий ответ. Впрочем, я был спокоен насчет тебя еще при нашем знакомстве. Для приезжего ты проявил довольно добродушную приветливость, чем не отличаются даже эльфы.

— Ты так хорошо знаешь эльфов? Тогда я могу считать тебя наимудрейшим в мире человеком.

— Это почему же? — удивился с уже подходящим к его рту смехом рыцарь.

— Потому что еще никто толком не сумел узнать их гостеприимства, а ты уже сделал второй шаг — испытал на себе их приветливость.

Его смех раздался еще громче прежнего, привлекая к себе внимание окружающих.

Каменные с красными башенками стены Китрана уже были далеко позади. Вокруг снова простирались дикие степи с редко встречающимися подлесками и видневшимися в стороне от дороги деревушками. Было жарко, но с запада дул прохладный ветерок, освежая путников, так что ничего не мешало беседе и не вызывало тревоги.

— И все же ты ушел от ответа на мой вопрос, — умерил свою веселость Бен. — Позволь, я отвечу за тебя. Вчера, когда ты вышел, я описал тебя нашему управленцу, и он сказал мне, что ты назвался ему Выскочкой.

— И что? — без каких-либо эмоций после небольшой паузы спросила она. — Тебя это напугало?

— Нет, но... что оно означает, это имя? Ты вор?

— И что же мне ответить на этот вопрос? «Нет» — ты мне не поверишь и сочтешь лжецом, «да» — и ты тоже сотрешь меня в порошок, обвинив опять же во лжи и неискренности к вполне дружелюбному знакомому. Теперь ты, надеюсь, понял, почему я не открываю своего имени?

Бен виновато отвел глаза в сторону. С его стороны как знатному рыцарю было неучтиво докапываться до правды у вполне образованного незнакомца. Ведь кто знал — возможно, этот Посланец на самом деле какая-то известная личность, путешествующая инкогнито. Нарушать законное право путешественника было невежеством с его стороны.

— А если отбросить все подозрения, ты ответишь мне на него? — произнес он.

— Конечно. Да, я один из тех, кого причисляют к Гильдии воров, но опасности я не представляю, ибо сейчас у меня нет никаких злых намерений.

Бенрад улыбнулся, на время задумавшись, оглядывая местность.

Чистая дружеская доверчивость тронула Джайру. Даже амазонки ей так не доверяли. Ей стало жаль его: вдруг он встанет на ее пути, и что тогда? Конечно, она не убьет его, но хуже этого было то, что она жестоко его разочарует. Это прибавило горечи в ее настроение.

Еще больше напряжения нагонял постоянно ездящий вокруг Фленьелл, проверяющий, все ли на местах. Каждый раз, проезжая мимо, он засматривался на ножны меча Джайры. Если рыцари понимают, что она вор, то в любой момент его мимолетный интерес к мечу мог обратиться в корыстное желание заполучить его путем ареста наемника. Бенрад в этом случае навряд ли мог бы чем-то помочь. А если он надумает этот арест сделать именно

сейчас, тати разграбят весь караван, и никто им не помешает.

Из шатра снова донесся кашель. Купца Джайра так и не видела — они сразу прибыли на площадь с шатром на повозке. Неужели они не беспокоятся о здоровье своего господина?

— Бен, господин купец болен? Что-то серьезное?

— Не знаю, и никто не знает. На все наши вопросы он отмахивается — говорит, это не стоит нашего внимания. Господин Сальмоней хороший человек, он никогда не дает кому-либо беспокоиться о нем, в то время как он заботится о всех. На то он и покровитель Октавы. Не могу представить, что бы было с городом, если бы не он...

Город скрылся из виду, окраинные поселения казались маленькими точками на горизонте. Если на караван нападут, помощи ждать неоткуда. Впереди был очередной подлесок, образующий над дорогой слабую тень. Он был редким и ничем не отличался от предыдущих молодых лесочков, но был удобен для засады. Предчувствие Джайру еще никогда не подводило.

— Прикажи рыцарям приготовиться, — вдруг с угрозой в голосе проговорила она Бенраду. Тот пришел в недоумение от этой неожиданной фразы.

— Что, прости?

— Прикажи приготовиться к бою.

— Зачем? Ты что-то увидел?

— Прикажи! Немедленно!

На последнее восклицание окружающие их рыцари, привыкшие к смеху Бена и абсолютно не обращающие внимания на Джайру, обернулись на невежественную просьбу, даже приказ со стороны непривилегированного наемника неизвестного происхождения. Несмотря на это последнее обстоятельство, касающееся личности Джайры, Бенрад сам вынул меч из ножен и поднял его над головой — условный знак приготовиться к бою. Недоуменно переглядываясь, рыцари с сомнением последовали его примеру.

— Ты ставишь меня в неловкое положение, друг, — тихо сказал Бен Джайре. — К чему все это? Я не вижу никакой опасности впереди.

— Чаще всего — ты уж извини, конечно — у вас, рыцарей, опасностью называется что-то только тогда, когда оно вылезет из укрытия, размахивая вокруг себя оружием и громко вопя какой-нибудь воинственный клич. Не удивительно, что ты этого перед собой не видишь, но не беспокойся — мы в паре минутах от этого явления.

Она замолчала. Опасность почувствовала не только она, но и Ворон. Он проявлял к окружающей местности неожиданное любопытство, наострив уши, вытянув шею и резко поворачиваясь во все стороны, чтобы увидеть приближающегося врага. Так он вел себя всегда, когда предстояла битва. Когда они въехали под лиственные своды молчаливого леса, конь начал часто дышать и всхрапывать. Внутренность Джайры тоже стала волноваться. Напряжение росло. Кроме нее, в заросли кустарника по высоким границам дороги всматривалась еще пара сотен глаз, пытаясь найти хоть одну причину для всеобщей тревоги. Деревья уже снова расступились, открыв им пейзажный вид короткотравных лугов, как тишину леса резко оборвали крики разбойников, посылавшихся на караван с крон деревьев как созревшие яблоки. Сразу началась неразбериха. Лошади наемников, громко заржав от испуга, удрали в луга, оставив своих всадников на боле брани. Пока Джайра не вступала ни с кем в бой, ее внимание было обращено на другое — впереди что-то закрыло просвет. Дорогу перегородили срубленным заранее старым дубом, чтобы самые хитроумные не смогли сбежать. Там же собралась небольшая группа разбойников — свита атамана. Туда и

направила Ворона Джайра. Заметив приближающегося чужака, разбойники из свиты двинулись ей навстречу. Быстро разобравшись с ними, не убив никого, но хорошенько покалечив разными способами, она подскакала к атаману, подставив Шип ему под кадык. Незамедлительно атаман вскрикнул хриплым голосом:

— Стойте! Остановитесь!..

Не только разбойники, но и сопровождение купца застыли с занесенными для удара мечами в руках.

— Отойдите от каравана! — крикнула им наемница. Когда шайка выполнила ее приказ, она обратила взгляд на атамана: — Так-так-так, кто здесь у нас? Грэг, Бродячий Пес! Ты ли это? И что же это ты делаешь, собачья сущность?

— Э-э-э... ничего, достойного твоего внимания, Лис, — вдруг забеспокоился атаман, лукаво улыбаясь беззубым ртом с вставной золотой челюстью.

— Да что ты? А это как называется? — она кивнула в сторону каравана.

— Так, ничего особенного. Просто небольшое ограбление...

— Неужели? А по-моему, это целое организованное нападение. Надо сказать, ты сильно преуспел: жалкий конокрад, а стал свирепым атаманом целой шайки разбойников! Когда до меня долетели пташки о такой удивительной вести, я не поверил. Тобой можно гордиться, как ты думаешь?

— Э-э-э...нет.

— Правильно. Мы ведь с тобой договаривались: если я еще раз увижу твою противную физиономию, нарушающую закон, то отрежу тебе руки, чтобы они не дотянулись до чужого добра. Или ты забыл про ту ночь, когда тебе не удалось увести моего коня?

— Нет, что ты! — визгливо вскричал атаман. — Войди в мое положение — у меня не было ни гроша в кармане, как иначе я мог добыть себе сразу хорошую сумму денег?

— Ну, не знаю. Например, пойти работать! Я отпускаю тебя в последний раз, если ты пропустишь этот караван на дорогу.

— Хорошо-хорошо! Только убери от меня свои зубы, Лис!

Хмыкнув, Джайра отъехала от атамана на пару метров. Раздосадованный разбойник махнул своим подчиненным, и те, в недоумении поглядывая на наемницу, убрали с прохода дуб и скрылись в лесу.

— Иди, подлая тварь! — гаркнул на Джайру атаман. — Вечно ты мне все портишь!

— А не надо испытывать судьбу, Пес, и я не буду больше появляться перед тобой в роли правосудия! — крикнула она и последовала за двинувшимся караваном.

Глава 6

Опасная дружба

Еще издали было слышно оживленный разговор Бенрада и Гарольда Фленьелла, слышался еще третий голос, до этого момента незнакомый Джайре. Поравнявшись с Беном, она осадилла Ворона, похвалив его голосом и дав ему сорвать пару листиков с придорожных кустов. Разговор тут же смолк, все воззрились на нее.

— Что-то не так? — недоумевающе посмотрела она на управленца и Бена. — Я сделал что-то плохое?

— Лис, да? — произнес Фленьелл. — Сколько же у вас имен, господин наемник? Что вы скрываете под своими кличками?

В сердцах усмехнувшись, Джайра ответила:

— Поверьте мне, вас это не обрадует, так что лучше обойтись этими ничего не объясняющими кличками.

— И все же мы обязаны вам, господин Лис, — она обернулась на новый голос. Из шатра выглядывал купец. Он был уже в возрасте почтенного старца, но лицо молодо сияло благодарной улыбкой. — Вы столь бескорыстно помогли нам, что это становится уже чересчур подозрительно. Назовите хотя бы причину своего совместного с нами путешествия.

— Причину? — изумилась наемница. — Какая может быть причина у одинокого странника? Удачно доехать до столицы и заработать денег. Это подходит для причины?

«Неспроста он стал подозрителен».

— И все же? — не унимался купец. — Вы что-то не договариваете. У вас довольно интересный круг знакомых. Ведь вы знаете этого атамана, не так ли?

— Если бы он не пытался украсть моего коня, я бы его никогда не увидел.

— Вы с ним на короткой ноге, — сердито проговорил Фленьелл, — уж сам вы не из этой же шайки?

— Не говори глупостей, Гарольд, — снова произнес купец. — Лис проявил к нам снисходительность, рискнув своей жизнью ради спасения ненавистного всеми разбойниками купца.

Наемница внимательно посмотрела на купца. «Странные выводы для торгаша».

— Ну, не такой уж и риск это был, — засмеялась Джайра. — Бывали переделки и покрупнее.

Она взглянула на Бенрада. Он чему-то хмурился. Видимо, она его разочаровала.

— Лис — он и есть лис, — проворчал Фленьелл. — Ведь не зря вам поставили эту татуировку, — он кивнул на едва видневшийся лист плюща у ее глаза. С опоздалой поспешностью она поправила повязку.

— Вы знаете метки ассасинов? — удивилась она. — Редкое явление среди рыцарей.

— Я уже вам говорил, что я уже долгое время работаю в Гильдии наемников и не встречался с этими хитроумными убийцами.

Дело принимало опасный поворот. Если напряжение и подозрение будут крепчать, то ей как можно скорее нужно удирать отсюда.

Бен удивленно воскликнул:

— Ты был у ассасинов? И что же у тебя за татуировка и что она означает?

— Это не имеет никакого значения...

— Нет, почему же? Имеет, — ухмыльнулся Фленьелл.

— Тогда, может, посвятишь нас в суть дела? — спросил купец.

— Это плющ, ядовитое ползучее растение, — ответил с самодовольством на лице рыцарь. — Он означает, что обладатель этой метки настолько же ядовит и цепок на язык, как и это растение.

Джайра проглотила подступивший к горлу ком. Еще минута — и она стеганет Ворона по крупу и унесется прочь от каравана. Еще никто из знатных особ не мог выдать ни одного ее секрета, и если этот Гарольд и дальше будет раскрывать ее тайны просто в шутку и ради бахвальства, то ее путешествие окажется под ударом. Все эти рыцари — верные подданные короля, и уж они-то не упустят случая преподнести его величеству подарок в виде арестованной воспитанницы ведьмы.

— Теперь я понимаю, почему разбойники отступили при виде тебя, — произнес Бен. — Кличка вора и метка ассасина — сильное сочетание. Наверное, ты слылешь в Гильдии воров кем-то вроде паладина или стагата?

«Что за нелепое предположение?»

— Отнюдь нет, — усмехнулась Джайра. — Я там сам по себе, как и среди наемников. Я уже говорил: я только хочу добраться до города целым и невредимым, да еще и подзаработать денег.

— Думаю, вы уже сполна отработали свою часть оплаты, — кивнул купец.

«Да что ему от меня нужно?..»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Больше Бенрад в ней не сомневался, купец тоже не проявлял подозрительности, только Гарольд чему-то ухмылялся. Похоже, она тут одна была злодеем.

— И что же вы сделаете со мной? — угрожающе спросила она. — Накажете на месте или арестуете и предадите праведному суду короля?

— Вы о нас совсем не того мнения, какого хотелось бы, — улыбнулся купец. — В наших глазах вы просто хороший друг, а не преступник.

«Точнее, полезный друг, не так ли?»

— Я рад знакомству с тобой, — хлопнул ее по плечу Бенрад.

«Слишком доверчивый...»

Весь день она почти ничего не произносила, зато не затыкался Бенрад. Гарольд изредка поддакивал ему, купец же снова уединился в шатре. До Октавы было еще около недели пути, если не сбавлять темпов — около пяти. До ближайшей деревни, где могли расквартироваться рыцари, — почти день, поэтому пришлось устраиваться на ночлег в чистом поле. Только когда рыцари стали разбивать лагерь, Джайра смогла, наконец, уединиться сама. Первым делом она расседлала Ворона, отпустив его погулять по лугу. Он отошел от нее на пару шагов и остановился, любопытно ее рассматривая, словно спрашивая: «Что же ты теперь будешь делать?» Положив седло с уздечкой на землю, она подошла к коню.

— Ну, что ты так на меня смотришь? Привыкай, мы с тобой одни остались, без Эврикиды, так что мы с тобой вольны как ветер. Но ты же меня не покинешь, правда?

В ответ конь встряхнул гривой и вдруг отскочил от нее. Поняв, что ее любимчик хочет поиграть, она погналась за ним, изредка всплескивая руками, отчего конь постоянно петлял, ускользя от нее, и взбрыкивал при каждом поднятии рук. Поиграв так с десять минут, она подняла амуницию и направилась к костру. Жаль, что с ней рядом нет Эврикиды, уж она бы

вытащила ее из этой беды...

Вокруг палаток развели костры. Где гоготали наемники, а где в напряженной тишине слушали путевые байки рыцари, но Джайра не хотела идти ни к тем, ни к другим. Ее до того достала глупая болтовня рыцарей о своих ратных подвигах, что ей хотелось хоть немного молчания. В задумчивости она бродила между палатками, поглаживая изредка попадающихся стреноженных лошадей. Что, если бы она не была амазонкой, наемницей и воспитанницей ведьмы стихий? Может, судьба бы по-другому повернулась к ней, будь Джайра какой-нибудь знатной дамой? Порой она задавала себе этот каверзный вопрос, когда она злилась на свое положение, но сейчас, когда она оказалась так близко к высшим кругам общества, он всплыл в голове сам собой. Жить вдали от разбойничьих и темных краев, не зная нужды, страха, жестокости, не представляя даже мыслей о том, что такое убийство своими руками. Но другая сторона монеты знатности все же перевешивала чашу весов: жить при дворе в четырех стенах, все делать только ради поддержания власти и чести своего рода, стараться угодить королю, жеманничать с рыцарями и читать о путешествиях и авантюрах только в летописях! Нет, о такой жизни она даже думать не хочет. Что может быть лучше свистящего в ушах ветра от быстрой езды верхом? Когда ты будто играешь с ним в догонялки, приходя в сладостную эйфорию от нахлестывающих на твое лицо воздушных волн, когда ты чувствуешь под собой стремительное движение могучих лошадиных мышц и двигаешься всеми внутренностями вместе с ними и знаешь, что сейчас никто не властен над тобой и твоим быстрым конем, — это ли не ощущение свободы? А еще: холодные рассветы, жаркие закаты, сладко-незрелый аромат весеннего леса, соленый запах моря, душистое дурманящее дуновение лугового летнего ветерка, жгучие холодные поцелуи морозного дыхания гор, — разве можно было все это отдать ради всей этой напускной знатности? Да никогда! И это приносило самоутверждающее удовлетворение...

— Если бы тебя никто не знал, то приняли бы за конокрада, — из одной из палаток ей навстречу вышел купец. — Зайди ко мне, я хочу с тобой поговорить...

Удивившись странной просьбе купца, вроде бы больше не проявлявшего к ней интереса, Джайра все же последовала за ним. У самого входа она заметила едва различимую во тьме фигуру телохранителя, который до сей поры держался особняком ото всех и плелся позади шатра вне поля зрения наемницы. Специально, чтобы она разглядела его как следует, он сделал шаг вперед, вступив в освещенное пространство. На короткое мгновение Джайра удивленно раскрыла глаза и приостановилась. Гияс, ассасин-«берибех», так же коротко улыбнулся во всю ширь рта, поприветствовав тайным жестом «я с миром» — будто бы стряхнул соринку с плеча дважды. Джайра проделала тоже самое, догнав купца. Что ж, мир так мир — просто приставлен следить за торгашом, оно и понятно. «Надо будет подробнее узнать об этом у Хакима...»

Шелковые стены шатра песочного цвета освещали только четыре лампы в разных его местах. Вокруг стояла тишина, не было слышно ни редкое ржание лошадей, ни людские разговоры, только легкий шум ночного ветра и стрекотание насекомых.

— О чем вы хотели со мной поговорить? — сразу спросила она его, даже не сделав и шага с прохода. — Если это будет опять выяснение моей личности, то я сразу хочу дать отказ...

— Меня это не столь сильно беспокоит. Располагайся, — он подождал, пока она сядет напротив него. — Ты не возражаешь, что я перешел на более дружеское к тебе обращение?

— Вы еще об этом меня спрашиваете? — засмеялась она. — Можно подумать, вы меня

за равного себе считаете. Нет, я не возражаю.

Купец на мгновение задумался. Джайра поняла, что он обдумывал ее слова о равенстве — задался вопросом, не превосходит ли его наемник? Какие-то странные предосторожности для благодетеля города.

— Может, ты и равен мне. Небо учит нас быть равными друг другу. Ты тому хороший пример: ты не брезгуешь привилегиями классов выше твоего и сам уже можешь претендовать на знатное происхождение, обладая такими благородными качествами. К тому же еще и имеешь совесть...

— Совесть? — воскликнула наемница. — Я считаю себя последним эгоистом в этом мире. Ни разу не замечал в себе хотя бы просвет совести.

«Снова задумался. Он присматривается ко мне?»

— Зря ты так говоришь. Ты сильно критичен к себе, что тоже является благородным качеством настоящего рыцаря, хоть ты им и не являешься.

Видимо, этого мыслителя не отговорить от идеи воплощения истинного рыцаря в лживой наемнице. «Зачем ему нужен такой идеал?»

— Слишком лестный отзыв о простом наемнике, чтобы принять его обычной похвалой.

Купец не менял хитрой улыбки с прищуром, которая чуть раньше Джайре казалась вполне благосклонной. Насколько ей было известно, Сальмоней Нар Атив был из круга самых приближенных людей султана, которые составляли его тайнум. Задачи купца в Ардонии были яснее ясного: он настолько сильно закрепился среди ардонской знати, что большая часть экономики Октавы зависит от него. Что уж говорить о королевском дворе. «Талант прокладывает бескровные пути к вершине пьедестала».

— А ты не привык к лести, — слабо посмеялся купец. — Иногда она нужна, чтобы тебя заметили. Люди любят сладкие слова.

— Я больше люблю истину, какой бы она ни была.

Возможно, прозвучало резковато, поскольку купец немедленно выпрямился, до этого заискивающе наклоняясь вперед при ответах. «Наплевать, нравится ему это или нет, но я не люблю, когда роются у меня в закромах. Должен уже это понять».

Начав поглаживать бороду, купец немного погасил улыбку.

— Истина может быть жестокой с теми, кто к ней не готов. Раны, наносимые истиной, никогда не залечиваются. Она бывает смертоноснее клинка убийцы, согласен?

«Перейдя на высокопарные речи, ты только сам себе яму выкопаешь».

— Нет, не согласен, — купец застыл на мгновение. — Истина считается оружием только тогда, когда владелец знает ей правильное применение. В обратном случае она перестает быть полезной и мгновенно растворяется, тогда как клинок — любой, не только убийцы — не нуждается в знании, как его применять. Для истины важнее, в чьих она руках, а не о чем она. Если владелец знает ей цену, то уже от него зависит, чему она послужит: убийству или рождению.

По всей видимости купец не ожидал такого сопротивления. Скорее, он рассчитывал на взаимную услугу, но не на едва прикрытое предостережение. Узнал ли он эти слова? Когда-то они были сказаны между Акбаром и его младшим братом Ирфаном, ныне султаном и Вездесущим. По сути дела, Джайре Сальмоней был не нужен как союзник, эту роль отличнo выполняли ассасины, а они куда прозорливей и дальновидней соглядатая самого султана.

Пребывая в растерянности, купец долго не мог совладать с некоторым страхом — это было видно по его глазам, особенно по тому, как он их начал прятать, отводя в сторону.

Однозначно слова были узнаны. «Ну? И кто кого теперь проверяет?»

Маска заискивающего покровителя на глазах исчезла. Хецин растерянно оглаживал ладонями свои шелковые восточные одеяния и не находил, что ответить. «Ну, не такая уж и страшная. Просто могу укусить, если будешь мне досаждать».

Сдержав усмешку, чтобы та не дошла до глаз, Джайра пришла на помощь попавшемуся соглядатаю:

— Вы только обо мне поболтать пригласили, или у вас действительно что-то серьезное?

Взглянув в глаза наемнику, такому уверенному в себе, такому властному и сильному, что невольно в нем чувствовалась опасность, Сальмоней уже более спокойным голосом произнес:

— Я хотел тебя отблагодарить. Что бы ты хотел в награду за наше сегодняшнее спасение от шайки китранских разбойников?

Джайра подняла брови. За героя Кровопийцу, освободившего город Исру от наваждения ходячих мертвецов, предлагают и поныне награду, как это выяснилось в Китране. За все дела Безымянного никто не даст и дырявой монеты — все его действия продиктованы только моралью ассасина, про Лиса и говорить нечего — воры всегда действуют ради своей выгоды. Буревестник даже самой Джайре иногда казался призраком. Ей не давали никакой награды, кроме очередных баек, удовлетворяющих ее самолюбие, а тут вдруг... «Решил откупиться? И что же мне попросить?» Она была растеряна и в ответ только искренне посмеивалась, пожимая плечами.

— Мне не нужна ваша награда. Я даже не ожидал, что все так получится. Может, другие обстоятельства, другие люди — вы даже не обратили бы на меня внимания...

Уж в этом хецин был с ней согласен — не случись таких обстоятельств с тем подслушанным разговором, не оказался атаманом бывший конокрад, скрытный странник остался бы незамеченным.

— Вот видишь, как ты ошибаешься насчет своего эгоизма, — улыбнулся купец. — Я уверен, что, будь даже атаман не твоим старым знакомым, а каким-нибудь отчаянным головорезом, ты все равно бы проявил ту же доблесть и смелость, что сегодня. Но отблагодарить я тебя хочу отнюдь не от своего лица, я лишь представитель целой группы людей.

— Что вы имеете в виду? — с подозрительностью она оглядела его снова: «Неужто хочет проложить свои паучьи нити в общине ассасинов? Или наемников? Или воров?..»

— Эти деньги, что покоятся в мешках на моих мулах, пойдут на прокормление нищих в Октаве. Многие служители Сакротума подавали просьбы в Королевский Совет по этому поводу, сетовала и Торговая гильдия, что сокращается спрос среди простых жителей из-за нищеты. Но на нашу общую мольбу откликнулась только ее высочество. Весь тот товар, что был продан на ярмарке в Китране, нечто иное как подношения султана Аль-Пассала принцессе Ардонии.

— Акбар сделал ей предложение? — решила сменить тему Джайра

— Принцесса сама отдала все дары на благотворительность. Ты теперь понимаешь, что спас всех этих бедных бродяг и сирот, нищенствующих по всей стране? Я не могу не рассказать об этом его и ее высочеству. Они обязательно поинтересуются тобой и позволят тебе аудиенцию, чтобы наградить тебя по-королевски. Но, так как ты весьма скрытный человек, то я хочу наградить тебя сейчас, чтобы ты не рисковал своим инкогнито перед королевскими особами.

Как она и думала, все в ней видят кого-то другого, только не вора и не наемника. «Вот только зачем он хочет привести меня к королевскому двору? Это не мое поприще. Все эти отговорки о моей скрытности — пустая болтовня».

— Благодарю, вы оказались предусмотрительней меня, это редко с кем случается, — усмехнулась Джайра. — Спасибо, но мне действительно ничего не нужно. У меня есть свобода, есть мое оружие, есть мой верный конь, и в придачу ко всему этому — мой язык. Этого мне хватает, чтобы жить полноценной жизнью, а не существовать одними потребностями.

«Мне нет никакой пользы ни от твоих денег, ни от тряпок...»

— Ко всем своим благодетельным чертам характера ты к тому же еще и упрям, как ишак, — засмеялся купец, надеявшийся хотя бы на согласие на аудиенцию у принцессы, — но я доволен твоим ответом. Что ж, тогда я сделаю так: награда останется при мне, пока ты не увидишь необходимость использовать ее. Поверь мне, такой случай еще подвернется и ты этим воспользуешься. Ступай...

Поклонившись, Джайра вышла из шатра.

Солнце уже полностью скрылось за шумливым морем ковыля на западе. Ветер утихомирился, и теперь были слышны только ночные редкие глухие звуки. Костры большей частью потушили, остались только маленькие огоньки на окраинах лагеря для часовых. Наемники уже не гоготали, из их низких палаток доносилось ровное посапывание и храп. В палатках рыцарей еще были слышны тихие разговоры в полголоса, и то многие уже сладко зевали. Бесшумно прокравшись мимо одной из таких палаток, где ей предназначили место, опять же рядом с Бенрадом, она тихо улеглась рядом с дремлющим Вороном на развернутом покрывале, благословляя Небо, что рыцарь уже спит.

Что она могла попросить в награду? Мешок денег? Это было бы очень глупо. Ну, а что еще? Да ничего! Хотя... другой бы от такого предложения никогда не отказался, но вот в чем главный вопрос: что именно попросить? Какой-то странный интерес проявлял к Лису этот купец. Зачем ему дружба с вором, да еще и с ассасином? Впрочем, как беззащитному купцу из далекой восточной страны, которую сам король прочит себе во враги, не помешал бы личный телохранитель. Может, именно для этого Сальмоней и привлекает к себе внимание и пытается вызвать благосклонность ассасина? Хорошо, что Фленьелл не так подробно знает метки ассасинов-«аль-мусиальдов», иначе ей пришлось бы хуже — опасный убийца никому в знакомых, и уж тем более — в ближнем окружении не нужен, больше риска, чем пользы. Успокаивает одно: они все еще видят в их новом друге только мужчину. И ни в коем случае нельзя было им предоставлять возможность заметить в ней неладное. Что ж, будет новый день — будут новые заботы. Закутавшись чуть ли не с головой в свой плащ, Джайра заснула чутким сном.

Во сне ей вспомнилась одна из встреч с Эврикидой, предпоследняя, если верить памяти. На окраине города Пармы — «ардонской мастерской», как поговаривали в народе, — маркитанты раскинули свои палатки, распродавая все то, что слишком долго залежалось у парменских мастеров. Поиски подходящей замены для подруги Ворона привели Джайру к дырявому навесу коллекционера украшений. Но внимание всех, и ее в том числе, приковывали отнюдь не потертые, но диковинные вещицы на лотках, а спор ее наставницы и торговца.

— Госпожа, посмотрите на эту подвеску! Если ее опустить в пшеничное масло, она засияет, точно золото! И ведь стоит-то всего три серебряника!

— Что ты мне подсовываешь всякую дрянь? Ты ослеп? Ты только глянь — оправа вся в трещинах, не поймешь даже, что за металл! А кто изображен на камне? Демон что ли?

— Это селезень.

— Сам ты селезень! Если тебе нечего предложить мне, ты точно им станешь!..

— Ну а как же этот перстень? Ведь он пришелся вам по вкусу.

— Мне пришелся по вкусу его малахит, но не эта ржавчина на ободке!

— Вы слишком привередливы! Могу вам отдать его за полцены — только один золотник и три медяка...

— Да провались ты в преисподнюю со своим барахлом! Как будто ты их с мертвецов тысячелетней давности снимаешь, а может, с самих королей Ардонии, упокоившихся в курганах, а?! Тут даже ничего не выбрать для талисманов — эту дешевку никто не возьмет.

Торгаш беспокойно оглядывался на покупателей вокруг. Такое заявление могло уложить в могилу и само его дело, тем более что Эврикида была яркой внешности и привлекала внимание некоторым аристократизмом. Золотая блондинка с яркими лавандовыми глазами, что редкость даже среди ведьм, она была выше среднего роста и любила развивающиеся ткани — на шее и по рукам свисали и танцевали с ветром множество разноцветных шарфов. Даже рубашка была под цвет ее глазам. В волосы, падающие пенными волнами до самой талии, тоже были вплетены ленточки и цепочки, а в носу сверкал маленький рубин, соединенный с мочкой правого уха платиновой цепочкой с кучей мелких янтарных капель. Как и у всякого, владеющего волшебством, у нее был посох, но и тот был оригинален — само древко было сделано из синего дерева из эльфийских лесов, а набалдашник был выполнен из того же янтаря и представлял собой миниатюрного дракона, раскрывшего крылья и изрыгающего пламя. Насколько знала Эврикиду Джайра, у нее никогда не было фамилиара, но многие то и дело присматривались к фигурке на посохе — вдруг живой?

— О, Джайра! А тебя сюда каким ветром занесло? Ты, вроде бы, выполняла заказ в Курсе? — ведьма задиристо подмигнула. Джайра ничего не ответила, разве что пронзила ее взглядом. Левая сторона лица еще ныла, и порой казалось, что по коже все еще тыкают иголкой, прижигают розовым маслом с особыми пряностями и снова наносят несмываемую краску. Так и хотелось почесать щеку под повязкой, но этого делать не стоило — и лучше не станет, и повязка сползет. А терпеть это было таким же мучением, как укус насекомого. Соответственно, и раздражению тоже не было конца.

— Еще что-то скажешь, или мне заткнуться и слушать свою наставницу?

— Ой, да ладно тебе строить из себя недотрогу! Лучше скажи, какую метку тебе поставили?

— Тебе-то что? Откуда ты вообще знаешь о Курсе? — ей приглянулась хорошая плетенка ручной работы, с одной стороны которой был подстриженный беличий мех — если пришить к этому ремешку пару застежек, получится неплохая подпруга.

— Ну, ты же знаешь — между нами, Детьми Стихий, новости быстро разносятся. Так какое же имя тебе дали?

Торгаш учтиво раскланялся с ней, упаковав купленный товар, и Джайра направилась к водопою у реки, где ее ждал Ворон. Ведьма не отставала, все так же пытливо заглядывая в глаза.

— Если ты знаешь и о Курсе, то и о новоиспеченном ассасине тоже знаешь.

— О котором?

Она сама хотела услышать эту кличку из ее уст. Эврикида знала, что Джайра ненавидела

свою нынешнюю жизнь и себя заодно, и, как казалось девушке, при каждой встрече старалась еще больше унижить ее, выпытывая все подробности событий ее жизни. Зачем ей сейчас опять потребовалось услышать ее новое выдуманное имя?

Сквозь зубы и очень тихо Джайра выдавила:

— О Безымянном.

— О ком, о ком? Я не расслышала. Что ты постоянно бубнишь себе под нос каждый раз, когда я тебя спрашиваю о чем-нибудь интересном?

— Потому что меня это раздражает! — Ворон, подняв голову от воды, фыркнул на ее гневный голос. — Ты каждый раз унижаешь меня! Наступаешь на больное место...

— На больное место? О чем ты? Глупая! Это же твои достижения, твоя слава! Твой жизненный опыт, наконец! Я хочу, чтоб ты это поняла, а ты наоборот — набычишься не хуже каменной горгоны и прешь в противоположную сторону. Что за ребячество!..

— Вот еще одна причина: ты постоянно твердишь про ребячество, будто сама принимаешь только взрослые решения. Сколько раз ты уже попадала в опасные ситуации, если бы не вела себя как неумелый соглядатай! И я еще должна тебе доверять?

Эврикида растерянно потупилась. Джайра в который раз замечала, как наставница старается скрыть что-то от нее, едва удерживая эту тайну в себе. Что скрывать ведьме от простой наемницы? Эврикида входила в пятерку самых могущественных чародеев всего мира, почему она боялась что-то сказать Джайре? Что это за тайна такая?

— Эврикида, тебе самой не надоело каждый раз глотать язык или врать почему зря, когда доходит до вопроса о твоих необъяснимых и показушных странностях? Я хочу знать, что ты скрываешь! Да и ты сама знаешь: тяжкие тайны гнетут душу. Так почему ты не расскажешь мне? В конце концов я бы могла в нужный момент предостеречь тебя и других от секретов.

— Не могу, — вздохнула ведьма. — Ты поймешь меня — я дала клятву.

Джайру это изумило еще больше. Клятву о сохранении своего секрета, или он был с кем-то общим?

— И что же это за клятва такая? И каким это образом она связана с моей меткой?

Наемница невольно потерла щеку и обозлилась за это сама на себя.

— Клятва такая, — рассердилась не на шутку ведьма, — какая и тебе не дает раскрыть себя, свое предназначение. Ведь именно его определяет твоя метка, не так ли? Моя клятва не хуже твоей — она была дана другу у смертного одра. Так если ты не хочешь раскрывать свои тайны, не обвиняй меня в том же!..

Неожиданно она замолчала на полувздохе, видимо, сказав лишнее. Джайра онемела. Ценность тайн ассасинов была слишком велика, чтобы их кто-то мог знать из посторонних — сами эти тайны могли загубить без счета невинных и достойных жизней. Что самое занимательное, так это то, что ведьме слишком часто приходилось всеми силами удерживать язык за зубами, чтобы не проболтаться. И наемнице все чаще казалось, что ведьме известно намного больше, чем обычным смертным...

Утро выдалось на редкость холодное — признак приближения осени. Она проснулась, как всегда до рассвета, Ворон тоже уже ждал ее, наедаясь свежей травы, как будто ел в последний раз. Все еще спали. Костры часовых давно потушили, прислуга начинала заседлывать лошадей. Вскоре, как обычно, по сигналу проснулись рыцари, за ними встали и наемники. Лагерь довольно быстро снялся с места, и караван продолжил путь. Из шатра купца снова доносился кашель, хуже, чем вчера. Рыцари не обращали на это внимания.

Гарольд сразу после завтрака проверял позиции наемников, Бенрад же постоянно зевал, сманивая Джайру. Болтая о несущественных пустяках полдня, после полуденного привала он приутих, о чем-то раздумывая и явно собираясь сказать что-то серьезное. Хотя навряд ли. Пока что до этого момента он ни разу не сказал что-либо путное, разве что некоторые вопросы подозрения насчет воров, но это большей частью были подколы.

— Ты не так прост, как я погляжу, — неожиданно для Джайры он наконец-то озвучил свои мысли. Она косо глянула на него — лукавая улыбка ему явно не к лицу. — Я заметил тебя еще в трактире. Обычно люди, входя, осматривают столики в поисках знакомых и друзей, ты же оглядел весь зал, ища запасной выход за спиной у трактирщика. Затем ты выбрал самый темный угол, да поближе к дверям. Так ведут себя только преступники, — понизив тон, он продолжил. — Я понимаю тебя: жизнь заставляет приспособливаться ко всем возможным опасностям, особенно одиноких странников. Но одинокие странники стараются избегать славы и показываться на люди, ты же не побоялся назваться прозвищем вора, на шумевшего в Китране — не думай, что нам это не известно. Мы знаем, что Лис что-то натворил, но что — это остается тайной.

Джайра вздохнула. «К чему он ведет? Рыцари держат слово, даже данное против воли, — они меня не арестуют, но зачем все эти игры в загадки? Хочет блеснуть своими познаниями людских характеров? Нет, это было бы слишком очевидно».

— Но, зная людские пороки...

Джайра резко выдохнула, обратив на себя внимание Бена. Все как она и предполагала.

— ... я предполагаю, что ты хочешь войти к нам в доверие и что-то выкрасть. Нет, не у нас и не у господина Сальмоня, но, возможно, у короля? А может, просто что-то разузнать. Не говори мне ничего, — остановил он ее на полуслове, — я сам хочу угадать, что же ты задумал, — усмехнулся рыцарь. — Я верю тебе в том, что ты не замышляешь против нас ничего плохого, не беспокойся об этом. Но я раскрою твою тайну, будь уверен.

«Тоже мне...», — вздохнула Джайра, вслух же произнесла:

— Что ж, воля твоя. Только смотри, как бы это не рассорило нас — дорога еще предстоит долгая.

Видимо, безразличие, прозвучавшее в ее голосе, как-то встревожило Бена, отчего он выпалил:

— Я заметил, что ты любишь одиночество. Но я не собираюсь ссориться с тобой. Если я сказал что-то не так, то это неумышленно, поверь. Просто я пытаюсь тебя понять, чтобы лучше узнать. Ты хороший человек, с тобой приятно разговаривать — не хотелось бы терять такого приятного собеседника, а еще хуже того — друга.

Последние слова вызвали у Джайры откровенное удивление.

— Так вот, — улыбаясь во всю ширь рта, продолжил Бен. — Одно из моих предположений состоит в том, что ты стагат. И не отнекивайся, как вчера — это только еще больше подтвердит мои слова.

Джайра снова вздохнула, уже не обращая особого внимания на очередную болтовню Бенрада. Пусть тешится своими играми в загадки. Такими пустыми доводами он никогда не узнает ни ее имени, ни того, что она на самом деле женщина. Ее больше беспокоил этот донельзя дружелюбный купец. Хочет завербовать ее в личную гильдию соглядатаев, уже не в Аль-Пассале, а здесь, в Ардонии? С каких это пор у знати появилось новое увлечение устраивать свои собственные соглядатайские сети? «Уж не он ли собирается обдесятить козырного туза?» Тогда становится ясным, с какой целью ассасин-«разитель» по прозвищу

Пересмешник ходит тенью за купцом. Кто бы не захотел узнать, что же хочет украсть темнейший и как игрок сможет проникнуть в королевскую казну. К Гиясу лучше не подходить — и ему добавится риск быть раскрытым, и на Джайру падет больше подозрений, но как же не терпится узнать истину! Осталось полпути — на горизонте виднелся Васильковый Луг.

Одно из самых живописных мест Сердечной области Ардонии представляло собой большой луг, покрытый яркими фиолетовыми васильками с ранней весны до поздней осени. Все еще оставалась чудом такая выносливость этих растений к заморозкам и зною. В центре луга расположилось довольно крупное поселение, обнесенное стеной каменной кладки, такой же круглой, как и луг. Башнями в этой стене служили четыре старых высоких дуба, расположенных соответственно сторонам света. Когда-то существовала легенда, что эти дубы здесь вырастил один из Протекторов, оставив в этом круге под охраной деревьев несколько теплых чувств человека. Какое-то время Васильковый Луг действительно был обязательным для посещения влюбленных и вообще всех людей, но после того, как прапрадед Амнуса устроил здесь публичную казнь, деревня утратила свою популярность. Тем не менее, все легенды все равно остались живы, потому что без них не может жить народ, просто они рассказывались с осторожностью, чтобы не подслушал ни один слухач и соглядатай.

С приближением каравана широкие резные ворота открылись, и с южного дуба завыл рог, торжественно и даже радостно. Бенрад, советуясь с Гарольдом, суетливо бегал от трактира к постоялому двору и обратно, распределяя всех наемников по комнатам и отдавая распоряжения прислуге. Рыцари помогли Сальмонею вылезти из шатра и проводили его в верхнюю комнату в трактире. Похоже, они не на шутку забеспокоились — Гарольд попросил старосту прислать в трактир всех лекарей деревни. Устроившись в комнатах, все собрались ближе к темноте в трактире, устало ведя дружеские беседы. Вроде бы все было спокойно, только конюхи не могли унять лошадей каравана — напуганные чем-то животные метались по стойлам и не давали никому подходить. Устав в дороге и проголодавшись не меньше всех, Джайра снова выбрала уголок потемнее и заказала овощей и кружку травяного отвара, оглядываясь по сторонам, чтобы никто не заметил, как она снимает маску. Среди всех, кто расположился у пивной стойки, был еще один человек в капюшоне. Фиолетовый, как васильки, плащ скрывал его всего, только лицо и можно было увидеть. Почувствовав на себе взгляд Джайры, человек повернулся к ней и, слегка улыбнувшись, кивнул. Она ответила тем же, узнав в нем друга Эврикиды колдуна Акуна, известного среди чародеев зельевара и провидца. Он тоже дичился людей, как и она, — видно, не хотел быть признанным октавцами. Улучив момент, он придвинулся к Джайре поближе, допив свой эль.

— Здравствуй, Буревестница.

— Все еще называешь вещи своими именами? — оба говорили в полголоса, будто их могли подслушать даже стулья. — Что ты делаешь в Васильковом Луге, так близко от Октавы?

— Я давно здесь обосновался. Местные пока что не прогнали меня и не сдали королевским воинам.

— А почему они должны тебя сдать?

Акун скептически глянул на нее.

— Я помогаю им избавиться от незапланированных детей, отравляю ради чьей-то мести людей, заговариваю неизлечимые болезни, и еще ты удивляешься, почему я все еще не

сгорел на костре Искателей? Хорошая шутка. Ради этой шутки мне пришлось даже сломать свой посох, чтобы на меня пальцем хотя бы не тыкали.

Джайра коротко засмеялась.

— Ну а где же твой фамилиар?

— Хамелеон? Изображает коня в конюшне.

— А, ну теперь ясно, в чем там весь переполох.

Теперь засмеялся Акун. После небольшой паузы, во время которой он внимательно разглядывал Джайру, он осторожно спросил:

— Давно ее не стало?

Оторвавшись от вареных овощей, Джайра взглянула в глаза колдуну. Ей всегда не нравились серые глаза, а у чародеев — тем более. Всегда кажется, будто они видят насквозь, как хрустальные шары для предсказаний или слепые глаза скульптур. Акун был еще достаточно молод, чтобы научиться такой прозорливости, но седые волосы, которые он прятал под капюшоном, говорили о чем-то очень страшном, что ему пришлось пережить.

— Нет, около недели назад.

Акун нахмурился.

— Жаль ее. Но это еще не конец. Ее смерть идет за тобой, как тень. Ты в чем-то поклялась, связанным с Эврикидой, и не хочешь отпустить от себя мысли о ее смерти. Странно, что так совпало — смерть следует от ведьмы за тобой по пятам. Сначала амазонки, потом Южные Провинции, теперь вот твоё окружение. Сильное заклятие было, да? — Джайра подозрительно смотрела ему в глаза, затуманенные видениями.

— О чем это ты?

— Я чувствую скорую смерть наверху этого кабака. Ты избавила этого человека от смерти на дороге, спасши его от разбойников, но она его не отпускает. Этот купец умрет на рассвете, задохнется от отека легких.

— Что?

Словно могла видеть сквозь стены, Джайра уставилась в потолок на предполагаемую комнату купца. Не может быть такого, чтобы какой-то простой кашель мог довести человека до могилы.

— Ладно, мне пора в свое укрытие...

— А где ты укрываешься?

— Знал, что ты спросишь. В обгорелой хижине в северной части. Там очень красиво поют птицы на заре, и пахнет нарциссами.

Колдун ушел так же незаметно, как и пришел, будто его тут и вовсе не было. Джайра исподволь осмотрела весь зал, все столики — никто даже не смотрел в ее сторону. Но не успела она сделать и поток отвара, как рядом устало свалился на стул Бенрад, вынудив Джайру как можно быстрее нацепить повязку.

— О, не беспокойся, — заметив ее торопливые движения, произнес Бен, даже не поворачивая головы к ней, — я не буду на тебя смотреть.

И все же Джайра постаралась поглубже надвинуть капюшон и сесть к рыцарю в пол-оборота, чтобы даже контура лица было не видно. Подождав, пока Бен съест свою порцию отбивных, она допила отвар и все же надела повязку. Кому нравится, когда не видишь глаз собеседника?

— Как там господин Сальмоней? — этот вопрос тут же нагнал на лицо рыцаря тучи. Ей показалось, что даже в чистых голубых глазах Бена тоже собрались дождевые облака. Сжав

губы, он уныло покачал головой.

— Никто не знает, что с ним. В деревне пять лекарей, все испробовали свои средства, но ему даже легче не становится.

— Давно у него этот кашель?

— Не знаю, он всегда у него был, но не такой сильный.

Напряжение немного отпустило Джайру, и она расслабила плечи. Это не из-за нее, не из-за нее — болезнь уже давно точила купца.

— А что говорит Гарольд?

— Ничего. Никто ничего не говорит.

«Они уже отчаялись! Ну, просто блеск!» До Октавы еще слишком далеко — ни одна лошадь не сможет покрыть такое расстояние за одну ночь, а значит, и лекарь из столицы тоже приехать не успеет. Остается одно...

— Бен.

— Да?

— Я знаю, как ему помочь. Но для этого нужно преступить закон.

Бенрад уже загорелся надеждой:

— Все что угодно! Никто об этом даже не узнает.

— Вот именно. Этот человек не любит славу.

— Какой человек?

«С чего бы начать? Он не пойдет в слепую, нужно что-нибудь ему рассказать».

— Он мой друг. Был другом моего наставника. И хороший человек. Но есть одна очень большая проблема, — Бенрад терпеливо ждал продолжения, пока она выбирала слова. «Да что тут выбирать? Факт остается фактом». — Он колдун.

Дождевые облака превратились в грозовые, сейчас посыпятся искрами молнии.

— Нет. Его нужно казнить немедленно, если он в этой деревне.

Вот, так и есть — вот они искры.

— Ни один лекарь не смог помочь Сальмонею, если у него нет другого выбора, почему бы не попробовать? Хуже ему все равно не станет...

— Откуда ты можешь знать? Все чародеи — лжецы и убийцы, кто может поручиться, что этот не убьет Сальмонея, объясняя это тем, что окажет ему последнюю милость?

— Я могу поручиться, — спокойно ответила Джайра. — Потому что мой наставник тоже был из чародеев.

Эти слова самого рыцаря как громом поразили. Он накрыл лицо руками, оперевшись локтями на стол, и долгое время было слышно только его гневное дыхание, похожее на пыхтение быка.

— Я понимаю — для тебя это удар, но все мы не безгрешны. Я не обладаю магией, но учение моего наставника помогает мне и по сей день выживать в этом мире. Ты представить себе не можешь, где я был, что видел, с кем сражался и кого убивал, — Бенрад опустил руки и снова начал пронзать ее молниями. — Прodelки Лиса — не единственные мои деяния, такова наша доля, авантюристов и странствующих наемников. Сейчас Сальмонею не помогут даже молитвы, тем более, здесь нет даже часовни. Сам собой он не вылечится и чуда тоже не будет, все это напрасные надежды. Так давай мы сами дадим ему второй шанс, разве не этого добиваетесь все вы, рыцари?

Он моргнул, взгляд смягчился. Вздох, второй вздох. Джайра не спускала с него глаз и все же решила дать ему намек на компромисс.

— Если что-то пойдет не так, я сам отвечу за это перед королем и понесу любую кару, — от этого ей будет проще избавиться, чем от бесконечных благодарностей.

Снова вздох. Вот что они только означают?..

— Хорошо. Приведи его наверх ночью, когда все улягутся. Я буду ждать там, заодно выпровожу его немого охранника-хецина.

— Заметано, друг, — не зная, приободрит ли это его, Джайра хлопнула Бена по плечу и отправилась на постоянный двор к себе. Все окна выходили на трактир, и не трудно было наблюдать за окном комнаты купца.

Темнота опустилась на Васильковский Луг незаметно. На дубах зажгли фонари, вокруг которых танцевали светлячки. В окна бились ночные бабочки, а в траве играли цикады. Деревня начала успокаиваться. Из трактира вышел последний посетитель, и в окне Сальмонея появился Бенрад. Оглядев двор, он кивнул Джайре, даже не зажигавшей свет. Стремглав выбежав из гостиницы, она бросилась к северному дубу. Обгоревшую хижину найти не сложно, и нарциссами тут действительно сильно пахло. Резко затормозив перед дверью, она громко постучала.

— Акун! Это я! Нужна твоя помощь.

— Иду, иду, я уже собрался, — своим обычным спокойным голосом отозвался колдун, выходя из хижины. — Знал, что ты придешь.

— Если ты всегда все знаешь, почему ты сразу не предложил помощь? — обозлилась она.

Акун пожал плечами:

— Я тоже хочу спать, как и все. Я же человек.

— Обезоруживающий ответ.

— Я знаю, — улыбнулся он, и широким шагом пошел к трактиру.

Иногда Джайра ненавидела чародеев, иногда им симпатизировала, большей частью проявляла безразличие, но сейчас ее страшно раздражало это постоянное «я знаю». Чародеи никогда не делают первого шага, никогда сами не протягивают руку помощи, только тонко намекают, провоцируя обратиться к ним. Думая, как бы получше выразить свое раздражение Акуну, она следовала за ним, стараясь не отстать. Бенрад, увидев их из окна, растворился во тьме комнаты, а колдун остановился у дверей трактира.

— У меня только один вопрос: что мне за это будет?

Джайра не смогла сдержать раздражения в голосе:

— Я при удобном случае расплачусь с тобой.

— Хорошо, — безмятежно улыбнулся провидец, — всегда приятно знать, что тебе кто-то должен, правда? — и, что-то мурлыкая под нос, поплыл — по-другому и не скажешь, глядя на скользящий плащ — по лестнице наверх.

Бенрад ждал за дверью, и молнии из глаз сыпались на вошедших даже сквозь темноту. Не дав слово никому сказать, он выпалил, протискиваясь в дверь:

— Я буду ждать в коридоре.

Джайра вздохнула. «Как люди часто усложняют себе жизнь!» Если бы он смирился с мыслью, что все это во благо, то никогда бы так не злился, причем сам на себя, раз согласился на такое. Часть ответственности падает на него — именно падает — может, остальные об этом и не узнают, но его совесть может замучить его до чистосердечного признания. Этому-то Джайра могла помешать, но другом ему быть перестанет точно. Что ж, тогда нужно выбрать меньшее из зол — лучше лечь под нож одной, рассорившись с рыцарем,

чем подставлять под удар всех, давая волю его совести. И все же, зло есть зло, без этого никак не обойтись.

Акун подошел к кровати и низко наклонился к лицу купца, слушая кашель. В простенке между окон тлела свеча, не давая глазам полностью привыкнуть к темноте. Мягкий свет ложился на очертания предметов вокруг, создавая таинственную обстановку.

— Fiat lux! — прошептал Акун знакомое Джайре заклинание. Свеча ожила ровным синим пламенем, тянувшимся к потолку изящным лепестком. — Плохо дело, совсем плохо — еще три часа, и он бы умер...

— Кто вы? — прохрипел Сальмонею, стараясь разглядеть колдуна. Джайра встала с другой стороны кровати:

— Не волнуйтесь. Этот человек вам поможет.

А сама покосилась на дверь. Лишь бы Бенрад ничего не выкинул, и остальные тоже. Если сюда кто-нибудь войдет из рыцарей, то они оба — если Бену хватит ума не вмешиваться — сгорят на карающем костре.

— Лис? Кого ты привел ко мне?

— Я Акун Сантаниелл, господин купец, — сам голос Акуна успокаивал. — Лис попросил меня о помощи, и я пришел к вам. Пожалуйста, лежите тихо и не шевелитесь. Вот увидите — завтра вы даже и не вспомните о болезни.

Но лежать спокойно Сальмонею не давал этот кашель, он его душил почти как человек, не давая поднять голову от подушки и заставляя сотрясаться все тело. Когда колдун что-то растер в руках, комнату осветило другое сияние — его ладони фосфоресцировали белым светом.

— Тебе лучше уйти, — обернулся он к Джайре. — И прихвати с собой эту сердобольную душу, — улыбнувшись, кивнул он на дверь. — И лучше подальше, куда-нибудь в конюшни.

Джайра кивнула. Что-то прошептав в ладони, колдун положил их на виски умирающего и начал что-то монотонно и мелодично гудеть. Опомнившись, Джайра вышла в коридор. Бенрад, казалось, готов был разнести в щепки подоконник, в который он вцепился. Повернувшись к ней, он набрал воздуха, как для тирады, но Джайра остановила его:

— Не здесь. Пойдем вниз. Мне надо проверить коня.

Как она послушалась колдуна, так и рыцарь послушался ее, безропотно проследовав в конюшни, где уже все утихомирилось. По дороге мимо пролетела сова, усевшись на фонарный столб и уставившись на них. Судя по светящимся и постоянно меняющим цвет глазам, это был Хамелеон Акуна, и сейчас он требовал ответа от наемницы, где его хозяин.

— Трактир. Второй этаж. Ты его услышишь, — сова тут же бесшумно спланировала к окнам дома. Бенрад пораженно смотрел то на нее, то на сову.

— Это его фамилиар, — пояснила Джайра. — Ты никогда раньше не видел чародеев?

— Только на костре, — буркнул он.

Почувствовав приближение хозяйки, Ворон встал с настила и подошел к перегородке, фыркнув и отряхнувшись от опилок. Джайра погладила его между глаз.

— Я очень сильно сомневаюсь в правильности того, что мы сделали.

— Что я сделал, если уж на то пошло, — поправила его Джайра. — Они тоже люди, Бен, и заслуживают хоть капельку уважения. Ты не представляешь, насколько они мудры. Мудрее их разве что эльфы. Я доверял своему наставнику, и он меня никогда не подводил, хотя я много раз подводил его. Этот колдун уже давно живет здесь в деревне, и если местные еще не прогнали его, значит, он не совершил ничего плохого. Сколько знаю Акуна, всегда он был

немного безумцем, юродивым, потому что отчасти он провидец, и видит такое, от чего и состарится за один миг можно.

— Не понимаю, как ты можешь называть его по имени, обращаться к его твари как к другу и даже хвалить! Это же чернокнижник!..

— Нет, Бен, ты чернокнижников не видел.

— А, ну да, ты-то их видел.

«Ну все!» От Бенрада она сарказма не потерпит.

— Послушай меня! Это он сказал мне, что Сальмоней умрет на рассвете. Он даже сказал от чего. Ты и сейчас ему не доверяешь?

— Нет!

— Почему? Не все люди жестоки и злы, так же и чародеи. Не надо всех подставлять под одни рамки!

— Я ненавижу их, — вот бы уж она никогда не подумала, что Бен может быть так зол. В ярости он пнул пустое ведро, со звоном покотившееся по конюшне. — Из-за них погибли король Лестр и королева Беатриче. Будто ты не знаешь эту историю! Ненависть к ним в крови у всех рыцарей, и должна быть у всех ардонцев!

Джайра вздохнула. Еще одна правда ломает его, но по-другому никак не получится.

— Бен, а ты знаешь, как они погибли?

— Вот только не говори, что ты об этом знаешь!

— Знаю.

— Конечно! — воздел руки рыцарь. — Ты ведь был воспитанником такого же колдуна.

— И горжусь этим! Я не знаю точно, что там произошло тогда, в день их смерти, но мне известно, что их убила магия, но не чародеи. Они просто оказались не в то время не в том месте, вот и все.

— Даже слышать не хочу!..

— А придется! — она сделала выпад на него, от неожиданности он сделал шаг назад. — Они воспользовались какой-то заколдованной вещью, которая как-то могла им помочь. Но эта вещь обратилась против них и убила, чародеи не успели предостеречь их, поэтому они и чувствуют свою вину, помогая простым людям, а не затевают войну против нынешнего короля. Понял теперь?

На глазах Бенрад сник. Как же он ей верит, однако! Хорошо, что она не будет этим пользоваться. Уткнувшись в деревянную подпорку, он выдохнул:

— Что я еще должен знать?

— Прости, Бен, правда не всегда доставляет облегчение. Мне жаль, что ты узнаешь ее от меня. Уверен, нашлись бы и другие люди, которые рассказали бы тебе все это, не шокируя и не обижая до глубины души.

— Ты меня не обижаешь, — он повернулся к ней, опершись спиной на подпорку, и без того нагруженную кровлей конюшни. — Но шокируешь всем, что говоришь и делаешь. Как ты только можешь знать такое?

На улыбку Джайры, скользнувшую в глазах, проблеск улыбки появился и на лице рыцаря. И внезапно тишину сотряс громоподобный голос из трактира:

— Именем короля, что здесь происходит?!

Глава 7

Один в поле воин

Почему-то всегда, когда делаешь что-то хорошее, на пути попадаются мелкие проблемы и трудности, а если все-все идет хорошо, то не обязательно заканчивается так же. Сколько раз Джайра говорила сама себе: не стоит расслабляться, пока дело не доведено до конца, — но каждый раз этот совет не срабатывал вовремя.

Стремглав бросившись обратно в трактир, она запнулась о то самое ведро, на котором выместил злобу Бенрад. Благодаря тому же ведру, он успел схватить ее за руку и остановить.

— Пусти, я должен помочь Акуну!..

— Не сейчас, — шепнул Бен, увлекая ее под тень навеса. — Если ты один из первых окажешься там, на тебя падет подозрение. Нужно подождать.

— Но Акун...

— Мы вместе ему поможем, обещаю.

«А он не так глуп, как кажется...»

Из гостиницы выбежали почти все рыцари, сонные и на ходу экипирующиеся. Дождавшись, пока вся толпа поравняется с конюшней, Бенрад кивнул Джайре и влился в общую компанию с вопросом «Что случилось?». На них двоих обратили внимания столько же, сколько на пролетевшего мимо все в том же виде совы Хамелеона. Что самое удивительное — никакого шума драки, простая торопливая беготня, небольшая суматоха в потьмах. В комнату купца набилось куча рыцарей, наемники, скорее всего, заслышав крик, просто проворчали во сне что-то ругательное и перевернулись на другой бок, как и следовало ожидать, но это даже к лучшему — наемников труднее в чем-либо убедить, потому что они все убеждения сводят к своей выгоде, а не к рыцарской чести. Хотя никто не удивился, увидев Джайру в этой же комнате. Наверно, уже свыклись с мыслью, что она повсюду следует за Бенрадом, хотя все было как-раз-таки наоборот.

Акун, все так же улыбаясь как юродивый, прижался к стене с поднятыми руками и немного растерянным видом, сторонясь приставленного к его лицу меча. Огарок свечи, по-прежнему горевший синим пламенем, плохо освещал всех собравшихся людей, но среди них можно было узнать всех рыцарей, перечисленных теми ворами и еще незнакомых, и Гарольда Фленьелла, чей голос разбудил полдеревни и чей меч угрожал колдуну. За ним, словно двойная тень, высились Королевские Мечи, не поленившиеся накинуть зеленые плащи. Всадник на зеленой ткани, казавшейся в полутьме черной, сверкал мелкими искрами. У обоих рыцарей так же сверкали глаза, и на лицах было примерно одно и то же выражение: это жестокий приказ, но мы получаем от него удовольствие. Если бы палачи не носили своих зловещих масок, Джайра была уверена, что это выражение и было бы заменой этих масок — она всегда так считала. На лице Гарольда пылал только гнев, больше ничего, и он сдерживал его, как мог, не давая пролиться вместе с голосом. За него заговорили Королевские Мечи:

— Сэр Гарольд, вы же понимаете, что, как старший в охране и представитель королевской воли, должны исполнить свой долг? — голос Рутто Валиенса казался гулким, как будто они находились в большой пещере с высокими сводами, и сквозил ехидством. — Вы немедленно должны предать чародея очищающему пламени, никак иначе.

— Так поступил бы сам король, — произнес Жуан Хтар, подражая шипению змеи. —

Чародейство карается смертью на костре, этот указ уже очень давно приводят в исполнение не только Стражи. Необходимо немедленно пробудить весь Васильковский Луг и провести казнь.

— Господа, я знаю, что от меня требуется, — едва не закричал на них Фленьелл, — но здесь все не так просто. Этого колдуна сюда никто не приглашал, а сам он прийти не мог. Кто позвал тебя?

Акун не проронил ни слова, мотая головой и притворяясь немым.

— Не разводи комедию — я слышал, как ты шептал свои нечистые проклятия над несчастным больным человеком! Говори!

Акун даже глаз не повел в сторону Джайры, стоявшей вместе с Бенрадом в первых рядах. Сам Бен даже виду не подавал, что ему что-то известно — видно, принял на веру слова Джайры, что он в этом не участвовал. Зато ее жутко грызла совесть за купца и Акуна, и она набиралась смелости сказать вслух об этом, чтобы избавить колдуна от такой смерти, но знала, что это не поможет. Но совесть-то не уймешь этими доводами. Почувствовав ее тягу к признанию, Бенрад положил руку ей на плечо и едва заметно качнул головой — не надо. Ради него она и молчала — уж эта сердобольная, как сказал колдун, душа точно не останется в стороне.

— Клянусь, я пришел сюда сам — хотел помочь умирающему...

— Не лги мне! Ты говоришь при свидетелях, так что выбирай слова! Господин Сальмоней не умирал!..

— Умирал, уж поверьте мне как лекарю, — улыбнулся Акун, разъясняя Гарольду все как маленькому мальчику. — Мне лучше знать — спросите любого местного жителя. Я всегда все знаю.

Кастелян покосился на мирно спящего купца, как будто и не слышавшего начавшегося шума. На вид ему было намного лучше — даже дыхание хриплым не было, как раньше.

— Кто ты такой?

— Я Акун Сантаниелл, родом из провинции Вересковые Луга, живу здесь уже семь лет и занимаюсь лекарским делом.

— В этом замешаны еще и селяне, — протянул Хтар. — Деревню тоже стоит наказать.

— Прежде всего, нужно узнать, кто его позвал, — настаивал на своем Фленьелл, — а пока, Эрни, Глоуль, свяжите его покрепче, да бросьте в погреб. Я обязательно выясню, кто в этом участвовал, и предам их огню вместе.

Акун подчинился малейшему движению рыцарей, так что они, как ни старались, не могли причинить ему боль. Джайра всегда считала, что у нее нет совести, но сейчас во все глаза таращилась на колдуна, чтобы не пропустить его взгляда, уловить какой-то знак, сигнал к его защите, но ничего не было. Она бы и не беспокоилась ни капли об этом, если бы Акун не был другом Эврикиды — будь ведьма рядом в эту минуту, она бы без малейшего усилия по стенке ее размазала и заставила бы делать что-то очень неприятное — это в ее духе. Сама бы Эврикида никогда не ждала какого-то сигнала, а полезла бы в бой первой. Много раз Джайра слышала от других, как ее наставница лезла в пекло в одиночку почти на целый гарнизон замка и крошила их в мельчайшие частицы, чтобы выручить друга из беды. Ей было наплевать на свой розыск — сменил одежду и нет проблем — но если кому-то другому грозила смерть, ее отзыва не приходилось ждать. Даже если бы Джайра была в Васильковом Луге проездом и не знала всех этих несчастных рыцарей, она все равно не пошла бы на них в открытую атаку. Один слух — и тебе объявляла войну вся страна. Почему-

то сразу у всех проходимцев и благородных воинов вдруг появлялась мысль, что они гораздо сильнее очень опасного преступника, и они останавливали каждого встречного. Это, конечно, не страшно, исключая проверку у каждого городских ворот, но вся суть в том, что ее средства освобождения колдуна были намного скуднее ведьминых. А ведь она только хотела помочь! Как говорится в народе: благими намерениями дорога в ад...

Как почетный эскорт, за арестованным потянулись все остальные рыцари. Хтар и Валиенс что-то нашептывали Фленьеллу, хмуро наблюдавшему за спящим купцом. Вынырнув из всеобщей сутолоки, Джайра вклинилась между Королевскими Мечами, за ней неотступно последовал Бен.

— Сэр Гарольд, выслушайте меня...

— ... Октавы не одобрил бы ваши действия.

— Совета и Священного Триумvirата здесь нет, сэр Рутто, и я не обязан вам подчиняться. Я тоже слуга короля и не менее приближен к нему, чем вы. Так как управленцем охраны каравана назначили меня, то на данный момент подчиняться должны вы мне, а не я вам, так что извольте покинуть эту комнату и более не беспокоить меня вопросами субординации.

— Сэр, позвольте ли вы нам остаться? — странно, но только сейчас она заметила, что Бенрад намного выше обоих рыцарей и даже статного возвышающегося Гарольда. — Мы бы хотели помочь.

Как будто впервые их увидев, Фленьелл медленно вздохнул и с шумом выдохнул, пытаясь освободиться от гнева.

— Я попросил вас удалиться, господа. Не заставляйте меня это повторять, — только проводив раздраженным взглядом рыцарей, не менее раздраженных, Гарольд обернулся к ним. — Говорите быстро — до рассвета осталось пара часов, а значит, столько же на розыски злоумышленника и подготовку к казни...

— Сэр Гарольд, вы уверены, что колдун причинил вред господину Сальмонею? Посмотрите, он спит и ровно дышит, за такое долгое время у него наконец-то нет кашля.

— Да, он каким-то образом вылечил его. Гарольд, мы должны его поблагодарить...

— Что я слышу, Бенрад! Я могу понять его, — он ткнул пальцем на Джайру, — он наемник и останется им до конца жизни, а у них все вещи относительно, с какой стороны ни посмотри. Но ты же рыцарь! Ты служишь во имя добра, значит, должен стоять за него несмотря на результат борьбы.

— Но он здоров! — вскричала Джайра.

Гарольд смерил ее презрительным взглядом и почти с тем же шипением, что до этого было у Хтара, процедил, нависая над Джайрой:

— Знайте свое место, господин наемник. Вы втерлись в доверие к рыцарю, но это еще не значит, что можете оказывать такое же влияние. В ваши права и обязанности на сегодняшний день входит только охрана каравана, и ничего больше. Вам повезло, что вы имели честь познакомиться с привилегированной особой и даже стать ему другом, — тот же взгляд получил и Бенрад, из-за чего он нахмурился, — но от этого ничего не изменится: ваше слово не будет иметь вес в обществе тех, кто вас нанял.

Джайра вздохнула. «Ну что за болван!»

— Что ж, вы сами лишаете себя помощи и закрываете глаза на очевидное. Могу я оставить вас наедине со своими бесполезными поисками?

Предположив, что ответ будет в виде утробного рычания, судя по свирепому лицу

кастеляна, она развернулась на каблуках и в абсолютном спокойствии вышла из комнаты.

— Эй, подожди!.. Что ты наделал, Гарольд, — покачал головой Бен. — Ты понимаешь, от чьей помощи ты отказался?

— И ты туда же...

— Он умный и достойный человек, Гарольд! Он рыцарь больше нас с тобой вместе взятых, поверь мне, — и он поспешил следом за Джайрой, поджидающей его в коридоре за дверью. Когда ее рука легла ему на плечо, Бен вздрогнул и удивленно уставился на нее. — О, ты меня ждешь?

— А кого же еще? — фыркнула она. — Ты мне даешь слишком высокую оценку. Надеюсь, я никогда ее не заслужу, — не успел Бенрад возразить, как она метнулась с места. — Некогда болтать. Ты согласен мне помочь освободить Акуна? — Бен кивнул. — Тогда пошли.

Акуна, как и был со связанными руками, поместили в сырой погреб, где уже достаточно давно ничего не хранили, кроме пустых склянок и бочек. Оттуда несло как от помойной ямы, только гнилой. Но сейчас не было времени потворствовать своему обонянию. Дождавшись, пока все разойдутся снова уснуть, Джайра провела Бенрада, гремящего снаряжением, к маленькому решетчатому проему у самой земли, откуда веяло сырой прохладой и вытекала смутная тьма. Оставив Бена на небольшом расстоянии от стен трактира, чтобы ничего не услышал и мог заглянуть за угол на входную дверь — подкараулить Гарольда, она присела у окна, почти слившись с ползучей тенью и стеной дома.

— Я знал, что ты придешь, — сквозь прутья было видно только блестящие глаза, но даже по голосу было ясно, что провидец как всегда неуместно улыбается.

— О, девять кругов ада! — у Джайры даже в темноте и шепотом получалось выразить всю свою злость путем интонации, рычания и ожесточенных жестов. — Акун, неужели ты не мог рассчитать время? Нельзя было просто сделать ему какую-нибудь припарку и уйти от греха подальше? Сколько знаю тебя, ты вечно копаешься! Эврикида тому свидетель!

— Припарка бы ему не помогла, — как ни в чем не бывало, ответил колдун, — нужно было что-то более эффективное и надежное. Господин купец спит?

— Да, как ни странно. Фленьелл с Королевскими Мечами устроили перебранку почти у самого его уха, а ему хоть бы хны. Он здоров?

— От чахотки — да. Заговоры от других болезней я прочитывать не успел.

Джайра покачала головой.

— Ты же прекрасно знал, что за ним следят его рыцари, почему же ты не поторопился?

— Знал, я все знаю.

— Да ты всегда все знаешь! — всплеснула руками Джайра. — Постой... Так ты знал! Ты знал, что к купцу придет Фленьелл и специально отослал нас с Бенрадом подальше с глаз? Какой же ты...

— Провидец? — засмеялся Акун.

— Сам знаешь, что я имела в виду. Может, ты теперь еще знаешь, как выбраться из этой катастрофы? Будь жива Эврикида, она бы мне уже голову оторвала! Говори немедленно!

Провидец только рассмеялся. Джайре было не до смеха — еще немного, и она взорвется. О коленку кто-то потерял, мягко и ласково. Она взгляделась в темноту. Очень громко мурлыча, на нее смотрел Хамелеон в образе большого кота, сверкая постоянно меняющимися цвет глазами. У фамилиара была одна особенность — он умел успокаивать в

нужный момент, вот и сейчас гнев отпустил, и Джайра облегченно вздохнула.

— Ох уж мне эти ваши колдовские штучки... Есть идеи, как тебя вытащить отсюда?

— Есть несколько путей, все зависит от тебя.

— Ну, спасибо, подсказал! Если бы ты не был чародеем, я бы сказала: ты у меня еще дождешься.

— Спасибо тебе, Лис.

— Ах, ты и это уже знаешь!

— Знал, когда ты еще не прибыла с рыцарями в Васильковский Луг.

Словно разгоняя назойливых мух, Джайра замахала на него руками и резко встала с места.

— Вообще не понимаю, почему ты промолчал насчет меня?

— Будь жива твоя наставница, она бы тебе сейчас голову оторвала, но не оторвет, зато сделает это со мной на том свете, если я выдам тебя.

Джайра нахмурила лоб. «Что за чушь?..»

— Не понимаю, о чем ты, Акун. Эврикида на мне отыгрывалась за все свои ошибки, держала меня на коротком поводке и заставляла выполнять всю грязную работу, а ты мне вдруг втираешь очки о том, что я была ей хоть немного дорога. Не верю.

— А зря, — вздохнул колдун, — вот увидишь: ты еще очень много раз будешь благодарить ее за все...

— Эй, друг, — как нельзя кстати окликнул ее Бен, — Гарольд вышел из трактира в конюшни... Эй!

Как обезумевшая, она бросилась в комнату купца.

— Что ты задумал? — едва поспевая за ней в гремучих доспехах, пыхтел Бенрад.

— А ты как думаешь? Разбужу Сальмонея, у меня нет другого выхода.

Будучи проворней рыцаря, наемница вывернулась от его хватки и проскользнула в дверь, успев закрыть ее перед самым носом Бенрада.

— Извини, Бен, но я должен все исправить — с тобой или без тебя.

— Пожалуйста, открой дверь.

— А ты не будешь мешать мне?

— Пока того не потребует мой рыцарский долг...

— Что здесь происходит?

Как будто пойманная с поличным, Джайра остолбенела и прижалась спиной к двери, забыв про отпущенный затвор, и когда Бен рывком открыл дверь, она натолкнулась на него, и оба замерли на пороге, уставившись на купца. Сальмонею грозно-удивленно смотрел на них, как учитель или отец, и никто бы и не сказал, что всего что-то около часа назад он умирал. Рядом с ним со скептическим выражением лица стоял немой Гияс.

— Ну, что вы там за игры с дверью устроили, как дети прямо! Заходите, что встали.

— Господин Сальмонею, — промямлил Бенрад, — мы не хотели вас разбудить...

— Я уже не спал, что бы вы там хотели или не хотели. Войдите уже наконец!

Оба робко сделали пару шагов, за спиной щелкнул затвор двери, и тут же Джайра осмелела.

— Господин Сальмонею, требуется ваше вмешательство. Акун Сантаниелл, колдун, что вас исцелил, взят под арест сэром Гарольдом, и он не слушает никого, кроме вас. На рассвете Акуна сожгут. Вы обязаны ему помочь...

— Почему вы считаете, что Гарольд слушает меня? Мой голос будет значить для него

столько же, сколько и голос Бенрада. И кстати говоря, я удивлен твоим присутствием здесь, Бен, очевидно, с той же проблемой ко мне, что и господин Лис.

Рыцарь растерялся.

— Ну-у... э-э-эм... я просто...

«Что это?! Он стыдится того, что он на одной стороне с наемником? Или же с другом?» Похоже, его мнение очень зыбко на этот счет. И что же, ей его разочаровать или добиться полного расположения? Чтобы выйти из этого напыщенного рыцарского общества, Джайре выгоднее был бы первый вариант, но сейчас почему-то ей стало жаль беднягу. Такой доверчивый и наверняка очень ранимый. Обычной силой он наделен, и не малой, но силы духа у него нет. Любой, если захочет и не побоится рискнуть напороться на стойкие принципы, каковых нет у Бена, может так его унижить, что тот усомнится не то что в друге, а даже в себе самом. Нет, пусть он будет ее другом, ему это только на пользу.

— Я попросил Бена помочь мне.

Даже не оглядываясь, можно было почувствовать, какое облегчение и отраду дали ему эти слова заступничества. Джайре на какое-то время показалось, что сейчас он тяжело опустит руку ей на плечо и произнесет что-то трогательное, отчего она пожалеет, что вообще завела с ним знакомство, но он просто глубоко вздохнул, расправил сжатые плечи и слегка улыбнулся. «Счастливый ты мой... Смотри, как бы эта улыбка не стала причиной крепкой ссоры между нами».

— Вы обязаны помочь Акуну, господин Сальмоней. Он вылечил вас. Без него вы могли бы уже сейчас увидеть своих почивших родных. Несмотря на враждебность к приближенным короля, он пришел к вам на помощь, ответьте ему тем же.

— Ваша просьба граничит с требованием, Лис, но как бы я ни хотел помочь вам, я не могу. Зная Гарольда, я могу сказать, что он не послушает никого, разве что короля, совесть и долг. Таковы все рыцари, вы наверняка уже убедились в этом, — он окинул взглядом Бенрада. Бедняга, уже второй раз за эту ночь ему дают ярлычок с надписью «типичный рыцарь-дуболом». — Все же лазейку в его крепость принципов и устава можно найти.

— Вот только как? — развел руками Бен. — Вы сами знаете: устав — это такие строгие правила, против которых пойти — разбиться вдребезги. Мы сами его позвали, поэтому тоже можем попасть под удар. Так что это невозможно. Друг, я предлагаю устроить колдуну побег.

«Если бы все было так просто...» Джайра покачала головой.

— Ему некуда идти. Он живет в Васильковом Луге очень давно, деревня стала для него домом. Местные достаточно хорошо к нему относятся, и еще ни разу у него с ними не было проблем. Было бы жестоко заставлять его покинуть Васильковый Луг.

— Ну, он мог бы пойти в Китран, — предложил купец. — Известно, что в Китране есть некое Убежище чародеев. Уверен, ему бы там оказали гостеприимство.

— И еще Исра. Да и Сиерикон тоже. Чародеи есть повсюду, это все знают, но никто не может их поймать...

Джайра их уже не слушала. Им не понять, почему чародеям так дорого то место, где они смогли прожить достаточно долгое время. Отодвинув разговор на второй план, она сосредоточила взгляд на пламени свечи, ровно горевшей на утреннем безветрии. Огонь уже был не чисто голубым, а желтым. На стенах высились тени предметов великанских размеров, едва заметно шевелившихся вместе с огнем. Каждый чародей — это тот же огонек, вокруг которого толпятся тени. В одиночку ему очень трудно бороться с темнотой, если только

помещение небольшое. Но мир велик, а у чародеев после изгнания из ардонского народа дома не стало, им постоянно приходится прятаться, убегать от своих гонителей. И слава Небесам, если они уходят вовремя. Их пламя — это магия, а тени, держащиеся вокруг, но на расстоянии, — это люди, не желающие ее принимать. Как бы чародей, порой, ни не хотел выделяться и использовать свои способности, магия все равно находит выход, проявляет себя сама. С детства их обучают контролировать ее, и если ты чародей, то гонений тебе не избежать. Раньше, рассказывала Эврикида, чародей в семье — это была великая радость и гордость, а сейчас это позор и горе. Они всегда одиноки, и если где-то им удастся обрести гармонию, маленький домашний очаг, то для них это шанс начать нормальную жизнь. Это только для рыцарей и высокородных господ сменить место жительства — значит, начать новую полноценную жизнь, а для изгоев — это потерять все и начинать заново. Акун не из самых сильных, поэтому ему будет очень тяжело найти новое место и снова воссоздать тот свой маленький кусочек мира, в котором он жил в деревне целых семь лет.

На глазах тени стали меркнуть, а пламя терять свою яркость. Через стены Василькового Луга крался предательский рассвет.

— Солнце встает.

Мрачность слов впиталась в наступившую тишину, нависшую в комнате. Ни рыцарь, ни купец так и не пришли к общему решению.

— Если мы хотим действовать, то нужно действовать прямо сейчас.

Джайра смерила Бенрада недоверчивым взглядом. «Уже «мы». Как быстро! Ну, уж нет, Бен, хватит!»

— Не мы.

— Что? Я не понял...

— Не мы, а я должен действовать. Я понял, что вы ничего не можете сделать в этом деле, — может быть, и могут, но с нее довольно их влияния на ее жизнь, ближе она их не подпустит. В долгу должны остаться они перед ней, а не она перед ними... «Ну, конечно же! Рыцарский долг!» — Я должен идти.

— Постой! Друг, подожди...

Гарольда было найти несложно: пристально следя за каждым из деревенских, он изредка проводил короткий допрос прямо рядом с воздвигающимся кострищем. Местные были напуганы так, как если бы их приговорили к горячей смерти, а не несчастного Акуна. Видимо, используя метод запугивания, Фленьелл пригрозил им тем же, чем грозился и в комнате купца. «Интересно, этот хищный взгляд он долго репетировал, или на самом деле так зол?» Когда в поле зрения кастеляна возникла наемница, она готова была подыграть ему, изображая либо крайний испуг, либо горящего заживо человека — она не смогла решить до конца, рассуждая об этой забавной идее по пути к рыцарю. И никакого костра не требуется — только один взгляд. «Какой милый защитник добра».

— Я, помнится, уже доходчиво объяснил вам, господин наемник, что не желаю больше с вами разговаривать.

— Вы — да, а я нет, — пожала плечами Джайра. Фленьелл скривился, но сумел подавить раздражение. — Помнится, вы что-то там говорили мне по поводу моих прав и обязанностей, что все они напрямую связаны с защитой каравана и жизнью господина купца, и еще в ваших словах, адресованных Бенраду, был такой смысл: к каким бы средствам ты бы ни прибег, все они должны быть направлены во благо, так?

— Я не...

— Нет-нет, именно это вы и имели в виду, кому же это так хорошо понять, как не мне, наемнику, — жаль, что тут нельзя было сыграть мимикой, ибо лица все равно Фленьеллу никогда не увидеть, приходится подыскивать слова поувесистее, как молот. — Еще раз хочу показать вам, насколько вы противоречивы своим же принципам. Господин купец жив-здоров, я всего пару минут назад удостоверился в этом, это же может подтвердить и Бенрад. Следовательно, право руководить всеми делами каравана, чего бы они ни касались, принадлежит только господину Сальмонею, и больше никому. Вы только управленец охраны — не забывайте свой рыцарский долг, — нарезая небольшие круги перед Фленьеллом, в отличие от нее неподвижно стоящим, она рассчитывала время, чтобы успеть сыграть на убеждениях кастеляна и прилюдно освободить провидца от жестокой казни. — И еще. Как рыцарь, вы это уже говорили Бенраду, вы обязаны служить добру, о средствах этой службы вы ничего не говорили, да и не сказано ничего об этом в рыцарской морали. Какую картину мы имеем: колдун, абсолютно безобидный и безоружный, приходит к неизлечимо больному, — так, ей показалось, будет звучать лучше, — на выручку и исцеляет его до полного выздоровления, при этом он знает благодаря своему провидческому дару, что за ним придут и ему не избежать казни без справедливого суда, но он спокоен, потому что он уверен, что сделал доброе дело. Ну, а вы, сэр Гарольд, уверены ли вы, что делаете доброе дело, обрекая этого целителя на смерть?

— Мне...

— Понимаю, вопрос сложный, потому что от вашего ответа будет многое зависеть: ответите «да» — нарушите рыцарский устав, ответите «нет» — при дворе вас могут уличить в нарушении королевского указа, и тогда, в любом случае, — прощай, рыцарская жизнь. Так что же вам важнее: совесть или рыцарский долг?

— Это почти одно и то же.

— И да, и нет. Я, кажется, уже доходчиво объяснил вам это, не так ли?

Из грозного палача кастелян стал хмурым мыслителем. Однако, как хорошо все же работает дар красноречия. Фленьелл съел ее наживку и попал в ловушку, как она и рассчитывала.

— Думаете, я не понимаю, что вы затеваете? Я узнал вашу игру еще в Китране, когда вы представились мне Вискочкой.

Джайре показалось, что даже солнце посерело.

— Ну, что ж, говорите, в чем же заключается эта игра? Было бы интересно услышать ваши догадки, — «Что мог знать этот слишком усердный кастелян? Ничего». Правда, это он разузнал в ней ассасина, он же и определил ее мораль, как мораль наемника, и в принципе это было правильно, особенно для рыцаря. Но раскроет ли он ее главный секрет? «Что-то не верится».

— Ты всего лишь бродяжный нахальный мальчишка, очень ловкий — с этим не поспоришь, — по какой-то мальчишеской причине захотевший пробраться в столицу и поглазеть на нашего короля, а может быть, и попытаться счастье на Испытании на рыцарство.

Торжествуя, Фленьелл испытующе уставился ей в глаза, как отец ждет чистосердечного признания своего чада. Пару мгновений она смотрела на рыцаря и, онемев, могла только моргать, но потом засмеялась так, как очень давно не смеялась, разве что только вместе с амазонками. Даже дыхание сперло. Фленьелл растеряно оглядывался по сторонам на любопытных деревенских и все больше хмурился. Из окон на такое веселье выглядывало несколько наемников, тут же протерших глаза и заинтересовавшихся этим огромным

складом дерева. Солнце уже озолотило кроны дубов и превратило воздух, наполненный утренними трелями птиц, в сверкающую россыпь мелких самоцветов. Рыцари, всю оставшуюся ночь несшие караул у трактирного погреба и постоялого двора, вышли на площадь, с тем же любопытством поглядывая на Лиса. Едва отдышавшись, Джайра ответила Фленьеллу:

— Какая оригинальная догадка, просто слов нет! Но вы глубоко заблуждаетесь. И заблуждайтесь дальше, я ничего не скажу, — все еще посмеиваясь, она развернулась на каблуках и направилась прочь. — Поглазеть на короля! Да я его тысячу раз видел...

Но смех сразу осекся, как только на площадь вывели Акуна. Провидец наслаждался солнцем, стараясь не закрывать глаза на его яркий свет. Джайре почему-то пришла в голову мысль: с этого утра он больше никогда не почувствует запах нарциссов с первыми лучами солнца, — и тут же: не почувствует здесь, но не в другом месте.

— Последний раз тебя спрашиваю, чернокнижник, — преступил ему дорогу Фленьелл, — кто тебя позвал?

Джайра наблюдала со стороны, как хищник из укрытия, ожидая своего момента.

— Я пришел сам, по доброй воле, Небо мне свидетель.

— Да как ты смеешь упоминать Небо!..

— Гарольд! — из трактира спешил Сальмоней, поддерживаемый Бенрадом. — Не превращайся в зверя! Отпусти немедленно этого человека, он ни в чем не виновен.

Не успел кастелян и рта открыть, за него снова заговорили Королевские Мечи:

— Он виновен в колдовстве, а оно карается смертью на костре.

— Это закон, подписанный королевскими особами. Никто не смеет его ослушаться.

Оба повели Акуна к столбу, но остановились из-за крика Бенрада.

— Стойте!

На то, на что он обратил внимание всех, даже не надо было указывать. Как знамение, когда-то остановившее кровавую битву за весь мир, в котором сейчас жили все они, над головами собравшихся взвилась левая рука с раскрытой ладонью. Когда народ расступился, Фленьелл, и не только он, пришли в крайнее изумление, когда они увидели, что это рука Лиса. Бенрад и Сальмоней были скорее восхищены, чем поражены как Гарольд, но все же впечатление на всех это явление произвело немалое.

— Не слишком-то остроумно вспоминать о такой древности, как этот жест покровительства, наемник, — произнес Хтар, в то время как Валиенс просто раскрыл рот. — Тем более, со стороны простолюдина он вообще ничего не должен значить.

— Но, тем не менее, значит многое, — сопровождаемая взглядами, Джайра вышла к подножию кострища, заняв место у барьера нарастающего спора защитника и судьи. — Я протягиваю этому колдуну Длань Протектора. Этим законом тоже никто не смеет пренебрегать, не так ли? — рыцари не отвечали, с безмолвным презрением глядя на нее. — Не так ли, господа? — она широким жестом обратилась к другим рыцарям и наемникам, последних ее обращение очень порадовало.

Конечно, все это было так пафосно, что вызывало тошноту. Но такие речи обладали эффектом массовости, а значит, с первых слов можно было завладеть вниманием всей толпы. А как ей еще выиграть этот спор, кроме как не с помощью всеобщего убеждения? Надо только знать меру и подбирать нужные слова.

— Есть законы, которые не прописаны на бумаге, не указаны королем, но есть в наших сердцах. Это законы мироздания, которые сейчас, на этой площади, в этой деревне не

выполняются самими рыцарями Ардонии. Я с готовностью могу обвинить этих людей: сэра Рутто, сэра Жуана и сэра Гарольда, — в немилосердии и бесчеловечности. Несмотря на то, что этот провидец, называющий себя Акуном Сантаниеллом, пришел по своей доброй воле помочь тяжело больному купцу, господину Сальмонею Нар Ативу, и исцелил его от смертельного недуга, — реакция Сальмонея не скрылась от нее. Он был и согласен с этим, и только что осознал свое чудесное исцеление. Что ж, это только на пользу. — Такой исход показал ему дар предвиденья. Я знаю этого человека много лет и держу его за верного друга, готового помочь всеми средствами, какими он располагает. Ни разу будучи не уличен в колдовстве, он все же обладает магической силой, но не употребляет ее во вред, выздоровление господина купца тому пример. Много раз он помогал местным жителям, за что они его наградили многими годами спокойной жизни среди них. Здесь Акун обрел дом, и никто не смеет отбирать его у него, как и саму эту жизнь. Я протягиваю ему руку, как защитник его жизни. Любой, кто выступит против, будет иметь дело со мной, оружием или словом.

Она снова подняла руку, сверля вызывающим взглядом всех трех рыцарей поочередно. Даже если кто-то ответит на ее вызов, словами они ничего не смогут сделать, а оружием... Все равно преимущество на ее стороне.

— Я тоже протягиваю руку, — воскликнул Бенрад, встав рядом с ней плечом к плечу. — Еще один закон Протектора — поддерживать друга в правом деле. Я оказываю эту поддержку моему другу Лису, кем бы он ни был на самом деле.

— Я тоже оказываю поддержку моему спасителю, — за их спиной поднялась рука Сальмонея. Торжество Джайры набирало силу. — Триумвират Сакротума тоже оказал бы милосердие.

Слова о Сакротуме покорили всю толпу. Все жители деревни постепенно начали поднимать руки, говоря о своей признательности колдуну. Под повязкой на лице расплывалась кривая ухмылка. Она победила, это факт.

— Мы отвечаем вам всем от имени его величества Амниса Викариус Лючис, ес высочества Мариин Викариус Лючис и всех наших братьев Королевских Мечей. Придворное собрание также встанет на нашу сторону, ибо они слушаются только волю короля, — произнес с самообладанием и гордостью Хтар. — Голос любого придворного намного весомее голоса простолюдина. Перевес на нашей стороне.

От негодования даже зарычать захотелось.

Люди в недоумении поглядывали друг на друга и косились на Лиса. Рыцари снова взялись за работу с еще большей торопливостью, чем до этого. «Безнравственные тираны. Ну, ничего, у меня есть еще козыри в рукаве».

— Что ж, думаю, будет вполне законно приравнивать голос придворного к голосу заслуженного героя, — Бенрад пораженно уставился на нее. Остальные затаили дыхание. — В Исре, как и во всем мире, меня знают как Кровопийцу. Мой меч будет доказательством тому.

Видно, Гарольда осенило какой-то пришедшей мыслью, отчего он смотрел в одну точку, погруженный в себя. Народ ахнул, восхищение окутывало теплой волной.

— Это еще не известно, герой вы или нет, — ответил Валиенс, бывший уроженцем Исры. — Не все согласятся с вашим изречением.

— Хорошо, — снова она остановила палачей. — Тогда я воспользуюсь своим собственным правом, чтобы больше ничего не вызывало возражений. Господин Сальмонея,

вы задолжали мне награду за вашу жизнь. Я требую ее в качестве жизни этого колдуна, она должна быть сохранена ему и оставлена в покое.

— Я с готовностью принимаю ваши требования, господин наемник. Отпустите этого человека.

Королевские Мечи остолбенели, поэтому освободил Акуна с явной неприязнью Фленьелл.

— Ты свободен по ардонскому моральному уставу долговых расчетов.

Взгляд кастеляна говорил Джайре: «Доволен? Добился, чего хотел?» Но послушаться купца он не смел — ответ перед ним и всеми своими друзьями был ему дороже, чем перед королем. «Что ж, он не совсем безнадежен, его еще можно исправить».

Все же провидец с неотступной улыбкой был спасен и сейчас снова стоял перед ней. Только он собрался что-то сказать, как все вздрогнули от голоса кастеляна, пробудившего всех от оцепенения.

— Собираемся. Дорога до Октавы займет еще пару дней. Быстрее выйдем — быстрее доедем.

Медленно, как будто нехотя, народ начал расходиться, в полголоса обсуждая несостоявшуюся казнь.

— Пойдем, — Бенрад почти насилу увлекал Джайру к постоялому двору. — Тебе лучше больше не злить Гарольда.

— И то правда.

Как это оказалось предсказуемо — то, что кастелян теперь выместит свою злобу на ней. Что ж, пускай — это его полное право, своим она уже воспользовалась и полностью исчерпала свои дозволенные возможности.

Еще немного, и из глаз Фленьелла вырвались бы языки пламени.

— Кровопийца, — это прозвище, и без того не слишком нравящееся Джайре, прозвучало от кастеляна еще противнее, — будете ехать в хвосте колонны, с наемниками. Бенрад, за мной.

«Злится сам на себя... Клубок противоречий рыцарской морали? По всей видимости».

Слова Фленьелла подействовали как заклинание — тут же в радиусе пяти метров вокруг Джайры никого из рыцарей не осталось. И снова: благими намерениями дорога в ад. В этом аду ей ехать до самой столицы, но, может быть, это не так уж и страшно? Не будет приставучего Бена, не будет копающих под нее Фленьела и купца, не будет всей этой бессмысленной болтовни. Зато будут безнравственные наемники. Ладно, из двух зол все же на ее долю пришлось меньшее, все могло быть гораздо хуже.

Дожидаясь, когда вся процессия выйдет за северные ворота и продвинется до хвостовой охраны, Джайра давала Ворону напиток перед дальней дорогой. Тут же рядом весело вилял собачьим хвостом Хамелеон, облаивая проезжающих мимо рыцарей. Акун, теперь под полной защитой остающийся жить в Васильковом Луге, подошел к ней в коем-то веке не с улыбкой, а с сочувствующим видом.

— Спасибо тебе.

— За что? Из-за меня ты мог сгореть на костре пару часов назад.

— Но не сгорел. Ты использовала на меня свой спасительный свет, это ведь было единственное, что ты могла получить от купца себе в пользу. Зато все в расчете: ты передо мной, он перед тобой. Даже, как ты и задумала, они остались у тебя в долгу. Уж вряд ли кто-то из этих железных пустозвонов нашел способ исцелить купца.

На этот раз она не стала его спрашивать, откуда он мог знать про ее предубеждения.

— Лучше объясни мне свои слова насчет Эврикиды.

Акун вздохнул и приласкал Хамелеона, начавшего благодарно лизать руки Джайры, державшие ведро.

— Время. На все нужно время. Дождись своего момента, и ты все узнаешь. Не я должен тебе это рассказать, только не я. Твоя же протянутая Длань Протектора должна указать тебе путь мужества и помочь тебе найти ответы. Ведь Протекторы никогда не оставляют тех, кто молит о помощи, верно? Главное, не бойся оказывать милосердие, это отнюдь не слабость.

— Эврикида мне говорила то же самое, — проворчала Джайра, садясь в седло, — а толку от этого ни на дырявую монету, ни на песчинку. Прощай, Акун.

— Иди с миром, — колдун попрощался с ней чародейским жестом уважения, каким названные часто пользовались при встрече друг с другом: приложив кулак ко лбу, он плавно раскрыл его, как цветок, навстречу Джайре, плетущейся позади всех и не оборачивающейся назад.

Глава 8

Откровения

Смотреть вокруг и не хотелось. На душе было так, как будто вокруг лил дождь, подобный водопаду. Подобное чувство терзаний и гнета было тогда, в Норфе, когда она крепко поссорилась с Эврикидой, но совсем этого не хотела. Тогда они чуть не попались на том, что Эврикида вздумала продавать свои талисманы прямо на Площади Штиля и в то время, когда как раз с дозором по этому кварталу из замка Сизых Волн, резиденции герцога Энелла Каррага, выехал начальник стражи Арвест Рейн. В Норфе и так живут суровые ребята, не любящие шутить. Увидев ведьму, Рейн выдвинул ей предостережение, не без угрозы, конечно, но всего лишь предупреждение. Эврикида же вздумала над ними подтрунивать, что на большее рыцари просто осмелиться не могут, бояться ее. За это ей уже стали угрожать оружием, а не словами, и Джайре досталось. Скрывшись в бегстве от стражников в самом дальнем районе города, они долго обвиняли друг друга, хотя — Джайра и сейчас была в этом уверена — была виновата Эврикида. Ну, кто ее за язык тянул! Рыцари оказали им милость и снисхождение, а она стала испытывать их терпение... И все же не все рыцари такие заносчивые болваны, как эти Королевские Мечи и Фленьелл. Это радует, но жаль, что таких очень мало.

К обеду как на зло зарядил дождь. Караван еле тащился по расхлябанной дороге, у лошадей скользили копыта по слизкой грязи, и то и дело застревали повозки в засасывающих колеях. Все наемники кутались в плащи и не принимали никакого участия в помощи рыцарям и прислуге, Джайру же просто все игнорировали, словно ее и не было. Бенрад, патрулирующий караван вместе с Гарольдом, каждый раз приостанавливался и хотел с ней заговорить, но Фленьелл немедленно одергивал его и не давал даже вздох сделать. Рыцарям было намного лучше в такое ненастье — их доспехи, вареная кожа и плащи из русалочьей травы, не впитывающей воду, защищали их намного лучше обычных плащей из плотного полотна. Джайра понимала Бена — он не мог послушаться старшего и испытывал чувство вины перед Кровопийцей, потому что под наказание попал только наемник, а он наверняка получил всего лишь выговор и грозный взгляд, но больше ничего.

Дождь шел два дня, две ночи пришлось ежиться под боком у Ворона, беспрестанно подрагивающего и фыркающего. Но все же лучше, чем в хмельной и душной палатке с пахнущими мокрой псиной наемниками. На третье утро стало ясно, но солнце пряталось за рваными грязными облаками, как талый снег весной на лугах раскиданных по всему небу. Наемники, молчавшие всю дорогу целых два дня, теперь не давали покоя своими перебранками и грубым весельем. Вдоль дороги с обеих сторон тянулся лес, отклоняющийся от протоптанной земли словно от чего-то неприятного. Птиц не было — видно, испугались шумного передвижения каравана. В очередной раз мимо проехал Фленьелл с Бенрадом, все так же отчаянно предпринимающим попытки поговорить с ней. «Скукотища...»

Правда, уже несколько минут Джайре казалось, что среди деревьев кто-то ходит, следует за ними по пятам, смотрит на нее. В просвете на один миг промелькнула низенькая лошаденка соловой масти, почти золотопесчаная. Всадника разглядеть не удалось, но на таких лошадях, всех золотистых и низеньких как на подбор, прозванных веллийскими, ездили только их хозяева — веллийские эльфы. Единственный клан эльфов, кочующих по просторам Ардонии. Веллийцы остались на своей родине, но с людьми не общались,

незаметно следя за ними и изредка торгуя дичью. Они не боялись людей, не придавали их соседству никакого значения, но так близко к Рыцарскому тракту их никто не видел.

Из леса донесся волчий вой, очень похожий на настоящий. Только Джайра знала, что так эльфы проверяют тебя — не обознались ли, увидев своего друга среди незнакомцев. Сложив ладони в трубочку, она ответила тем же воем. Наемники покосились на нее и стали пристально наблюдать за окраинами дороги, но эльфы вышли сзади, прямо к Джайре.

— *Светлый день, мой друг!* — воскликнул веллийец, темноглазый и светловолосый, только цвет был не просто светлым — он был будто лунным, сияющим. На лбу татуировка — эльфийский луноцвет, переплетенный стеблями в красивый узор с листьями и цветами. Такие тату были у всех веллийцев, обязательно на лбу, обязательно растения-покровители, у лошадей тоже были такие же. Этого звали Изилкаль. Двух других — Менелнаур и Долнарн. Предпочитая эльфийский всеобщему языку, они говорили с Джайрой только на нем, не опасаясь, что люди их подслушают. Наемники удивленно смотрели на низкорослых эльфов-кочевников, но ничего не предпринимали.

Поприветствовав всех касанием ладони о ладонь, Джайра ответила им также по-эльфийски:

— *И вам светлый день, друзья. Что вы здесь делаете? Снова отделились от клана? Что на этот раз?*

— *Слишком много вопросов, хитрая Лиса,* — задорно улыбнулся рыжеволосый Менелнаур. — *Лучше ты ответь: что за дело у тебя с этими гремучими железками?*

Доспехи веллийцев сильно отличались от ардонских. Скованные воедино широкие листья алмазного дерева не гремели и были прочнее и долговечнее обычной стали.

— *Деньги, что же еще, брат,* — у Долнарна всегда была странная улыбка, глаза были будто каменными, еще и серыми к тому же, и никогда не улыбались. — *Лучше спросить ее, кого она сейчас играет и в какие неприятности попала.*

— *Вижу, ваша любознательность не исчерпала себя.*

Один из наемников, пошептавшись со всеми, ускакал к паланкину купца. «Доносчик демонов». Но даже если Фленьелл решит напасть на них, то не успеет причинить им никакого вреда — веллийцы отличные следопыты и знают местность всей Ардонии как историю сотворения мира, которую, в отличие от людей, они хранят и передают из поколения в поколение вместе со всенародными легендами и преданиями. Они смогут без труда скрыться от рыцарей, даже и следа не оставив.

— *Давай, рассказывай,* — все трое встали с ней в одну шеренгу, все так же держась на расстоянии от людей и говоря по-эльфийски. Изилкаль положил ладонь на плечо Джайре. — *Что это за важная персона едет за этими белыми занавесями? И где Эврикида? Ведь ты в последнее время была с ней, разве не так?*

И снова эта зияющая рана.

— *Ее больше нет, друзья.*

Ошеломленный вид эльфов граничил с безнадежной печалью. Все трое переглянулись.

— *Как она умерла? Она ведь была одной из чародеев Пятиконечной Звезды...*

— *Думаешь, Долнарн, темные маги спрашивают, какому союзу или клану ты принадлежишь, когда убивают? Ему навряд ли было это интересно знать.*

— *О ком ты говоришь?*

— *Мортос.*

Все трое прошептали старую, как мир, присказку, говорившуюся эльфами при

упоминании в разговоре какого-либо зла: «*Gurth an-so*».

— *Смерть ему, да,* — вторила им Джайра, — *именно за этим я следую за ним.*

— *Одумайся, Лис,* — встревожился Менелнаур, — *ты идешь против самой смерти! На такое чудовище нужна очень большая сила, где ты найдешь такую?*

— *Найду. Я же ученица Эврикиды,* — подмигнула наемница. — *Что-нибудь придумаю.*

— *Тогда позволь узнать, что ты делаешь среди ардонских рыцарей? Уж не армию ли ты собираешь? Снова?*

Похоже, наемник наделал много шума — по обочине скакали семь лошадей, но потом послышался оклик Фленьелла, а затем — и ругань, и из семи достигла поля зрения только одна.

— *Мне плевать, Гарольд, что подумают наемники! Мне надоело это мальчишество!..*

— *Понимаешь, Изилкаль, мне не повезло завести среди них друзей, принимающих меня за мужчину. Поэтому лучше не называйте меня при них по имени, хорошо?*

Менелнаур прыснул, за ним рассмеялся и Изилкаль, Долнарн улыбался, как только мог. Тем временем, Бенрад, сияя радостью, притормозил своего коня перед Вороном, недовольно заржавшем, что ему преградили путь. Интересно, на какой исход надеялись наемники, что они вот так во все глаза таращатся на них?

— *Здравствуй, Бен,* — пока еще ничего не началось, надо сразу взять дело в свои руки. — *Что-то давно я с тобой не разговаривал. Позволь тебе представить моих давнишних друзей, веллийских эльфов...*

— *Для нас нет смысла с ним знакомиться,* — прервал ее Изилкаль, эльфы внезапно помрачнели, — *только если ты не чувствуешь привязанности к нему,* — Менелнаур снова захохотал, Долнарн благожелательно разглядывал рыцаря.

— *Вот так вот, значит, да?* — прошипела Джайра. — *Хороши же вы надсмехаться надо мной! Была бы у меня такая возможность не придавать значения мимолетным знакомствам, я бы ни за что с вами не подружилась. Еще только слово — и я больше не разговариваю с вами. Мне и так хлопот хватает! И извольте говорить на всеобщем при Бенраде.*

— *Хорошо,* — голос Долнарна поразил Бена, лицо стало отрешенным, как будто он слышал что-то, что не слышали остальные. Впрочем, голос этого эльфа всегда всех зачаровывал, недаром все любили слушать его пение. — *Светлый день тебе, Бенрад из рода ардонских людей.*

— *Э-э-э... Да, тебе того же, э-эмм...*

— *Это Долнарн,* — от голоса Джайры рыцарь пришел в себя, слегка встряхнул головой. — *Который улыбается не к месту — Менелнаур, а это старший из братьев — Изилкаль. Что там — Гарольд рвет и мечет? Лучше бы ты оставался рядом с ним, иначе будет доставаться остальным.*

— *Спасибо на добром слове, друг,* — усмехнулся Бен, вставая пятым вместе с ними. — *Я и подумать не мог, что ты можешь быть знаком с эльфами и знаешь их язык. Я очень рад с вами познакомиться.*

Только Долнарн вежливо кивнул ему. Изилкаль произнес, испытующе глядя на Бенрада:

— *Как быстро он стал нашим другом! Слишком доверчивый, слишком впечатлительный. Как выгодно иметь такого друга — по его простоте можно пройти куда угодно...*

— *Перестань,* — будто сам по себе угрожающе звякнул Шип, фыркнул Ворон, чувствуя

гнев своей всадницы. — У меня нет злых намерений на его счет.

— Лис, куда же пропало твое незаменимое чувство юмора? Неужели только я сегодня буду рассыпаться искрами веселья?

Пока она собиралась с духом, чтобы ответить, не обидев эльфов своей злобой, за нее вступился Бенрад.

— Думаю, это из-за нас, из-за людей. Он огорчен тем, что его протянутая Длань Протектора не пробудила в сердцах рыцарей милосердие.

Наконец, Изилкаль заговорил на всеобщем языке:

— Длань Протектора? Что за необходимость заставила воспользоваться этим нерушимым законом?

— И самое главное: кто посмел отвернуться от него?

«Что ж, Бен, сейчас ты будешь отдуваться за всех рыцарей».

— Все мы, рыцари Октавы...

«Сам же подставляется под суд».

— Бен, прекрати. Ты сам прекрасно понимаешь, кто во всем виноват. Я виноват в том, что не сумел рассчитать все по плану. Акун виноват в том, что не дал мне знать о беде. Фленьелл виноват в своей чрезмерной гордости, а Хтар и Валиенс — в бесчеловечности. О Небо, как мне уже надоело это слово! Мне не дает это дело покоя уже третий день. И еще этот разговор с провидцем!..

— Эй, мятежная душа, — очень мягко ей на плечо положил руку Долнарн, тем самым немного успокоив. — Не торопись, расскажи все по порядку. Ты не один.

Джайра встретила глазами с эльфом. «Долнарн, всегда ты меня успокаиваешь...»

— Ох, расскажу, но не сейчас.

— Конечно. Послушай мир, проникнись его спокойствием.

— Что ж, Бенрад, ты рыцарь Вайе?

Внезапный вопрос Изилкаля, решившего сменить тему, поразил Джайру. А ведь действительно, бронзовый яшень, слабо поблескивающий на его латах, — герб Вайе, священного города почти на границе Ардонии, единственного, где еще хранятся предания о Протекторах, а возможно и больше.

— Не совсем, — улыбнулся Бен. — Я родом из Вайе, но в рыцари меня посвятили в Октаве, поэтому я и служу его величеству. Хотя я был бы рад вернуться домой.

— Так что же тебе мешает?

Бен помрачнел. «Что это промелькнуло в его глазах? Что за воспоминания его гнетут?»

— Я дал клятву отцу, и не покину службу, пока не выполню ее.

— Клятва? Станный вы народ, рыцари, — воскликнул Менелнаур, — как это у вас разнятся эти два определения: клятва и служба. Ума не приложу, как это могут быть две разные вещи!

Сперва Бенрада весьма удивил вывод веллийца, но потом он рассмеялся и ответил:

— Я думаю, все дело в подходе.

И почему она раньше не узнала этого о нем? Не распознала в нем уроженца Вайе, хотя эти русые гладкие волосы и голубые глаза только им и принадлежат! Добрый нрав от природы, доверчивость, граничащая с незыблемой верой. «Как же это многое объясняет!» Бедняга, а она его считала вероломным дуболомом.

Тем временем эльфы продолжали расспрос.

— Вы, вайенцы, все еще храните реликвию Протекторов?

— Смотря какую именно.

— Я говорю о стреле.

«Стрела?!» Неужели та самая стрела, сразившая первого Протектора? Теперь забыто даже его имя, не то чтобы его деяния, его история, а эта стрела — это настоящая святыня! Удивительно, как она сохранилась через семь тысяч лет после Переломной Битвы. Вдруг беседа для Джайры стала крайне интересна. Эта святыня — одна из самых мощных в мире сил, сил добра и Света. Что, если с помощью нее можно победить Мортоса? Но, с другой стороны, лишить мир такой благодати — значит, обречь его на безнадежность. Тогда возникает другая мысль: может быть, в мире есть и другие реликвии, раз сохранилась самая древняя?

— Мы и не заботились о ее сохранности, — «Берегись, Бен, как бы твоя беззаботность не стала роковой ошибкой». — Это все паломники. Их молитвами вокруг города возник духовный щит, он и защищает Вайе. Каждый, кто приближается к воротам, забывает о всех злых помыслах и видит в самом существовании города благо. Это удивительное действие, не правда ли? Вы сами слышали наверняка, что коренных жителей Вайе считают самыми добродушными...

— Не то слово, — усмехнулся Менелнаур.

— Возможно, именно благодаря этой реликвии вайенцы рождаются такими.

— И очень жаль, что такими рождаются только вайенцы, — вздохнул Долнарн. — Если бы люди оставались такими всегда, уверен — мир пережил бы совсем другую историю.

Взор эльфа, и без того всегда туманный, унесся куда-то к облакам, и Джайра заметила, что Бен, сам того не осознавая, проследил за его взглядом и как замороженный тоже окунулся в далекие мысли. За все время путешествия с Бенрадом Джайра успела сделать о нем много выводов, но сейчас он вновь представился ей по-новому. Вайенец. Это почти одно и то же, что патриот. Это герой в душе. Это самый настоящий Человек, каким названный должен быть в нынешнее время. До этого ее сводили с ума его попытки вывести загадочного наемника на откровенный разговор, но сейчас стало предельно ясно, что из себя представляет Бенрад. А эта его болтовня — просто неуверенность в себе и неумение заводить дружбу, но он очень усердно старается, за что ему опять же можно только воздать хвалу. Вот только раньше он ничего настолько серьезного о себе не рассказывал, так что же: рассказ о своем родном городе — очередная попытка снискать расположение наемника? «С какой целью?..» Даже если и была какая-то цель, во-первых, предполагались только благие намерения, во-вторых, он сам о ней расскажет — Бен не из тех людей, которые очень долго выжидают.

Ближе к закату караван вновь раскинулся широким лагерем у небольшого подлеска. Эльфы вместе с Джайрой расположились ближе к деревьям и как можно дальше от людей. Пока Джайра возилась с запутавшейся уздечкой, веллийцы разожгли костер и сложили вещи около поросшего мхом упавшего дерева прямо рядом с костром. Соловые лошади смиренно стояли рядом с ними, никуда не отходя. Все умиротворение портил только вороной жеребец наемника, вдруг пустившийся плясать и кувыркаться по траве назло хозяину, бросившего уздечку и погнавшегося за питомцем с надеждой спасти седло. Наемники с хохотом наблюдали за этой картиной, пока Джайра сама не начала играть с Вороном. Рыцари молча поглядывали из глубины лагеря, устало снимая доспехи. Купец уединился в палатке, у ее входа, как и положено телохранителю, вновь встал рослый немой хецин. Вокруг большого кострища разложили одеяла, на которых и разместились рыцари. Единственным на ногах

оставался Бенрад, с улыбкой глядевший на дальний огонь велийцев. За его спиной в одном шаге сидели пятеро рыцарей, чуть отделившись от всех остальных, в особенности от Королевских Мечей. Под грозным взглядом Гарольда никто из четверых не решался что-либо сказать, пока кастелян сам не нарушил молчание.

— У этого мошенника нюх на выгодные знакомства. Еще ночью первого дня, как мы вышли из Китрана, я видел, как он заходил в палатку к господину Сальмонею.

Улыбка на лице Бена исчезла, появилась тревога.

— Наверно, господин Сальмоней хотел вознаградить Кровопийцу за спасение каравана.

Смелая попытка возразить принадлежала такому же, как Бенрад, статному рыцарю, только менее жизнерадостному. На испепеляющий взгляд Гарольда он пожал плечами.

— Вознаградить, — процедил кастелян. — Никакой вор не заслуживает награды.

Бенрад, растратив свое терпение еще днем, резко обернулся к нему.

— В отличие от нас Сальмоней разглядел в этом наемнике человека высочайшей ценности, — тяжело вздохнув, он добавил: — Похоже, мы опоздали.

Статный рыцарь переглянулся с остальными, но, не найдя ответа, произнес:

— О чем это ты?

— Он попытался завербовать Кровопийцу в свою охрану, награду ведь обычно выдают прилюдно, — собеседник согласно кивнул. Гарольд начал с несколько большей силой, чем требовалось, чистить ножом яблоко.

С дальнего костра заглушаемая перебранками наемников и бряканьем посуды послышалась песнь настраиваемой эльфийской флейты. Все начали говорить в полголоса.

— Зря ты так несправедливо поступил с этим человеком, Гарольд, — покачал головой Бен.

— Отчего же? Я не из тех людей, которые обращаются на равных с продажными и бесчестными наемниками.

Бен одарил его мрачным взглядом, но кастелян не заметил его, сосредоточив свое негодование на яблоке.

— Ты сам сказал: нам нужен тот, кто знает цену человеческих жизней и понимает, когда нужно действовать решительно. Вполне объяснимо, что он скрывал свою известность, — Бен снова обратил свой взгляд на Джайру, все еще дурачившуюся с конем, — ему бы не дали проходу охочие до таких трофеев. Ведь он бы принес весомый авторитет тому, кто бы его завербовал в свою охрану...

Дочистив яблоко, Гарольд отдал его самому молодому рыцарю, еще мальчишке, и принялся за другое.

— Я повторяю, Бен: это наемник. Как бы ни приласкал ты кошку, она гуляет сама по себе. У всех наемников на уме только одно: выгода. Чего же ты ждешь другого от этого прохвоста?

— Но ведь он не просто наемник! Он Лис, он Кровопийца!..

Черноглазый рыцарь, по внешности больше походивший на крестьянина, удивленно переглянулся с седым соседом Гарольда, но тот только тихо усмехнулся.

— Не слишком ли мерзкое сочетание? — не унимался кастелян.

Едва сдерживаемое в предыдущих словах восхищение Бенрада теперь фонтанировало.

— Неужели ты не понимаешь, Гарольд? Нам нужен этот человек, потому что это тот, кого мы искали. Пускай он наемник и вор — так уж сложилась его судьба, но он не злодей. В нем что-то есть. Что-то, что сразу говорит: «я не предаю, не брошу и выполню свой долг до

конца». Это человек чести, да такой, которой ни у кого нет. В нем есть все от благородного рыцаря, но он не рыцарь, и никогда им не будет. Но он герой, каким никогда не стать никому из нас. Герой, за которым пойдут люди. Разве ты не понял, что заставило его признаться, что он Кровопийца, чем он пожертвовал?

Захваченные пылкостью речи друга, рыцари ошеломленно глядели на него, все, кроме Гарольда, упорно чистившего яблоко.

— Скорее всего, — снова ответил статный рыцарь, — это было что-то личное, что-то вроде долга.

— Именно! — радость Бена от того, что хоть кто-то его понимает, передалась и слушателям. — А то, что он беспричинно помог Сальмонею? Спас наш караван? А вспомните, чем знаменит Лис: тем, что обставил Гильдию воров в Китране. Неужели. Гарольд, ты не видишь, что это благородный человек? У него есть честь, есть чувство долга и свои принципы, просто он попал не к тем людям. И вот он рядом с нами, а мы оскорбляем его до глубины души, презирая его только за то, что он заступился за обреченного на смерть человека.

— Не преувеличивай, — второе яблоко было предложено черноглазому рыцарю, тот принял его с явно преувеличенной благодарностью. — Он может быть простым обманщиком. Если бы купец умер, подозрение пало бы на ассасина среди нас.

Бенрад всплеснул руками.

— Он уже нас обманывал, но только из убеждения, что ему не нужна слава.

Кто-то из наемников рассказывал путевую байку, почти все люди, даже рыцари, собрались вокруг рассказчика. Ранимая флейта замолчала. Громкое повествование сопровождал только стрекот насекомых.

Бенрад, чувствуя, как в нем растет досада, со вздохом продолжил вполголоса:

— Гарольд, признай: мы нашли того, кто нам нужен. Просто он оказался более независимым, чем ты предполагал.

Кастелян поднялся с места и взял из палатки плащ. Вернувшись обратно, он накинул его на плечи, слегка поежившись, и устремил взгляд в огонь, обуреваемый весьма плохим расположением духа.

— Эта независимость может погубить и все наши замыслы, и нас самих. Был бы он рыцарем или хотя бы дворянином, я был бы уверен, что он никогда не отступится от морали, но природа наемников такова, что они пользуются моралью как средством достижения выгоды, а не убеждением.

— Я только что тебе доказал, что у него есть благородство, а ты снова обвиняешь его в подложности!

— Но ведь отчасти он прав, Бен, — статный рыцарь хлопнул по плечу молчаливого старого рыцаря и кивнул кастеляну. — Мы не можем быть уверены в том, что в какой-нибудь момент он не обратит свои высокие качества против нас же, — взяв свой не понадобившийся плащ, он направился к своей палатке.

— Поэтому я и добиваюсь его дружбы, — почти свирепо произнес Бен. Рыцари изумленно уставились на него. Еще никогда Бенрад не был так суров и решительно настроен. — Ардонии нужен этот герой, и я выполню свою клятву во что бы то ни стало.

— Иди, дело твое. И передай ему, что он там стоит на часах! — крикнул вслед кастелян.

Зовя его, рыцари попытались вернуть Бенрада, но внезапно заговорил старый рыцарь:

— Оставьте его. Он вайенец, а они душой чувствуют добро в человеке. Он почувствует

того, кто нужен нам всем — настоящего героя. Дайте ему разобраться во всем.

Когда Бенрад с смутными чувствами подошел к костру веллийцев, Джайра расседывала Ворона.

— Боюсь, у меня для тебя плохие вести, — начал со вздохом рыцарь, подойдя к ней с виновато опущенными глазами, будто это он доставляет ей неприятности. — Гарольд расставил часовых, и в этой части лагеря он сказал назначить тебя. Мне жаль, что все так получилось...

— Бен, тебе незачем извиняться за кого-то. Ты же, в конце концов, не внушаешь другим людям мысли досаждать мне пустяками подобного рода? — он улыбнулся. — А от того, что у кого-то не хватает смекалки показать все свое отношение ко мне, мне плохо не станет. Мне не впервой бессонная ночь.

— Присаживайся, — снова услышав голос Долнарна, молодой человек позабыл о недавнем неприятном разговоре и с легким поклоном в благодарность присел рядом с велийцами на мшистом дереве.

Менелнаур снова начал подбирать мелодию на флейте. Джайра принялась чинить потрепанное седло. Долнарн, распутав уздечку, положил ее рядом с ней и начал ворошить огонь, чтобы тот разгорелся ярче.

— Можно задать вопрос? — подал голос Бенрад после нескольких минут нерушимого, но приятного молчания.

— Конечно, — отозвался Изилкаль. Все это время он рассматривал расшитый ясеневыми листьями коричневый камзол вайенца.

Рыцарь искоса взглянул на наемника, размышляя, не обидит ли этот вопрос нового друга, и сказал:

— Как вы познакомились с Кровопийцей?

Джайра опустила плечи и обреченно покачала головой.

— О-о-ох... И как ты только узнаешь, о чем их спрашивать? Уж они-то любят эту байку.

— Отчего же ее не любить, — засмеялся Менелнаур, оставив флейту. — Это замечательная история.

— Если не считать в ней меня — может быть, — осердилась Джайра.

Долнарн в отличие от братьев не улыбался.

— Если бы нас не было рядом, ты бы мог погибнуть.

Теперь молчание стало угнетающим. Менелнаур начал наигрывать что-то нежное короткими отрывками.

Изилкаль начал повествование:

— Недалеко от Озера Дождей есть Одинокий Утес. Его склоны настолько неприступны, что ни одно существо, живущее ныне в Ардонии, не знает, что кроется в тени его скал. Тем не менее, если ранним утром, когда солнце только появляется из-за холмистой равнины росистых полей и не может дотянуться до верхушек древнего леса, где властвуют лугару, его первые лучи падают на полукруглый выступ почти на самом верху Утеса. Его можно хорошо рассмотреть, если выплыть в это время на середину озера. Находились авантюристы, жаждущие удовлетворить свое любопытство и узнать, что за сокровище прячет Утес, но никому не удавалось преодолеть даже половины его высоты.

Долнарн подкинул сухой травы в огонь, и пламя взвилось искрами к нависающим над ними ветвям деревьев.

— Однако, — продолжал веллиеца, — нашелся ловкий искатель приключений, смогший

обуздать строптивную скалу. Друг мой, не хочешь ли рассказать, что было в пещере?

Джайра косо посмотрела на эльфа, но промолчала, продолжая зашивать порванное левое крыло. Веллиец улыбнулся.

— Что ж, расскажем мы о том, что видели в тот день. По рассказам старого волхва, повстречавшегося нам у опушки древнего леса, молодой смельчак в плохом настроении отправился к Одинокому Утесу и так и не вернулся. Среди местных он слыл покровителем Гильдии воров этих краев, но отправился за добычей в одиночку, никого не предупредив.

Не мешкая, мы трое решили посмотреть, не нужна ли помощь этому человеку, и собрали с собой лечебные снадобья на случай, если он сорвался с острых камней. Чем ближе мы подходили к скалам, тем явственнее чувствовался гул из пещеры. Сначала это был просто рокот, как будто земная твердь содрогается от внутреннего жара, но потом на всю округу разнесся чудовищный рык, повергший всех в ужас. Лес, наполненный звуками, мгновенно затих. Через мгновение из пещеры, как из жерла вулкана, вышло огненное облако, оставившее горячий след в воздухе. Рык повторился еще раз, и из грота выбежал человек, стремглав несущийся к обрыву. У него не было выбора, кроме как прыгать вниз от наступающего его пламени. Как только он исчез из виду, из пещеры вылез старый дракон.

— Дракон?! — внимательно, как ребенок слушает сказку, Бенрад слушал эльфа и испытал почти такое же детское потрясение от услышанного.

— Да, дракон, — печально ответил Долнарн. — Он едва смог взлететь. Этот полет был последним — он отправился умирать в Сумеречную Долину.

Веллийцы опустили головы. Джайра вздохнула, скорее раздраженно, чем скорбно.

— Дальнейшее тебе будет не интересно слушать, — произнесла она. — Они нашли меня с переломанной ногой у подножия скал. Приняли в свой клан, выходили и попрощались.

— Как все скучно, — шутливо нахмурился Менелнаур.

— Конечно! — воскликнул наемник. — Были бы вы в этой пещере, рассказывали бы все по-другому, — отложив починенное седло, она разложила покрывало на противоположной стороне костра и расположилась на нем спиной ко всему лагерю. Бенрад отметил для себя, что наемнику важно остаться наедине с эльфами, раз он так нарочно делает вид, будто никакого каравана вовсе нет.

Увидев, что Изилкаль достал свою лютню, Джайра немного успокоилась.

— Могу я поперебирать струны? Давно не держал в руках хорошего инструмента.

— Конечно, мой друг.

Струны звонко отзывались на каждое прикосновение, производимое Джайрой. Настраивая лютню, она прикрывала глаза, стараясь прочувствовать голос инструмента. Бенраду было отчетливо видно, как его друзья рыцари у своего огня прислушивались к нестройной игре лютни, так давно не слышанной ими. Размышляя над рассказанной поразительной историей, он не обращал внимания на тихие отрывистые переговоры веллийцев с наемником на эльфийском.

— Драконов не видели с того самого дня, — наконец произнес он, — как закрылась Сумеречная Долина. Тогда же пропали и Протекторы. Отчего мог пробудиться дракон, да еще такой древний?

Уловив нить рассуждений рыцаря, Долнарн улыбнулся, глянув на Джайру.

— Самые древние — всегда самые чувствительные. Возможно, он как-то отреагировал на чувства Протекторов.

— Так значит, Протекторы были где-то рядом?

На восторженный голос Бена повернулось несколько наемников. Джайра шикнула на него.

— В те дни ничего примечательного ни в Шерии, ни где-либо еще в Дождливом Краю не произошло. Воры были начеку, каждого странника проверяли и даже провоцировали, чтобы он сотворил хоть что-то, что могло бы выдать в нем Протектора. Они никого не нашли. Все могло быть, — пожалала она плечами. — Ты же знаешь: Протектора в одно и то же время легко отличить от обычного человека, но сложно заметить. Они мастера скрытности.

Безразличие, с каким Кровопийца произнес эти слова, возмутило Бенрада, и он решился на откровенный вопрос:

— А ты сам веришь?

— Во что?

— В то, что Протекторы еще существуют.

Веллийцы внимательно смотрели на обоих, не смея прерывать разговор.

Джайра задумчиво взглянула в пламя, остановив дрожание струн. Ей вспомнилась Эврикида, ее незыблемая вера в этих спасителей, ее рассказы об истории мира, как вершили ее Протекторы, и кем были эти герои... Тогда все воспринималось иначе, сейчас же эта вера стала далеким и слабым проблеском надежды на будущее, но лишь отголоском той убежденности, с которой жила ведьма огня.

— Не знаю.

Веллийцы удивились не меньше рыцаря такому ответу.

— Странный ответ. Обычно говорят однозначно «да» или «нет», а ты не знаешь.

— Не знаю, потому что слишком много «но» и слишком мало «возможно». Это истина — они когда-то защищали мир, пытались поддерживать обе силы в гармонии и равновесии, за прошедшие эпохи осталось очень много следов их пребывания и подвигов, но сейчас очень мало не то чтобы признаков, даже надежд, что они где-то есть.

Лютня уже немного мягче отзывалась пальцам.

— Но ведь тогда мир должен превратиться в хаос.

Струны болезненно звякнули.

— А разве сейчас не хаос? Урожай все скуднее, зимы холоднее, лето жарче. Бесконечный Океан затягивается дымкой Туманных Вод, и только Юг защищен от разрушающегося севера магическим заслоном. Единственное доказательство того, что кто-то еще остался.

— А я верю, — впервые Джайра видела Бенрада таким разгоряченным решительностью. — Я видел их реликвию. Я чувствовал через нее их благодать, я видел людей, которые способны на великое добро, один из них причем ты, — наемница слабо усмехнулась. — Я не знаю, почему я все еще верю, но мою веру не сломать.

Джайра улыбнулась.

— Этим вы и отличаетесь, вайенцы, — неукротимой верой, единственные во всем мире.

Лютня ласково запела. Отдельные звуки начинали выстраиваться в до трепета знакомую всем мелодию.

— Откуда же ты? — осторожно спросил Бен, заглядывая в глаза другу. По правде сказать, этот вопрос волновал его не меньше, чем Гарольда вопрос о происхождении Кровопийцы.

— Понятия не имею, — засмеялся наемник. — Да и так ли это важно?

— Как же! А кто были твои родители?

— Я их никогда не знал, — Джайра встала, чтобы лучше держать лютню, — меня воспитывала приемная семья из Пекны, потом я... присоединился к своему клану, потом был у наставника на попечении. Своей родины я не знаю.

Изилкаль сочувственно вздохнул.

— Ну, а какой город тебе по душе? Ведь ты много странствовал.

Лишь на мгновение задумавшись, наемник ответил:

— Таар. Мне там спокойно.

Бенрад был в растерянности. Звуки лютни еще больше отвлекали его.

— Но ведь ты не хецин?

— Нет, но и не ардонец, — лукаво ответил Кровопийца.

Музыка звучала все громче. Едва успел Бен произнести:

— Так кто же ты? — грустная отрада появилась в сердцах слушателей. Менелнаур поддержал лютню флейтой, и велийцы запели.

Полусонные наемники и рыцари обернулись к дальнему костру. Мгновенно весь лагерь затих, слушая Песнь Ветра, по которой так истосковались души. Редко где услышишь пение и музыку в Ардонии, разве что в храмах Сакротума, эту однообразную убаюкивающую мелодию. После угрозы бардодубийц из Темного Круга уже давно никто не решался запеть прилюдно.

Голоса эльфов задевали самые далекие воспоминания, вызывали заветные чувства. Их пение под стать музыке то стихало, умиротворяя душу, то взлетало отчаянным кличем, поднимая отважный дух. И несмотря на то, что пели они на эльфийском, Песнь Ветра понимали все.

Когда Песнь закончилась и Кровопийца снова степенно расположился на покрывале, отдав с благодарностью инструмент Изилкалю, у всех, кто был в лагере, часто бились сердца. У Бенрада блестели в глазах слезы тоски. Ничего не сказав, он кивнул велийцам, слабо улыбнулся наемнику и вернулся к рыцарям.

— *Ты напоила их души эликсиром очищения,* — первым нарушил тишину Долнарн, заговорив на эльфийском.

— *Им это было необходимо,* — вздохнула Джайра.

— *Не беспокойся, я подарю им спокойный сон.*

Снова зазвучала флейта, переливаясь в нежнейшей эльфийской колыбельной.

Через минуту лагерь начал засыпать.

Джайра, все так же сидя спиной к каравану, спустила повязку, устало вздохнув.

— *Очень странный и редкий человек,* — произнес Изилкаль, кивнув на вопросительный взгляд Джайры в сторону рыцарей.

— *Редкий?*

— *Да, раньше такие патриоты были не редкость, а сейчас... Ты знаешь это даже лучше нас.*

Джайра хмыкнула. «Потому что патриотом быть опасно».

— *Впрочем, он вайенец,* — продолжал Изилкаль. — *С ним нужно быть поосторожнее, особенно тебе.*

— *Мне?* — она отогнала безобидного светлячка, бьющегося о щеку. — *Почему это?*

— *Главная особенность вайенцев — видеть насквозь твою душу. Он увидит тебя, какая ты есть, несмотря на все твои маски.*

Джайра издала саркастический смешок, припомнив болтовню Бенрада на дороге.

— Где уж ему меня разглядеть...

— Ты его недооцениваешь из-за его простоты, — тон велийца был серьезен, — а ведь этот рыцарь уже мог заинтересоваться тобой.

Джайра нахмурилась. «Пусть это не будет правдой...»

— Что-то ты сегодня слишком подозрителен, — покопавшись в седельной торбе, она достала сверток с зачерствевшим хлебом и с досадой надкусила ломоть. — Я не думаю, что Бен может прятать карты в подкладке. Он не из таких людей.

— Но он может говорить не всю правду, ведь так? Признайся, ты ведь даже не обратила внимания на то, что он носит бронзовый ясень?

Джайра недовольно скривилась, больше от сказанного эльфом, чем от скверного хлеба. Посмеявшись над ее выражением лица, Долнарн достал из своей сумки ароматный сочень с цветочным медом и подал его девушке.

— Зато он уже выяснил немного о твоём прошлом.

— Это не такие уж важные знания, — отмахнулась Джайра, принимая с голодным взглядом из рук Долнарна желанную пищу.

— И все же. Будь с ним аккуратнее, но не обижай, — с наслаждением откусывая сочень, она только хмыкнула. — Он может стать твоим самым преданным другом.

— Если не поклонником Кровопийцы, — с набитым ртом проговорила наемница.

Эльфы коротко засмеялись.

Колыбельная стихла. В роще запели ночные соловьи. Ворон вострепнулся, услышав треск сучьев, разламываемых рогами неосторожного оленя, и снова положил голову на траву, распугав всхрапыванием облепивших нос кузнечиков.

— Давно ли ты смотрела на звезды?

Джайра взглянула на Долнарна. «Так вы пришли мне что-то рассказать?..»

— Мой день удался, если я не ночую под открытым небом, — она развела руками. — Как видишь, в последние дни удача не дует в мою сторону.

— Тогда у тебя прекрасная возможность поговорить со звездами.

— Ты же знаешь, Долнарн, я не сильна в чтении по звездам, а все предсказания считаю не более, чем внушением.

Эльф вздохнул и поднял глаза к ночному небу.

— Очень жаль, что ты не веришь звездам, а ведь в последнее время они беспокойны.

Когда Эврикида делала предсказания, которые в дальнейшем так или иначе сбывались, она говорила те же самые слова.

— Что ты имеешь в виду? — вся тревога наемницы передалась в одном вопросе.

Предсказатель посмотрел на нее. В его глазах отражались пляшущее пламя и призрачный свет стареющей луны.

— Грядут большие перемены. Начало уже положено. Звезды дрожат и трепещут, их охватывает мрак. Что-то грядет. Что-то, что изменит весь мир.

— И что же это?

Веллиец покачал головой.

Где-то рядом заухал филин.

— Этого звезды не говорят. Ясно только одно: если не произойдет чудо, мир умрет. Вся его история может исчезнуть по прихоти только одного.

Менелнаур предложил брату флягу, и тот сделал большой глоток.

— То есть известно, кто за этим стоит?

В голове Джайры друг с другом боролись совершенно разные предположения. Она надеялась, что все же это не коснется убийцы ведьмы огня, но в ожидании худшего сердце замирало.

— *Его образ, светлый при рождении, омрачен страданиями, а деяния осеяны смертью. В его руках — сила мрака, оружие хаоса и уничтожения.*

От волнения у нее расширились глаза.

— *Постой, судя по всему, это темнейший, но... «образ омрачен страданиями»?*

Ответил Изилкаль:

— *Каждому, кто присягнул мраку, пришлось пережить тяжкие беды, душевные терзания, которые изуродовали душу. Архимаг был братом Драгонусу, так или иначе предательство кровного родства — это очень сильное потрясение, не говоря уже об убийстве.*

— *Но ведь в преданиях не сказано, что стрелу пустил он.*

— *По его желанию началась война, — заговорил Менелнаур, — по его злобе и ненависти обе стороны столкнулись в Переломной Битве. Он не мог не понимать, к чему это может привести.*

— *Тогда мне, да и всему миру, не понять, чего он добивался этой битвой.*

Долнарн, оторвав задумчивый взор от догорающего огня, снова посмотрел ей в глаза.

— *Что бы хотел получить провинившийся человек?*

От удивления Джайра открыла рот.

— *Прощение?! Да вы шутите! Войной получить прощение?*

На ее громкие возгласы спавшие лошади приоткрыли глаза. Ворон наострил уши.

Долнарн кивнул.

— *Окончив войну между двумя сторонами, он бы исчерпал конфликт и остался бы один на один с братом. Драгонус простил бы его и очистил раскаявшегося светом всепрощения, архимаг смог бы все начать сначала. Но у него ничего не вышло, Протектора убили, а его возненавидел весь мир и устранился его бездушия и могущества. Никому не известно, что он хочет сотворить, но продолжившийся род Драгонуса он ненавидит не менее, чем его — весь свет. Ведь они повсюду возносятся людьми, их почитают как великих героев и спасителей.*

Джайра встряхнула головой, приводя мысли в порядок.

— *Но ведь каждый из них хоть раз сталкивался с ним. Почему он не просил прощения у них?*

— *Ему был дорог брат, а не его потомки, изменившиеся за тысячелетие до неузнаваемости — ведь он смог восстановить силы только спустя это время. К тому же, мрак одолевает его, он лелеет только свою злобу. Многие предполагают, что его самого уже давно нет, осталась только ненависть.*

Вдалеке застонала выпь.

«Почему Эврикида мне не рассказывала этого?»

— *Откуда вы все это знаете?*

Долнарн хитро улыбнулся.

— *Звезды многое могут рассказать, но прошлое расскажут только летописи и те, кто получил его в наследие.*

Второй раз за разговор Джайра испытала крайнее удивление.

— *Вы видели Протектора?*

— Знали одного из них, но он давно уже мертв, — вздохнул Менелнаур.

— Остерегись архимага, — взволновано произнес Долнарн. — Звезды видят твое участие в будущем, но не говорят о дальнейшей судьбе.

— Мое участие в будущем? — недоверчиво переспросила Джайра.

— Одинокий странник со многими именами, обладающий невероятной силой, — так они всегда называли тебя.

— Меня? Невероятная сила? Вот это бред! — на очередной возглас хозяйки Ворон недовольно фыркнул. — И как вы только можете в это верить.

— Ты сама поведала нам о том, что следишь за ним. В своих замыслах ты себя не ограничиваешь, так что мы можем разгадать твою тайну, — она возвела глаза к небу. — Остерегись его. Миру будет плохо без героев.

Джайра раздраженно цокнула языком и покачала головой. «Меня мир почему-то не спрашивает, нужен ли он мне...»

Поняв, что разговор окончен, веллийцы начали тихо напевать поминальный молебен, в котором прощались с Эврикидой. Джайра, натянув повязку, встала с места осмотреть отведенные ей под охрану окрестности.

Люди спали безмятежным сном. Вопреки ожиданиям ночь была тепла, поэтому многие спали рядом с палатками. В шатре купца покачивалась расплывчатая тень, мелко и быстро шевелившаяся длинным фазаньим пером. У догорающего кострища рыцарей спали Бенрад и тот статный рыцарь. На сколько помнила Джайра, у него на молочно-белом плаще был вышит шелковой нитью расправивший крылья феникс с оливковой ветвью в лапах. Не мудрено вайенцу иметь в друзьях такого известного человека — самого Молодого Феникса, грозу октавских воров.

У костров на другом конце лагеря бродили зевающие часовые. Чуть поодаль в темноте лохматили гривы и хвосты вздрагивающие лошади, изредка переменяясь глухим ржанием. Над спящим караваном высоко в небе пролетала клином стая журавлей, отправившихся к Югу. «К близким холодам...»

Джайре не давали покоя мысли о сказанном веллийцами. Мортос задумал грандиозную катастрофу, и она как-то будет участвовать в этом. Мир не готов к еще одной разорительной войне с мраком, она это понимала. Сейчас, когда все народы настолько разрознены между собой и враждебно настроены, ухитряясь грызться и внутри общества, война уничтожит их всех поодиночке. Самой сильной державой, способной выставить мощную армию, была Ардония, но она гниет изнутри. Эльфы не смогут сражаться на два фронта — мгла не даст им отсрочки и уничтожит их княжества, если они перебросят часть сил на помощь людям. Дварфов, наделенных наибольшей сопротивляемостью магии, но не способных к ней, не видели уже достаточно много времени, чтобы понять — в Оркулуме не все ладно. Аль-Пассал еще держится на ногах — до тех пор, пока работают светочи, отгоняющие мглу с востока. Сражаться некому... Возможно, и не обязательно сражаться. Если бы было достаточно сильное оружие и тот, кто способен его удержать, архимага можно было бы победить. «Это было твоей тайной, Эврикида?»

Всю оставшуюся ночь Джайра терзалась догадками и предположениями, угнетающими душу. Эльфы издали наблюдали за ней, давая поразмышлять над услышанным.

За час до рассвета веллийцы ушли.

Глава 9. Дела чести

Этот игорный дом был самым популярным, но, в то же время, самым заброшенным. Здесь все делали только самые высокие ставки — несметные богатства, бесценные вести, великие жизни. Другие ценности не стоило и предлагать — Гильдия воров и соглядатаев в другие игры не играет.

Обходя шумные и тихие компании игроков, за особым столом, окруженном занавесями, присел уже не молодой человек в низком капюшоне. Стянув стальную когтистую перчатку с левой руки, на которой не хватало среднего и безымянного пальцев, он любовно пристроил ее рядом с собой на столе и небрежно мотнул головой в сторону незримо, но всегда стоявшему рядом наготове посыльному мальчишке. Служка тут же скрылся в занавесях и через минуту привел к столу еще одного человека в капюшоне. В отличие от беспалого, капюшон этого господина был соткан из богатого шелка Золотых Лесов и скрывал почти все лицо, оставляя на свету лишь старческий подбородок. Сплюнув в сторону, человек со стальной перчаткой кивнул гостю на стул напротив и сложил пальцы домиком, соединяя и разъединяя их. Служка принес поднос с двумя кубками и графином руэльского золотого, пугливо посматривая на косивший правый глаз беспалого, посеревший до половины радужки. Оба человека запрокинули в горло по целому кубку и причмокнули от ощущения услады послевкусия вина.

— Итак, что понадобилось старому игроку от хозяина Октавы?

На каверзный вопрос богатый господин скривил губы в хитрой усмешке.

— То же, в чем нуждается король-рыцарь.

Мужчина раздраженно скривился.

— Будь ты здесь для большой игры, личинка, ставшая имаго, ты бы не стал скрывать своего лица. Неужели ты опасаясь наткнуться здесь на бестию Лиса?

— Опасаюсь, потому что этот игрок уже обыгрывал тебя. Или ты забыл, кто наградил тебя заячьим глазом и оттяпал пальцы?

Еще больше раздражаясь, собеседник сжал ладони в двойной кулак вместо домика. Правый глаз скоился еще сильнее.

— Если думаешь предложить мне партию, не напоминай мне о Стражах, — решив спровоцировать старого вора, он усмехнулся: — Зачем это ты вернулся в Гильдию? Мои осы видели цыган в городе. Ведь это они — твои картишки, зачем тебе честные шулеры?

— Потому что эти благородные мошенники знают повадки Лиса и сумеют завести ее в тупик, пока имаго оказывает «песни Ардонии» великую услугу.

Брови вора резко вздернулись вверх, затем сомкнулись над переносицей.

— С чего бы это вдруг мастеру-пауку понадобилось творить добро? Неужто тебе не хватает золота в шпильке?

— Послушай меня, повелитель тысяч жал, — чтобы никто не уловил даже движения губ, господин наклонился почти к самому капюшону вора. — Над Октавой сгущаются тучи, в подполе скрипит древоточец-могильщик. Никто его не слышит в базарном шуме, никто не поднимает головы выше королевского трона. Только те, кому не чужда городская тень, чувствуют опасность. Я делюсь с тобой этим чутьем, потому что если мы потеряем город — потеряем все. Города не будет — не будет Ардонии. Не будет Ардонии — не будет игр. Не будет игр — не будет Гильдии. Мы не простые рыцари, но думать о своих угодьях тоже иногда имеет смысл. Пока я отвожу угрозу от Октавы, ты должен отвести нос Лиса от меня и шпильки.

— А что я за это получу? Ведь безвозмездным героизмом занимаются только паладины, а я человек дальновидный...

— Справишься — получишь барахлишко из-за пазухи короля-рыцаря. Не справишься... Слухи разные ходят. Казематы в последнее время пустуют.

Скривившись снова на упоминание мучителей, вор хмыкнул и отвел взгляд в сторону. В мутном стекле окна он видел размытые огни на Шпиле Королей. Сам город спал. Зловещее веселье его подручных не прекращалось ни на секунду, партии выигрывались одна за другой, деньги текли бесконечными потоками, власть Гильдии воров в столице прибавлялась...

Протянув раскрытую ладонь для рукопожатия, он произнес:

— Я в игре.

Бенрад проснулся от холода. Из-за тумана едва ли можно было различить границы раскинувшегося каравана. Большой частью все еще спали, проснувшиеся подрагивали от прохлады, сонно озираясь по сторонам. Зевая, сновали слуги, готовя завтрак и заседывая лошадей. Тлеющие угли дальнего костра изредка высвечивали из мглы коня Кровопийцы, нетерпеливо бьющего копытом о землю. Самого наемника можно было обнаружить только по ритмичному шорканью щеткой. Начищенная шерсть Ворона лоснилась и отливала синевой. На гриве мелкими жемчужинами оседала влага. Светало, но небо оставалось серым, поэтому туман не рассеивался.

Песнь Ветра оставила в душе рыцаря неизгладимое впечатление. Ранее он никогда не слышал, чтобы ее пели. Во сне он снова видел родной город, его серебристо-туманные рассветы с праздничным перезвонном храмовых колоколов и закаты под сенью величественных ясеней, окружающих город... Все эти воспоминания сквозили безмятежностью и детским восторгом, которые были им позабыты с тех самых пор, как он вместо деревянного взял в руки меч стальной. Душевное спокойствие было потеряно навсегда, но этот человек, все еще остающийся загадкой, дал Бенраду надежду на возвращение к счастливой жизни его родного города и его самого. Сейчас он понимал, что Кровопийца стал для него очень близким, не просто другом, но кем-то вроде духовника, тем, в ком он нуждался с самого начала своей миссии. Он понимал его осторожность, почему наемник так хорошо скрывался и почему он так нелюдим, и готов был обезопасить его от всех возможных напастей, готов поделиться своими счастливыми воспоминаниями детства, проведенного в родном Вайе, и своей жизнью, которую он видел по возвращении в Священный город. Вот только есть очень большие препятствия для этого: люди, погрязшие в болоте интриг, и предрассудки самого Кровопийцы. Бен поставил себе цель — во что бы то ни стало добиться откровенности героя и раскрыть его благородство всему миру. Вот только как в этих качествах убедить самого избранника?

У Джайры на душе было плохо. Туман на заре сыграл с ней злую шутку, чуть не лишившую ее стойкости духа. Проходя мимо одного из костров часовых, она заметила в мутном свете странную фигуру с посохом. Сердце затрепетало, узнавая знакомые очертания, но разум отказывался верить. Фигура повернулась, глаза осветились желтоватым светом. В порыве чувств Джайра отбросила все сомнения и хотела броситься навстречу, но огонь костра погас, и видение исчезло. Еле совладав со своими терзаниями, она решила отвлечь себя чисткой шерсти Ворона, только голову не заставишь перестать думать. Пока караван еще только поднимался на ноги после завтрака, она вскочила в седло и направила Ворона шагать вокруг лагеря. Заметив, как в ее сторону поглядывает Бен и кастелян со всей компанией рыцарей, наемница раздраженно скривилась под маской — наверняка они будут лезть с расспросами, а ответы будут получать очень резкие из-за ее настроения. Чтобы

успокоиться, она остановила коня. Как учила ее Эврикида, набрала в легкие как можно больше воздуха и медленно выдохнула, согнувшись к передней луке. С новым вдохом она распрямилась и, расправив плечи, выслала Ворона в легкий галоп. От ощущения свободы стало легче, тяжелые мысли отступили, но Джайра понимала: это ненадолго. При малейшем намеке, при малейшем напоминании о наставнице все может пойти прахом. Пытаться отвлечь себя — все равно, что пытаться выбраться из зыбучих песков, поэтому она испытала отраду, когда Бенрад вновь пригласил ее ехать рядом с ним возле шатра купца. После настойчивых увещаний всех, кто был в тот вечер у костра, кастелян сменил гнев на милость, тем более что он сам был безгранично благодарен Кровопийце за Песнь Ветра, только не знал, как наладить разговор с наемником. Не подъезжая ближе, он ехал чуть ближе к обочине, нарочно оборачиваясь назад, будто бы чтобы удостовериться в исправной охране каравана.

— Я вижу, ты чем-то огорчен.

Наконец оторвав взгляд от клубящегося тумана и, заодно, от надежды снова увидеть наставницу, Джайра повернулась к Бенраду.

— Надеюсь, это не из-за того, что ты теперь испытываешь к рыцарям обиду?

Спустя пару секунд до нее дошел смысл сказанного и она затрясла головой.

— О, нет-нет, что ты! Это обычная меланхолия от тумана...

— И небольшая усталость от бессонной ночи, — закончил Бен. — Уж я-то знаю, что такое бдение часового.

Слишком печальный, почти горестный получился у него этот вздох.

— Вот бы уж никогда не подумал, что рыцарей могут назначать на ночную службу.

— Ты ведь наверняка слышал о частых патрулях по периметру Октавы? Это, безусловно, хорошие меры предосторожности, но многие считают, что они слишком жестоки к самим исполняющим.

Джайра широко раскрыла глаза от удивления.

— И тебя ставят в такие патрули? Ты же представитель Вайе. Ты должен быть исполняющим обязанности Посланца своего города, а не разменной монетой у короля при дворе...

Опомнившись, что сказала лишнего, она резко замолчала и потупилась.

— Все в порядке, — улыбнулся Бен. — Так и должно быть. Вот только не всем людям суждено восседать за одним столом с королем. Я не жалею, что отвечаю за охрану каравана. В этом есть свои положительные стороны.

Последние слова прозвучали печально. После случайной несдержанности, так дружелюбно воспринятой рыцарем, Джайра решилась на более откровенный вопрос:

— Это сэр Гарольд тебя назначил или его величество?

Бен колебался. Неужели у такого человека нет ни одного друга, чтобы поделиться с ним своими проблемами с другими рыцарями? Как бы сильно она ни не хотела выслушивать его исповедь, но, похоже, придется — других попутчиков с ней рядом не будет, а молчать всю дорогу не слишком-то приятно. С самого начала Бенрад доверял ей, даже не зная абсолютно ничего, и если он доверит ей еще и свои переживания — это будет последним порогом к верной дружбе до гробового камня. «Ну, неужели он настолько наивен?» Джайра считала, такие люди уже перевелись.

— Это Амнис.

Видимо, нет, не перевелись...

Не дождавшись ее ответа, Бенрад продолжил:

— Ты думаешь, все эти люди, что едут с купцом из самой Октавы, — лучшие? Нет, их отослали с глаз долой, только Королевские Мечи присматривают за порядком.

— Но если вы рыцари, то разве не люди короля?

«Ну, зачем? Зачем ты с ним разговариваешь на эту тему? Сама себе друга наживаешь».

— Нет, люди короля — это его совет.

— А как же Гарольд? Ведь он кастелян Шпиля Королей.

— Ха, кастелян Шпиля Королей, — с самого начала прислушиваясь к разговору, к ним присоединился Гарольд. — Это самое надсмехательское звание для верного рыцаря, служащего королю и государству уже двадцать с лишним лет...

— Тише, Гарольд, они могут услышать, — Бенрад покосился на двух рыцарей в золото-серебряных доспехах с рельефным всадником на вздыбившемся коне и в зеленых плащах с вышитым золотыми нитями тем же всадником. — У них слух летучих мышей.

— И души демонов, — кастелян сплюнул почти под ноги впереди идущим лошадям Королевских Мечей. Джайре оставалось только усмехнуться дальности плевков старого рыцаря. — Это самые отъявленные негодяи во всем ардонском рыцарстве. Почему только Амнис посвятил их? Ладно, хоть не наградил землями — не заслужили еще, вернее — еще не поцеловали его в нужное место.

Бенрад заведомо погромче прочистил горло, Джайра же одобрительно хихикнула, произнеся:

— Во все времена королевских особ старались всячески ублажить, подбираясь ближе к власти. Почему бы этим двоим не подтвердить эту аксиому и в нынешнее время? Конечно, у них не хватит мозгов, чтобы стать королями самим — скорее они убьют друг друга в споре, кто сядет на трон, — но уж стать верными псарями короля — почему бы и нет? Убирать за кем-то и делать всю грязную работу — только на это, по-моему, они и способны.

Бенрад и Гарольд одобрительно закивали.

— У вас самого котелок варит намного лучше короля, господин наемник. Вот только один в поле не воин.

— С чего вы это взяли, сэра Гарольд? — если бы на ней не было повязки, им бы открылась хитрая ухмылка, никогда не доводившая цель ее замыслов до добра. — Вы думаете, тот, чье имя я ношу, — добился своей славы не в одиночку? Хотите, я расскажу, как было дело?

Лицо Бенрада тут же посветлело, и хмурая складка между бровей разгладилась:

— Охотно. Кто же не желает узнать правду о подвиге Кровопийцы?

— Это был далеко не подвиг, Бен, — покачала она головой. — Это было испытание на выживание и доказательство того, насколько люди в наше время лицемерны.

Она осмотрелась и понизила голос почти до полусшепота. Хоть остальные рыцари вели свои разговоры, ей не хотелось, чтобы ее рассказ подслушал кто-нибудь, даже случайно.

— В Исру меня послал мой наставник, — произнеся эти слова, она испытывала такое чувство, будто едет в седле задом наперед или читает книгу справа налево — так трудно было переделывать все факты под свою ложную личину. — Он сказал мне, что там я найду ответ на мучающий меня вопрос, что алхимики и астрономы дадут мне его, а если не они, то сам город и его земли уж точно. Еще будучи в Октаве, я не раз слышал тревожные вести оттуда о полчищах упырей и зомби, не дающих покоя местным. Мне было все равно — на тот момент я встречался с нечистью и похуже. Для меня они не представляли интереса, мне

нужен был сам город, его лаборатории и обсерватории, а не топь. Мало кому известно, но дело обстояло намного хуже, чем говорили слухи, — крестьяне либо прятались с позволения хозяев в замках, либо уходили в Речные Графства и крепость Лотт, потому что не могли защититься от мертвецов. Я даже помню, как проезжал одну деревню, а там никого, кроме одной юродивой. Уже смеркалось, до наступления темноты было каких-нибудь полчаса, и я предложил ей уйти со мной в Исру, благо оставалось проехать всего ничего, но она меня испугалась, закричала «Тебя за плечо держит Смерть!» и убежала в ветхий хлев. Мне тогда так жутко стало от этих слов — была тому причина, почему я и ехал в этот проклятый город, — но через дурноту пришлось идти за ней. Может, она бы дала мне нужный ответ? Но узнать этого не довелось, — как сейчас Джайра помнила всю сцену в подробностях, не забыв ни малейшей детали. — Не успел я подъехать к хлеву, оттуда раздались крики, рев, а потом и звуки раздираемой плоти. Мне только и оставалось, что гнать во весь опор в безопасное место. Только пришлось петлять всю ночь — эти топи с этим гнилым туманом...

Ворон, будто тоже вспоминая пережитое, вздрогнул и глянул на нее левым глазом. Когда они угодили тогда в трясины, его глаза были полны того же ужаса близкой смерти от болота, что у Джайры — от бессилия против живых мертвецов. Сколько людей погибло вот так, до нее?..

Рыцари инстинктивно осмотрелись вокруг, вглядываясь в туман. Где-то в глубине предчувствия зашевелились тревожные предположения, навеянные фантазией от рассказа. Они были ложными, но насколько уместными.

— Что же было дальше? — нетерпеливо шепнул Бенрад, когда молчание затянулось. Гарольд с не меньшим интересом смотрел на нее.

— Дальше? А дальше самое важное. Туман рассеялся только на рассвете, и камни крепостной стены тоже возникли вместе с солнцем. Я и мой конь тогда уже выбились из сил, нам нужен был хоть один час отдыха, но стража так и не открыла ворота. Вот она, мудрость Исры — бросать людей на произвол судьбы посреди зловонных земель! Как вам это нравится? Я не стал рассыпаться в проклятьях — это никогда никому не помогало — и принял только одно решение.

— Какое же? Обратиться к чародеям? Но ведь они наверняка внутри города?

— Сэр Гарольд, не думал, что вы тоже верите в эту байку о том, что я использовал магию, — ухмыльнулась наемница. — Все гораздо проще. Я решил выжить и покончить с этим, если того требует моя безопасность. Пока светило солнце, я дал коню отдохнуть, а сам сделал плот, крепкий насколько это возможно было в то время. По некоторому опыту я знал, что эти твари чувствуют легкую добычу и идут сразу к ней, как собаки за лисицей, и будут идти до тех пор, пока живы они или их заклинатель. Вокруг озера Соли тогда было очень много сухостоя, как, впрочем, и всегда, так что не стоило особого труда поджечь его, а самому с пожитками и конем отчалить от берега. Не знаю, о чем думали строители Исры, но для кого они сделали эти огромные ворота из клоаки города в озеро — это все еще для меня загадка. Пока зомби шли в огонь и утопали в илистом дне, я спокойно проник в город в целостности и сохранности. Заклинателя долго искать не пришлось — он наблюдал со стены за своими солдатами, и не моя вина, что он оказался одним из верховных алхимиков Исры, а заодно и чернокнижником. Мне только одно досадно: в то время как народ считает меня героем, эти ученые дурни все еще предлагают награду за мою голову, и в чем же здесь тогда геройство? А вы, сэр Гарольд, все еще считаете, что один в поле не воин?

Рыцарь дружески улыбнулся и кивнул в знак согласия.

— Признаю, есть исключения вроде вас. Но почему же вы не считаете это героизмом, я не могу понять?

— Я тоже, — сказал Бенрад. — Ты сумел совершить это все в одиночку, без чьей либо помощи и без вмешательства Неба — и не признаешь это подвигом! А со стороны ирских мудрецов это просто предательство — вот так награждать их спасителя! Это обязательно должны услышать во дворце.

— Что толку от этого будет? Из моей памяти те бессонные двое суток и бегство без желаемых ответов не испарятся. Хотя, конечно, я их и так получил... И лучше об этом никому не знать. Я рассказал это вам лишь за тем, чтобы вы увидели, что стремление и необходимость могут решить дело даже с помощью одной головы и двух рук. Если вы настолько верны Ардонии, почему бы вам не избавить ее от всех этих негодяев, м-м? Вот то-то и оно — в этом нет необходимости, а уж стремления — тем более.

— Почему же — нет необходимости? — возмутился Бенрад, в то время как Гарольд нахмурился и глубоко задумался. — Короля окружают не те люди — и нет необходимости в том, чтобы указать ему на это?

— Да, нет, — пожала плечами Джайра. — Устранить их самому у тебя не получится — для этого тебе нужно влияние и связи чуть сильнее их связей, а если вы все знакомы с королем, то влияние имеют только фавориты. Ты фаворит? Ты мне уже показал, что нет. Второй способ — это поговорить с самим его величеством. Послушает он тебя? Согласится с тем, что выбрал не тех? По-моему, все короли считают иначе в таких случаях. Остается только одно.

— Что же это?

— Война, — мрачно ответил Гарольд. — Остается только борьба за то, чтобы возвести на престол нового короля, того, кого ты хочешь видеть на этом месте.

— Совершенно верно, — похоже, она дала кастеляну хорошую пищу для размышлений, вот только на какие размышления она его наведет? — Но, насколько мы все знаем, Ардония не способна выдержать войну, и по многим причинам. Государство в беспорядке, ты должен это понимать, Бенрад. Вести войну против короля никто не осмелится, потому что у них просто не хватит сил — Ардония не может дать средства для обеих сторон, только для одной. А привлекать кого-то со стороны — это интервенция, и союзники заберут большую часть выигрыша в свои руки, а то и все государство. Ты готов увидеть на троне султана или кого-нибудь из варваров? Думаю, нет, судя по твоей патриотичности.

Наверно, ему весь мир теперь кажется унылым. Джайре было его немного жаль, но кто бы открыл ему глаза, кроме нее? Гарольд? Нет, этот не станет срывать чей-то флаг боевого духа ради черно-белых красок реализма — он сам свято верит в государство и короля, как, впрочем, и все рыцари. Ну, кроме некоторых. Точнее — эти символы рыцарства сами и есть эти «некоторые», а все остальные далеко не рыцари. Джайра оглядела их всех, кто был в поле зрения, давая им оценку на первый взгляд. О Жуане Хтаре и Рутто Валиенсе она уже все сказала, можно еще добавить, что они могут быть искуснейшими доносчиками, если не следить за своими словами при них. Ей было известно, что и в начале, и в конце процессии есть еще подвое рыцарей, но основную часть защитников Октавы Фленьелл поместил рядом с шатром. Кроме нескольких наемников, достаточно опытных, у шатра ехали еще четыре рыцаря, не включая Королевских Мечей, самого кастеляна и Бенрада. Их имена она пока еще не запомнила, поэтому различала по гербам на панцирях. У одного был очень сильно исцарапанный медведь на желтом поле, и сам рыцарь был намного старше Гарольда и очень

много ворчал похожим на медвежий голосом. У второго — сокол со стрелой в лапке среди насыщенной зелени, у третьего — шипящий и дыбящий шерсть черный кот на лазурном. Друг друга эти трое так и называли по гербам: Медведь, Сокол и Кот. Четвертого Джайра узнала бы и без всякого герба. Эрион Фенир Линделл, уроженец Сардолла, города рыцарей, прозванный Молодым Фениксом из-за своего яркого герба: раскинувшего крылья огненного феникса на белоснежном поле. Он был начальником октавской стражи и славился своим благочестием и привлекательностью повсеместно, однако отличался стойкими моральями и справедливым умом. Лучшего человека для поддержания порядка в Октаве, казалось бы, и не найти, но в одиночку сэр Эрион ничего сделать не мог — стража столицы известна своей недисциплинированностью. Наверно, эти рыцари и помогали ему, как могли. Сейчас что-то такое Джайра припоминала: будто над западными воротами Октавы некогда реяло знамя с медведем, но остальных она точно видела впервые.

Даже наблюдая за ними со стороны, многое можно было сказать об этих рыцарях. Самый молодой из них был Кот — на вид не больше шестнадцати, но настолько юркий и звонкий, что без труда в нем угадывался недавний оруженосец, вот только чей? Оруженосцев судят только по их бывшим хозяевам — они их наставники и нередко кумиры всей жизни. Молодой Сокол ничем не отличался от своих собратьев охотничьих рыцарей с западной части Сердечной области и Пограничья — у них нередко на знаменах была охотничья атрибутика. Тихий, скромный, прислушивающийся к старшим, он показался Джайре темной лошадкой. Эврикида ей много раз повторяла: под маской скромности, даже очень искусной, может скрываться хитроумный зверь. Старый рыцарь с прозвищем Медведь не представлял собой ничего выдающегося, разве что склонностью указывать младшим братьям. Но какой старец этим не страдает?

Эрион Линделл, этот сверкающий улыбкой на каждую шутку статный молодой человек чуть постарше ее самой, был все же не так весел и беззаботен, как хотел всем казаться. Улыбка была только на губах, глаза кричали об отчаянии, и он сам то и дело отводил взгляд в сторону и смотрел в одну точку, пока кто-нибудь из друзей не окликал его. В общем, картина складывалась такая: эти трое земных зверушек развлекали небесную, но вечно горюющую птицу как могли. Что же такое случилось с Фениксом?

— Это ведь Эрион Феникс, да? — осторожно спросила она у Бенрада, стараясь не обратить на себя внимание глубоко задумавшегося Фленьелла.

— Он, в Ардонии больше никто не носит в своем гербе эту птицу.

— И что с ним? Переживает чью-то утрату?

— Почти, — качнул головой Бен. — Он слишком сильно переживает из-за того, что стражники плохо служат ему. Это дело лучше бы выполняли наемники, чем бойцы Октавы. Ну, в это число не входят только гвардейцы Гарольда и Королевские Мечи. Сам понимаешь.

— Откровенно говоря, нет, не понимаю. Он же рыцарь, старше их по званию, так почему же у него проблемы с простыми солдатами?

— Можешь сам у него это спросить. Сейчас я вас познакомлю.

— Бен, нет...

Наверно, зря она задала Бенраду этот вопрос. Направив свою высокую лошадь к этой четверке, он приветствовал их по-рыцарски — стукнул стальной перчаткой по сердцу. Все четверо ответили ему тем же.

— Как настроение?

— Нашел о чем спрашивать, Де Мио, — проворчал Медведь. — Погода кидается из

одной крайности в другую — то дождь, то зной, караван проигрывает в скорости улитке, ехать немного, но не видно ни зги, а ты спрашиваешь про настроение!

— Видимо, оно отличное, раз ты так разговорчив, Фараут.

— Сэр Урейн! Или я, по-твоему, молокосос, чтобы фамильярничать со мной?

— Да ладно тебе, Медведь, — пихнул локтем старого рыцаря тот, кого называют Котом. — Сэр Бенрад занимает пост выше тебя, это мы должны так обращаться к нему.

— И тебе приятных вестей, Бен, — вздохнул Эрион. — Чем можем помочь?

— Пока мы не приедем в Октаву — ничем. Я просто хотел вас познакомить с Героем Ардонии.

— Наемник? — недоверчиво, но, как показалось Джайре, наиграно глянул на наемницу Медведь. — Все наёмники продажны, чем этот будет лучше, если нацепит рыцарские доспехи?

— А разве рыцарство заключается только в доспехах? — парировала Джайра. Бенрад благодарно ей улыбнулся, Эрион удивленно вытаращился на нее. — По-моему, быть рыцарем — это значит дать священный обет чести, стать символом героя для народа и выполнять все обязанности защитника короля и государства. Жаль, что о своих обязанностях почти никто не помнит. Но и я не претендую на пост защитника чести.

Медведь хмыкнул, будто хищник, сверкая глазами на Джайру. Феникс сменил удивление на интерес.

— Верно. Все предпочитают больше пользоваться своими правами, чем беспокоиться об ответственности.

— Друзья, это тот самый Кровопийца с Болотистой пустоши.

Торжественный тон, которым представил героя Бенрад, передался молчанию рыцарей.

— Тот самый? — наконец подал голос «темная лошадка». — Чем вы докажете?

— Ничем, — пожала плечами Джайра. — Моя дружелюбность строится на доверии, которое не нужно доказывать. Что ж, если вы считаете иначе, в чем я вас не упрекаю — у всех свои принципы, — то мне лучше остаться в стороне.

— Как раз-таки вам можно доверять, если вы надеетесь только на дружелюбие.

Уже собравшаяся обратно переехать на правую сторону от шатра, Джайра снова развернула Ворона. Лицо Эриона Линделла осветилось улыбкой — может, не стоит лишать его хоть мимолетной беззаботности?

— Если того пожелают господа рыцари, я могу составить им компанию.

— И составишь, — наказал ей Бенрад, высматривая что-то впереди. — Мне пора заняться своими обязанностями, а вам — познакомиться с новой легендой поближе.

Провожая его взглядом, Джайре показалось, что что-то переменялось в Бенраде за все время их беседы.

— Мы видели вас в том лесу, — обратил ее внимание на себя Кот. — Ловко вы расправились с теми разбойниками. Меня зовут Касс Неара...

— Неара? Кажется, это один их графов Сиерикона?

Похоже, пареньку это польстило, и он весь выпрямился и выпятил грудь.

— Да, я младший сын графа Неара.

— Он был моим оруженосцем, — Эрион, будучи на голову выше Касса, взъерошил ему волосы, — но хорошо показал себя во время патрулирования бедняцкого района, и я посвятил его в рыцари.

Джайра взглянула на мальчугана. С каждой секундой он казался ей все младше и

младше своих лет. Раньше в рыцарей посвящали за заслуги в очень сложных битвах, на турнирах при необходимости, за участие и победу в сражениях, где нужно было проявить такую стойкость, что даже гранитные стены могли дрогнуть, а теперь... «Он еще сопляк, до рыцаря ему как сверчку до скрипки». Именно такие и погибают первыми, если за ними не следят наставники. Ясно, почему Эрион никуда его от себя не отпускает, пока что.

— Вы ведь начальник городской стражи, тогда каким образом вы оказались в сопровождении купца?

Неоднозначные чувства переживал Эрион — облегчение, радость, тревога, огорчение.

— Признаться, этот вопрос беспокоит меня с самого начала пути, — неловко улыбнулся он. — Как вы, возможно, уже заметили, Сальмоней окружил себя достойными людьми, из числа тех, кто не входит в близкое окружение Амниса. Мы незаметны, но верно несем свою службу, на нас можно положиться. И все же его величество нам не совсем доверяет, поэтому и отсылает вот на такие незначительные задания, чтобы мы не попадались под ногами. Я даже рад этому — можно развеяться от ежедневных проблем и немного отдохнуть в компании друзей, попутешествовать наконец, но без нас обстановка в городе ухудшается. Вы сами сказали — я начальник стражи, так почему же Амнис отсылает меня прочь из города и отдает бразды правления начальнику Королевских Мечей? Это не может не огорчать.

— Тогда почему бы вам не подать в отставку?

— В отставку? О нет, только не это! — кажется, этим предложением она пробудила в нем боевой дух. — Я много раз об этом думал, взвешивал все «за» и «против», и все же это было бы глупым поступком с моей стороны. Если король назначил меня на эту должность, то мне бросили вызов — справлюсь ли я, и при малейшей оплошности меня растопчут и я закончу как Урейн.

— Да уж, будь прокляты эти воры! — проворчал старый рыцарь. — Я по недосмотру пропустил их в западные ворота, и в тот же день были ограблены несколько знатных дворов. Из-за этого я теперь хожу в знаменосцах Эриона! И то только благодаря ему!

— Да, нам не дают второго шанса, — вздохнул Сокол. — Я Керни Морр, служил на Пограничье у Эльфийских Лесов. Командующий послал меня в Октаву с просьбой предоставить нам больше людей и провизии, потому что все крестьяне из соседних деревень ушли, да и солдаты от безделья начали дезертировать один за другим. Если бы вмешался его величество, все пошло бы на поправку, но он оставил меня здесь, в гарнизоне Октавы, и назначил одним из охотничьих рыцарей, отобрав у меня мой любимый лук со стрелами. Теперь без разрешения короля мне даже весть в свою заставу не послать.

«О Небо, да это же изгой!» Теперь ясно было, почему так озабочен Феникс, почему эти зверьки цепляются за него как за спасительное бревно в половодье, почему Медведь так недоверчив, почему Кот так беззаботен, и почему этот Сокол показался темной лошадкой — он не приучен говорить без разрешения старшего по званию. Все они держались ближе к Эриону, потому что он ближе всех был к власти, откуда они могли вынести для себя хоть что-то хорошее. И если он потеряет эту должность, они все опустятся по вассальной лестнице до наемников.

— А как же Бенрад? И сэра Гарольд? — продолжила размышления вслух Джайра. — Они вам не помогают?

— У них свои проблемы, — покачал головой Феникс. — Знали бы вы, как Бена унижают при дворе, несмотря на его дальнейшее родство с родом короля Викариус Лючис. Удивительно, что он все еще остается таким надежным и хорошим человеком. А Гарольд...

его тоже по-своему унизили. Понимаете, Шпиль Королей — это не родовой замок и не сторожевая крепость, чтобы можно было управлять ею и серьезно укреплять. Гвардейцы расставляются там как попало — они не обеспечивают дворец безопасностью, все это только видимость и искусное театральное представление. А мы, рыцари, устроены так, что нам нельзя сидеть без дела, иначе мы увлекаемся чем-то другим, совсем не стоящим чести. Вот Гарольд и носится сам с такими мелкими поручениями, как это сопровождение. Хотя оно не столь мелкое, как кажется, конечно, но все равно это не охрана границ и не битвы.

— Смотрите! Шпиль Королей! — вскинул руку к горизонту Кот.

Прорезая облачную волну, ввысь тянулся длинный и острый наконечник золотого шпиля королевского дворца. Из прорези на город падал сверкающим благословением солнечный свет, сверкающими нитями искрясь в воздухе и разгоняя туман перед гранитными стенами города. Люди заметно приободрились, увидев, хоть еще и в паре часов езды, дом. Караван сам по себе начал двигаться быстрее. К Рыцарскому тракту со всех сторон начали присоединяться другие дороги. Выезжающие с них повозки останавливались, люди смиренно склоняли головы перед шатром знатного купца и высокородными рыцарями, пропуская караван вперед. Раскинув занавеси в стороны, из шатра показался Сальмоней Нар Атив, жевавший украшенный камнями и литыми фигурками животных мундштук длиной с локоть. Так же по-хитрому улыбаясь, как в ту ночь в палатке, он приветственно кивнул Джайре и произнес:

— Бенрад еще не объявлял о нашем решении?

Рыцари отозвались нестройным «нет», опасливо поглядывая на Кровопийцу.

«Это заговор?..»

— Что ж, до приезда в Октаву вы, господин наемник, должны знать кое-что очень важное.

Джайра недовольно смотрела на купца. Тогда в палатке, как ей показалось, она ясно дала понять, что использовать ее в качестве прислуги небезопасно.

— Надеюсь, вы помните, что я не гонюсь за славой.

— Ничем не могу вам в этом помочь, — улыбнулся хецин, — но решение не только мое.

Краем глаза Джайра заметила объезжающего ее с другой стороны Бенрада.

— Мы выставим вашу кандидатуру на Испытание на рыцарство. Сэр Кровопийца войдет в состав представителей и участников от Ардонии в рыцарском турнире в Тааре через четыре месяца.

Джайра ужаснулась.

— А моего согласия вы спросили? — воскликнула наемница, стряхнув с себя оцепенение.

— Это великая честь для вас, как и для нас, — к Бенраду присоединился Гарольд. — Услышав только имя «Кровопийца», народ воспрянет духом. Все ждут своего героя.

Джайра попыталась бежать, но куда ни глянь ее обступили рыцари. Позади был шатер купца, впереди — плотный строй наемников. В панике она воззрилась на Бена и поставила руку на рукоять меча.

— Пропусти меня, Бен. Я не хочу становиться твоим врагом.

— Ты мне не враг, — сострадающая улыбка Бенрада раздражала ее. — Я хочу тебе помочь. Мы все хотим. Под нашим покровительством тебе ничего не грозит при королевском дворе. К тому же, что плохого в рыцарстве? Ты ведь сам о нем сказал: это значит дать обет чести и стать героем для Ардонии. Ты заслуживаешь этого.

Из-за Кровопийцы остановился весь караван. К шатру ближе подошел Гияс, тайным жестом спрашивая у Джайры «нужна помощь?». Наемница же сверлила взглядом Бена, непреклонного и настойчивого. «Правы были веллийцы...»

— Бен, прошу еще раз: отойди.

Он отрицательно покачал головой.

— Ты не нападешь на меня, ты не предаешь друзей. Не заставляй нас сковывать тебя и вести в город насильно, мы ведь желаем тебе только добра.

— Выходит, я ваш пленник?

— Нет, но мы тебя не отпустим, пока ты не станешь рыцарем. Это наш долг перед страной, и твой тоже.

Наемница огляделась. Все, кроме Бенрада, были готовы обнажить мечи. Сражаться с такими сильно вооруженными и защищенными воинами в одиночку было безрассудно, убийство Бенрада убило бы в ней человека, но и сдаться она не могла. Опустив руку, Джайра повернула Ворона к городу, и караван снова тронулся, но рыцари оставались бдительны.

— Похоже, у меня нет выбора, — вздохнул Кровопийца. — Но чужестранцы сразу учуют во мне простого наемника, а не рыцаря знатного происхождения.

— Этим могу заняться я, — ответил купец. Его лицо принимало выражение торжества победителя. — Я могу на время стать вашим благодетелем: предоставлю вам хорошие доспехи и одежды. Только свою маску вам придется снять...

— Ну, уж нет! — сразу запротестовала она. — Я не хочу даже под страхом смерти открывать свое лицо!..

— Хорошо-хорошо, оставим все как есть.

— Наверяд ли у вас все-таки что-то выйдет, — нашла новый повод для отмены своего участия в турнире Джайра. — У меня же нет имени.

— Придумать его будет не сложно. Даже ваше прозвище уже о многом скажет людям.

Она представила будущую картину: она в тяжелых доспехах под чужим именем бьется с опытными могучими рыцарями на арене. Самый забавный тот факт, что она, переодетая и так, будет еще раз переодетая! Она еле сдерживалась, чтоб не засмеяться в истерике. Бенрад облегченно вздохнул, но чувствовал себя виноватым. Он предал доверие нового друга, заставил его перейти наперекор себе самому. Джайра же гневалась на себя — впервые она кому-то уступала и не сопротивлялась. У Вездесущего в таком случае для новоиспеченного рыцаря найдется соответствующее дело в столице Аль-Пассала, а остальные аль-мусиальды будут смеяться над ней.

— Еще никогда рыцарство не было удостоено такого героя, — попытался взбодрить ее Бенрад.

«Еще никогда рыцарство не было так унижительно», — подумала Джайра.

Ворота Октавы были раскрыты настежь. Всеми путниками вдруг овладело радостное воодушевление. Всеми, кроме Джайры. С понуро опущенной головой она терялась среди доспехов рыцарей, делавших их великанами по сравнению с ней, и поэтому никто не замечал одинокого наемника. Ее внимание только на пару секунд привлек цыганский табор, раскинувшийся почти у самых стен.

Путь ко дворцу Амниса пролегал через Площадь Правосудия. Сейчас там собралось много народу — Стражи поймали какого-то преступника за руку. Среди толпы застыла в неподвижности тишина, а над площадью обрывками разлетались слова глашатая, звучащие как грозные лозунги диктатора. Слова все равно не возможно было разобрать, поэтому

Джайра попыталась рассмотреть наказуемого. Лицо скрывали длинные до плеч темные волосы, за спиной повис плащ с огромной дырой внизу. Палач рядом с обвиняемым держал в руках знакомый сюррикен. Забыв, что она едет в составе каравана, Джайра проломилась сквозь толпу на Вороне к самому помосту, привлекая внимание Стражей и глашатая к своему появлению.

— В чем обвиняют этого несчастного? — спросила она, перебив объявление приговора.

— Не твое дело, наемник, иди своей дорогой, — ответил палач.

— Эй, повежливее с будущим рыцарем! — воскликнул Бен, догнавший своего пленника.

— Я хочу знать, в чем его обвиняют, — обратилась она к Стражам, сама же не отрывала взгляда от приговоренного к смерти в Казематах Обиталища.

— Его обвиняют в нечеловеческой сущности, — ответил грубый голос из глубокого капюшона Стража. — Другими словами, он — некромант...

— Что вы хотели сказать, господин рыцарь? — спросил второй Страж.

— Этот некромант обязан мне жизнью, следовательно, он мой раб. Отдайте его под мой суд...

— Это не допустимо! Где доказательства?

— Доказательством вам может послужить тот факт, что это я купил ему лошадь и отпустил, чтобы он приготовил для меня в этом городе жилье. Вам этого достаточно?

— Кто может нас заверить в том, что вы не лжете?

— Я могу заверить, — снова встрял в разговор Бенрад, удивленно взглядывая на Джайру. — Я знаю этого человека.

Стражи замешкались.

— Что вы молчите? — воскликнула Джайра. — Вам нужен за него выкуп? Получайте! — она достала горсть монет из седельной торбы и рассыпала ее на плаху с засохшей кровью и землю у помоста. Народ с возбужденными криками сразу кинулся подбирать монеты. — Этого достаточно, чтобы спасти его никчемную жизнь!

Палач наскоро разрезал веревки на запястьях у преступника по жизни и кинулся к своей плахе. Стражи сверкали глазами на Джайру из-под капюшонов, но высказаться против в присутствии рыцаря не смели.

— Не думал тебя встретить здесь и вообще еще раз когда-либо в жизни, — радостно обратился к ней Фарен, подойдя вплотную. — Что ты здесь делаешь?

— Это ты что здесь делаешь? — прошипела на него наемница. — Цепляйся за стремя и не говори ни слова...

— А ты так великодушен! — ошеломленно воззрился на нее Бен, когда они продолжили дорогу к королю. — Я бы на твоём месте даже не спасал бы жизнь этому некроманту. Зачем он тебе нужен? По-моему, ты никогда не имел рабов...

— В этом есть своя выгода, Бен, — как ни в чем не бывало ответила она. — Некроманты не умирают от обычных ран, это может послужить на руку, если он будет защищать тебя в бою...

— О, вот для чего я тебе потребовался на этот раз, — прошептал Фарен, за что получил ногой в ребра. К счастью, Бен этого не заметил — он ехал по другую сторону от Джайры.

— Да, это выгодно, — задумчиво кивнул рыцарь. — Вот бы уж никогда не додумался до этого!.. Послушай, ты можешь подождать меня в комнате для испытуемых, пока я вместе с Гарольдом поговорю о тебе с королем...

— Не думаю, что король мной заинтересуется. В это время я лучше найду себе

постояльщи двор, где я смогу оставить свои вещи. До Испытания еще полчаса — я успею...

— Нет, ты меня не обманешь, — лукаво улыбнулся Бен. — Я сам прослежу за тем, чтобы ты оставался в рыцарской комнате до начала испытаний. Коня можешь взять с собой, там есть помещение для прислуги — твой раб может последить за конем.

Гневно вобрав в себя воздух, Джайра в сердцах обругала свою неосторожность.

Проводив ее до самых рыцарских комнат для испытуемых, Бенрад приказал смотрителю не выпускать наемника из помещения, сам же отдал своего коня конюшенному и поспешил во дворец.

— Не объяснишь мне, что происходит? — с усмешкой спросил ее Фарен, ведя Ворона под уздцы в денник. Джайра шла рядом, обругивая все на свете.

— Доверчивый болван! Привязался же ко мне в Китране!.. И зачем я с ним заговорила тогда... Зачем я нанялась в охрану этого пресловутого купца!..

— Эй, эй, ты уже в Октаве, — рассмеялся Фарен. — Так что же от тебя нужно этому рыцарскому благородию?

— Да... чтоб он подавился своим смехом когда-нибудь! — махнула она рукой в сторону представляемого Бена во дворце. — Они хотят сделать из меня рыцаря и послать на турнир в Таар!..

Некромант весело рассмеялся.

— Какой из тебя рыцарь!.. Только не говори, что они не знают, что ты женщина.

Джайра в знак согласия развела руками. Фарен захохотал громче.

— Да, ну ты и вляпалась!..

— Не думай, что я спасла тебя во второй раз только для того, чтобы еще раз отпустить. Ты мне должен помочь.

— Каким образом, интересно? Сражаться за тебя?

— Нет, идиот! Я и сама по-рыцарски тупо махать мечом умею! На время ты будешь моим оруженосцем.

— Я?! Вот это новость! Знаешь, у меня свои дела есть. Спасибо, конечно, что ты меня избавила от мучений на раскаленной решетке, но я лучше пойду...

— Никуда ты не пойдешь! — в гнев вскрикнула она, толкнув его рукой на стену и загородив выход из денника. — У тебя нет никакой признательности! Хоть бы раз сполна оплатил свой долг!

Ошеломленный такой выходкой с ее стороны, явно вызванной глубокой досадой, Фарен успокаивающе поднял руки.

— Ладно-ладно. Только не кричи. Что мне нужно сделать, чтобы тебе стало спокойнее?

Не обратив внимания на последнюю фразу, она уже поостыв сказала:

— Просто не оставляй здесь Ворона. Мне придется проходить это демонское Испытание на рыцарство, так что надеяться я буду только на себя. Но не уходи далеко, иначе я уже не смогу тебя выкупить. Это были мои последние деньги.

— Зачем ты нужна рыцарям? Что ты такого сделала, что они тебя вели чуть ли не эскортом?

Джайра, поморщившись, потерла лоб.

— Назвалась Кровопийцей, чтобы спасти друга.

Фарен удивленно поднял брови.

— И это правда?

— Правда. Только никакой я не герой.

Ничего не сказав, Фарен сочувственно посмотрел на нее и повел Ворона к выходу из конюшен.

Снаружи раздавались восторженные возгласы людей, желающих наперебой здоровья и долгих лет жизни королю. Испытание начиналось. Загремели барабаны и пропели фанфары. Участников в Испытании было немного. Все были из дворянского рода, но не рыцари, им только предстояло доказать свое право на это звание. Все волновались, некоторые пытались размяться, выполняя несложные физические упражнения. Джайра подавленно наблюдала за самым крепким из них мускулистым мужчиной, отжимавшимся, опираясь руками только на два стула. Вверх-вниз, вверх-вниз, так же скользили и ее глаза. Уж она-то не ощущала в себе никакого беспокойства, не зная даже притом, в чем заключается это Испытание! В комнаты влетел запыхавшийся Бен.

— Ты здесь! Я знал, что ты не сбежишь! Я решил представить тебя на Испытании как Кровопийцу. Заявка уже подана. Сам Амнис хочет увидеть, как ты его пройдешь! Он почему-то не верит нам с Гарольдом...

Прозвенел гонг, и все участники вышли из-за ширм помещения. Джайра последовала за всеми, ослепленная ярким солнечным светом и оглушенная взрывами приветствий горожан. Поочередно представляя участников, глашатай приглашал их пройти к помосту. Привыкнув к свету, Джайра отстранила руку от глаз. Бен, выглядывающий из-за ширмы за ее спиной, шептал ей:

— Тебе повезло. Посмотри, как все будут его проходить. Вон тот, — он кивнул на того мускулистого крепыша, что отжимался в комнате, — уже одиннадцатый раз пытается его пройти, но у него ничего не получается. Знай: самое опасное, это вон те секиры...

Только сейчас она увидела, что представляет из себя Испытание. Это было огромное сооружение из различных ловушек, летающих туда-сюда топоров, болтающихся секир и всего прочего.

— И это ваше Испытание? — недоверчиво спросила она.

— Да, это оно, — недоуменно ответил Бен.

— Я думал, будет что-то посерьезней.

Сквозь смех, рыцарь произнес:

— Удачи тебе!..

Участник за участником шеренга сокращалась. Пока никто не смог пройти Испытание, даже тот силач не удержался от ударов чем-то напичканных шаров. «Глупец, хотел все пройти с помощью грубой силы». Наконец, объявили имя Джайры, но реакция народа была абсолютно противоположна предыдущим приветствиям. В нее вдруг полетели мусор и мелкие камни, ее закидали бранью и улюлюканьями. От всего этого, конечно, она увернулась, но толпа уже с недоброжелательством относилась к тому, кто украл имя всенародного легендарного героя.

«Я же говорю: я не герой».

С лож понеслись успокоительные возгласы знатных особ, призывающих к терпению и снисходительности. С главного балкона за Испытанием наблюдал Амнис, сияющий в позолоченных доспехах. Взглянув на королевскую ложу, она перевела взгляд на толпу зрителей. Увидев вдали Фарена с Вороном, остановившегося при ее объявлении, она встретилась с ним взглядом. Фарен улыбнулся ей, подбадривающее кивнув. Публика напряженно наблюдала за лжегероем. Ощувив в себе сильное поднятие духа, Джайра посмотрела вперед себя, осматривая сооружения. Посчитав ее медлительность страхом,

глашатай спросил:

— Не изволит ли Кровопийца облачиться в доспехи?

Джайра отрицательно помотала головой. По публике пронесся недоумевающий ропот. Осмотрев «испытательный аппарат», она пришла к выводу, что старт нужно брать не с помоста, куда приглашают всех участников и где стояла она, а с более высокого уровня, так как после горящего кольца, идущего первым, шли острые ножи, торчащие из пола, над которыми болталась цирковая трапеция. А там дальше все было проще простого: через секиры можно было пройти парой шагов, а вылетающие из отверстий топоры совсем были не страшны; надутые мешки сами по себе неуклюжи, а чтобы не упасть затем в воду, нужно было просто удержать равновесие на тонкой перегородочке, в чем ей поможет ловкость. Чтобы разогнаться для высокого прыжка, она начала пятиться назад. Некоторые из толпы стали выкрикивать ей оскорбления в трусости, не достойной рыцаря, но, увидев, что она остановилась, собираясь разбежаться, все замолчали. Еще раз взглянув на Фарена, с решительной улыбкой наблюдающего за ней, Джайра, даже не сбросив оружие, понеслась к пылающему кольцу. Под всеобщие ахи она, зацепившись руками за трапецию, с пластикой, которой позавидовали бы акробаты, пролетела на турниках над ножами, приземлилась бесшумно перед секирами, спокойно и без напряжения, рассчитав их такт, прошла между ними, кувыркнулась под летящими топорами, увернулась от ударов мешков и ступила на тоненькую жердочку над водой. Здесь она немного приостановилась, найдя точку равновесия, и спокойно, даже не вытянув руки в стороны, с легкостью эльфа прошла до конца. Толпа возликовала. Даже зная аплодировала с лож. Джайра взглянула на королевскую ложу. Оттуда ей кинула белую розу девушка в алых одеждах — принцесса Мариин, сестра Амниса. Поймав цветок на лету, наемница грациозно поклонилась и перевела взгляд на публику. Фарен тоже аплодировал, взглядом как бы говоря: «Впечатляет!» Интересно, увидел ли отсюда он ее глаза, в которых отразилась улыбка? Король в сопровождении Бенрада и Гарольда спустился к победителю испытаний. И тот, и другой сияли от счастья, как влюбленные. Король же пораженно осматривал наемницу с ног до головы, и было что-то в его взгляде неприязненное.

— Я потрясен вашим искусством владения собой, господин рыцарь, — произнес он, дождавшись тишины. — Не откроете ли вы нам теперь своего настоящего имени?

— Прошу прощения, ваше величество, — нисколько не смутившись в присутствии короля, ответила Джайра, — но, во-первых, я еще не рыцарь. Во-вторых, мне не позволяет открывать ни свое имя, ни свое лицо данный мной обет. Чтобы не нарушать рыцарский устав, в котором говорится, что «обет рыцаря не должен быть раскрыт ни под каким предлогом», я прошу ваше величество не мучить меня дальнейшими расспросами.

На цитату из устава все трое удивленно расширили глаза. Бен даже радостно раскрыл рот от изумления.

— Что ж, эти честность и благородность достойны рыцаря. Встаньте на колени, Кровопийца, — грустно вздохнув, она выполнила приказ короля, вытащившего меч из ножен. — Впредь все вас будут называть господином рыцарем, сэром Кровопийцей, как бы это странно ни звучало, — добавил он в конце, коснувшись три раза концом меча ее плеч. От этого легкого, почти не ощутимого прикосновения ей показалось, что на ее плечи упала целая гора. Новоиспеченный рыцарь встал с деревянного пола, чувствуя себя теперь таким же напыщенным франтом, каким выглядел сам король, и так же, как и принцессе в благодарность за цветок, поклонился. Сквозь вопли толпы, уже не сомневающейся в

подлинности их героя, Джайра услышала слова Амниса:

— Я буду рад вас видеть сегодня вечером на балу. Отказы не принимаются, я уже наслышан об этом от моих рыцарей, — он повел головой в сторону Бенрада и Гарольда. — Не скрою от вас то, что бал будет в честь участников будущего турнира в Тааре, так что присутствие в любом случае обязательно.

Джайра внимательно смотрела в глаза королю, стараясь понять, что за человек стоит перед ней — ведь когда еще придется вот так близко стоять перед самим правителем Ардонии? Глаза, правый — голубой, левый — зеленый, были разными не только по цвету. Был в них какой-то свой холод: зимняя стужа и могильный дух. И невольно хотелось отвести взгляд в сторону, чтобы перестать бояться. У Амниса очень резко выделялись на лице скулы, что еще больше придавало ему холодности. Каждое его властное движение сопровождалось чем-то вроде волны отягощения, от которой никто не спасался и должен был бы падать ниц при малейшем приказе. Джайре показалось это тревожным предзнаменованием.

Кивнув, он удалился во дворец. Гарольд и Бен, на перебой поздравляя, дружественно со всей силы хлопали ее по спине, но она снова устремила взгляд в конец площади — Фарена уже не было...

Наверно пользуясь тем, что она о чем-то задумалась, рыцари провели ее в низкое здание, где она снова встретилась с Сальмонеем.

— Видимо, ваш план не удался, господин рыцарь, — с улыбкой в глазах сказал купец, подчеркнув последние слова интонацией, — и вы снова стоите передо мной, ожидая разговора о вас.

— Наверно, это моя судьба, — вздохнула Джайра.

— Прошу вас, — он показал на дверь позади него, — там все нужное для знатного господина, кем вы теперь являетесь.

Недоуменно взглянув на купца, бывшая наемница зашла в указанную комнату. Это, очевидно, была гардеробная. На столе прямо перед дверью лежали без единой складочки шикарные одежды: бархатный сапфирового цвета камзол с серебряными геральдическими лилиями и изумрудный сюрко с золотым всадником, черные из матового толстого атласа брюки, к ним сапоги из начищенной черной кожи, и рубашка из тончайшего серого шелка. К ней был рукой мастера пришит большой капюшон и, специально для нее, хорошая повязка на лицо. Хмыкнув, Джайра заперла дверь и вставила в скважину алмазную запонку, одну из тройки к ее костюму, и начала свое новое переодевание. В процессе она порадовалась тому, что камзол был на размер больше, поэтому неплотно прилегал к телу в отличие от рубашки и скрывал ее фигуру. Покрепче закрепив своей старой заколкой длинные волосы, она надела капюшон и посмотрела на свое отражение в зеркале. Одно слово — знать. Хорошо спрятав лицо под повязку, она застегнула ремни ножен своего меча на поясе и надела наруч. Запонку на воротнике она застегивать не стала — все-таки она бывший наемник, нужно быть поразвязнее. Оправив свой новый наряд, она накинула белой стороной наружу на одно плечо свой плащ и, забрав свои старые вещи, вышла из гардеробной. Гарольда и Сальмонюю уже не было, самый терпеливый из них троих был Бен, который повернулся на звук открывающейся двери, проворчав:

— У тебя нерасторопность придворной девицы...

Увидев Джайру в новом свете, он удивленно открыл рот:

— Да ты еще совсем юнец по стану!

— А ты думал, мне за шестьдесят? — не растерялась Джайра.

— Нет, просто... удивительно, что ты совершил такие подвиги, будучи еще таким молодым.

Джайра пожала плечами:

— Ну, значит, это не такие уж и подвиги, раз ты считаешь их невозможными для меня...

— Нет, что ты! Я не хотел тебя оскорбить, ты только не подумай. Просто я восхищен тобой! — радостно закончил он.

— Спасибо и на том.

— Бал начнется в десять часов. Что ты будешь делать до этого времени?

— Устрою, наконец, свое жилье и, как следует, выплюсь. Чувствую, эта ночь будет долгой.

Поклонившись друг другу, как теперь того требуют манеры, оба разошлись в разные стороны. С ее стороны, естественно, было неуместно знатному господину нести в руках потрепанные вещи странника, но ничего не поделаешь.

Как только она поравнялась с Фареном, поглаживающим Ворона по носу, он пошел рядом с ней.

— Где ты этому научилась?

Джайра взглянула на него, не понимая, искренен ли его вопрос. Широкая улыбка еще больше смутила ее.

— Ну-у-у... Чему только не научишься, странствуя по свету.

— Очень скромный ответ для тебя, — засмеялся молодой человек, — оттого ему и можно верить.

Если бы ее лицо не скрывала маска, он бы увидел на нем крайнее удивление и досаду. «Ах, так! Он меня поймал! Ну уж нет, от меня ты скромности не дождешься».

— Ну, а ты? — резкая смена тона ничуть не изменила настроения некроманта. — Как ты познакомился с эльфом?

— Ты имеешь в виду Херона?

— Будто ты еще эльфов знаешь.

Фарен коротко засмеялся, но тут же сник, о чем-то задумавшись. Задорный огонек в глазах потух, и взгляд стал блуждать под ногами.

Джайра вздохнула, пожалев о заданном вопросе.

«Ну, вот... Еще один омут отчаяния».

Из-за своих мыслей Фарен даже не смотрел перед собой, а ведь они шли по Бакалейному переулку, переполненному народом от рассвета до заката. Сама же Джайра больше следила за тем, чтобы никто не покусился на седельные торбы и не обращал внимания на них. Тем не менее, она первой заметила встречного паренька, тоже ищущего ответы на свои вопросы у уличных булыжников, но не успела предупредить некроманта. От столкновения оба шарахнулись друг от друга, обменявшись короткими жестами вежливости, но паренек тут же вытаращил глаза, опомнившись.

— Фарен?

Первой снова обернулась Джайра.

«Этого еще не хватало!»

Некромант, подняв голову на свое имя, повернулся к незнакомцу.

— Мартин?

Оба расплылись в улыбке и обнялись, крепко хлопая друг друга по спинам.

«Ну что за неосторожность...»

В любую минуту в переулке мог появиться кто-нибудь из храмовников, хуже всего — Стражи.

— О Создатель! — восторг юноши, одетого не по годам строго, но богато, казался вполне правдивым. — Где же вы пропадали все это время, виконт?

Глаза Джайры резко расширились.

«Виконт?!»

— Это очень долгая песня. Расскажи-ка лучше ты, Мартин, как там дома?

«Дома?!»

— Вы не представляете, насколько все изменилось, — со вздохом покачал головой Мартин. — Зато вы... так же молоды, как и семь лет назад.

— Право, Мартин, отбрось ты эти правила этикета — ведь мы с тобой друзья с самого детства. Ты уже сравнялся возрастом со мной! Ну, так что же, как там отец?

— Граф? Сэр Лаернир...

Мартин снова вздохнул. Джайра искоса разглядывала Фарена.

«Сэр Лаернир? Лаернир Тантелли?..»

— Что случилось?

— Случилось? Случилось то, что пропал его единственный сын, — уже было встревожившийся, Фарен виновато опустил глаза. Юноша продолжал упрекать: — Все люди графа сбились с ног, разыскивая его. Семь лет никаких известий. Над фортом носится воронье и стервятники, кости всех защитников уже нашли свой последний приют в родной земле — всех, кроме командующего...

— Мартин, я не мог. Пойми меня: не мог же я явиться в столицу к Амнису или вернуться домой ни с чем. Быть в ссылке — это не царапать гранит рудников. На самом деле, это не подвергать гнету своих родных и близких только из-за того, что ты хочешь их увидеть. Ты ведь знаешь, сколько у Амниса соглядатаев и слухачей в тайнуме. Я бы подвел всех вас, и история с Сардолльским восстанием бы повторилась.

Мартин, с участием слушавший, неожиданно схватил понурившегося некроманта за плечи.

— Но ведь сейчас все не так! Сэр Лаернир сам занял место Гласа и убедил его величество простить тебя. Твой отец надеялся, что ты займешь его место в Руэлле во главе Совета Южных Провинций, мы же здесь пока удерживаем аппетиты королевского двора. От имени ведь осталась едва ли восьмая часть. Все восточные поля пожгли дроу, Эхен тоже потерял половину запасов. Ты нужен нам! Нужен Южным Провинциям!

— Южные Провинции и впредь обходились без меня, — Фарен мягко высвободился из тисков Мартина. — Тем более сейчас — я могу только все ухудшить. Но я не понимаю, почему ты здесь? Кто в советниках при отце? И где Годрик?

— Я один из советников. Второй пост занимает Кариан Монтье. Годрик оставался кастеляном, но... Все, кто защищал Руэllu, погибли либо от меча и колдовства, либо от огня и разрухи. Из всех известных тебе людей, боюсь, никого не осталось.

На лице Фарена скорбь сменилась гневной решимостью.

— А как же квота короля? Куда смотрит Амнис?

— Он отказал в квоте.

— Отказал?! И до сих пор к его столу подаются наши лучшие урожаи? Что говорит отец?

— Он пытается перехватить инициативу Совета, но короля сейчас больше беспокоит

независимость Сиерикона и странные слухи об Эдинии. Еще этот турнир... Он убежден, что благодаря нашим новым торговым путям Южные Провинции могут обеспечить дорогу в оба конца.

— Он спятил! Если наши урожаи не обеспечат поля яровыми посевами, Ардонию уже можно отпевать!

Джайра забеспокоилась — возгласы Фарена начали привлекать внимание бакалейщиков и их покупателей. И еще что-то ей не нравилось в этом Мартине...

— Я как раз иду с переговоров с казначеем и Триумвиратом. Его светлость согласился найти альтернативу нашим затратам на путешествие в Аль-Пассал, а Триумвират обещал нам поддержку Сакротума.

— Этого мало. Да и какую поддержку может оказать нам Сакротум, когда его самого королевский двор обкрадывает до нитки!..

Тревожное предчувствие переходило в панику. Если этот притворщик заходил безнаказанно в Храм, то просто так его оттуда точно не выпустили.

Дав команду Ворону на ухо оставаться на месте, Джайра отошла от разговаривающих на небольшое расстояние — так, чтобы было видно оба выхода из переулка. Тут же у соседней бакалейной стал заметен слухач — не королевский, эти не крадут всякое барахло с прилавков. Как опытного вора, наемницу больше всего в толпе привлекал именно этот Мартин. От него словно исходила какая-то сила, невидимая и неосязаемая, но обращающая на себя внимание. Возможно, она просто хорошо замаскирована. Хоть паренек и старался быть простаком и у него это неплохо получалось, но каждый прохожий осматривал его с ног до головы и чувствовал подсознательно его высокий статус и поэтому обходил стороной. Из-за него стал выделяться и Фарен, своими переживаниями начинающий перекрикивать торгашей. Как и всегда, предчувствие в нужное время подсказало ей следить внимательней за одним из выходов с улицы. Есть ли что-то положительное в кричащих алых и золотых цветах одеяний Стражей, но возвещать о появлении «рыцарей Сакротума» они могут и в самую темную ночь.

Снова лавируя в толпе обратно к коню, Джайра заметила, как слабо что-то засветилось в тени воротника камзола у Мартина. Заглядывая за спину молодого советника на мелькающие золото-алые отблески среди блеклых и скромных горожан, она прикоснулась к плечу Фарена. Мгновенно оба обратили на нее взгляды.

— Фарен, нам пора.

Проследив за ее взглядом, некромант, изменившись в лице, снова обратился с поспешностью к другу, в свою очередь подозрительно рассматривающему наемницу.

— Мартин, это мой... друг... э-м-м...

— Кровопийца, — кивнула Джайра и понимающе взглянула на Фарена: «Что уж тут скрывать».

— Прости, дружище, но нам нужно идти.

Советник опечалился.

— Но когда же еще мы встретимся? И граф...

— В Октаве тесно — не потеряетесь, — Джайра направила Ворона в противоположному выходу, в Трущобы, стараясь не упускать из виду приближающихся храмовников.

— Прощай, Мартин, — некромант протянул ему руку.

— До встречи, я надеюсь, — и от рукопожатия оба застыли, уставившись друг на друга.

«Проклятье!»

— Идем! — пришлось разорвать замок, насилу потянув Фарена за собой.

Может, Стражи что-то и почувствовали, но вместо некроманта они найдут кое-кого другого.

Как только они зашли за угол, оказавшись на более-менее безопасном расстоянии, Фарен остановился, глядя на свою руку как на чудо.

— Я что-то почувствовал... в нем.

Проверив, не идут ли истребители нечисти за ними, Джайра снова взглянула на некроманта.

— Еще бы ты не почувствовал чародея! Как и он тебя.

Его ошеломление удвоилось.

— Мартин — чародей? Это невозможно... Я знаю его с детства.

— А его родителей?

— Он сирота.

Теперь пришло озарение.

Джайра пожалала плечами:

— Вот и ответ. Думаю, нужно наведаться к звездочету, иначе ты не сможешь и шагу сделать без ведома Стражей.

Мартин Априетт все еще смотрел им вслед, так и держа руку навесу. Оба храмовника, всматриваясь в толпу на том конце переулка и поглядывая на советника, встали по бокам от него.

— Это был виконт?

Мартин опомнился от забывья. На его лице появилась не менее гневная решимость, чем была до этого у Фарена.

— Да. Это был Фарен Тантелли.

Стражи переглянулись за спиной юноши и больше не сводили с него глаз, светившимися из-под капюшонов как тлеющие угли.

— Насколько я знаю, — отозвался тот, что постарше, — это его сегодня хотели приговорить к смерти на Площади Правосудия.

— А этот наемник сегодня получил звание рыцаря и Героя Ардонии на Праздничной площади.

— Да, это Кровопийца, — отозвался Мартин. — Я рад, что он не один и его защищает этот Герой, — помолчав, он с угрозой добавил: — И вы не тронете его, иначе я разорву договор.

Оба служителя Сакротума дружелюбно усмехнулись.

— Об этом и речи быть не может.

— Мы понимаем ваши опасения, господин советник, тем более, что они вполне небеспочвенны.

— Превращение некроманта оставляет на их внешности и характере непоправимые изменения. Если он был заражен именно в ту ночь при защите форта, то я могу отвесить ему поклон как самому королю.

— Что вы имеете в виду? — взглянул на Стража Мартин и едва ли сдержался, чтоб не вздрогнуть. Не даром гласит ардонская присказка: взгляд Стража острее ножа.

— За все семь лет он ни разу не превратился, — ответил второй Страж. — В мире за все времена еще не бывало такого. Человек не может столько выдержать без посторонней

помощи. Разве что только у него есть бесконечный источник благодати, возможно, какая-нибудь реликвия.

— Виконт Тантелли не вор!

— Конечно, нет. Я говорю о том, что священным артефактом может обладать сэра Кровопийца. Никак иначе отбиться от такого количества нечисти невозможно.

Мартин задумался.

— Реликвия, говорите? Она бы могла помочь и нашему союзу, и землям Южных Провинций.

— «Не человек должен служить магии, а магия человеку».

В знак абсолютного согласия чародей легко поклонился.

Тем временем Джайра вела Фарена к звездочету, жившему вместе с племянником-помощником в старой часовой башне на границе Фактории и Западного Арсенала.

— Знаешь, в чем твоя проблема? Ты не умеешь прятаться в толпе, не умеешь быть толпой.

— Зачем мне это? — недоумевал Фарен, едва поспевая за Джайрой, лавирующей в толпе как вода обтекает камни.

— Зачем? — усмехнулась она. — Не удивительно, что ты так быстро попался Стражам. Ты ведь наверняка пытался скрыться от них?

— Кто бы так не поступил на моем месте...

— Но у тебя ничего не вышло, так? Потому что тебя выдает то, как ты себя ведешь.

Фарен еще больше впадал в растерянность.

— Что ты имеешь в виду?

— Все, что ты делаешь, как ты двигаешься, — все это показывает, что ты не обыватель и даже не наемник. Чародеи и те лучше маскируются, — фыркнула она.

— Дай угадаю, — раздраженно ответил некромант, — ты хочешь меня научить этой маскировке?

Джайра встала как вкопанная, обернувшись к нему, из-за чего он чуть не столкнулся с ней.

— Если ты хочешь и дальше выживать, тебе это будет необходимо. Смотри.

В два шага вспрыгнув на постамент узкой колонны, подпирающей крышу дома сбывчика пушнины, наемница скольжением сделала два круга вокруг нее и приветственно взмахнула рукой прохожим, как артист в цирке. К изумлению Фарена никто не обратил на нее внимания. Спустя пару секунд он объяснил себе это тем, что все ее действия заняли мгновение, поэтому просто никто не успел сообразить.

— Видишь? — спросила она, спрыгнув прямо перед ним. — Как ты думаешь, почему никто не посмотрел в мою сторону?

— Что сказать — в скорости тебя не переиграешь, — попытался съязвить Фарен.

— Нет, — разочаровано вздохнула она. — Ты не смотришь по сторонам, как это делают люди. Только что вон у той лавки поймали мелкого воришку, вон там проехала телега с навозом, а напротив спорили пьяные охотники. Так кому какое дело до ардонского рыцаря, решившего показать себя людям? Засмотришься они на меня, кто-то столкнулся бы с телегой, кому-то случайно влетело бы от охотников, а поглазеть с упрёком на вора никто никогда не откажется. В Гильдии воров это называется «поймать момент», среди ассасинов это называется «ритм». Ты должен прислушиваться к толпе, понимать ее действия и предвидеть их. Если ты все еще не заметил, даже Ворон строит из себя старую клячу — за горделивую

осанку его уже один раз чуть не похитил конокрад, больше он такого не потерпит.

Уловив смысл совета, Фарен произнес:

— Так что ты мне предлагаешь? Мне ссутулиться и изображать больного?

— Почему бы и нет? — хитро пожала плечами Джайра и продолжила путь. — К тебе, по крайней мере, никто не притронется. И старайся не смотреть прямо перед собой — это всегда привлекает внимание.

Вскоре потоки горожан начали редеть, пока совсем не измельчали до редких прохожих. Именно в этом безлюдном месте, где вдали чайки плакали над танцующими на ветру флажками речных ладей и скатанными парусами быстроходных перевозочных кораблей и изредка эхом разносились бранные крики матросов, покоилась как могучий дуб в молодом лесу старая часовая башня.

Уже постучав в дверь, Джайра сказала:

— Предупреждаю, Тольярд Лиремм и его племянник Уолисс под присмотром у короля, так что не болтай лишнего, если так дорожишь своим инкогнито.

— Я не глупец, — нахмурился Фарен. — Хватило бы только того, что ты сказала про короля.

— Кто знает, глупец ты или нет — кто только что болтал посреди самой оживленной улицы с советником Гласа?

— Это был важный разговор.

— Ага, я так это и поняла, как и туча соглядатаев и слухачей, развесивших уши.

— Ты могла бы предупредить.

— Как? Я, знаешь ли, тоже теперь рыцарь.

Забыв об обиде, Фарен рассмеялся.

— Тебе смешно, а мне — всеобщая известность, — насупилась Джайра.

— А еще кто-то мне говорит об инкогнито.

Подбоченившись, Джайра хотела ответить на насмешку Фарена, но заскрипела тяжелая дверь, и из-за нее высунулась веснушчатая и лопухая голова.

— Светлый день, Уолисс! — кивнула ему Джайра. — Есть минутка у чтецов небес поделиться столичными новостями?

Рыжий и зеленоглазый, как кот, парнишка лет семнадцати мгновенно расплылся в улыбке от уха до уха, не менее большой, чем его же уши.

— Светлый день! Очень светлый, раз ты наградила нас такой радостью!

В огромной старой башне, поросшей мхом с одной стороны, поместилась тесная лаборатория изобретателя из Исры. Только первый этаж был специально для гостей освобожден от всяческих приспособлений, где мог найти себе местечко и Ворон.

— Кто там, Уолисс?

— Это Джайра, дядя.

Что-то выронив, пока спускался на нижние ступени вышки, показался сам ученый.

— А, ты все та же бродяга-буревестница? — усмехнулся в бороду цвета тростникового сахара Лиремм.

— А ты все тот же небожитель? — сняв капюшон и повязку, Джайра кивнула на огромный цилиндр, в котором копался изобретатель до прихода гостей. — Все еще надеешься собрать звездоискатель в одиночку?

— Почему же в одиночку? Мне помогает Уолисс. А вы, юноша? Тоже из авантюристов?

— Нет, — ответила за Фарена Джайра, — он из угнетенных «рыцарями без доспехов».

Собственно, из-за этого мы и здесь.

— А, ну все ясно, — звездочет торопливо спустился на этаж ниже звездоискателя. — Уолисс, достань-ка наши запасы бергамота...

— Брось, Толь, мы ненадолго, — не слушая наемницу, расторопный парнишка уже побежал в подвал.

— Да ладно, задержись хоть чуть подольше, перелетная птица, — покряхтывая из-за больных ног, ученый спустился на первый этаж, распутывая на ходу цепочку оберега. — Вот, — он протянул его Фарену, — последний остался. Не знаю, работает ли. Как же вас зовут, неожиданный попугчик нашей авантюристки?

Поправляя очки, Тольярд всматривался в лицо некроманта, пока тот разглядывал маленький синий сапфир, мутный и трещиноватый.

— Его зовут Фарен.

Он раздраженно взглянул на наемницу:

— Свое имя я и сам могу назвать.

Джайра комически раскланялась перед ним.

— Извольте.

Фарен покачал головой. Звездочет разулыбался.

— Благодарю вас, господин Лиремм, — произнес Фарен, — но я не понимаю, что это за вещь. Для чего она мне?

— Удивительно, молодой человек, как вы путешествуете без оберегов. Чародею такого низкого уровня, как ваш, следовало бы лучше узнать способы бегства от Стражей и Искателей. Как вижу, вы еще даже не выбрали класс, — недовольно качая головой, ученый подошел к гостевому столику и достал из-под него раскладные стулья. Пока он повернулся спиной, Фарен озадачено взглянул на Джайру. Та приложила палец к губам.

Из подвала вернулся Уолисс, неся поднос с чашками и чайником, из которого по всей башне поплыл гостеприимный теплый аромат трав.

— Давайте, присаживайтесь, — Тольярд повел Джайру за руку прямо к стулу. Она не смела упираться, любое сопротивление могло бы потребовать от него болезненных усилий.

Фарен, поблагодаривший Уолисса за напиток, сел на другой стул.

— Толь, ну право! Нас ждут...

— Ничего, подождут тебя твои ассасины. А уж рыцари — и тем более.

Джайра возвела глаза к потолку.

— Ах, вы уже знаете...

Подойдя к вынесенному в центр круглой комнаты столу, Тольярд вытащил мешочек из потайного кармана и снял со стены горящую свечу.

— Хочу тебе показать мое новое открытие. Вот увидишь, это чудо изменит мир! Я в этом уверен.

Подав свечу Уолиссу, он высыпал щепотку черного мерцающего порошка на стол и снова взял свечу.

— Порох, что используют сиериконцы в фейерверках, имеет гораздо большую силу, чем красоту. Погляди.

Помощник закрыл уши. Едва ли огонь свечи дотянулся до пороха, тот вспыхнул с яркой вспышкой и мгновенно сгорел, рассыпавшись искрами. От вспышки и Джайра, и Фарен вздрогнули, потом оба заглянули на столешницу, и от увиденного обгорелого пятна переглянулись.

— Будь пороха чуть больше, он бы стол продырявил, — Фарен, оставив отвар, подошел к столу, осматривая ожог древесины.

Изобретатель довольно захлопал в ладоши:

— Великолепно, мой друг! Вы сразу догадались, на что он способен. Я всего-то немного изменил его состав...

— Сложно не догадаться, что это чудовищная вещь, — Джайра, тоже подойдя к столу, дотронулась до пятна. — Зачем ты это сделал?

Тольярд отдал свечу племяннику, и тот поставил ее на место.

— Ну, как же? Мой порох может убрать любую преграду. Представляешь, как это облегчит работу на каменоломнях?

От услышанного Джайра снова закатила глаза и безнадежно вздохнула. Фарен усмехнулся и покачал головой.

— Ох, Толь, я и забыла, что ты мыслишь как миротворец.

— Вы полагаете, что он может послужить на пользу? — внезапно возмутился Фарен. — Он принесет только разрушения.

— Еще хуже, — поддержала Джайра, — смерть. Из-за него погибнут люди. Сотни, тысячи! Эта вещь будет разрушать не только горные твердыни, но и людские крепости. Даже только пыль пороха может забрать жизнь.

Старик вздохнул и едва ли доковылял до стула.

— А вот Эврикида бы оценила. Кстати, где она? В последний раз ты была в Октаве вместе с ней.

Фарен украдкой взглянул на Джайру. «Сколько еще людей будут беспокоить ее рану?..»

Ее как будто что-то придавило, голова опустилась. Очень долгий вздох. С каждым разом ей становилось все тяжелее и тяжелее сообщать о своем горе. Чтобы облегчить ей переживания, Фарен хотел сам ответить, но наемница произнесла:

— Ее больше нет. Ее убили.

Лицо Тольярда приняло такое выражение, что если бы он не сидел на стуле, Фарен был уверен, звездочет бы не удержался на ногах. Быстро среагировавший Уолисс подбежал к нему с чашкой отвара, поддерживая старика за плечо. Без слов ученый кивнул и дрожащей рукой поднес чашку ко рту.

— Но кто это сделал? — Фарен на мгновение удивился серьезному вопросу от такого простака. — Я боюсь даже сказать: у кого хватило силы на убийство Эврикиды?

Даже не глядя на Джайру, некромант почувствовал, как сразу изменилось ее настроение: горе, почти сродни отчаянию, вооружилось злобой и ненавистью. Опасно иметь дело с таким противником. «Она опасна даже для самой себя».

— Мортос, — имя она произнесла тихо как тайну, и внезапно стали ясны ее намерения.

Он с тревогой воззрелся на наемницу. Во взглядах же Тольярда и Уолисса был ужас.

— Он в Ардонии?

— Нет, уже нет.

Уверенность Джайры ослабила их страх. Она не сердилась на них за то, что про смерть Эврикиды тут же забыли — ужас и беспомощность перед убийцей были сильнее скорби. Свои чувства она постаралась запихнуть как можно дальше, проглотить чуть ли не в прямом смысле и заесть их ненавистью, холодной и невозмутимой. Все это не скрылось от внимания Фарена. «Она скорее себя погубит, чем кого бы то ни было».

— Что ж, — выдохнула Джайра, пытаясь совладать с голосом, — нам пора. Спасибо за

оберег. До встречи, Толь.

Звездочет остался сидеть на стуле, устремив взгляд в одну точку. Казалось, он постарел еще сильнее от страшного известия.

Уже за дверь Уолисс остановил Джайру.

— Мы ведь понимаем, что ты будешь искать чародеев.

Ошеломление Фарена от услышанного осталось вне внимания.

— Если ты будешь меня сейчас отговаривать, то не теряй времени.

— Нет, я только хотел сказать, что Джардин Тельма уже в Октаве. Он заходил дней пять назад, и более унылым я его еще не видел.

— Значит, он знает, — вздохнула Джайра. — Уже есть надежда, что он меня выслушает.

— Тебя да не будет слушать? — удивился Уолисс. — Да ведь ты же... теперь единственное, что напоминает ему об Эврикиде, — оглядевшись по сторонам и убедившись, что рядом больше никого нет, он проделал тот же жест чародеев, каким прощался Акун в Васильковом Луге. — Иди с миром.

Уже отойдя от башни на большое расстояние, Фарен спросил:

— Уолисс — чародей? А Тольярд знает об этом?

— Конечно, знает. У Уолисса больше нет родных, а огненный ковен сильно поредел за последние лет пять — чародеи огня самые вспыльчивые люди в Ардонии. Они легко себя обнаруживают.

— Он действительно служит королю-рыцарю?

— Имеешь в виду его изобретения? Да, королевская власть его вдохновляет.

— Как он может приносить свои творения Амнису!..

— Пойми, такие люди, как Тольярд, преданы своей вере в короля, даже если король уже недостойн такой веры, и они это понимают. У всех есть вера, неважно какая и во что.

— И ты не тот человек, кто разрушает эти ложные мысли?

— Я никогда не предаю идеалы друзей, если их так можно назвать. Зачем разрушать чью-то веру в совершенство, если ты сам в это не веришь? Тем более, что угроза не король-рыцарь, а нечто другое.

«И против него ни одно изобретение не поможет», — додумал недосказанные слова Фарен.

Пройдя между домами бедняков, они вышли к Торговой площади, к которой стягивался со всех улиц народ, чтобы посмотреть на торги. Обходя толпу за спинами горожан, Джайра замедлила шаг, рассматривая помост. На грубо обтесанных досках, уже местами окрашенных в красное, скрипели железные клетки. В одной, убитый отчаянием, сидел на коленях ракшас, в другой метался в остервенении лугару, беспрестанно меняющий свой облик с человеческого на волчий. В других клетях сверкали глазами крупные гребцы с пиратских галер, был и простой люд. Но Джайру привлек истерзанный и грязный алый плащ...

По помосту с голым торсом, выставляя на показ свои мускулы и уродливые шрамы, ходил дроу-работарговец. В разных концах помоста стояли надсмотрщики в угольно-черной броне и с дюжинохвостыми шипастыми плетями.

— А кто купить эту рабыня? Кто купить эту рабыня? — с акцентом кричал работарговец. — Эй, ты! Скажи что-то! — стукнул он кнутом по клетке. Оттуда донесся гневный девический голос:

— Будь ты проклят, темный эльф! Ты и весь твой род! Небо покарает тебя за те гнусные убийства, что ты совершил!..

— Назови цену! — крикнул кто-то из толпы.

— Да ведь это же...

Не успел Фарен договорить, как Джайра уже протискивалась сквозь плотную толпу к помосту.

— Три золотом! Три золотом! — снова прокаркал работорговец.

— Даю три! — начались торги.

— Даю пять!..

— Десять!..

— Двенадцать!..

— Двадцать!..

Джайра остановилась у самых ног дроу.

— Даю тридцать пять! — не унимались торгоаши.

— Пятьдесят!..

— Шестьдесят!..

— Тысяча! — как можно более низким голосом выкрикнула Джайра. Голоса замолкли, все обернулись в сторону такого богатого знатного юноши. Джайра прошла к клетки, вставая к работорговцу вплотную. — Тысяча золотников. Может быть, больше.

— Э, не-ет! — вдруг рыкнул дроу. — Я не согласиться! Я не продать!..

— Ты продашь мне ее! — взяла его резким выпадом вперед за плечо Джайра и уже вполголоса добавила: — Слово Буревестника.

Дроу пошатнулся, испуганно уставившись на покупателя. Опомнившись, он торопливо отдал распоряжения надсмотрщикам и поклонился Джайре. Амазонку со скованными цепью руками подвели к новому хозяину. Как только дроу отошли от нее, девушка спрыгнула в ахнувшую толпу и ринулась к выходу с площади, но тут же упала под общий смех, внезапно остановленная цепью. В растерянности от неудавшегося побега, она обернулась к другому концу цепи, лежавшему под ногой у молодого господина в сюрко с октавским гербом. Под одобрителный говор он поднял цепь и, грациозно спрыгнув с помоста, начал наматывать цепь на руку, медленно приближаясь к раздосадованной рабыне. Ксие — именно она была рабыней — показалось что-то знакомое в этом прыжке и в этой показушной самодовольной манере вести себя.

— Кто ты такой?

Ответ прозвучал из толпы как само собой разумеющееся.

— Сэр Кровопийца, Герой Ардонии.

Горделиво подняв голову, Герой остановился перед ней.

— Не думала, что герои доходят до такой низости — покупать рабов.

— А что? Давно хотел иметь своих слуг, — воин развел руками. Толпа снова согласно забурлила. Дернув цепь, он направился к переулку, пропускаемый людьми. Там в тени стоял крайне удивленный этим спектаклем, разыгранным Джайрой, Фарен, держа Ворона за повод.

— Как опрометчиво было пытаться сбежать: если от городской стражи тебе бы еще удалось улизнуть, то от королевских гвардейцев тебя ждала бы только смерть.

Амазонка молчала, насупившись. Джайра вздохнула. «Гордячка».

— Что делает в рабстве у дроу амазонка? — снова со скрытой усмешкой спросила Джайра. Та молчала. — Отвечай своему новому господину!

— Ты мне не господин! Я вольна как птица и могу в этом же переулке свернуть тебе

шею!

— Так почему же не свернешь?

— Мне жаль лишать жизни такого молодого глупца. Вдруг ты когда-нибудь поумнеешь...

Джайра засмеялась низким смехом.

— А может, не такой уж я и глупец?

— Если бы ты не был глупцом, то вел бы меня со своей охраной, оберегая свою жизнь.

Снова раздался смех.

— Что ж, ты сейчас увидишь мою охрану и, надеюсь, обрадуешься...

Подойдя к Фарену, Джайра кивнула ему идти следом, сама же перебросила цепь через плечо Ксие, остолбеневшей от встречи со старым знакомым.

— Ты?

— Светлый день, Ксия, — улыбнулся некромант. — Рад видеть тебя живой и невредимой.

— Светлый, — только и смогла ответить амазонка. Идя за своим покупателем, она очень долго смотрела в спину Герою Ардонии, и счастливая догадка все больше захватывала ее дух. Следящий за ней Фарен не смел будоражить ее чувства, пока того не захочет сама наемница, понимая, что она ведет их в безопасное место.

Пройдя целый лабиринт темных безлюдных улиц, Джайра остановилась перед высокой и толстой стеной из бревен. Подняв голову кверху, она кому-то кивнула, и стена поднялась, открыв длинный туннель. Спутники молча следовали за ней и не подали признаков тревоги даже тогда, когда за ними снова встала на свое место стена. В темном проходе Джайра произнесла через плечо:

— Сейчас вы войдете в самое безопасное для нас место в Октаве. Здесь не держат секретов друг от друга, поэтому даже не думайте что-то утаивать — вы не сможете расположить к себе этих честных людей. Откровенность — это все, что от вас требуется.

Яркий дневной свет ударил в глаза. Сделав всего пару шагов из темноты, они оказались на большом жилом дворе. Над головами в три этажа опоясывали кусочек неба балконы с развешанными недавно окрашенными тканями с далекого востока. Джайра, стряхнув с себя напряжение, терзавшее ее за все время путешествия к этому убежищу, сняла капюшон и маску. Со всех сторон ее приветствовали хецины — разводя руки раскрытыми ладонями вверх, они кланялись ей и радостно восклицали:

— Аль-мусиальд! Аль-муалим!

Переборков изумление, Ксия в полголоса спросила Фарена:

— Что это за место?

Пытаясь понять, что говорят хецины, он ответил:

— Это логово ассасинов.

Глава 10

Дворянские игры

— Что ищешь ты здесь, о воин без имени?

Джайра просияла, услышав старинное приветствие аль-мусиальдов. Взглянув на подошедшего старика в расшитых восточных одеждах, она лукаво ответила, подперев бока:

— Что хочешь показать ты мне, о мудрейший наставник?

Хецин улыбнулся и подошел ближе. Джайра поклонилась ему, показав ладони.

— Честь для нас — принимать Героя Ардонии.

— Я не герой, — опустила руки наемница, но тут же снова улыбнулась. — Рада видеть тебя в добром здравии, Хаким.

Старый хецин по-отцовски обнял ее.

— В добром или нет, но и я рад видеть тебя. Есть разговор, который тебя заждался.

Хаким направился к потайной комнате, предназначавшейся для разговоров наедине, к двери у зеркала в человеческий рост. На самом деле оно было односторонним окном.

— Не у тебя одного.

Но не успела Джайра сделать и шагу к дверям, ее остановила, схватив за руку, Ксия.

— Джайра! — она порывисто обняла ее, стиснув и стукнув по спине цепями. — Я и не надеялась, что увижу тебя! Если бы ты знала, как ты была нужна в поселении...

— Ксия, стой, — сдавленным голосом произнесла Джайра. — Я обязательно тебя выслушаю и помогу. Тебе больше нечего бояться, ты в безопасном месте, — мягко высвободившись из объятий, наемница улыбнулась девушке. — Но сначала я должна переговорить с хозяином этого места. Подождите здесь.

Хаким терпеливо ждал ее у входа в комнату, пустую и темную. Когда наемница закрывала за собой двери, оба — и Фарен, и Ксия — услышали только одну фразу:

— Извини, Хаким, мне снова придется воспользоваться твоим гостеприимством.

Дальнейший разговор происходил уже без посторонних в полной тишине.

— Ты никогда без дела в Октаву не приезжаешь.

На хитрую улыбку ассасина Джайра усмехнулась. Прислонившись к раме одностороннего окна, она умиротворенно наблюдала за происходящим во дворе.

— Кто твои спутники? — хецин встал рядом с ней, разглядывая Фарена, поглаживающего Ворона и осторожно поглядывающего по сторонам, и растерянную Ксию, смотревшую прямо в зеркало на них.

— Две заблудшие души, которым больше негде научиться выживать. У них больше нет пристанища. Я посчитала нужным привести их сюда, иначе их обоих в скором времени ждала бы смерть.

— Удивительно, как тебе удалось избежать ее от рыцарей и короля.

— Имеешь в виду мою метку? — она хмыкнула. — О ней знают не все, и я надеюсь, они ничего не рассказали королю-рыцарю. Увидим сегодня на балу.

— Так вот для чего тебя придел купец.

— Я думаю, у него куда большие планы на меня, чем кажется. Да и Пересмешник не просто так изображает телохранителя купца, ведь так?

Ассасин молчал. Джайра взглянула на него.

— Хаким, почему Вездесущий ничего не сказал мне? Почему я ничего об этом не знаю?

Я же могу принести куда больше пользы, чем тот же Гияс.

— Не обижайся. Ты и так уже стала целью, куда же больше с тебя требовать пользы?

Вздыхнув, она снова повернулась к окну.

— Знала бы, что вы ищете Кровопийцу, никогда бы даже не заикнулась об этом имени.

И что же хочет Вездесущий от Героя Ардонии? Меня уже завербовали в рыцари — от имени султана и всего Аль-Пассала я выступить не смогу.

— Если бы мы знали, что столько героев могут носить одно лицо, не выпустили бы тебя из земли Хеции.

Низкий смех Джайры отдавал горечью и тайным торжеством, что ей удалось предвидеть очередную попытку ее пленения для чьих-то личных интересов. Хаким поддержал ее смех. Уж он-то понимал, как для нее важна свобода, и был рад тому, что она хитроумный союзник, а не непокорный слуга, поэтому от нее легче добиваться согласия.

— У меня будет к тебе одна просьба.

— Когда я тебе отказывала?

— Нужно закончить обучение моих ассасинов. Они прибыли в Октаву две недели назад, шли через Черную Пустыню совсем одни. Ты знаешь, я уже стар для показательных боев.

Джайра нахмурилась, раздосадованная известием. «Снова удача смеется надо мной. Одному аль-мусиальду будет сложнее, чем двоим».

— А кто должен был прибыть на место аль-муалима?

— Али.

Досада стала наполняться гневом. Вдвоем с Блеском Безымянный мог бы перевернуть весь мир.

— И где же он?

— Из Таара плохие вести, — грустно ответил Хаким. — Он пропал три месяца назад.

— Что? — она резко обернулась к нему. Возмущение перебороло досаду. — Как мог пропасть Блеск? Как это произошло?

— Вездесущий сообщает в письме, что он был на деле вместе с одним из учеников. Дело касалось разведки по поводу новых воинов в армии султана. Выяснить все было несложно, но когда они уже возвращались, Али заметил тайного визитера султана и решил подслушать разговор, отослав ученика. После этого он так и не вернулся.

— Обыскали тюрьмы? Карьеры? Копи?

— Да, обыскали все, даже галеры. Его нигде нет.

Обескураженная, она задумалась, прижавшись локтем к раме окна и используя его как подушку для лба.

— Что остальные? Они выяснили, кто был у Акбара?

— Нет. Его охрана с того вечера стала более бдительна, никто не может к нему подобраться. Вездесущий ждет турнира, чтобы воспользоваться пирами для западных гостей. Но охрана знает всех таарских и месайских саатов и аль-мусиальдов. Вездесущий просил оповестить, что он будет ждать тебя для этого дела.

«Похоже, Ирфан начинает терять мастерство. Всем от меня что-то требуется...»

Она отошла от окна в тень, сложив в раздумьях руки на груди.

— На турнире я буду в качестве Кровопийцы участником, так что выполнить дело Вездесущего будет не так просто, как если бы я была всего лишь Безымянным. Но Али я не брошу.

Хаким вздохнул. Подойдя, он положил руку ей на плечо, обратив на себя внимание.

Глаза Джайры мерцали из тени стальным блеском и были чем-то похожи на тот взгляд, когда она не сдержалась в перепалке с Амреной.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ты никому не делаешь одолжений, принимая это дело. Конечно, ты всегда протянешь руку помощи другу, особенно если этот друг очень дорог тебе самой. Но не думай, что никому нет никакого дела до Али. Да, он был твоим аль-муалимом, но и моим учеником, и все еще остается лучшим аваяном Вездесущего. Ты тоже лучшая, но ты не можешь быть постоянно на привязи, пока не сочтешь это нужным. Поэтому Вездесущий тебе доверяет — ты умеешь действовать разумно без опьянения свободой и не злоупотребляешь данными тебе умениями в отличие от его ассасинов, которым нужны строгие указания. Предоставляя тебе это дело, мы все будем уверены: ты будешь спасать Али, а не мстить за поимку одного из своих братьев.

Джайра понурилась.

— Что ты хочешь от меня услышать? Я не могу с тобой не согласиться, потому что это правда, но сержусь я на другое — на то, что от меня снова требуют не то, что правильно, а то, что должно.

Пока шел разговор, Ворон уже довольно жевал свежескошенную траву, Фарен и Ксия, ожидая Джайру у потайной двери, рассказали друг другу о том, как они здесь оказались. Амазонку освободили от цепей. Рядом с ними, спустившись откуда-то сверху, появились двое близнецов, юноша и девушка, которым на вид не было еще и семнадцати. Не обращая особого внимания на новоприбывших, оба во все глаза смотрели на дверь в трепетном ожидании появления наемницы.

— Говорят, наш новый аль-муалим — сам Безымянный, — восхищенно произнесла девушка.

— А еще говорят, что его называли так потому, что никто не может различить, кто это — Сын Солнца или Дочь Луны.

За злую насмешку брата девушка толкнула его локтем в бок. К ним подошел еще один юноша с печальными глазами:

— Безымянного зовут Джайра. И это особенный человек. Когда она здесь была в последний раз, все Осиное Гнездо тряслось от страха.

«Джайра. Так вот, как ее зовут», — до сего момента из случайного совпадения не слышавший имени наемницы, отметил про себя некромант. Услышав новое название, он не удержался от вопроса:

— Осиное Гнездо?

Юноша дружелюбно ответил:

— Так называется местная Гильдия воров. Светлого дня, добрые гости.

Фарен с готовностью протянул ему руку для рукопожатия, но молодой человек легко наклонил голову и развел руки в стороны ладонями вверх, как приветствовали Джайру все хецины. Фарен поспешил исправить оплошность.

— Я Фарен, это Ксия. И тебе светлого, — кивнул он.

— Меня зовут Зайн. Вы пришли сюда вместе с Джайрой?

— Да, — удрученно ответила Ксия, — в каком-то смысле. Нам больше некуда идти, кроме как за ней. Мы ее...

— Должники, — процедил Фарен и объяснил, увидев недоумение на лицах всех троих. — Она нас...

— Спасла, — опередила его амазонка. — Ты же этого не отрицаешь?

— Позвольте спросить, от чего? — девушка с любопытством оглядывала исцарапанную и поломанную броню Ксии.

— Меня от рабства, а Фарена...

— От Казематов.

Фарену не нравилось, что благодаря разрешению Джайры амазонка разорвалась на такие подробные откровения. Хецины же восхищенно уставились на него.

— Вы чародей? — с придыханием произнес один из близнецов.

— Нет, и никогда им не был. Я...

— Некромант, — ответила за него Джайра, вышедшая из комнаты вместе с Хакимом. — Только он еще человек, так что внезапных несчастий не будет, — Фарен остолбенело уставился на нее. — Ну, кто из вас кто?

На ее строгий взгляд близнецы смиренно встали плечо к плечу, сложив руки в замок за спиной.

— Я Мааруф, мунтетлак, о мой аль-муалим.

— Я Тамира, мунтетлак, о мой аль-муалим.

И оба осторожно посмотрели на Хакима. Тот одобрительно им кивал, пока на него не воззрилась Джайра, сурово сжав губы. На представление учеников же она скривилась:

— Как я не люблю эту муштру. Научились в Эйфе демон знает чему... Зайн? Ты все еще в учениках?

— Он посчитал себя недостойным носить имя ассасина, каким был его брат, — пояснил Хахим.

— Так и есть. Мне еще очень многому нужно научиться.

Джайра отрицательно покачала головой.

— Ограничения тебе будут очень сильно мешать в учении, — и больше не задерживаясь перед учениками, она пошла по галерее вдоль стены. — Хахим, я голодна! Как, впрочем, и твои гости. Почему ты все еще не зовешь к столу?

Посмеявшись, хецин последовал за ней. Резко сорвавшись с места, перед наемницей возник некромант:

— Постой! Что значит «я еще человек»? Что ты имеешь в виду?

Она сделала недовольную гримасу.

— Что я сказала, то и имела в виду, — в два шага Джайра обошла его, но Фарен снова заступил ей дорогу.

— Нет. Ты что-то знаешь об этом. Почему ты так сказала?

Начиная раздражаться все больше, она вздохнула:

— Потому что это правда. Думаешь, путешествуя с ведьмой, я осталась абсолютным неучем в делах магии? У нас уже был такой разговор. Уйди с дороги.

Некромант схватил ее за локоть. Джайра по-змеиному посмотрела на него. «Да что он себе позволяет...»

— Как ты это поняла? — возможно, в иной ситуации, не будь этот момент так важен для него, Фарен не повел бы себя так настойчиво и не забылся бы перед такой недотрогой, какой он уже узнал Джайру, но сейчас у него вновь появилась надежда. — Дай мне знать!

Вместо того, чтобы спокойно дать ему ответ, наемница процедила сквозь зубы:

— Я чувствую магию, ясно? У меня есть к ней некоторые способности.

— Тогда почему ты меня спасла? Ведь рано или поздно, а скорее всего — очень рано я не выдержу.

— Потому что ты дворянин. Отпусти, — с негодованием она вырвала локоть из его хватки и, резким движением одной рукой поправив съехавший на одну сторону сюрко, пошла следом за Хакимом, криво ухмыляющемуся все это время за ее спиной на разыгравшуюся на глазах у всех сцену.

— Значит, взаимовыгода? — с усмешкой сказал ей вдогонку Фарен.

Наемница передразнила его, бросив через плечо:

— «Значит, взаимовыгода».

Молодой человек рассмеялся. «И как я мог подумать, что у нее могут быть благородные цели...». Увидев любопытный взгляд Ксии, он потупился.

К Джайре подошли с поклоном двое слуг из общины.

— Нет, — махнула она на них, — сначала к гостям, — убедившись, что их больше никто не слышит, она снова обратилась к Хакиму: — Как Осиное Гнездо? Шершень еще не успел забастовать королевское добро?

— Нет, пока осы собирают припасы, но для чего — неясно. За ними охотится король-рыцарь, да и Стражи что-то стали слишком любопытны в последнее время.

Припоминая давнюю вражду с повелителем тысяч жал, она серьезно проговорила:

— Стражи всегда прокладывали своими трудами путь к власти для Сакротума, в последнее время только они и проливают кровь. Не удивительно, что после того случая они проявляют нездоровый интерес к ворам и соглядатаям.

— Я не об этом.

Джайра недоуменно взглянула на Хакима.

— А о чем же?

— Они кого-то ищут. Причем в самых разных местах. У нас нет никаких предположений, какие у них цели и кто им нужен, но люди из общины все чаще сообщают мне, что видели чародеев на улицах города. Кажется, Триумвират что-то задумал.

Джайра хмыкнула:

— Не в их традициях коварство и хитрость. Просто их планы проходят мимо нас, а действовать тихо и мирно — это их талант, поэтому вы чувствуете в этом угрозу. Своей хватки они, впрочем, не растеряли — без рыцарского сопровождения я навряд ли бы смогла освободить Фарена.

— Ты ведь знаешь некоторых чародеев? Ты будешь их предупреждать об этом странном поведении Стражей?

Она пожала плечами. Подходя к широкому входу в трапезную, они остановились.

— Уверена, они больше знают об этом, чем мы. Нет необходимости.

Из трапезной навстречу им вышел прихрамывающий мужчина в испачканном кожаном фартуке и загорелым на жару пламени лицом.

— А, это ты, бестия! — улыбнулся он. — То-то, я смотрю, у всех праздник на душе.

— Расул? Ты ли это? Помнится, ты зарекался никогда не покидать Месая.

— Ну-ну, не надо шептовать на меня. Хороший кузнец везде пригодится.

Хаким удалился в трапезную распорядиться об обеде. Джайра украдкой посмотрела на Фарена, разговаривающего с Зайном и Мааруфом, обратив на некроманта внимание и кузнеца.

— Если этот человек не дает тебе покоя, почему ты привела его сюда?

Девушка вопросительно уставилась на него. Кузнец развел руки:

— Ну, а зачем ты тогда стоишь передо мной, а любишься им?

Она негодуяуще фыркнула, но затем сказала:

— Проверь его. Он может оказаться ярым сторонником королевской семьи. И нашим противником.

— О, не беспокойся. Я его знал раньше. Это самый яркий отступник. Сейчас все оппозиционеры короля подражают ему.

— Все равно. Я не знаю, что у него на уме.

— Да уж, — засмеялся Расул. — Единственное, что ты еще не умеешь, так это читать мысли.

— Остричь — это то, что не умеешь ты, — язвительно усмехнулась она.

— Ты не сказала «единственное».

— К сожалению, это не единственное.

— Ну ты и язва.

— Съешь и не подавись.

Оба со смехом разошлись.

С восточным гостеприимством Хаким усадил всех на подобающие места за столом: главного гостя — в центр стола дальше всех от входа, ее друзей — по левую руку от нее, по правую сел он сам.

— Хаким, — умоляюще произнесла Джайра, — ну что за нелепость! Я не сяду во главе стола!

— Почему? Ты мой дорогой гость, и очень редкий к тому же.

— Я уважаю тебя больше, чем себя, — засмеялась она. — Даже они, — она указала на Ксию и Фарена, — заслуживают большего уважения и почета, чем твой редкий гость.

— Нет-нет! Без уважения не становятся аль-мусиальдами. И не смей прибедняться! — хецин сделал неумовимое движение ногами, отчего Джайра подогнула колени и с неожиданностью для себя плюхнулась на приготовленные подушки для сидения. — Я знаю твои привычки!

Растроганно рассмеявшись, она расслабленно устроилась на подушках. Слуги уже расставляли расписанные восточными узорами фарфоровые чашки с ароматным отваром с карамелью и выставляли на стол подносы с обильно приправленными горячими блюдами. Одно из блюд поставили перед Фареном, у которого тут же появилось ощущение тошноты.

— О, нет-нет, не огорчайтесь, но... я не голоден.

Как бы вежливо ни произнес это некромант, хецин его не понимал и что-то спрашивал на своем языке. Джайра что-то ответила ему тоже по-хецински, слуга понимающе кивнул и унес блюдо обратно на кухню. Фарен облегченно вздохнул и хотел поблагодарить Джайру, но ее внимание обратил на себя Хаким.

— Остался только один вопрос, который я тебе все еще не задал: где же Эврикида?

— Ее больше нет, Хаким, — в этот раз ей снова удалось перебороть себя. — Ее убили.

Нависло горестное молчание. Хаким долго думал, прежде чем что-либо сказать.

— Боюсь даже предположить, кто это сделал.

— Мортос, — она на мгновение сжала влажную салфетку, которой вытирала руки. Это не укрылось от внимания Фарена и Хакима. Хецин попытался сгладить скорбь:

— Да примет ее Создатель в лоно света и покарает виновного.

Джайра не поднимала глаз. Чтобы она ни задумала, это для всех останется тайной.

— Ксия, что же произошло в поселении? — внезапно сменила тему разговора Джайра. — Неужели Амрена оказалась настолько жестокой легиорой, что вышвырнула всех

недовольных в Черную Пустыню прямо к дроу?

Лицо бывшей амазонки побледнело. Дрожащей рукой она потянулась за чашкой, но выронила ее из рук, и весь отвар разлился по скатерти.

— Простите, — пробормотала она в растерянности. Фарен участливо предложил ей салфетки. Несколько слуг поспешили заменить чашку, но состояние Ксии все больше ухудшалось. Вскочив со своего места, Джайра села рядом с ней, ободряюще приобнимая за плечи.

— Эй, что случилось? Почему ты оказалась в рабстве?

Стараясь сдержать дрожание губ, амазонка подняла на Джайру покрасневшие и увлажнившиеся глаза. Сквозь дыхание начали прорываться всхлипы.

— Как только я проводила тебя, на нас напали.

— Кто? — посуровела Джайра.

— Дроу, кто же еще! Видимо, их царица решила избавиться от главных противников ее народа, ведь она по слухам хочет вступить в брак с Амнисом... Они всех перерезали. Меня поймали как одну из уцелевших. Все, кто оказался в плену, покончили свою жизнь... а у меня отобрали все оружие, и я бы все равно не смогла... Мы с тобой последние амазонки в этом мире, понимаешь?..

— Успокойся, — ободряюще погладила ее по руке Джайра. — Посмотри на это с другой стороны: не все потеряно, ты ведь осталась жива, и я выкупила тебя...

— Но они все сожгли! И Южные Провинции тоже! И Акадию, и... всех!..

— Ничего, — расстроено глядя на плачущую подругу, сказала Джайра, — дроу еще сполна оплатят все свои грехи.

Ксия опустила голову, уткнувшись в плечо Джайры, больше не сдерживая слезы. Наемница гладила ее по спине, сама же размышляла о случившемся. «Почему-то я не удивлена выходкой Каэлы. Акун прав...» Глядя на ее реакцию, Хаким насторожился:

— Не вздумай мстить, — Джайра сверкнула на него глазами. — Создатель этого не прощает.

— Мне и так уже нет места в раю.

— Мечь — вещь неблагодарная, может и срикошетить...

На задумчивые слова некроманта Джайра только хмыкнула и одарила его тем же взглядом, что и Хакима.

— Видимо, ты уже это на себе испытал, — съехидничала она. Оставив успокоившуюся Ксию, она подошла к окну с видом во двор. После минутного молчания она как приговор произнесла: — Дроу уже давно пора наказать.

— Джайра, не вздумай. У них самая смертоносная сила. Они единственные, кто не скрывает и постоянно увеличивает свою магическую мощь. У тебя нет и шанса против них.

— Кто сказал, что наказывать их буду я? — злобно усмехнулась она, снова повернувшись ко всем. — Пусть они считают, что это само Небо покарало их. Я не собираюсь брать на себя за это ответственность, но они получают возмездие.

— Так бы и вышло, если бы не твои громкие маски.

Она негодуяще передернула плечами.

— Все же лучше, чем бить себя кулаком в грудь, как это делают рыцари.

За Хакима вступился Фарен, в мыслях восхищавшийся таким стоицизмом, утраченным некогда им самим.

— У тебя красивое имя, Джайра. И зачем его скрывать?

— Как видишь, без него мне намного проще переодеться, — резко ответила она.

Ксия снова с любопытством посмотрела на Фарена, спрашивая себя: может, просто она не встречала никогда таких галантных людей, или же он проявляет неоднозначный интерес к наемнице? Хаким про себя отметил такой же последний вопрос.

Сладко потянувшись и хитро улыбнувшись, Джайра стряхнула с себя хмурость.

— Ну, что ж, дела налаживаются. Есть работенка и для Безымянного, и для Буревестника. Кровопийца тоже не останется в стороне. Они в твоём распоряжении, Хаким, а я пойду отдохну — мне сегодня предстоит жеманничать перед королем. Моя комната свободна?

— Конечно.

Кивнув, она вышла из трапезной во двор и поднялась на второй этаж галерей. Весь проделанный ею спектакль с хорошим настроением озадачил зрителей, каждый из них сделал свои выводы, и все — неверные. Хаким в задумчивости проговорил:

— Даже Небо не знает, что она прячет за этой бравадой.

На самом деле обуреваемая противоречивыми чувствами, Джайра остановилась у перил, блуждая взглядом по окружающим предметам. Развешивающиеся ткани пламенных цветов напоминали Эврикиду, и то и дело мерещились ее силуэты. Джайра встряхнула головой: «Я схожу с ума...»

Войдя в комнату, освещаемую одним единственным продолговатым окном, и поэтому бывшую в полутьме, она, скинув сюрко и камзол на стул, бросилась на кровать и уставилась в потолок.

«Что мне делать, Эврикида? Что мне делать?..»

Мысли жужжали как рой насекомых. Начиная болеть голова, душила тоска, и хотелось завить от безысходности. Каждый раз, как Джайра старалась забыть о том, что произошло с наставницей, все возвращалось снова и снова. От прошлого не убежишь, горе не отложишь в дальний ящик и не повесишь на крючок до завтрашнего дня. Но и биться головой о стену тоже не стоит. Посторонние занятия вроде обучения ассасинов и загадочной кражи не смогут отвлечь. Чтобы свыкнуться с мыслью, что больше не на кого положиться, потребуется еще больше времени, чем все прошедшие года с ведьмой огня. Теперь даже некому просто выговориться, рассказать о своем угнетении. Тяжкие мысли гнетут душу — так всегда говорили они с Эврикидой. Оставаясь в их плену, теряешь бдительность, становишься чувствителен. Чувствительность сродни уязвимости... И некому даже довериться!

Зато ей доверяют все. Никто не сомневается в том, что она безвозмездно поможет, спасет от всех напастей. Только ей, как всегда, некому помочь. Помощи не будет, даже если попросить, она была в этом уверена, не стоило и пытаться. В очередной раз она должна просто смириться с этим... Только кто долго выдержит такое?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сна не было ни в одном глазу, а оставаться наедине с собой было невыносимо. Ворошить свои чувства и мысли — не самое благодарное занятие, и чаще всего она себя за это ненавидела. И так приходится испытывать слишком много ненависти в последнее время.

Снова натянув наряд рыцаря Октавы, Джайра вышла на свежий воздух. Наступали сумерки, и в логове ассасинов уже не было такой беготни массы слуг из общины, как днем. Даже слуги все знали ее в лицо и в знак уважения низко кланялись ей, когда проходили мимо, искренне улыбаясь. И для них она была благородным спасителем! Невольно в ее

голову пришла мысль, что ей по нутру ближе роль горделивого рыцаря, чем благодетельного героя. Она горько засмеялась.

Под навесом в конюшне заржал Ворон, приветствуя свою хозяйку. Она повернулась к нему и ответила похожим ржанием, улыбаясь. Конь снова вторил ей. Посмеявшись, Джайра спустилась к любимцу.

— Ну, что ты меня зовешь? Я тебя никогда не брошу, мой хороший, — распутав длинную черную гриву, она обняла его могучую шею. Конь боковым зрением разглядывал ее. Новый наряд ему явно был любопытен.

— Тебе нравится? — удивилась Джайра, отходя от него на шаг и демонстрируя свой костюм. — А у тебя неплохой вкус, дружок! Что ж, скоро мы с тобой будем вместе щеголять как знатные рыцари во дворе королевского дворца. А через пару месяцев — на турнире на твоей родине, — с угасающей радостью сказала она, снова обняв коня за шею. — Только ты и будешь рядом со мной. Только ты знаешь всю правду обо мне.

Конь фыркнул, снова поглядев на нее боковым зрением. Это был очевидный знак согласия.

— Ты рассказываешь свои тайны коню, а от людей скрываешь даже свою настоящую внешность и имя, — засмеялась подошедшая к ней Ксия, приветственно погладив Ворона по морде. Тот тут же отдернул от ее рук голову — этот жест он разрешал только хозяйке.

— Лучше людям не знать обо мне вообще ничего, — вздохнула Джайра. — Так будет лучше для всех... Тебе лучше? Все в порядке?

— Да, все хорошо. Спасибо тебе, теперь и я тебе обязана жизнью.

— Уж не хочешь ли ты мне отдать долг? Вот уж глупости! Ты мне никогда и ничего не будешь должна. Даже не задумывайся об этом.

— Да, Хаким, прав: ты редкий бесценный клад, как он сейчас выразился.

— Ой! Хаким чего только не скажет по своей восточной манере красиво говорить! Ты подожди, он еще такие ругательства знает, от которых даже у головорезов волосы дыбом встанут!..

— Ты приказала Фарену быть твоим оруженосцем? — вдруг сменила тему Ксия. — Ты же его отпустила?

— Ну, должен же он мне отплатить какой-нибудь услугой! — растерянно воскликнула Джайра, разбирая амуницию. — Почему бы и нет?

— Не убедительно, — прищурилась Ксия. — Что ты постоянно не договариваешь? О том, что ты собралась отомстить за Эврикиду, он мне рассказал, можешь не выдумывать уловки, чтобы уйти от этой темы. Но что ты еще скрываешь?

— Как видишь, мне есть что скрывать, и лучше не докапываться до правды, я тебя умоляю этого не делать, — она уже затягивала подругу на брюхе Ворона. — Надо сказать Хакиму, чтобы ему давали поменьше отрубей... Что мне еще от тебя скрывать? То, что я известна по всему миру под разными именами? По-моему, это не секрет. То, что меня приняли за мужчину, и я на свое горе воспользовалась этим, приняв теперь ложное рыцарство? Это, наверно, тоже тебе известно...

— А что насчет Фарена? — этим вопросом амазонка поставила Джайру в тупик.

— О чем это ты? — непонимающе поглядела на нее подруга.

— Ты уже второй раз зачем-то спасаешь ему жизнь, а потом насильно заставляешь быть твоим оруженосцем. Так на что же я намекаю?

Джайра залилась веселым смехом.

— Неужели ты подумала... что... я могла...?.. у-ха-ха...

— А что тут еще можно подумать? Ты в него влюблена! Признайся в этом! Ведь это же здорово! А говорила, что не веришь в любовь...

— Нет, ты ошибаешься, — сурово ответила Джайра. — Если ты не можешь дать этому достойного объяснения, то я расскажу тебе все детали этой правды. В первый раз я спасла его от суда амазонок, потому что мне стало любопытно, что было нужно этим двум от Эврикиды, к тому же, он некромант, а разве некроманты не прислуживают у Мортоса? — Ксия вздрогнула от темного имени. — Во второй раз я выкупила его у Стражей, потому что мне хотелось, чтоб рядом был хоть кто-то, кто помог бы мне скрыть мою личность, не вызывая при этом подозрений на себя. Откуда я могла знать, что после этого появишься ты? Да к тому же, все равно оруженосец-мужчина все-таки лучше переодетой женщины, как ты считаешь?

— Ты слишком высокомерная! — гневно воскликнула Ксия.

— Вот! Вот и я о том же всегда всем твержу, но меня никто не понимает, — развела руками Джайра.

— И все-таки ты не такая! Ты только специально прикидываешься нахалкой и авантюристкой. На самом деле у тебя доброе сердце. Ведь так? — с надеждой в голосе произнесла амазонка. Джайра с укором воззрилась на нее:

— Не испытывай мое терпение, я даже на друзей могу разозлиться. И вообще: не порть мне сейчас настроение, мне еще на бал ехать.

Увидев Фарена на втором этаже вместе с Расулом, о чем-то громко смеявшихся, она поднялась к ним, усевшись за маленький гостевой столик в одно из плетенных кресел с высокими спинками прямо напротив некроманта. Отдышавшись от смеха, кузнец перевел взгляд на Джайру и непринужденно провел ладонью по губам — «он чист» — и удалился. Наемница вздохнула, не зная, что разочаровало ее больше: то, что некромант оказался надежным человеком, или то, что ей не в чем больше его подозревать.

— Я так понимаю, ты ждешь от меня советов, как вести себя на балу? — поинтересовался Фарен, насмешливо глядя ей в глаза.

— Совершенно верно.

Надменный тон его ничуть не смутил.

— Что именно тебя интересует? Мне ведь не нужно разъяснять тебе правила этикета?

— Нет, — ответ прозвучал сердито.

— Славно, — улыбнулся он.

Джайра вздохнула. «А нужно ли мне сейчас быть суровой?..»

Уже нейтральным голосом она спросила:

— Кого мне стоит опасаться? Что там вообще будет?

Фарен, осмотрев ее наряд и лицо, откинулся на спинку кресла. От такого внимательного взгляда Джайра потупилась, но тут же опомнилась, припоминая недавние слова Ксии, и теперь ее пронзительный взгляд заставил Фарена потерять на мгновение мысль, вертевшуюся в голове.

— Ну-у-у... Зная тебя, сразу скажу: не вздумай прохаживаться посередине зала или шараться по углам — это дурной тон. Спокойно отойди в сторону к незанятому местечку и прими равнодушный вид. Так они увидят в тебе хозяина положения.

— Ладно, — с запинкой ответила наемница, представляя себе свой выход.

— Раз ты участник турнира, то тебя должны познакомить с сэром Нарволо Редингом.

Этот рыцарь отвечает за все путешествия в Аль-Пассал, бессменный человек уже ни один десяток лет. Постарайся не дерзить ему, это самый обидчивый человек, которого я знаю, — он замолчал на время, снова оглядывая наемницу с ног до головы. — У меня такой вопрос: знаешь ли ты придворные танцы?

Джайра скривилась, вызвав смех у собеседника.

— Мне обязательно нужно будет танцевать?

— Да, так ты покажешь, что достойна находиться среди дворян и тебе будет прощен недостаток манер, какие приняты при дворе, не говоря уже об общем дворянском этикете. Еще один момент: не отказывайся от знакомств. Неважно, с кем тебя познакомят — ты рыцарь, да еще и легендарный герой, поэтому для всех знакомство с тобой — только еще одна монета в копилку авторитета, но для тебя важно показать, что ты не опасна и с тобой можно иметь дело, несмотря на то, что ты по своей натуре наемник. Не рассказывай о себе слишком много, но и не отмалчивайся. И постарайся не забываться, что ты девушка, — Джайра недоуменно округлила глаза. — Будет очень много провокаций узнать, кто ты, — грациозным, истинно дворянским движением он указал на свисающую у нее под подбородком повязку. Джайра поймала себя на мысли, что засмотрелась на его руку. — А еще за тобой будет следить Амнис, да и Мариин не обойдет вниманием. Будь мягче с принцессой — она ничего не знает о мире, хотя очень стремится на волю. Не обижай ее сарказмом.

— По твоим словам, — хрипло проговорила Джайра, — меня ждут все девять кругов ада. Может, мне не стоит являться на этот бал?

Фарен дружелюбно улыбнулся на ее выражение сомнения на лице.

— Если не явишься, потеряешь дружбу рыцарей.

— Больно она мне нужна...

— Нужна. Они бывают очень преданными друзьями, когда тебе нужна защита на суде или когда по глупости кого-то разозлишь из дворян.

Отведя взгляд в сторону и стараясь запомнить все советы, Джайра задала вопрос:

— А как насчет историй обо мне? — на его вопросительный взгляд она пояснила: — Ну, точнее, о Кровопийце?

— А что с ними не так?

— Ну, мне же нужно что-то придумать в ответ на расспросы.

— Нет, — засмеялся Фарен, — ничего не нужно. Они сами все придумают за тебя. Сама все увидишь.

Уверенно кивнув, скорее себе самой, чем Фарену, наемница встала с кресла и надела капюшон с повязкой, пряча волосы под плотную ткань. Фарен участливо поправил воротник камзола и убрал складки сюрко на поясе. Джайра растерянно воззрилась на некроманта, чувствуя, что краснеет. Теплая улыбка не сходила с его лица.

— Удачи тебе на балу.

Она не сразу нашлась, что ответить.

— Удачи? Как будто там все зависит от нее.

— Зависит, ты не представляешь как. Если тебе повезет, ты останешься тем самым Героем Ардонии, не притязательным до славы и пожимающим плечами на любые сложности, — Джайра усмехнулась. — Если же нет — ты вернешься безликим дворянином, таким же, как все, кто там будет. И это будет печально.

— Печально? — услышав, как где-то проснулась часовая кукушка, Джайра спустилась

вниз. — Я думаю, дворяне так не считают.

— Просто они не понимают, что это болото, а не родниковая вода.

Никогда она еще не чувствовала такого волнения, какое испытывала, выезжая снова через один из тайных ходов. По главным улицам Октавы медленно текли потоки блистательных карет, колясок и всадников. Случайного прохожего никто бы и не заметил, любой посторонний мог легко затеряться среди этой яркой роскоши. Джайра аккуратно слилась с общей колонной, но, как бы она ни хотела избежать внимания, на нее смотрели все, разве что не показывали пальцами. Смущение, которое она переживала, было вызвано скорее разговором с Фареном, чем народным признанием. Сейчас слова Ксии ее беспокоили больше, чем в тот момент, когда она их произнесла. В своих чувствах Джайре всегда было сложнее всего разобраться. Свою привязанность к людям она всегда старалась подавить еще с самого начала, исключением была только Эврикида. Но привязанность ли это — эти чувства к Фарену? Еще при первой встрече она посчитала его самым проницательным человеком, какого когда-либо встречала. Но, ведь с другой стороны, в знакомых никогда не было никого дворянского рода, не считая рыцарей Сардолла, изгнанных в Дикий за поднятое ею восстание. Король-рыцарь до сих пор не знает, что это сделал Безымянный, иначе логово ассасинов в Октаве уже бы не существовало...

Фарен был чем-то похож на Бенрада: его отношение к людям строилось на откровенности и глубоком, проверенном доверии, но у Бена оно граничило с наивностью, Фарен же мог предупредить любой обман и не оставить человеку выбора, кроме честности. Джайра же давно отвергла все попытки вызвать ее на чистоту из соображения безопасности. Ее собственное имя звучало только среди ассасинов и чародеев, в лицо ее знали единицы. И никому нельзя было довериться — кто-то мог использовать это для своей выгоды, кто-то — похвастаться или приумножить свой авторитет, а кто-то сдался бы под пытками врагов. Любые известия о ней убийственны для всех, только не для некроманта. Он сам был таким же изгоем, и само его присутствие было опасным. Вызывал ли он в Джайре такие чувства родственности из-за сложившейся схожей жизненной ситуации, или это что-то другое?

Воды Эюны, тихо плещущей о берега, серебрились стареющим месяцем. Под мостом, задрав голенища потертых брюк, рыбачил мальчишка в соломенной шляпе, безразлично поглядывающий на шумящую толпу и беззаботно болтающий ногами под свою неземную мелодию. Герой Ардонии мечтал поменяться с ним местами и забыть о всех своих подвигах, лишь бы хоть на миг обрести спокойствие от ненавистных тяжелых мыслей. Ворон, не управляемый всадником, в нерешительности идти ли дальше остановился у самого края каменного моста и с любопытством рассматривал проезжающих вышколенных лошадей. Возможно, Кровопийца простоял бы так еще довольно долгое время, пока не решил бы развернуться и снова умчаться в логово ассасинов, если бы к нему не подъехал один из нарядных всадников.

— В это время Эюна особенно хороша, неправда ли? Жаль, что другие этого не замечают.

Джайра вздрогнула от неожиданности. Молодой человек, по-рыцарски прямо и гордо сидевший верхом, улыбался ей. На груди из-под синей альмавивы на дорогом сукне цвета слоновой кости сверкал бронзой яшень, жесткий воротник украшала точно такая же брошь.

— Даже Шпиль Королей не в силах затмить ее красоту.

Не найдясь, что ответить, Джайра перевела взгляд вслед за знатным господином на королевский дворец, сиявший тысячью огней подобно яркому созвездию. Восторженно

вздохнув, молодой человек снова взглянул на нее.

— Э-э-э... Прошу меня простить, но я не знаю, кто вы, — едва смогла выговорить из-за нахлынувшей хрипоты наемница.

Изумившись, рыцарь засмеялся.

— Мой друг, ты не узнал меня? Это же я — Бенрад.

До этого набрав в легкие побольше воздуха из-за напряжения, Джайра шумно выдохнула.

— Никогда еще не чувствовал себя так неловко. Извини, что так обидел тебя.

— О, нет, что ты! Я и сам порой не узнаю своих друзей, когда они снимают доспехи. Вижу, тебя гложут сомнения. Уж не из-за бала ли? Не беспокойся, я буду рядом с тобой. Никто не посмеет обидеть Героя Ардонии.

Лучезарно улыбнувшись, Бен жестом пригласил Кровопийцу ехать рядом.

Октавский Храм становился все дальше и дальше с каждым шагом коней по широкому Мосту Единства, зато Шпиль Королей начинал вырастать подобно шипастой горе. Говор веселого фонтана, искрящегося прямо перед дворцом, перекрывал шум взбудораженной толпы приезжих. Всю Королевскую площадь заливал яркий свет из высоких окон, откуда неслись по всей столице, уже начинающей засыпать, мелодичные игры оркестра, басовые разговоры мужчин и залиvistый дамский смех. От конских ног и высоких колес не было прохода. Ворон, дико смотревший на все это, вырывался из рук принявшего повод конюха, и если бы Джайра не успокоила его словами на таурийском языке, он сбежал бы от этой сутолоки прочь по ночным улицам города. Наемницу тоже начинала пугать движущаяся вверх по парадной лестнице бесконечная колонна людей. Бенрад изо всех сил старался отвлечь Героя рассказами о дворце, видя его нервность. Входя вслед за Беном под высокие своды бального зала, она услышала от дворецкого:

— Господин рыцарь, сэра Кровопийца!..

Моментально все глаза устремились на Героя Ардонии. Обескураженная громким представлением, Джайра обвела взглядом зал и едва ли смогла вернуть себе спокойствие от накотившего головокружения. По инстинкту наемника она двинулась дальше за Бенрадом, не переставая озираться по сторонам как затравленный зверь. Рыцарь же, издали с неизменной теплой улыбкой кивнув всем друзьям, остановился возле одного из высоких каминов с белоснежной лепниной, непринужденно сложив руки на правом бедре. Припоминая наставления Фарена, Джайра сложила руки за спиной в замок и постаралась расправить плечи, что давалось сложно при таких обстоятельствах, из-за которых по всему телу часто пробегала дрожь. С одной стороны до нее донеслось, что ее считают неуязвимым, с другой — что она из какого-то древнего знатного рода, но скрывает его так же, как и имя с внешностью. Самое интересное — с молодого рыцаря не отрывали глаз незамужние дамы, что приводило в замешательство и смущение Джайру.

— Хочешь, я представлю тебя кому-нибудь? — спросил Бенрад.

— Нет, не стоит, — замотала головой Джайра. — Кто захочет знакомиться с человеком, который еще утром был простолюдином?

— Да брось! Тут все жаждут с тобой поговорить! Пойдем, я познакомлю тебя с еще одним участником.

Еще одним участником был рыцарь из старинного рода знати. Он был уже в годах, его усы были седые, но по крепкому стану еще можно было определить, что он отчаянный боец. Он был в центре кружка довольно престарелых господ, значит, он пользовался наибольшим

уважением среди всех. Еще издалека его компания заметила, как Бенрад ведет за собой новоиспеченного рыцаря прямо к ним, поэтому ожидающе замолчали.

— Сэр Нарволо, — обратился к нему Бенрад, — позвольте вам представить: сэр Кровопийца. Это он сегодня прошел Испытание на рыцарство.

Джайра поклонилась.

— А, да-да, наслышаны о вас, сэр Кровопийца, — как бы между делом произнес Нарволо, показывая, что до новичка ему и дела нет.

— Рад знакомству с вами, сэр Нарволо, — ответила Джайра. Нужно было проявить себя как достойного собеседника.

— Как же вы сумели пройти Испытание? — даже не изменив выражения надменности на лице, спросил рыцарь. — Говорят, вы специально что-то приняли перед этим, а еще купили себе в рабы некроманта. Уж не переодетый ли раб проходил испытание за вас?

— Могу вам сказать даже более того, — с лукавством в голосе произнесла Джайра, — я сам связан с магией. Кто знает, может, я еще и заговорил топоры и секиры, чтобы они меня не ранили?

Рединг деланно засмеялся, за ним следом засмеялась и вся компания.

«Ох, что за нелепость...»

— Что ж, один из слухов оправдался — вы действительно бойки на язык. Не сомневаюсь, что на турнире вы проявите себя также смело и сильно, как на сегодняшнем испытании.

— Должен признаться, это честь для меня — принимать участие в турнире такого масштаба. Еще вчера утром я даже догадываться не мог о том, что я уже на пути к званию рыцаря...

— Говорят, — перебил его уже с любопытством Нарволо, — что вы, прежде чем добраться до атамана китранских разбойников, которые преградили дорогу каравану, парой взмахов меча уничтожили всю его охрану. Это правда? Откуда же вы знаете атамана?

— Поверьте мне на слово, его охранники — местные лесорубы. Конечно, они не умеют обращаться с мечом. А атамана я бы никогда не знал, если бы он не пытался украсть моего коня. Как видите, происшествие на дороге — всего лишь случайность, от которой — увы! — никто не избавлен, хорошо, что она была столь безобидной в этот раз.

Рыцарь одобрительно закивал головой. Шепотки позади Джайры достигли эйфории — он одобрил. Что ж, теперь для нее были открыты все кружки в зале.

— Вы умны не по летам, — заметил Нарволо, — это качество, достойное рыцаря. Я рад, что вы вошли в наш круг общества, — и он ей поклонился!

По залу прошелся тихий возглас восхищения. Нарволо Рединг редко кому кланялся, значит, этот Кровопийца был действительно достойный человек. Джайра снова проделала поклон, про себя усмехаясь глупой напыщенности всех этих франтов. Сейчас она чувствовала себя спокойнее. Теперь ее приняли как равного себе — можно было не беспокоиться за неосторожные жесты, которые могли ввести в смущение знатных господ, ей все прощалось. После того, как она вместе с Беном отошла от высшего кружка Рединга, все сами кинулись к ней наперебой знакомиться. Перед глазами завертелся вихрь из разноцветных богатых одежд и всевозможных сверкающих украшений. Она только и успевала раскланиваться направо и налево и говорить любезные приветствия в ответ, отпуская между ними шуточные ответы на глупые вопросы. Вся эта надушенная толпа подхватывала ее, передвигая по всему залу, пока не остановила в кругу дам, чье внимание

Джайра привлекала с момента появления.

— О, господин рыцарь, мы рады быть знакомыми с вами, — подала одна из них руку для поцелуя. Джайра смекнула, в чем подвох: для поцелуя ей надо было снять повязку, но нет — ее невозможно было провести. «Вот о чем говорил Фарен...»

— Прошу прощения, мадемуазель, — с сожалением в голосе ответил ей Кровопийца, — но я не могу принять такую честь от прекрасной половины общества в этом зале — я не смею притронуться к вашим рукам, потому что я боюсь и прикасаться к такой изысканной чистоте. Но позвольте мне извиниться перед вами. Этим извинением будет мой вам поклон, как знак восхищения вашей красотой и чистотой, — она снова отвесила еще более грациозный поклон и заметила разочарование женщин, что их уловка не прошла, но они были еще более восхищены такими редкими манерами, которыми не отличался ни один знатный господин и уж тем более — рыцарь. И тут начались расспросы:

— Сэр Кровопийца. От этого имени мурашки по коже, — со смущенным смехом делано вздрогнула одна из девиц. — Скажите, это правда, что вы обезображены из-за несчастного случая, произошедшего с вами в детстве?

Джайра еле сдержала смех от такой буйной фантазии, разыгравшейся у знати. «Действительно, все придумали за меня...»

— Нет, это нелепость, — с самоуверенной улыбкой в глазах ответил Кровопийца. — Мое лицо хоть и не может никто увидеть, но я ручаюсь своей честью, что оно столь же неказисто, как и скрывающая его маска...

В глазах женщин сверкнули радость и надежда заполучить сердце молодого рыцаря.

— А это правда, что вы дали обет ради своей возлюбленной? Что вы откроете свое лицо только тогда, когда снова ее встретите?

— Я поражаюсь этим выдуманым глупостям, но скажу вам честно: мой обет не касается любви и женщин, это только дань уважения моему погибшему наставнику.

Все дамы заулыбались — для притязаний на его сердце теперь не было никаких препятствий. Неловкость Джайры сменилась нервным едва сдерживаемым смехом.

— Сэр Кровопийца, мы слышали, будто у вас есть татуировка на левой стороне лица и что она выглядит, как ветка ядовитого плюща...

Это было уже подозрительно опасно.

— ... у вас действительно есть эта татуировка? Что же она означает и как вы ее получили?

В уме подбирая подходящий вымысел, бывшая наемница ответила:

— К сожалению, это не очень радостная история, мадемуазель, поэтому я не хочу, чтобы кто-либо из вас услышал ее. Могу сказать только одно: татуировка, может, и поставлена мне справедливо, но причиной для этого была трагичная случайность, о которой я все еще сожалею...

— О, господин рыцарь! Мне очень жаль, что я задала вам такой неприятный вопрос. Я вам напомнила об этой трагедии. Чем я могу снова развеселить вас?

Вовремя удержав себя от того, чтобы не поднять глаза к небу от такого тошнотворного лепета, Джайра потупилась. «Интересно, будь здесь Эврикида, Ксия или Фарен, сильно бы они смеялись?»

— Ну что вы, не стоит. Уже при одном только взгляде на вас, милые дамы, мое сердце, редко видевшее такую красоту и великолепие, радуется. Благодарю вас за такое дружественное беспокойство о моем сегодняшнем настроении, — Джайра статно

кивнула, — но сегодня я расположен только к веселью, так что можете не беспокоиться за меня, если это вызывает ваше волнение.

— А можно задать вам еще вопрос?

— Конечно, миледи.

— Это правда, что вы родом из эльфов, поэтому у вас такие способности и такая пластика?

— Не могу вам точно ответить на этот вопрос. Я не интересовался моей родословной. Кто знает, может, это и так...

Мелодичные игры оркестра умолкли. Центральные двери зала широко распахнулись. Все рыцари и знатные господа склонились в почитании перед вошедшими королевскими особами. После того, как король строго поклонился в ответ на окружающие реверансы и поклоны и прошел через весь зал между шеренгами гостей в сопровождении своей сестры к противоположной стене, начались танцы. Зазвучал октавский вальс, излюбленный танец всей знати, где можно было перезнакомиться со всеми, беспрестанно по правилам танца меняя партнера. В партнерши Кровопийце досталась миловидная девушка, одетая в узкокорсетное платье с кринолином нежно-розового цвета. Она смущенно улыбалась, не отрывая восторженного взгляда от своего кавалера, и изредка посматривала в сторону на своих подруг, которые щебетали как птички, подбадривая ее жестами и взглядами. Вальс зазвучал стремительными темпами, оба партнера поклонились друг другу, и все пары закружились в опьяняющем танце. Круг, круг, еще круг, теперь отход, и Джайра уже танцевала с другой девушкой. Таким образом, молодой рыцарь перетанцевал за один танец со всеми незамужними дамами в зале. Уже ближе к концу в партнерши Джайре попала сама принцесса.

— Вы прекрасно танцуете для наемника, — без подозрений в голосе сказала она во время танцев.

— Думаю, за это нужно поблагодарить моего наставника.

— У вас странные глаза, — не унималась принцесса. Она явно хотела узнать больше о новичке, чем другие особы. — Они так холодны и улыбаются будто металлической улыбкой.

Джайра чуть не споткнулась о собственные ноги.

— Что ж, наверно, на них сказалась опасная и обманчивая жизнь наемника...

Все наблюдали за ними. В конце вальса уже не нужно было меняться парами, и поэтому сейчас они кружились вдвоем, развевая подол платья принцессы.

— У вас довольно ловкие и нежные руки, — этой фразой Мариин еще больше ошарашила Джайру. — Будто бы вы были не наемником, а музыкантом.

— Ну-у... Наемники обращаются со своим оружием как скрипачи со скрипкой...

Принцесса улыбнулась. В ее глазах, излучающих мягкий голубой свет, не было видно ни намека на то, что она претендует на сердце Кровопийцы, но тем не менее ее вопросы были странно пронизательны...

Вальс закончился. Поблагодарив друг друга за танец реверансами, оба уже хотели разойтись, но тут принцесса сбивчиво произнесла:

— Вы достойный человек для звания рыцаря, то есть, звание рыцаря достойно вас.

— Благодарю, это для меня комплимент высочайшей степени.

— Не хотели бы вы подышать вместе со мной свежим воздухом? Здесь очень душно.

Принцесса была действительно бледна.

— Как прикажете, ваше высочество.

Принцесса вздохнула на ее ответ, но ничего не ответила.

Джайра последовала за скользким шлейфом кукурузно-желтого платья Мариин. Она вывела ее на балкон, пустующий в это время. Свежий воздух привел Джайру в чувство от дурманящих ароматов духов. Принцесса присела на скамью у перил балкона, изящно положив одну руку на перила, а другую с платком опустив на колени. Джайра ожидающе стояла рядом с ней, осматривая площадь.

— Сегодня очень много гостей, обычно и половины из них не увидишь на балу, — произнесла дрожащим голосом Мариин. — Вы понимаете, в чем причина такого сбора?

— Нет, даже представления не имею, — отвлеченно ответила Джайра, между тем, как принцесса не отрывала от ее лица испытующего взгляда.

— Они все собрались посмотреть на вас. Еще никто не смог без единой раны или ссадины пройти это испытание. Все рыцари приняли свое звание в наследство от своих отцов, еще никто не смог его заработать таким простым путем. Вы первый, господин рыцарь. Откройте ваш секрет: кто вы такой? — Джайра встретила ее взгляд. — У вас речь образованного человека, вы умны, умеете вести разговор в нужном направлении, у вас грация и ловкость эльфа, вы сильны. Кто же вы? Я не намерена из любопытства узнать вашу личность, я добиваюсь этого из опасения за моего брата, к которому вы будете приближены на турнире в Тааре.

— Поверьте мне, ваше высочество, — таким же сдержанным тоном, как и до этого, не теряя самообладания, ответила ей Джайра, — моя личность не достойна даже маленькой толики того внимания, что ко мне проявлено сегодня. Моя жизнь не стоит и ломанного гроша, у меня нет никакого имущества, кроме моего языка, меча и коня. Что я могу скрывать от вас, кроме как свои жестокие поступки?

Принцесса отвела глаза в сторону. Недоговаривающая честность Джайры ее успокоила.

— Вы правы, и это еще один повод, чтобы обратить на вас внимание...

В голову наемницы стали приходиться нелепые мысли, догадки об истинной причине этого разговора.

— Хоть вы и не знатного происхождения, но вы намного лучше, намного выше самого знатного господина в Ардонии! — вдруг принцесса вскочила с места, с пылом бросившись к Джайре. — Прошу вас простить меня за этот безрассудный поступок с моей стороны, но я хочу объяснить вам. До этого момента я не верила в любовь с первого взгляда, но я влюбилась в вас, как только увидела сегодня на Испытании! Прошу вас, ответьте мне взаимностью! Ради вас я откажу султану и сбегу вместе с вами, куда глаза глядят. Если вам дорога ваша новая установившаяся репутация, то мы поступим иначе: мы будем тайно встречаться, и я все равно откажу султану! Прошу вас, ответьте «да»!..

С начала ее исповеди округлив от крайнего изумления глаза, рыцарь шархнул назад, но как только она дошла до последнего предложенного варианта их тайной любви, он вдруг расхохотался, придерживаясь рукой за мраморную колонну.

— Чему вы смеетесь? Вы насмехаетесь надо мной? — начала негодовать королевская особа.

— Нет, нет, что вы! — сквозь смех проговорила Джайра. — Я просто уже выдержать не могу!.. Простите, принцесса, простите!.. То, что вы сейчас сказали, невозможно между нами.

— Почему? — изумилась девушка. — Вы не любите меня?

— Да нет, не в этом дело, — все еще посмеиваясь, сказал рыцарь. — Просто вы, как и все эти надутые щеголи в зале, повелись на мой обман. Мне это лестно, но я никак не

ожидал такой исход всего моего маскарада.

— Что вы имеете в виду?

— Вы приняли меня не за того, кем я являюсь на самом деле. Простите меня еще раз, но я не могу открыть вам своего лица и имени, но даже без этого можно доказать, что я вам не пара.

— Вы хотите сказать, что вы меня не достойны? Как это великодушно! Нет, вы самый достойный человек во всем знатном обществе!..

— Да нет же!.. Как же вам объяснить... Придется мне все-таки снять мою вуаль.

Рыцарь снял повязку с лица. Принцесса в ошеломлении отступила назад. Перед ней открылось лицо молодой девушки с усмешкой на лице и металлическим блеском в глазах. На щеках горел веселый румянец, поэтому татуировка сильно выделялась на лице.

— Простите, но у меня не было другого выхода. Не могла же я завести в заблуждение вас, принцесса. Теперь вы все поняли?

— Вы... вы...

— Только прошу вас, ничего никому не говорите! Я бы не пошла на такой обман, не будь у меня на то серьезных причин и целей, так что я хочу, чтобы вы мне дали слово...

— Слово?

— Слово, что вы никому ничего не расскажете. Взамен я предлагаю вам свою помощь, когда она будет вам необходима.

— Хорошо, я буду молчать, — упавшим голосом произнесла принцесса, снова опустившись на скамью и понурившись.

Почему-то Джайре показалось, что целью принцессы было отнюдь не признаться в любви Герою Ардонии. «Хотела сбежать из дворца?..»

Увидев, что лжерыцарь надел повязку обратно, Мариин удрученно вздохнула.

— Зачем? Для чего вы все это делаете? Кто вы такая?

— Уверю вас, это не имеет никакого значения в любом случае. Я могу вас понять: я оскорбил вас — могу я все же выражать свое мнение как мужчина? — до глубины души задел вашу гордость, но кто же мог из нас двоих знать, что все так выйдет? Воспримите это как жестокую шутку коварной судьбы и расстанемся друзьями, вы согласны? — Мариин молчала. — Прошу вас, будьте снисходительны — помните: я наемник по своей натуре.

— И так же скрываете ото всех свою внешность и имя?

— А как же! Знаете, ваше высочество, в Ардонии не ценят женщин. Они в цене только тогда, когда они красивы и слабы, чтобы их было легко заполучить. А кому нужны женщины-воины и недотроги?

— Так вы одна из амазонок, что живут на юге страны? — подняла на нее глаза принцесса.

— Когда-то ею была, но сейчас я не подхожу ни под одно происхождение в этом мире. К тому же, амазонок больше нет. Последнее поселение сожжено дотла, а его обитатели перерезаны. Осталась в живых только одна из некогда доблестных защитниц старых традиций Имраны Заступницы.

— И где же она? Я хочу увидеть это бедную бездомную...

— Боюсь, это невозможно. Я не могу устроить вам эту встречу, хоть она и под моим присмотром. Хочу вам сообщить, что ее захватили в рабство, и я совершенно случайно выкупил ее у темнокожего работорговца сегодня на Торговой площади.

— Какой ужас!..

— Теперь вы понимаете, почему я скрываюсь? Темнокожий народ перешел все границы, и поэтому давно не заслуживает всемирного доверия и уж тем более дружбы. Вы понимаете теперь цель моего обмана?

— О да, теперь я все понимаю! — воскликнула принцесса, вставая с места. — Прошу простить меня за мою неосторожную женскую доверчивость. Я сейчас же все расскажу брату!..

— О нет! — рыцарь встал на ее дороге, когда она уже подалась обратно в зал. — Не стоит это говорить королю. Вы же не хотите, чтобы он вдруг затеял войну? Предоставьте лучше мне отомстить за южан. Уверю вас, все будет выполнено наилучшим образом, и никто даже не заподозрит, чьих рук и от чьего лица эта месть.

— Еще раз благодарю вас, вы великолепный политик, — торопливо ответила принцесса, кивнув в знак согласия.

— Я и не сомневался в другом ответе, — Кровопийца склонился перед ней в изящном поклоне и отошел в сторону.

Спустя некоторое время, Джайра снова вступила в свет огней бального зала. Среди всех прочих любопытных взглядов, облепивших Джайру, она почувствовала на себе холодный взгляд короля-рыцаря, но не стала подавать виду, будто заметила королевское внимание. Настроение короля можно было понять по сменившемуся характеру любопытства: вместо восторга это было осуждение, почти презрение. «Что я сделала не так?..» Как по волшебству вокруг нее образовался пустой круг, больше никто не желал знакомиться с Героем. Не понимая сменившийся настрой общества, Джайра в растерянности стояла в одиночестве у стены, стараясь не обращать внимания на устремленные на нее глаза. К счастью, сразу с двух сторон к ней на помощь поспешили Мариин и Бенрад, едва не столкнувшиеся перед Джайрой.

— Прошу прощения, ваше высочество, — склонил голову перед принцессой Бен. — Я не видел вас.

— Прошу и меня извинить за то, что не смотрю по сторонам.

Джайра молча смотрела на них, хлопая глазами.

— У вас есть разговор к Кровопийце? Я не буду вам мешать.

— О, нет-нет, сэра Бенрад! Я просто хотела поблагодарить господина рыцаря за прекрасный танец, — принцесса присела перед Джайрой, ответившей ей поклоном, и публика снова возликовала. «До чего же впечатлительный народ...»

Проследив за удаляющейся Мариин, Бен обратился к другу:

— И когда ты успел потанцевать с принцессой?

Герой пожал плечами.

— Лучше спроси, с кем я не танцевал.

Бен засмеялся. Джайра отметила про себя, что Мариин боковым зрением наблюдает за ними, но беспокойства от нее не исходило. «Думает, я в надежных руках?»

— Я думаю, — издали начал Бен, — тебе наскучило здесь?

— Скорее, я просто немного устал от чрезмерной вежливости.

— Да, по тебе это заметно, — снова рассмеялся рыцарь. — Тогда я могу тебе предложить более дружественную компанию? Там намного веселее, поверь мне.

«Что может быть еще хуже этого кукольного спектакля?»

— Ну, что ж, если там предложат присесть, то я не против — знаешь ли, я не привык к такому количеству поклонов.

Не перестающий смеяться, обрадованный Бенрад повел Кровопийцу прочь из бального зала. По дороге рыцарь не проронил ни слова, пока они не остановились перед тяжелой дубовой дверью, окованной железом. Оттуда доносились далеким эхом странные звуки шумного праздника, которые отнюдь не понравились наемнице.

— Тебя все ждали, это празднование в честь Героя Ардонии, — рыцарь толкнул дверь вовнутрь.

Когда она вошла, ей показалось, что дверь распахнулась не с помощью руки Бенрада и не сама собой, приглашая ее войти, а из-за этого рева и гвалта, волной чуть не сваливших ее с ног, по крайней мере — оглушившей на пару секунд. Первой мыслью было развернуться и сбежать — без разницы куда, хоть в горелые пустоши или неизведанные земли, лишь бы подальше от этих орущих во всю глотку, стараясь перекричать друг друга, и при этом веселящихся от души болванов, облицованных железом как крыша черепицей. Остолбенела она точно — Бен почти втолкнул ее в зал, и широко распахнутые глаза она тоже не могла контролировать. От многочисленных хлопков по спине — и кто сильнее, тот лучше — точно останутся синяки, и при следующих за хлопками поздравлениях и подколах в ушах звенело, гудело и рычало на разный лад, так, что даже слова перестали различаться, а по губам читать даже и в голову не пришло. Пустое пространство оставалось только над головой, пока вся эта толпа куда-то кружила ее каруселью множества лиц и толканий, но как только она под тяжестью чьей-то руки жестко приземлилась на скамью в тисках между двух абсолютно незнакомых рыцарей, шум из океана превратился в сферу, где было почти нечем дышать, кроме пота, пьяного дыхания и вина. Перед ней поставили огромный кубок вина цвета крови, и наконец-то проснулся разум:

— Нет-нет, я не пью. Я никогда не снимаю повязку на людях.

Похоже, всем было уже наплевать. Принятие нового прославленного героя в ряды рыцарства уже стало не ее праздником, а всеобщим. Тост за тостом, реки выпивки, часы согласного кивания. Кто-то притащил музыкальные инструменты, и за столом стало попросторнее. Наиболее пьяная доля рыцарей начала едва ли разборчивые песни и уж вообще режущие слух игры на инструментах кто в лес кто по дрова, и вот тут голова перестала выдерживать все это давление.

Ссутулившись над столом, сложив на него локти и закрывая руками голову, Джайра была готова взмолиться, чтобы прекратили этот шум. Крайняя раздражительность, головная боль и начинающееся нытье объяснялось еще тем, что она ясно осознавала, что любая попытка утихомирить этот хаос была бы бесполезна. Был, правда, один выход, довольно простой, и все бы были довольны — просто сбежать. Оглядевшись и не обнаружив рядом с собой никого, кто мог бы помешать, Джайра вскочила со скамьи и направилась к дверям, как слух взорвала труба. Схватившись за голову, пытаюсь уберечь уши от такой жестокой участи, пришлось передвигаться вдоль стен. Вот она — желанная дверь! Но нет, это было бы слишком просто, поэтому перед ней появился один из этих толстяков.

— Сэр Кровопийца! Куда-то спешите? А как же праздник?

«Ну что ответить этому пьяному дураку, чтобы он поверил и отвалил?»

— Мне надо в уборную.

Действует безотказно.

Когда он нашелся, что сказать, Джайра уже захлопнула дверь, облегченно вздохнув.

Была бы веская причина для такого празднества — она бы ее поняла, почему эти люди, уважаемое рыцарство во всем мире, напиваются до самозабвения, чтобы уйти от всех этих

рагных тяжелых будней, но всего лишь посвящение в защитники государства еще одного человека, еще ничего не обещающего, — это было слишком слабым поводом. Вспоминая все эти лица, оставшиеся за дверью, она прояснила кое-что: абсолютно пьяными были только наследственные рыцари; те, кто проходил Испытание и был не в сильном почете у короля, держались бодрячком. «Может, не стоило уходить?» Нет — эту какофонию она бы все равно не вынесла. Еще раз вздохнув, Джайра отделилась от двери и сделала пару шагов к выходу, как дверь снова распахнулась и ее окликнул Бенрад:

— Эй, Кровопийца! Почему ты уходишь?

Предыдущий ответ явно не сработает. Не найдясь, что ответить в этот раз, она обернулась. Бенрад прикрыл дверь, оставшись на расстоянии и глядя на нее с недоверием.

— Я понял: ты просто не хочешь оставаться в такой компании, это ниже тебя.

— Не могу представить, когда ты успел так быстро уловить мои предпочтения...

— Не пытайся все свести в шутку, — за его огорчение Джайра чувствовала вину. — Я не знаю, кто еще мог быть у тебя в друзьях, если судить по тому колдуну, но ты никогда их не расстраивал. Теперь твои друзья они, — он кивнул в сторону пирующих рыцарей, — и ты не можешь их бросить просто так. Этот праздник для тебя.

— Нет, Бен, они не мои друзья, — что ж, в этом она могла защититься. — Чтобы стать другом, недостаточно просто носить одно и то же звание, ты сам это понимаешь, я знаю. Я их не знаю. Они меня не знают и даже видят впервые. И эти глупые рассказы о подвиге здесь ничем не помогут, и дружбу уж точно не скрепят. Ручаться могу, уже наверняка нашлись завистники. Ох, а мне ведь и за стенами врагов хватает. Извини, но это посвящение меня ничем не радует, только добавляет еще больше ответственности и обязанностей. Будь моя воля, я бы никогда не пошел на это Испытание, так позволь мне уйти, пока я не пожалел, что вообще нанялся тогда в сопровождение купца.

— Ты лицемер, — горечь в словах заставила Джайру вынуть свой верный щит — сарказм.

— У меня много масок.

— И циник.

— А это мое средство для выживания. Я же наемник. Бен, говорю тебе еще раз: отпусти меня, пока мы не сказали друг другу такого, о чем сильно пожалеем после.

На его лице гримасой душевной боли отражалось огорчение, а сжатые руки в кулаки обличали его обиду. Он просто молчал и смотрел в глаза человеку, которого посчитал надежным другом. Вот только какой друг вот так открыто будет отвергать дружелюбную компанию?

Джайра вздохнула. «Он поймет со временем. Обязательно поймет».

— Доброй ночи, — с натянутой улыбкой кивнула она и поднялась наверх из этого тайного рыцарского убежища, разместившегося в полуподвальном помещении почти у самой конюшни. Уже когда ее шаги затихли в ночной тишине и раскатами грома доносящемся хоровом пьяном пении, из-за дверей вынырнул Эрион.

— Ушел?

Бенрад, уставившийся на лунную пелену, скользившую из окна верхнего этажа, точно на обидчика, словно онемел. Феникс с глубоким вздохом сопереживания другу встал рядом с ним, прислонившись к стене и сложив руки на груди.

— Он привыкнет...

— Нет, непривыкнет, — вполголоса ответил вайенец. — Я не услышал его сразу. Ведь

он постоянно твердил о том, что он всегда один. Наемник. Ему не нужны друзья — ему нужны союзники. А мы так вероломно поверили, что он может быть Героем...

— Бен, постой, — покачал головой Эрион. — Ведь герои всегда одиноки. И знаешь, почему? — взглянув на Бенрада, он увидел, как его взор посветлел от благостных мыслей. — Они просто не хотят рисковать чужими жизнями. Мы уже убедились, что Кровопийца — истинный Герой, который нам нужен, просто мы забываем о его скрытности.

Скрытность помогала Джайре тихо передвигаться по сонным улицам Октавы. Медленно шагая верхом на Вороне, она погрузилась в раздумья, устало ссутулившись в седле. Звуки музыки из дворца все еще были слышны за спиной, как надоедливое напоминание о ее новой вязкой, как грязь, проблеме. Никогда еще она не чувствовала такой усталости. Советы Фарена хорошо помогли, но недостаточно для того, чтобы сохранить свою маску. Замыслы принцессы сбивали с толку: такая отчаянная инициатива сначала и такой деловой подход в конце. «Чего она хотела от меня?» Удивительно, как принцесса поверила замыслу наемницы о возмездии дроу. В который раз Джайра поражалась своему дару убеждения. А ведь она даже не давила на королевскую особу! Она сама ей поверила, несмотря на ее обман! «Снова грезы о великом Герое Ардонии?» Смех прозвучал горько. Если бы люди знали, кто она, никто бы не назвал ее Героем никогда.

С третьим и последним в этот час ударом огромных башенных часов на Торговой площади Джайра въехала во двор логова ассасинов. Расседлав Ворона, она первым делом поднялась на второй этаж к гостевому столику и сбросила с себя казавшийся теперь таким узким и удушающим камзол и надоедливое сюрко и сладко потянулась, расправив занемевшие от длительного напряжения мышцы. Все три этажа цепочкой светлячков овивали круглые оранжевые светильники, подсвечивающие колыхавшиеся высоко над головой окрашенные ткани пляшущим фейерверочным огнем. Здесь было тихо, редко откуда доносились домашние ночные звуки. Сверху, вальсируя, спустилась резная снежинка. Не веря своим глазам, Джайра подставила под нее ладонь и долго наблюдала, как первая весть о близкой зиме тает от ее тепла. Одним порывом девушка вспрыгнула на крышу и подставила лицо навстречу падающему снегу, вглядываясь в черное небо, похожее на бездну. Снег всегда вызывал благоговейный детский восторг, особенно если он появлялся после долгой осени в первый раз и не в свое время. Где-то в глубине души появлялся вслед за восторгом и страх. Страх не успеть что-то сделать до зимы, страх перед трудностями жить и путешествовать в холода, когда мир будет не так приветлив, как летом. На вновь подставленную ладонь не успевала опуститься ни одна снежинка — вместе со снегом пришел и резкий порывистый ветер. Джайра невольно поежилась, потеряв ладонями плечи, наблюдая, как изо рта вырывается едва заметный, но все же пар.

— Октава, песнь Ардонии, — прозвучало в паре шагах у нее за спиной, — которая молчит и боится уже много лет. Как это прискорбно. Вместо того, чтобы город пел, славил короля и Протекторов, он дрожит от страха, заглядывая за каждый угол из боязни наткнуться там на одну из множества смертоносных тайн, и с проклятиями стороной обходит Королевскую площадь. Еще пару лет, и город погибнет в своей же мерзости и зловонных интрижках... Присоединяйся. Сюда ветер не достает.

Ткани навесом тянулись над крышей небольшой галереей, под которой устроился Фарен, вертя в руках кусочек черепицы и тоже вглядываясь в огни города и бездонное небо. Джайра присела на расстоянии вытянутой руки от некроманта, искоса поглядывая на него. После нескольких минут молчания, глядя на запорошенные крыши, он с легким весельем

спросил:

— Все прошло хорошо?

Джайра резко мотнула головой, отчего зашпиленные волосы рассыпались по плечам.

— Не хочу сейчас об этом говорить.

— Понимаю.

Заметив, что наемница начала потирать замерзающие руки, Фарен снял свою потрепанную охотничью куртку из мягкой кожи и накинул ее на плечи Джайры, вздрогнувшую от неожиданного воделенного тепла. Вернувшись на свое место, он встретился с ее недоуменным взглядом и слабо улыбнулся.

— Люблю зиму, — тоскливый взор некроманта снова устремился к ночному небосводу. — Крестьяне отмечают Зимовье, надевают маски, как в Сиериконе, жгут костры по ночам в полях и танцуют вокруг них. После празднества можно не беспокоиться, что припасов не хватит до весны. Вокруг столько радости и веселья, редко случается несчастье... Зима — это почти идеальный мир. Когда все становится черно-белым, не надо задумываться об оттенках серого. Цвет больше не обманывает.

Джайра внимательно его слушала, кутаясь в согретую куртку, от которой почему-то пахло шоколадом. «Скучает по дому...»

— Но ведь все становится холодным, — произнесла она. — Зимой трудно найти тепло.

Грустная улыбка исчезла. В глазах, до сего момента светившихся теплыми воспоминаниями, стала отражаться чернота неба.

— Да, это так. Вместе с цветом уходит и тепло.

— Которым люди особо дорожат в холодное время и неохотно им делятся, хоть и так не проявляют благосклонность... Этот снег быстро растает, но он появился слишком рано, — постаралась сменить тему разговора Джайра, чтобы отогнать подступившую к собеседникам хандру. — Зима будет долгой и холодной, и урожай...

— Может замерзнуть, — вздохнул Фарен, как показалось Джайре, с каплей гнева. — Только голода Ардонии не хватало. Остается только надеяться, что Пекна поможет Руэлле.

Припоминая недавний разговор Фарена с его другом детства, ныне советником Гласа провинции и тайным чародеем, она открыто сказала:

— Я думала, ты недолюбливаешь лорда Пекны.

Фарен вдруг удивленно посмотрел на нее.

— Я? Почему же?

— Ну, — потупилась Джайра, — все эти восстания и войны...

Он устало усмехнулся.

— Это не лорды, и не крестьяне. Это все вассалы. Им разрешено вести свои дела между собой, лишь бы они платили десятину лорду и были готовы встать под его знамена.

— Так значит, это правда?

Теперь недоумение было на лице Фарена, глядящего прямо в глаза пристально смотревшей на него Джайре.

— Что — правда?

— То, что ты виконт, единственный наследник Руэллы.

— Был им, — искренне вздохнул он, — в прошлой жизни.

— Имеешь в виду — до заражения?

— Да.

Ответ некроманта на ее сочувствующий вопрос прозвучал грубо. «Может, он просто не

хочет об этом говорить?»

— Но ты и сейчас остаешься виконтом.

Еще большее сочувствие было встречено взрывом горького раздражения.

— Лучше бы я остался человеком.

Он откинул кусочек черепицы к ногам.

— Но послушай, почему ты не заявишь хотя бы своим родным, что ты жив? Тебя ведь ищут, уже столько лет переживают горе.

— И как ты себе это представляешь? Я появлюсь перед отцом в таком... виде? И кто мне даст гарантию, что я сохраню самообладание?

— Но сейчас ведь ты сохраняешь?

Фарен усмехнулся, немного помолчал, вслушиваясь в шорох навалившегося на крыши снега.

— Сейчас... Я даже сейчас не могу сказать, что я держу мрак на поводке. А что будет там? Что если я не выдержу при виде отца? Нет уж.

«Ненависть к самому себе... как это знакомо».

— Меня успокаивает немного только то, что в Октаве везде и всюду рыскают Стражи, они хотя бы не позволят причинить вред окружающим людям. А мне достаточно сломаться по одному поводу, чтобы сорваться.

— И какой же это повод?

Снова раздраженный вздох.

— Ну, например, я монстр, освободиться от проклятья навряд ли удастся. Сейчас я тих и спокоен, но это длится с момента встречи с Хероном, а как известно по закону подлости, после затишья начнется буря, и я даже представить не могу, что я могу сотворить. Мне никогда уже не стать нормальным человеком, — в голосе прозвучало знакомое Джайре отчаяние, — я никогда не увижу ни отца, ни дом. Ладно, хоть я пока не бросаюсь на каждого встречного, иначе мы бы с тобой сейчас не говорили.

— А ты не думай об этом, — энтузиазм, с каким Джайра произнесла эти слова удивил Фарена. — Зачем ты думаешь о том, что достижение твоей цели невозможно? Лучше думай о том, как ее достичь, — дотянувшись до откинутого черепка, она подала его Фарену. — Эврикида как-то сказала мне: не проклятия делают нас монстрами, а мы сами.

С сомнениями Фарен взял кусочек из ее рук, разглядывая его будто в первый раз. Джайра, сняв с себя куртку, накинула ему на плечи и исчезла за карнизом. Вскочив с места вслед за ней, он даже не успел ничего сказать.

Наемница снова спустилась на второй этаж к гостевому столику. Камзола и сюрко уже не было на месте — видимо, прибрали заботливые слуги. Джайра устало погрузилась в кресло, сложив руки на подлокотники. Где-то хлопнула дверь, но потом снова все погрузилось в ночную тишину. Этажом ниже в часовне сквозняковый ветер перебирал «небесные голоса», нежно звеневшие, ударяясь друг о друга. С грустным отчужденным видом она уставилась в одну точку, не меняя позы. Снова терзающие мысли об Эврикиде, снова это угнетение.

Спустя некоторое время к столу подошел Фарен, желая поговорить с наемницей еще, обсудить ее же слова. Но с изумлением он обнаружил, что она заснула прямо в кресле, в той же задумчивости. Улыбнувшись, некромант укрыл ее кем-то оставленным пледом и сел в кресло напротив, в котором еще до бала сидела перед ним Джайра. С самого начала что-то в этой девушке-воине его привлекло. Какая-то необъяснимая сила, заключенная в ее душе,

выражавшаяся в частых порывах чувств и решительных поступках. С сочувствием он смотрел ей вслед, когда она уезжала на бал, понимая, чего она боится на этом королевском приеме. «А раньше бы не боялась. Что-то ее изменило».

От раздумий Фарена отвлекли нервные подергивания Джайры. Судя по всему, сон был тревожный, полный кошмаров. «Что ее мучает?» Вспомнив, какие приемы древнего волшебства показывал ему когда-то Херон, Фарен дотронулся до руки наемницы. От прикосновения Джайра вздрогнула, но не проснулась. Будучи зачарованным созданием, некромант проник в ее сознание и погрузился в ее сон.

Глава 11

Шальные мысли

Местность, похожая на ад. Носится душный ветер, гоняя по воздуху пепел, песок и горячую пыль. Небо и земля багровели от жара. За ним, словно хозяин за своим верным псом, надвигался мрак, веющий ужасом и безнадежностью. Земля осыпается под ним как истлевший пергамент. Джайра оборачивается. За горизонт тянулись высокотравные холмистые луга вслед за заходящим солнцем и дышали безмятежностью. За самым дальним холмом послышалось знакомое бормотание — Эврикида любила рассуждать вслух, даже не проверяя, идет ли рядом с ней слушатель. Со стороны мрака раскатывался гром и тяжелый треск земной тверди. Джайра взгляделась. Все пространство под тучей мрака падало вниз, не оставляя никакой опоры, и светилось из глубины зеленым огнем. Душу одолел ужас. Она знала, что это — этот кошмарный сон являлся ей уже не в первый раз — и стремглав бросилась к закату. В ушах отдавался частый стук сердца, отсчитывая вдохи и выдохи. Как она ни старалась, но руки и ноги путались в развевающихся изорванных белых лентах, окутывающих все ее тело, и очень быстро Джайра выбилась из сил. Настигший мрак оползнем стянул ее к обрыву. Она едва успела ухватиться за острые обломки камней, повиснув над пропастью. От увиденного захватило дух, закружилась голова. Там, внизу, словно омут, вихрились воспоминания о потерях. О всех, кто когда-то погиб на глазах у нее. Хоть воспоминания очень давние, чувство вины не уменьшилось, а только возросло вместе с отчаянием и самоуничижением.

«Все они погибли из-за меня...»

Правая рука сорвалась, левая соскальзывала. Легкие разрывало от жгучего холода, на глазах выступили слезы. Собрав все оставшиеся силы, она закричала:

— Помогите!

В последний миг кто-то схватил ее руку. От спасителя веяло теплом.

— Я держу тебя.

Сильные руки вытянули ее на прочную поверхность, аккуратно помогая преодолеть острые выступы. Не понимая, чем вызвано изумление — тем, что в этот раз она не упала в бездну, или тем, что этим спасителем оказался Фарен — Джайра во все глаза смотрела на него.

— Почему ты?

Он улыбнулся той самой улыбкой, которая раздражала ее в трактире у «егеря», но сейчас вызывала лишь ответную радость, и хотел что-то сказать, если бы не проследил за внезапно переменившимся взглядом Джайры, что-то увидевшей у него за спиной. Зная, что там, ощущая это как свой собственный чудовищный омут, Фарен выпустил руки Джайры из своих, мгновенно исчезнув.

— Нет, не уходи!

Земля разверзлась, увлекая сквозь туманную пропасть куда-то вниз, пока Джайра не свалилась в кресло, вздрогнув и тут же проснувшись.

С другой стороны галерейного этажа, опираясь на перила, за ее пробуждением наблюдал Фарен, раздумывающий над тем, что он увидел в ее сне. На лбу залегли хмурые складки, а сам он испытывал смущение от того давления, которое оказывал на него рядом стоящий Хаким.

— Я не знаю, почему меня к ней тянет, — ответил он, выслушав, как ему показалось, всю нотацию хецина о том, что он думает, увидев ночью Фарена возле кресла спящей Джайры.

— Притяжение не обязательно может быть связано с магией, — продолжал настойчивый старик. — Иногда нас тянет к тем, с кем мы близки душой.

Фарену не нравились эти намеки.

— О Благодатная Эпоха! Неужели ты тоже веришь в эти женские приметы?

С усмешкой хецин погладил бороду.

— Вера есть у каждого, неважно во что.

Некромант снова нахмурился, потеряв переносицу. «Где-то я это уже слышал...»

Каким-то образом Хаким предугадывал мысли молодого человека. Немного помолчав, погружившись в эфемерные ностальгические грезы, он встал рядом с Фареном, тоже взявшись за перекладину перил, и теперь вместе с ним наблюдал за раздраженной кошмаром и разминающей затекшую шею Джайрой. Фарен перевел взгляд на него.

— Джайра — наша твердыня, боевой дух, бастион стойкости, — некромант снова взглянул на девушку. Та, потягиваясь, чтобы расправить спину, зевала во весь рот. Пробегавшие мимо дети нечаянно толкнули ее, и зевок завершить не удалось. Она только посмотрела им вслед и покачала головой. Фарен не сдержал смеха, на секунду выпустив его сдавленным звуком. Не замечая этого, Хаким продолжал: — Она находчива как авантюрист, хитра как вор, рассудительна как ассасин и благодетельна как герой.

— Да, — протянул некромант, — хороший набор для знатного рыцаря.

Обойдя Хакима, он направился к Джайре.

— О чем вы там шушукались? — язвительно встретила их наемница. — Неужто шептовали на меня?

— Твои действия обусловлены необходимостью, здесь не на что шептовать, — ответил Хаким. Как-то странно посмотрев на них обоих, он вдруг заторопился вниз: — Я распоряжусь о завтраке для тебя.

Джайра сощурилась, проследив за хецинком, потом перевела этот же взгляд на Фарена, который тут же отвел глаза. Ей припомнился кошмар. «Он появился в нем не случайно, ведь так?..»

Фарен старался не выдать на лице ничего, что могло бы дать почву подозрениям Джайры насчет него. Присев в кресло, он все с той же загадочной полуулыбкой взглянул на нее. Настал черед Джайры паниковать. Пока старалась принять непринужденный вид, она заметила на нижнем этаже Ксию с Тамирой, с любопытством наблюдающих за ними, и испепелила их взглядом. Ксия с усмешкой что-то сказала хецинке, и та хихикнула. Джайра фыркнула. «Этого еще не хватало!»

— Ну, и как все прошло? — жизнерадостный голос некроманта привел ее в недоумение.

— Ты не предупредил меня об одном, — насупилась наемница.

— О чем же?

— О рыцарской компании.

Фарен расхохотался.

— Как ты сказала? «Рыцарская компания»?

— Да, — злость боролась с удивлением. — И судя по всему, пируют там одни оппозиционеры, замышляющие свергнуть короля.

— Что?!

— Да-да! — крайнее изумление некроманта дало ей повод торжествовать. — И славят они между всем прочим твое имя.

— Ну, что ж, польщен, весьма польщен, что привлек к себе так много внимания. Это, собственно, и было моей целью, — Джайра скривилась: «Дворянская показуха». — Почти никто и никогда не может удержать позиции против Амниса, а тут целый рыцарский состав...

Слуги принесли поднос с едой. Для Фарена на всякий случай была заботливо принесена чашка с отваром из трав, которую он, к удивлению Джайры, принял.

— Постой. Ты хочешь сказать, что королю-рыцарю никто не смеет возражать?

— Да, именно так, — некромант спокойно делал глоток за глотком, как обычный человек. — Своей политикой он, по сути дела, разоряет Ардонию, но в одиночку с ним спорить очень трудно, поэтому все выбирают более безопасный путь, который предложил советник Гласа Речных Графств Майер Солмейк.

— Ты имеешь в виду прошение о независимой державе?

Кусок не лез в горло от важности разговора. Впервые она что-то узнавала о тайнах королевской власти.

— Оно самое. Одно назойливое насекомое король может раздавить, но целый рой заставит его задуматься о мерах предосторожности. Я вижу, рыцари совсем в отчаянии, раз создают свое подполье. Только у них ничего не выйдет.

— Отчего же?

— Во-первых, они не могут долго врать, такова их природа. Во-вторых, — Фарен взял в руки кусочек прессованной шепталы и очень долго рассматривал его, — им необходимы преимущества, которые могут дать только союзники. Самых лучших союзников я вижу для них только ассасинов. У вас нет претензий на трон, и риск войны от Аль-Пассала вы отведете. В-третьих, как ни крути, им нужен свой престолонаследник, кто-то из рода Викариус Лючис, то есть единственная Мариин. Даже если у них получится сделать из принцессы королеву, сначала нужно будет вырвать ее из стальной клетки Амниса. Мариин — его домашняя зверушка, он не дает ей и шагу сделать к трону. И, наконец, самое главное, — потянув с ответом, он очень долго разжевывал лакомство. Джайра с нескрываемым удивлением наблюдала выражение наслаждения у него на лице, — в-четвертых, им не удастся свергнуть короля в одиночку, их должен поддержать народ. Для этого им необходим стойкий лидер, за которым пойдут люди, — немного подумав, Фарен добавил: — Например, Кровопийца, — и весело рассмеялся над реакцией Героя Ардонии, открывшей рот и в ошеломлении глядящей на него. — Теперь дело за тобой.

«Вот зачем им нужна была я... Мне стоило опасаться Бенрада больше всего, а я так вероломно поверила в его искреннее желание подружиться. Правы были велийцы».

Фарен дал ей время обдумать услышанное. Рядом со столиком появился Зайн, встав в стойку телохранителя рядом с аль-мусиальдом.

— Выиграешь в турнире, — снова обратил на себя внимание некромант, — станешь всенародным любимцем и признанным Чемпионом. Против тебя навряд ли кто пойдет. Советую тебе подумать над этим. Заслуженное место при королевском дворе с незыблемым и независимым авторитетом — это, можно сказать, залог обеспеченной жизни. Очень хорошая перспектива. Поздравляю.

— Меня не с чем поздравлять, — резко ответила рассерженная Джайра. — Я не просто не хочу быть при дворе, я не могу — мир слишком опасен, чтобы быть у всех на виду.

— Согласен. Но иногда приходится вести себя вызывающе, чтобы люди обратили на тебя внимание.

— Обычно обращают внимание в первую очередь враги.

— С твоим послужным списком, если бы ты была при дворе, я даже не знаю, кто был бы у тебя во врагах. Обычно, это ассасины или Гильдия воров, в особенности для короля, но они тебе не враги, — допив отвар, он добавил в задумчивости: — Хотя... Если ты имеешь в виду *его*, то это действительно смертельный риск.

Она сделала вид, будто пропустила мимо ушей последние слова Фарена.

Наемница тяжело откинулась в кресло. «Ну, и что теперь делать?»

— Не знаю, как ты, — Фарен с интересом выбирал, какое еще из лакомств отведать, — а мне кажется, что турнир организуется не просто так. Он служит прикрытием для чего-то. Уже очень давно самые сильные воины мира не собирались вместе. Каждый правитель держал их при себе на случай крайней опасности. Не знаю даже, как и объяснить сейчас их действия. Будь внимательнее — этот капкан поставлен на кого-то очень большого и сильного.

Никогда еще Джайра не была в таком тупике. Даже когда была окружена теньвыми химерами в том подземелье — это было не так беспросветно, как сейчас сложившиеся обстоятельства. «Долнарн говорил о моем участии в будущем. Уж не оно ли это?..»

Ехать в Аль-Пассал все равно было нужно — Вездесущий хоть и терпелив, но кто знает, где сейчас Али и что с ним. Восточная страна всегда находилась в тревожном состоянии, будто вот-вот могла разрушиться до основания и смешаться с песками пустынь, не оставив даже оазисов. Самой главной тревогой все еще остается мгла, надвигающаяся с горелых пустошей, где распростерся мрак, но пока она не переходит границы Дахава, города тишины. Если ослабнут ассасины, то государство Хеция, точнее единственное, что от него осталось — его западная территория Аль-Пассал — развалится изнутри. И люди Ардонии будут одиноки в своей борьбе против мрака.

Оборвав свои тяжкие мысли, Джайра снова уставилась на некроманта.

— Что ты так на меня смотришь? — сказал Фарен с набитым кусочками щербета ртом.

— Ты ешь.

Некромант пожал плечами.

— Да, мне стало немного лучше, и я захотел есть.

— Лучше? — Джайра вздернула левую бровь.

— Ну, да. Что в этом плохого?

— И давно это у тебя?

— С прибытия в Октаву. А что?

— Странно.

Не зная, как объяснить подозрительность наемницы, Фарен осторожно поинтересовался:

— Ты можешь это как-то объяснить?

— В том-то и дело, что нет.

Ничуть не разочаровавшись, молодой человек промокнул салфеткой губы, и Джайра вновь почувствовала себя неловко в присутствии дворянина.

Аромат ежевики, тянувшийся от ее чашки, мгновенно утихомирил гнев.

— Зайн, будь добр, — обратилась она к ученику, — позови сюда Тамиру и Мааруфа. Я хочу с вами поговорить.

Мгновенно отреагировавшие на зов, ученики выстроились перед учителем не хуже королевских гвардейцев. Зайн оставался рядом с Джайрой, приняв безразличное выражение лица, когда как у близнецов едва ли не подрагивали скулы, выдавая их волнение.

— Я помешаю? — спросил Фарен.

Джайра отрицательно покачала головой и со вздохом посмотрела на ассасинов.

— Ну, что вы встали, как статуи? — раздраженно произнесла она. — Я, кажется, еще вчера сказала вам, чтобы вы перестали вести себя как солдаты. Расслабьтесь и устройтесь, как вам удобно.

Переглянувшись, близнецы вопросительно воззрились на Зайна. Тот, улыбнувшись им, подпер спиной стену, сложив руки на груди. Сестра и брат заняли пустовавшие кресла.

— Сколько лет вы обучались в Месае?

— Около четырех.

Джайра одобрительно кивнула.

— Знали вы ваших предшественников в этом логове?

— Да, — с гордостью ответил юноша. — Это были хорошие ассасины.

Зайн вздохнул. Джайра кинула на него беглый взгляд.

— Вы должны стать лучше них.

Глаза обоих расширились от недоумения.

— Не ждите, что я буду показывать вам боевые искусства — вы сами всем этим овладеете со временем, все, что было для этого нужно, вам дали в Аль-Пассале. Вы пришли сюда не ремеслу учиться, а жить и бороться за жизнь, жизнь без войны.

Ученики смотрели на нее во все глаза, у каждого в душе зарождались мысли о героизме, важности того дела, которое они выполняют...

— Отбросьте эти ребяческие мечты о вашей значимости в общине ассасинов, — отрезала Джайра, увидев этот блеск в их глазах. — Запомните: вы ничего ни для кого ни стоите и никому ничего не должны... особенно верить. Надейтесь только на себя. Все, что вы делаете — вы делаете только для себя. Забудьте все эти идеи об общей пользе, они уместны только в Аль-Пассале. Здесь же, как бы вы ни старались, пока сами не научитесь думать и целесообразно действовать, вы бесполезны. Я буду учить вас выживать самим. Пока вы не научитесь постоять за себя, вы не сможете постоять за других.

Фарен слушал ее речь. Сзади к ним подошла Ксия, прислушивающаяся к словам наемницы. Слова Джайры только на них произвели нужное впечатление, ученики же понурили головы, Зайн в задумчивости уставился невидящим взглядом в одну точку.

— Ну-ну, — взбодрила их Джайра, — не все так плохо. Я понимаю, мои взгляды резко отличаются от того, что вам говорили в Месае, но только не вздумайте сравнивать меня со своими наставниками оттуда. Наверняка вы уже обо мне наслышаны и понимаете, в чьи руки попали. К тому же, если бы я была настолько... безответственна, то Хаким бы не попросил меня закончить ваше обучение. Первый вопрос, который я вам задам, будет такой: кем вы хотите стать и почему? От этого зависит ваше дальнейшее обучение.

— Я хочу стать талюфу, — тут же выпалила Тамира. Брат вытаращился на нее, как будто видел в первый раз. — Мне нравится изучать яды и отвары, я люблю читать труды алхимиков. А еще мне нравится их губительная сила.

Джайра вздохнула:

— Что ж, в этом логове уже есть один старый талюфу, но в его руках сила созидания, а не умерщвления, — для учеников это оказалось новостью. — Это Расул. Да, он талюфу и

тоже знает все о ядах и отварах, даже был в Истре и брал уроки алхимии. Но больше всего ему понравилась сила металлов и камней, поэтому он обучился кузнечному делу в Оркулуме и теперь считается лучшим металлургом Аль-Пассала. Это его работа, — она продемонстрировала свой наруч, выпустив Шип. — Начинал путь алхимика и Хаким, но стал все же джеллаедом, хотя в целительстве среди ассасинов, пожалуй, ему нет равных.

— Я тоже хочу быть джеллаедом, — произнес Мааруф. — Я овладел многими видами оружия и готов к убийству.

Джайра снова вздохнула, потеряв лоб. «Чему только их учат в Месае...»

Фарен с скрытой усмешкой слушал неопытных юнцов, не понимающих, что они говорят, и вспоминал себя. Ксия бледнела, осознавая, что перед ней, возможно, сидят будущие убийцы.

— А готов ли ты взвалить на себя эту ответственность? Готов взять на себя вину? Запомни: ничью смерть никогда нельзя оправдать. Небо и люди никогда уже не простят тебя. Вопрос только в том, сможешь ли ты жить с этим дальше, — оглядев окончательно засомневавшихся учеников, она сказала: — Ну, а ты, Зайн?

Юноша поднял на нее печальный взгляд.

— Я хочу стать вами.

Крайнее удивление испытала не только Джайра. Близнецы переглянулись, и у каждого была одна и та же мысль: «Как я до этого не догадался?» Фарен одобрительно кивнул. Ксия улыбнулась.

— Мной? Почему?

Хецин пожал плечами.

— А разве причина не ясна? Вы — лучшая. Вы выживаете в любой ситуации, знаете все слабости врагов, прославились на весь мир и при этом остались свободны. Вы действуете сами на свое усмотрение, не выполняя ничьих приказов, но не забывая о своем долге. Таким и должен быть ассасин.

С уст наемницы слетела горькая усмешка.

— Ты заблуждаешься. Думаешь, это так просто — выжить? Для того, чтобы стать таким, как я, нужно пройти все опасности за те десять лет, которые я пережила. Ты готов к этому? Выдержишь? Нет. Я никому не желаю прожить все то, что я пережила.

— Я понимаю, — упорство ученика начинало раздражать ее. Она не любила, когда ей начинали оказывать чересчур большое уважение и почет, доходившее чуть ли не до поклонения. — Вы воспитали в себе могучую силу воли, и я тоже хочу это сделать.

— А что, по-твоему, означает «сила воли»?

— Это способность отречься от своих страхов и сомнений. В особенности это воплощается в убийстве человека.

— Что ж, можешь считать меня безвольной, — саркастически засмеялась Джайра, — но я не убила еще ни одного человека, не считая монстров и нежить. Сила воли — это, прежде всего, готовность во что бы то ни стало дойти до конца.

— А как же идея? Как по-другому убить идею, если не убить ее источник?

— Не совсем верное высказывание, но я понимаю, что ты хотел сказать. Идею может убить и сам ее творец, если показать ему, что ее воплощение невозможно. Для этого нужно помешать ему, унижить его и ввести в отчаяние. Это будет сильнее смерти — так ты не сделаешь его мучеником в глазах его сторонников, наоборот — все отвернутся от него, он останется один, сломленный и лишенный всякой надежды. А человек без надежды уже ни на

что не способен. Имя человека всегда будут помнить, если его не станет. Для нас важно, чтобы его имя хотели забыть. Вот в чем мастерство ассасина.

Глаза Зайна заблестели. Он благодарно поклонился учителю за преподанный ему урок, и Джайра удовлетворенно кивнула. Перемены взглядов ее давних знакомых сразу стали ей заметны. Оба — и Фарен, и Ксия — понимали, какой опасный человек она на самом деле и какое покровительство в этом обманчивом и жестоком мире получили они. Ей оставалось только надеяться, что их отношение к ней не изменится.

— Ни один из вас не дал мне правильного ответа, — все трое потупились. — Слушайте, что вы должны отвечать на такой вопрос: я хочу стать человеком, который знает цену мира без войны.

Тамира встрепенулась.

— Это слова Вездесущего!

— Именно. В ваших словах я слышу только жажду крови, желание убить, а убийство ведет только к ненависти, порождающей вражду. Мы — не Темный Круг, — все содрогнулись от названия древнего культа мрака, — мы — ассасины, и не убиваем, если можем добиться мира другим способом, — внезапно ее тон переменялся. — Ну, а теперь я хочу посмотреть, чему вас научили в Месае. Берите оружие.

Пока ученики показывали свои боевые навыки, Джайра, наблюдая за ними и изредка делая замечания, продолжала наслаждаться ежевичным отваром, убаюкивающим тревожные мысли. Ксия с Фареном молча смотрели за ходом тренировки ассасинов со второго этажа, каждый думая о том, сколько еще им предстоит научиться, чтобы обладать такими же смертоносными умениями и умом. К ним присоединился Хаким, со спокойствием благополучного хозяина осматривающего свой двор.

— Скажи, это правда, что вы ведете свою историю от Темного Круга?

Настороженность, с какой задал этот вопрос Фарен, нависла вокруг них как туман. Ксия снова вздрогнула. Только старик оставался равнодушным к упоминанию этих страшных слов. Раскуривая трубку на длинном мундштуке, он придавался наслаждению сказителя, поднимая на поверхность в памяти драгоценные знания.

— Что есть «Темный Круг»? Это древнейший культ поклонения и жертвоприношений мраку, в особенности — демону Пожирателю Душ. В свое время Протекторы добились полного упадка сил этих поклонщиков и мир постепенно погружал их в забвение. Последней их целью, насколько всем известно, были барды и менестрели. Они захотели быть хоть в чем-то единовластными — захотели, чтобы звучали только их песни, в которых они возносили хвалу мраку. С тех самых пор люди бояться петь прилюдно, ведь «поющие в ночи» могут снова взяться за дело. Мы не такие. У нас нет приверженности тьме, мы не приносим жертв, и это пришлось очень долго доказывать людям. Но, с другой стороны, нас боятся именно благодаря им. Их боевое искусство было выкрадено нами и усовершенствовано с добрыми намерениями, — взгляды слушателей приковали к себе тренирующиеся ассасины. — Их искусством было убийство и исчезновение, нашим искусством стали миротворчество и скрытность. Мы не убиваем без необходимости. Нашей целью не является смерть и вообще все, что с ней связано, мы хотим мира. Нашему народу уже достаточно лишений и отчаяния.

Джайра остановила учеников и чему-то строго их поучала.

— История нашего круга ассасинов очень... своеобразна.

Снизу донесся голос Джайры:

— Стоп! Я думала, вы меня поняли. Кто из вас знает, что такое «ритм»? Тогда почему вы двигаетесь как хор болотных квакш? Зайн, я видела, что ты пытался поймать ритм сердцебиения, но подстраивался под него неправильно. Подойди.

Выпущенное Хакимом душное облако снова привлекло к нему внимание Фарена и Ксии.

— Акбар стал султаном Аль-Пассала в девятнадцать лет как старший наследник, когда скончался его отец. Всегда был больше мыслителем, чем воином, как его брат Ирфан. После смерти правителя к Акбару явился таинственный визитер в черном капюшоне. Они долго говорили наедине, хотя незнакомец был впервые перед Акбаром. Тогда над народом Хеции нависали две беды: в океане бесследно пропадали военные галеры, а с восточных неизведанных земель не переставала надвигаться мгла, пожравшая большую часть нашей родины. Каким-то чудом эта напасть все еще остается на границе Дахава, но кто ее сдерживает — вот главная загадка. Она остановилась после той долгой ночи, когда появился этот визитер, когда старший брат решил избавиться от младшего. Ирфан был искусным воином, да и навряд ли посланные янычары хотели убить его. Тем не менее, он скрылся из виду ото всех. Первым делом он бросился на поиски своего бывшего наставника Бродяги, который на тот момент жил в Облачном Городе, — глаза Ксии восторженно вспыхнули. — Да-да, он существует. Он поведал ему о своих планах. В них входило и то, что он хотел выяснить, почему брат его предал. Как истинный сын своей страны, он все еще оберегает свое наследие с помощью нас, ассасинов. Его помощники, аль-мусиальды, чьих прозвищ боятся все — самые ярые сподвижники мира без войны. К ним относится и Джайра — Безымянный.

Джайра уже не следила за учениками. Ее настораживал этот разговор без нее. Слово было не слышно, но только глядя на выражения лиц разговаривающих, ей становилось досадно, что она в нем не участвует. Но не бросать же учеников!

После короткой паузы Ксия в полголоса спросила:

— А что стало с Темным Кругом?

Хецин пожал плечами.

— Никто этого не знает. Мир переживает самый темный век. Он склоняется под гнетом какой-то невидимой силы и постоянного страха. Если в ближайшее время не произойдет чудо, воцарится хаос. Не мудрено, что даже культисты затаились в своем логове.

— Под чудом вы имели в виду возвращение Протекторов? — с необъяснимым сарказмом сказал Фарен. — Это было бы действительно настоящим чудом для всех...

К наемнице торопился последний оставшийся в живых в Октаве «эйеах». На ходу он протягивал ей свернутую бумагу.

— Джайра, это тебе. Спешил, как только мог. Все утро на Торговой площади искал вести о том, где проживает Кровопийца, королевский слуга. Мне еле-еле удалось выманить его в укромное место, чтобы предложить услуги ищейки. Надеюсь, оно того стоило. Я пойду, кроме меня, сделки заключать некому.

— Спасибо, Башир. Это очень важное письмо.

Курьер снова отправился к площади, а Джайра еще раз перечитала записку.

«Уважаемый сэръ Кровопийца!

Позвольте обращаться к Вам таким образом, дабы избежать недоразумений из-за возможных случайных перехватчиков этого письма. На вчерашнем балу Вы оставили в моем уме множество вопросов, на которые я самостоятельно не могу получить ответ. Я бы хотела

увидеть Вас сегодня во дворце.

Мариин»

«Визит вежливости или нужна моя помощь?»

Оставив Зайна рассказывать о предшественниках будущих ассасинов, наемница ушла к себе в комнату, не замеченная беседующими на втором этаже. Не заметили ее и тогда, когда она вышла из логова через крыши.

Октава сверкала в лучах последних теплых деньков осени. Золотые плащи огромных статуй легендарных Стражей перед Октавским Храмом Сакротума затмевали собой бронзовый блеск монумента рыцарству. Шерийский плащ Джайры давал ей преимущество незаметности в разномастной толпе совершающих променад по Мосту Единства. Сапфировый камзол остался в комнате. Даже в качестве рыцаря Герой Ардонии не хотел бы привлекать к себе внимание в королевской резиденции. Ведь кто знает, зачем он вдруг потребовался принцессе?

Лакей ее высочества ждал рыцаря у мраморной лестницы и сразу же проводил его в покои госпожи, скрываясь коридорами от посторонних глаз. Ответив степенным киванием на поклон гостя, Мариин дождалась, пока слуга закроет дверь за собой в коридоре.

— Рада видеть вас, — в ее голосе слышалось огромное облегчение. — Я и не надеялась, что мое послание дойдет до вас.

— Вы можете сразу предоставлять розыски меня ассасинам, ваше высочество. Это облегчит задачу и вашим слугам, и мне.

— Да, я запомнила, что вы... принадлежите к их числу.

Джайра внимательно посмотрела ей в глаза. «Она меня боится?..»

— Что вы хотели узнать? Я к вашим услугам.

Принцесса беспокойно огладила шелковые складки изумрудного платья. Одной фразой она могла раскрыть наемнице все дворцовые тайны, остававшиеся до сих пор в пределах стен Шпиля Королей. Будет это полезным делом или глупостью? Ей впервые встретился кто-то, обладающий знаниями о мире без королевской власти и таким огромным влиянием среди отдельных групп людей. Зная историю восточных властителей, принцесса боялась за свою жизнь. Все чаще она получала подтверждение того, что ее брат постепенно сходит с ума, одолеваемый паранойей. Был ли он с самого детства таким, или изменения произошли в последние годы — она ответить не могла. Что она точно осознавала — ей необходим был защитник, и рыцари этого обещать не могли.

Из-за долгого молчания Джайра теряла терпение и расположение к юной принцессе, и поэтому решила заговорить первой.

— Вам понадобилась моя помощь? Что-то случилось?

«А не к принцессе ли вел меня купец?.. Да нет, что бы принцесса могла предложить ему взамен? Ничего».

— Нет-нет, пока все спокойно, — напряженная улыбка насторожила Джайру. — Я больше беспокоюсь за вас, нежели за себя. Мой брат не изъявил расположения к вам, и боюсь, что вам придется очень трудно на турнире в Тааре.

Наемница усмехнулась:

— Поверьте, я вовсе и не претендовала на расположение. Будь моя воля — даже не пошла бы на Испытание. Думаю, вы понимаете, почему я предпочитаю скрытность.

— Да, конечно. Но... боюсь, трудности будут поджидать вас повсюду. Я не могу вам рассказать всего — это поставит меня в неловкое положение, а королевскую власть...

— Пойдите, — перебила принцессу Джайра. — Если вы не хотите, чтобы ваши слова прозвучали сейчас в этой комнате, то не произносите их. Я уже догадываюсь, о чем вы меня хотите предупредить. Для вашего спокойствия я скажу так: знайте, в этом мире не только королевская власть представляет силу.

Взгляд Мариин изменился. Ее ожидания, очевидно, оправдались, и теперь на ее лице читалось явное восхищение и радость находки подходящей кандидатуры на роль защитника. Джайра чувствовала это. Как на ладони перед ней была душа беззащитной семнадцатилетней девушки, и она ее понимала. Если уж родной брат не проявляет к ней должного отношения, то помощи ждать неоткуда. «Какая удача для нее, что это я. Хороший ход для завоевания моей дружбы».

С не самым хорошим настроением Джайра покинула Шпиль Королей. И как будто что-то подсказало ей идти по другой улице...

Еще ни разу с момента своего изгнания в отдаленный сторожевой форт Фарен не чувствовал такого душевного подъема. Наемница была права тогда, на крыше. Дать отцу знать о себе стало неотвратимой навязчивой идеей, и с каждой секундой, пока он в нерешительности стоял на другой стороне бульвара напротив имения Тантелли, это желание становилось все радостнее и сильнее. Он не намеривался возвращаться домой, но просто показаться на глаза графу. Он бы все понял, Фарен был отчаянно уверен в этом.

Мимо него, уже переставая отличать зазевавшегося бродягу от уличного столба, беспрестанно сновал народ, а с его лица вот уже битый час не сходила счастливая улыбка. Вот сам граф Лаернир! Возвращается с очередной политической битвы. Его лицо сурово, как всегда. «Он ни капли не изменился, только седина...»

Во дворе графа встретил Мартин Апретт. Судя по тому, как изменилось лицо молодого советника, когда он услышал ответ на свой вопрос, новости были плохими. На одно мгновение его отвлекло чародейское предчувствие, и он увидел Фарена. Печаль мгновенно сменилась радостным изумлением, и он уже почти окликнул своего господина, но взгляд все по тому же предчувствию обратился в конец бульвара.

Фарен почувствовал, будто в него ударил жар тысячи храмовых свечей, и это заставило его тоже повернуться в ту же сторону. В конце улицы шли два Стража, вглядывающихся в толпу в поисках источника их тревоги. Некромант в растерянности остолбенел. И без того недовольный граф Лаернир что-то спросил у Мартина и, не дождавшись ответа, обернулся к нему. Фарен оставался на месте, надеясь, что отец все же заметит его, как уже заметили «рыцари Сакротума», но граф переводил взгляд то на Стражей, то на Мартина и пытался привлечь к себе внимание молодого человека. Досадуя, Фарен решил прибегнуть к последней мере и набрал в легкие воздуха, но не успел произнести и звука, как ему зажала рот чья-то рука и поволокла в неосвященный переулок. Прижатый к стене, он мог различить только то, что его неожиданный спаситель ниже него на полголовы и одет в шерийский плащ-хамелеон.

Мартин облегченно выдохнул.

— Что такое, Мартин? Чем тебя так привлекли эти Стражи?

— Ничем, ваше сиятельство. Мне просто показалось...

Убедившись, что Стражи потеряли из виду некроманта, Джайра зашипела на него:

— О чем ты только думал!

— Я только хотел...

— Молчи! Не отставай от меня. Стражи еще близко.

По одной только инерции Фарен следовал за наемницей до самого двора общины, и наконец спешка прекратилась.

Яростно сдернув с себя капюшон, Джайра напустилась на Фарена:

— Какое слово из указания не выходит на улицы Октавы тебе непонятно?

Он опешил. От налетевших угнетающих мыслей о неудаче он даже пошатнулся.

— Только что ты чуть не превратил все мои старания в потраченное зря время! Как ты мог так беспечно появиться прямо на пути у Стражей!

В галереях понемногу собирались обеспокоенные криками аль-мусиальда люди из общины, кто-то позвал Хакима.

— Я просто следовал твоему совету.

Отчаяние, прозвучавшие в его голосе, еще больше разозлило ее, и она грубо толкнула некроманта.

— Я советовала тебе встать посреди улицы и забыть об осторожности?! Стоять у всех на виду, да еще и кричать?!

Применение силы привело мысли и чувства Фарена в порядок.

— Ты сама мне сказала, чтобы я не колебался и отбросил в сторону осторожность! Я хотел показаться отцу!

— И при этом немедленно отправиться добровольно в Казематы? Мне казалось, я говорила тебе быть предусмотрительней, а не бросаться в крайности! Или ты слушаешь меня, или я больше не ручаюсь за твою жизнь!..

Пощечина. Оглушенная, Джайра отступила на пару шагов. С полуоткрытым ртом она воззрилась на него, его же взгляд был переполнен презрением и гневом. Ксия, ставшая свидетельницей этой сцены, ахнула. Повисла тишина.

— Укроти свое лицемерие, — процедил некромант. — Ты сама толкаешь на риск, а потом накидываешься с обвинениями в безответственности. Привыкла все держать под контролем, да? А о чувствах других ты никогда не думаешь? Ты властолюбивая и самодовольная эгоистка!

Последние слова эхом разнеслись по двору. Опомившись, Фарен огляделся и потупился, уже жалея о своем поступке.

Глухая усмешка, сорвавшаяся с уст Джайры, пробежала дрожью по спинам окружающих.

— Наконец-то кто-то это увидел. И какая ирония, что это оказался ты. Если позволите, господин виконт, — поклонилась она, — я удалюсь с ваших глаз.

Развернувшись на каблуках, она стремительным шагом направилась в свою комнату. Ее попытался остановить Хаким, но она сразу отрезала:

— Не сейчас!

Все проследили за ней вплоть до того, как хлопнула дверь, и усталились на Фарена. Взгляд каждого говорил: «Что же ты наделал!» А он был будто в оцепенении. Изнутри сжигало негодование, и он пытался понять, из-за чего он вдруг так вспылал — раньше такого не было. И снова наемница оказалась права: каким бы жалким он себя не считал, а все же остается знатной особой, чьи замашки усилены некромантским безумием.

Джайра прислонилась к стене рядом с дверью, в негодовании сжав кулаки. Она выместила злобу на плаще, кинув его скомканной грудой на стул. Щека нещадно горела и

даже онемела.

«На что я только надеялась?..»

С одной стороны, Фарен был прав — она и сама это о себе знала, только остальных больше привлекали ее более полезные качества, поэтому все закрывали глаза на ее вечные недовольства на всяческие похвалы.

И вот — свершилось! Кого-то ее сложный характер довел до настоящего гнева. В центре внимания кто-то другой, а не она... Тогда почему же это так злит?

В дверь постучали.

— Джайра.

Она ответила:

— Что?! — и скрежетнула зубами от собственной вспыльчивости.

— Это Зайн. В общине гости.

«Кого еще нелегкая принесла?..»

Дождавшись, пока она откроет дверь, хецин произнес:

— Прибыли стагаты.

Глава 12

Визитеры

Первой во двор зашла красивая молодая женщина, перебранивающаяся со следующим тут же за ней тагари, ведущим себя абсолютно спокойно. Чуть в стороне от них держался высокий широкоплечий молодой человек, скрывающий лицо повязкой. И у всех троих на одинаковой густо-алой броне было начертано белой краской всевидящее око.

Как только к ним приблизился сает, женщина и тагари забыли о споре и горячо приветствовали старого друга. Молодой человек снял повязку и капюшон. Как заметил Фарен, все люди из общины оказывали им тот же знак доверия, что и Джайре.

Наемница почти бегом спускалась по лестнице. До нее донесся обрывок завязавшегося разговора:

— Ты из знатного рода.

Фарен удивленно взглянул на стагату.

— Это так заметно?

Женщина хитро усмехнулась, кокетливо накручивая волосы на палец и поглаживая рукояти коротких парных мечей.

— Конечно, — она медленно обошла его, оценивая взглядом как коневод отличного скакуна. — Таких красавцев не встретишь среди простолюдинов. Да что там! По одним твоим рукам видно, что они привычны только к стали да поводьям. Уж не рыцарь ли?

Последний вопрос прозвучал почти враждебно. Все стагаты испытующе посмотрели на него. Смех Фарена прозвучал неуместно.

— Нет, — низкий голос третьего стагата вызывал инстинктивный страх. — Я чувствую в нем мрак. Он некромант. И как это понимать, Хаким?

— Не беспокойся, Патриц. Он под моей ответственностью, — подошла к ним Джайра. — Рада вас всех видеть.

«А по виду и не скажешь», — Фарен не решался посмотреть на Джайру в открытую. След от пощечины густо алел и естественно привлекал к себе внимание.

— Что это с тобой? — указала на ее лицо стагата. Джайра только отмахнулась.

— И тем не менее, — снова заговорил стагат, — мы тоже рады.

Улыбка Патрицу не удалась — все испортили шрамы. Правое веко и верхняя губа срослись неправильно, и асимметрия лица складывалась в безумный оскал, хотя Патриц большей частью сохранял безразличное выражение лица. В сочетании с пронзающим взглядом когда-то он мог испугать, хоть и был очень красив. Сейчас же, кроме первоочередного отвращения и дальнейшей жалости, к нему больше ничего не испытывали.

— Что бы вас не привело в Октаву, боюсь, я ничем не смогу вам поспособствовать. Мои цели недостойны вашего внимания.

Тагари ухмыльнулся на ее слова:

— Или они абсолютно расходятся с нашими интересами.

Джайра покачала головой.

— А мне кажется, что ее цели как-раз-таки должны нам быть очень близки, просто она не хочет делиться с нами.

Женщина явно гордилась своей красотой, постоянно обращая на себя внимание неуловимыми телодвижениями.

— А точнее: рисковать нашими жизнями.

Джайра вздохнула:

— Что ж, вот вы меня и раскрыли. Как всегда. Но я действительно вам не помощник. У меня есть важные дела в Октаве.

— Связанные с Эврикидой?

В этот раз ей не пришлось долго подбирать слова.

Во время этого разговора Хаким просвещал Фарена в личность каждого стагата:

— Тагари зовут Волгрэн, но это не имя. Он изгой, но посвящает свою жизнь достойному для его верования делу. Фрида — бывшая куртизанка. Нашумевшее убийство прежнего казначея — ее рук дело. Патриц же когда-то был Стражем Октавы... и он довольно близко знаком с Джайрой. Берегись его.

Специально для прибывших приготовили термы. Фрида и Патриц о чем-то совещались с Хакимом, поглядывая косо на Джайру, беседующую с Волгреном.

— Ты опять здесь.

Тагари посмотрел на нее своими морозными глазами.

— Почему ты не предстанешь перед Каядисом?

— Ты знаешь, почему.

С другой стороны галереи некромант что-то рассказывал Ксии.

— Опять ты за свое, — вздохнула Джайра. — Эти заморочки с твоими предками тебе не надоели?

— Я полукровка, из самерийцев со мной никто не станет говорить.

— Послушай. Происхождение не имеет значения. Да, оно открывает перед тобой пространство с тысячами дорог, но какую из них выбрать — решаешь ты. Это и будет твоя судьба. Я вижу, что ты в душе тагари, а не наемный вояка.

— И кого же ты видишь, Урук`Талл?

— Прокаядиса, а возможно, и нового Каядиса.

Волгрэн сурово смотрел ей в глаза со своего огромного роста, присущего всем обитателям Самерии.

— А я вижу перед собой великого человека, способного перевернуть мир.

Джайра раздраженно передернула плечами.

— Я это уже слышала...

— Но упорно отказываешься принять это. Ты бы уже давно могла занять место Вездесущего, а может быть, и правителя Ардонии.

— А ты не задумывался, зачем мне это было бы нужно? Дай я сама отвечу: незачем. Я не хочу быть у всех на виду, тем более — сейчас. Мне хватает тех проблем, что у меня уже есть. Лишнего никогда никому не надо, как и усложнять себе жизнь. Если ты имеешь в виду то, что я могу влиять на этот мир, как, впрочем, и ты, и кто-либо другой, мне и так это удастся неплохо.

— С твоими способностями не должно быть «неплохо» — должно быть «грандиозно» и «великолепно».

— Ну да, конечно! За воров и убийцей никто не пойдет, Волгрэн. Помни: ведь даже я не знаю, кто я.

— Уж не зависть ли это? — из его глотки прозвучало глухое урчание, отдаленно похожее на тигриное.

— Да, скорее всего это она.

Тагари вдруг перевел взгляд на проходящего мимо Фарена.

— Как тебя зовут, Уот`Уото?

Молодой человек решил не обращать внимания на последние странные слова рогатого верзилы.

— Фарен. А тебя, как мне сказали, Волгрэн? — тот одобрительно кивнул. — Странное имя.

— Это не просто имя, это моя суть. Волгрэн означает «полукровка». Это ваши имена бессмысленны. Только это и делает из вас людей: вы ходите всю жизнь с одним пустым именем и не можете найти свое предназначение, свою суть.

— Не забивай себе голову, — кинула через плечо Джайра, несказанно удивив некроманта.

— Урук`Талл всегда пренебрежительно относилась к тагу, но только так и может она видеть свой истинный путь.

Джайра недовольно взглянула на Волгрена.

— Урук`Талл?

— «Пришлый воин», — ответил тагари на вопрос Фарена.

— Прекрати, чудила. Можно подумать, ты его в таг обратить собрался.

Отмахнувшись от грозного урчания, она отправилась тренировать учеников, чтобы хоть как-то отвлечься от мучительных размышлений о своей судьбе, на которые ее навел тагари. Прошло два дня с ее приезда в столицу. С исчезновением Али рухнули все планы, а рядом не было никого, кто подходил бы на место сподвижника. Правда, стагаты изменили дело. Кто бы мог подумать, что они появятся так вовремя? Именно сегодня было новолуние, именно сегодня должны были собраться чародеи Пятиконечной Звезды. Сообщество обладателей магической силы всегда холодно принимало в свои узкие круги обычных людей, о простом дружеском визите в Убежище не могло быть и речи.

Во двор спустился с крыш эйеах, тот самый, который доставил ей записку от принцессы. Джайра поймала его взгляд, ожидая ответа на свой приказ, некогда данный Баширу еще по приезде, но он отрицательно покачал головой. «Что ж, кража подождет».

Делая вид, будто тоже наблюдает за обучением верховой езде ассасинов, к ней подошел Патриц.

— Я догадываюсь, что привело тебя в Октаву.

Наемница безразлично взглянула на него.

— Не ты один.

Стагат отвел взгляд в сторону, обдумывая слова.

— Ты всегда опекала не тех.

Внутри у Джайры зашевелился гневный жар.

— Сначала ты скрывала от меня ведьму, а теперь заботишься об этом уроде. Хорошо хоть этой бестии больше нет.

Джайра прошипела:

— Спасибо за сочувствие.

Патриц вздохнул. В молчании он сделал шаг к ней, встав почти вплотную бок о бок.

Сверху за ними наблюдал Фарен.

«Что значит «близко знаком с Джайрой»? Не похоже это на сердечный разговор...»

— Хочешь знать о Патрице?

Фарен недоуменно посмотрел на подошедшего Волгрена.

— А разве я что-нибудь о нем спрашивал?

— Ты постоянно озираешься по сторонам, чтобы убедиться, что он на тебя не смотрит, когда ты наблюдаешь за Джайрой. Не красней, — засмеялся тагари. — Она умеет привлечь к себе внимание... Она угнетена одиночеством. Ее много раз подставляли, много раз ей приходилось все начинать сначала, и как бы она ни старалась оставаться благоразумной, ее девиз уже давно «жизнь на зло всем». В этом ее особенность — способность выживать вопреки всему и всем. Патриц же совершенно ей противоположен. Он тщеславен, хоть и был раньше Стражем.

— Патриц был Стражем. Как его звали?

— Эдориус.

— Тот самый Эдориус?

Фарен снова перевел взгляд на стагата рядом с наемницей.

— Что ты о нем знаешь?

— Единственный Страж, несправедливо выгнанный из Сакротума. Он хотел убить оборотня в окрестностях Октавы, от его злодеяний тогда погибло несколько служителей Сакротума. Для выслеживания он объединился с каким-то наемником, вдвоем они его убили, но он оказался покалечен зверем... Постой, так тот наемник — это Джайра?

Стагат молчал, но и не возражал. Фарен с двойным удивлением снова устремил взгляд во двор.

До них донесся обрывок их разговора:

— Вот так всегда! Стоит попросить у тебя помощи, как ты тут же берешь все в свои руки. Ты даже не понял, о чем я тебя прошу.

— А ты всегда вспыхиваешь, как огонь! Ты вечно ищешь какие-то тайные лазы, незаметные ходы, когда можно войти в парадную дверь!

— Я не об этом. Хотя тайный ход здесь будет полезнее и безопаснее...

Волгрэн тяжело вздохнул.

— Такой крепкой дружбы еще никто из нас не видел, и было сразу понятно, что она станет чем-то большим. Джайра тогда была еще не такой, уныние еще ей было не знакомо. Единственное, чего она тогда жаждала, так это подчинить себе страх, перестать бояться, а для этого, как она считала, нужно было стать сильнее и быстрее опасности. У того оборотня был особый медальон, почему он и был столь опасен. Медальон был зачарован древней магией, с помощью него можно было с легкостью перемещаться с одного места на другое, куда только посмотришь. Чтобы получить его, ей требовалась посторонняя помощь, поэтому она и предложила союз Эдориусу. Поначалу он презирал ее — по тем же причинам, что и все: ведь женщине нельзя держать в руках оружие, если только она не амазонка или не стагата. Но потом... между ними много чего было, — Патриц приблизился к Джайре, по виду которой не скажешь, что она хотела продолжить разговор, и хотел обнять ее правой рукой за талию и что-то шепнуть на ухо. Она отшатнулась от него, — но после того, как Эдориус отрекся от ордена и снова принял свое старое имя, она не захотела больше иметь с ним связей. Ее можно понять: он был зол на весь мир, грубость была для него повседневна, каждого он хотел вызвать на бой и постоянно пытался доказать всем, что он остался человеком. Джайре не нравится, когда люди пытаются добиться чьего-то признания — это всегда для нее ложь. Она была единственной, кто ему верил, что он не заразился звериной болезнью — она его и выходила после ранения, но разочаровалась. Горячность Патрица не иссякает от холодности Джайры. Добиваясь своего, он обязательно навлечет на себя ее

ненависть, потому что он ее предаст.

Не понимая, почему Волгрэн так уверен, что бывший Страж когда-нибудь в чем-то предаст наемницу, Фарен долго раздумывал над услышанным. Зато теперь ему во многом стали понятны его выходки и странные разговоры. «Она заслуживает большего». Решение попросить прощения было неотложным, и он отправился следом за ней, ушедшей по зову Расула в кузню. Но дорогу туда ему заступил Патриц. Он долго смотрел на некроманта, ожидающего от него каких-то слов, пока не произнес:

— Я предупреждаю тебя, некромант...

— Больше похоже на угрозу, — усмехнулся Фарен.

— Если ты не хочешь... неприятностей, не приближайся ни к ней, ни вообще к кому-либо из людей.

— К ней — это к кому?

Патриц порывисто подался к нему, отчего Фарен шарахнулся.

— Не нарывайся, — процедил бывший Страж.

— Я и не пытаюсь, — пожал плечами некромант. — И, признаться честно, сам этого не хочу, так что не беспокойся на мой счет.

— Не жертве охотнику указывать, быть ему спокойным или нет.

— Охотник спокоен, так что и ты будь в спокойствии.

«Считает себя героем? Ну да, идеальное воплощение», — подумал молодой человек, обойдя собеседника и уже за спиной слыша негодующие звуки стагата.

В смежной комнате с кузней Джайра осматривала себя в зеркале. Новая броня была что надо: облегающие манжеты из черного вельвета скрывали ладони в уютную полуперчатку, удобную для бесшумного карабка по острым выступам; о замене смазки в Шипе даже и говорить нечего — теперь клинок будет входить в плоть как в масло. С одной стороны, новый выдубленный жилет, украшенный восточными узорами, свободно болтался на теле и держал свою форму, не облекая фигуру, но с другой стороны, туго стягивался ремнями, отчего Джайра себя чувствовала будто в змеиной коже, сверхпрочной и сверхлегкой. По скрытым все в том же вельвете наплечникам было приятно водить рукой, и она за все время осмотра очень часто ловила себя на этом.

— Ты превзошел себя, — наконец выдала Джайра свою оценку. — Я уж думала, ты уже не придумаешь ничего лучше тихоступов.

Кузнец, подперев бока, добродушно улыбался в бороду.

— Рад, что тебе по душе мой подарок.

Наемница обернулась к нему.

— Подарок? В этом нет подвоха?

— Никакого, — рассмеялся Расул.

Джайра вместе с ним не засмеялась, заметив слухача.

— Движения твои бесшумны, но ты не умеешь прятать свою тень.

Фарен вышел из-за дверей. Расул начал обтачивать клинки, делая вид, что его здесь нет.

— Что ты хочешь? — без тени прежнего гнева или раздражения спросила она Фарена, отчего он почувствовал облегчение, но начал все равно неуверенно:

— Я хотел... просить прощения... у тебя. То, что я сделал, было крайне... необдуманно. И то, что я... сорвался...

— Не знаю, за что мне тебя прощать, — остановила его Джайра. Фарен встретил ее прямой серьезный взгляд. — Как говорят тагари: «джи мондор джи оува — индо ремене

индо ране» — «так решено, так сделано — это было, это прошло».

Чтобы хоть как-то выразить благодарность, Фарен склонил голову перед ней и, вздохнув, направился к выходу.

— Подожди.

Он снова повернулся к ней.

— Я... хочу попросить тебя о помощи.

Выпалив слова на вздохе, Джайра перевела дыхание и проглотила ком. После пары секунд неожиданного молчания снова подняла глаза на Фарена. Тот внимательно смотрел на нее.

— Я тебя слушаю.

Слова на мгновение вылетели у нее из головы.

Фарен улыбнулся.

— Если ты ждешь насмешек, напрасно — только отпетый негодяй будет смеяться в лицо человеку, просящему помощи. Надеюсь, ты не такого мнения обо мне?

Она замотала головой.

— Дело не в этом. Сегодня ночью я пойду на очень опасное дело, и оно может не стоить того риска, которому ты можешь подвергнуться, если пойдешь со мной.

Некромант покосился на Расула, все так же занятого заточкой.

— Я обязан тебе, поэтому пойду с тобой, стоило бы это того или нет.

Джайра услышала то, что хотела услышать от Патрица. В этот раз она не ошиблась в выборе союзника.

Она понизила голос почти до шепота:

— Сегодня новолуние. Пятиконечная Звезда появится в Октаве. Мне необходимо с ними поговорить, но они могут не сразу выслушать меня.

— То есть сначала напасть? — поймал ее мысль Фарен. — А я некромант. Я тебя понял. Дай мне знать, когда настанет время.

Джайра заметила, как на пару мгновений воспоминания застелили ему глаза.

... Холодный ветер в лесу был смирнее, чем в поле, но это не мешало ему продолжать жестоко разжигать холодный огонь в легких. Решив немного перевести дух, Фарен прислонился к дереву, оглядывая окрестности и прислушиваясь к звукам вокруг. Словно сама судьба вела его на смерть — прямо в руки Искателю, или это был злой рок, жестоко посмеявшийся над ним?.. Долгое время он искал смерть, но теперь уходит от нее, спасаясь бегством — почему? Жить хочется всегда, но к чему стремиться в его теперешней жизни? Освободиться от проклятья? Как? Кто мог это знать?..

С востока нарастал лай собак, с юга, со стороны деревни, тоже. К нему прибавился крик охотчих до расправы с некромантом. Лес еще мог укрыть его от преследования — ночь охотно перекрашивала местность в тот же темный цвет, что и его плащ, но днем среди яркой зелени скрываться будет сложнее, а до рассвета всего ничего. На западе дорога была отрезана ржаными полями, бежать через которые было бы верхом самонадеянности. Оставалось только на север, к крепости Лотт на берегу Русалочьего озера, но она была близко к границе, по дорогам постоянно ходят патрули... Выхода все равно не было. Главное — выбраться из этой западни, а там уже можно не торопясь рассудить, куда идти дальше. Лишь бы уйти от собак.

Цепляясь одеждой за все ветки, Фарен стал пробираться в глубь леса, жалея, что меч бесследно пропал в неразберихе боя в ту треклятую ночь, когда на его форт напали

Хладнокровные. Как главнокомандующий, он должен был вести людей даже на смерть, любым способом защищая границу от вторжения. Но у этих тварей целью был не просто кровавый голодный пир, они гнались за небольшим отрядом эльфов, перешедшими границу незадолго до нападения. Они ушли через этот же форт в Черную Пустыню около месяца назад в большом составе, назвав своей целью поиски пропавшего эльфийского князя, в одиночестве странствующего по миру. Вел этих эльфов другой князь — Херон Аэленилл, принц Озерного Края. Один короткий разговор с этим эльфом дал понять Фарену, что они угрозы не представляют ни границе, ни всей Ардонии, и что старые предрассудки ардонских королей в который раз оказывались ошибочными. Херон не оставлял сомнений в своей рассудительности и какой-то странной нечеловеческой мудрости, словно он был самым опытом, а не получал его из жизни. Впервые за долгое время изгнания в эту ничтожно маленькую крепость кто-то смог успокоить его тоску и угрызения совести. Как показалось Фарену, он был Херону не менее интересен, раз он так подробно выспрашивал его об обороне границ и на каждый ответ сокрушался такой отчаянной храбрости людей, граничащей с безрассудством, если бы не единственные средства, которыми располагали люди, в отличие от эльфов, — своими собственными силами. Эльфы оказались отзывчивыми друзьями, в этом убедились все пограничники, не сомневающиеся в том, что они должны любой ценой дать возможность эльфам уйти от погони. Даже ценой своей жизни. Благодарность спасенных была известна Фарену — он сам видел, как они пришли днем позже, осторожные, готовые к защите при малейшем признаке присутствия нежити, пришли, чтобы помочь выжившим. Но в живых не осталось никого, кроме него самого, а он так и не осмелился выйти к ним, снедаемый отвращением к самому себе. Это отвращение, уже перерастающее в ненависть, и сейчас гложет его — зачем жить такому монстру? Ведь это непоправимо, вдруг проклятье не снять? Но пока есть надежда, он будет сражаться с самим собой за свою жизнь. И помочь ему в этом может только он сам.

Собаки гнали его все дальше в дебри, уже настигая. Рассвет начался, но его было не видно сквозь густую листву, он ощущался внутренне как нечто неприятное той тьме, что поселилась с проклятьем. Люди отстали, но, видно, не сомневались в способностях гончих, которые обязательно приволокут истерзанную добычу к хозяевам. В конец запутавшись в терновнике и в одежде, исцарапанный в кровь, Фарен уже был внутренне готов к участи попавшегося зверя. Но тьма не хотела попадаться, и сама восстала на свою защиту.

Гончая половчее сумела вцепиться ему в левую руку, все глубже всаживая зубы и сверля свою жертву бешеным взглядом убийцы, а не охотника. Остальные, осмелев, тоже начали подбираться ближе. Вот уже вторая укусила плечо, запрыгнув сзади. Крик боли не принадлежал Фарену, каким-то отдаленным сознанием он понимал это, но не мог остановить — вторая сущность поднималась над ним. Перед глазами пронесся вихрь черноты, клубящейся, вихрящейся, куда-то затягивающей, как бурное течение, но не дающей выбраться. Сквозь этот омут можно было только смотреть, что происходит, но не участвовать в действии. Отяжелевшие от набухших от демонической силы мышц руки разрывали плоть животных. Слух резал собачий визг, прерываемый оглушающим ревом. К отвращению и ненависти к себе добавился страх. Он не мог контролировать это вырвавшееся чудовище. Оно действовало по инстинкту самосохранения, пока не подавая признаков жажды. Но откуда-то Фарен знал: появись сейчас перед ним человек, жажда захлестнет его с головой. Насладившись раздираньем плоти и немного успокоившись, омут отпустил его, и в страхе перед возможным еще более страшным зверством Фарен вновь стал продираться

сквозь лес. Но физические силы истощились, дыхание спирало, пока в конце концов не лишило его устойчивости из-за головокружения. Упав в траву, он продолжал пытаться двигаться, ползти, но со стороны заторможено почувствовалось постороннее присутствие. Едва сумев повернуть голову в нужную сторону, он увидел наконечник стрелы, смотрящий ему между глаз, за наконечником — сосредоточенный внимательный взгляд в ободке замысловатой татуировки какого-то растения.

— Пожалуйста... помогите...

Лучник опустил стрелу, поглядев в сторону на своего товарища, затем снова на некроманта.

— Помогите...

Лучник сделал пару неуверенных шагов, с другой стороны тоже послышались шаги.

— Нет! Не подходите ко мне... Убейте, прошу вас...

То ли отчаяние в голосе Фарена, то ли что-то еще так удивило лучника, но вопреки просьбе он подошел к окончательно обессиленному некроманту, склонившись над ним и о чем-то переговариваясь с другом на непонятном, но очень красивом языке. Через какое-то время на пройденной дороге послышался треск сучьев и почти в это же время раздался голос охотника за нечистью.

— Отойди от него, веллиец!

Низкорослый лучник мгновенно нацелил стрелу в невидимого собеседника.

— Кто ты такой?

— Я Искатель. Имя не имеет значения. Этот человек монстр, он некромант. Его немедленно нужно сковать и предать казни, пока он не убил тебя или кого-либо еще из нас.

— Это за ним вы гнались? — прозвучал голос второго эльфа.

— А за кем же еще! На собак нам не следовало рассчитывать, этот живодер расправился с ними как с котятками.

— Вы опоздали, мы поймали его первыми.

Второй веллиец, невидимый Фареном до сих пор, помог ему подняться на ноги и предоставил для опоры свое плечо, шепнув в самое ухо:

— Держись, человек. Надо бороться с тьмой, пока есть силы.

Изумленный, Фарен посмотрел в лицо веллийца. Именно этих слов ему не хватало, только они должны были исходить от кого-то постороннего, как сейчас. Этот эльф дал ему не просто опору, а гораздо большее.

— Не глупи, эльф, — Искателю было наплевать, с кем он говорит и чем может закончиться такой разговор, не будь он повежливее, но крестьяне-добровольцы, стоявшие за его спиной, смотрели на веллийского эльфа как на чудо. Для Фарена это тоже показалось бы чудом, если бы не сложившаяся ситуация, в которой ему было не до восторга. — Я — служитель Сакротума, и я знаю, как уничтожить это чудовище. Передайте его мне, пока он чего не натворил.

— Говоришь, ты служитель Сакротума, — перебил его веллиец, не опуская лука, — а не чувствуешь, что в нем еще осталась человеческая сущность, которая борется за жизнь. Ты не знаешь, как ему помочь, ты уничтожитель, а не спаситель, так что для тебя здесь нет работы. Некромант останется у нас.

— Вас всего двое, а нас — вчетверо больше, — терпение Искателя было на исходе. Его можно было понять — он гонялся за Фареном с того самого момента, как тот ступил на жилые земли, и некромант уже несколько раз ускользал от него благодаря своей

устремленности к жизни. — Вы одни, и ваш клан не успеет прийти к вам на помощь.

Эльф как-то странно улыбнулся — мягкое подобие усмешки.

— Ты уверен, что мы одни?

Второй веллиец, поддерживающий Фарена, крикнул два раза как ястреб, и тут же ему отозвались со всех сторон подобные кличи.

— Вы наделали много шума, пытаясь догнать этого человека. Мы слышали вас еще с окраины леса. И это нас больше, чем вас. Уходите, если не хотите кровопролития.

Когда раздосадованные люди и эльфы разошлись, Фарен спросил у своих спасителей:

— Почему вы мне помогаете? Ведь я монстр. Охотник за нечистью был прав.

Оба эльфа посмотрели ему в глаза с такой жалостью и благосклонностью, что ему невольно стало стыдно за свой вопрос.

— Потому что ты еще человек и у тебя есть шанс вернуться к нормальной жизни. Тебе только нужна помощь, а люди бояться оказывать помощь тому, чьи действия кажутся им непредсказуемыми.

— Мы не можем дать тебе избавление от проклятья, у нас нет таких знаний. В этом тебе могут помочь лишь эльфийские правители, но бороться с тьмой внутри себя можешь только ты, и исход всей борьбы зависит только от тебя.

Это был первый случай, когда ему подсказали дорогу к очищению. Вторым случаем он обязан Херону, помогшему ему найти опоры внутри себя, чтобы не сдаться от отчаяния. И сейчас, глядя на Джайру, он понимал, что она — третий случай, когда ему дают силы извне. Ведь если тебя просят о помощи, значит, еще не все потеряно. Внезапно ему стало ясно, почему наемница так дорога Патрицу — она не была подвержена предрассудкам человеческой жестокости и видела человека таким, какой он есть, а не то, что делает его монстром в глазах окружающих.

На улице Джайру встретила Фрида, переодевшаяся в шелковый халат, раскрасневшаяся после жарких терм, и проводила взглядом удаляющегося от наемницы Фарена.

— И где ты только находишь таких красавцев? — Джайра хмуро посмотрела на нее. — Надеюсь, ты хотя бы этого не изуродуешь?

На колкость стагаты хмурость Джайры сменилась неприязнью.

— Ой, да ладно тебе! — женщина легко толкнула ее в плечо. — В одном тебе все же не везет: с ними рядом находиться как засовывать руку в мешок со змеями — никогда не знаешь, укусят они тебя или ласково задушат.

На залиvistый смех Фриды Джайра ответила безнадежным вздохом.

— Скажи мне лучше вот что: что вас привело в Октаву?

Стагата прекратила смеяться, но лисья ухмылка не сошла с лица.

— Что ж, это не секрет. Мы собираем согласия лордов Ардонии на прошение о независимых державах.

— Как? Все хотят выйти из состава Ардонии?

— А ты помнишь, что называлось Ардонией? Это был союз народов, людей и эльфов, с целью помочь Протекторам в вечных сражениях с мраком. Первым королем Ардонии был...

— Протектор Эфферон. Я это знаю. Только вам не кажется, что сейчас не самое подходящее время?

— Идет Год Дракона. Было много предсказаний, что именно в этот Год Дракона мир изменится и прекратится весь этот хаос.

Джайра возвела глаза к небу.

— Знаешь, что я думаю по поводу этого хаоса? То, что происходит в мире, зависит от людей, а не от символа года. Это уже потом какой-нибудь летописец поднимает палец в небо: «А ведь это был Год Дракона!» Демоны бы его побрали! Я имела в виду, что Ардонии грозит голод, а Амнис думает только о воображаемой войне. И вы хотите разорвать страну на части?

— В том-то и дело, что мы пришли сюда для визита к графу Тантелли, Гласу Южных Провинций! Только он еще не давал согласия. Не кривись так. Я знаю, что у тебя не лежит душа ко всему, что находится слишком близко к Шпилю Королей. Хотя Кровопийца, как я погляжу, изменил своим приоритетам, — Джайра снова одарила ее неприязненным взглядом.

— Что ж, удачи вам в этом, потому что это единственное, что может вам сопутствовать в этом деле.

— Ладно-ладно, дочь безнадежности, посмотрим, что ты скажешь завтра, когда мы вернемся с переговоров, — высмотрев, куда ушел Фарен, Фрида снова перешла на шутки. — У тебя же нет на него видов? Не проходить же мне мимо этого соблазнительного...

— Делай, что хочешь, — отрезала наемница, отправившись в свою комнату.

Фарен с расстояния наблюдал за разговором, витая в раздумьях. К нему бесшумно подошел Хаким:

— Любишь наблюдать за ней?

Некромант стусевался.

— Ну... не то чтобы...

— Я все понимаю. Только следи за тем, чтобы за тобой не наблюдали.

Хецин кивнул на стоявшего на балконе Патрица и испарился, словно его здесь и не было.

Фарен кивнул стагату, вполне дружелюбно, как ему показалось. В ответ Патриц как-то странно наклонил голову, что было больше похоже на угрозу...

Смеркалось. Нужно было заранее занять место для выжидания, когда появится кто-нибудь из чародеев, поэтому Джайра накинула свой плащ и надела капюшон с повязкой, проверив ремни на новой броне. Фарен показывал рыцарские приемы владения мечом ученикам, когда она вышла на лоджию и показалась ему, тут же метнувшись на крышу. Поняв, что это был знак, он оставил ассасинов, взял свой сюррикен и взобрался на крышу вслед за ней...

На площади у подножия монумента рыцарству пела без слов и танцевала девушка под Песню Ветра, струящуюся со струн старой лютни менестреля, устроившегося прямо на холодной мостовой. И тут же над темной таинственной Эюной неслось из открытой двери Храма мужское одиночное пение на мертвом языке. Сочетание двух музык и двух таких разных голосов рождало необычную атмосферу, навевающую лирические чувства, создававшую благородный образ ночной столицы. Фарен наблюдал за танцовщицей, сознанием витая в своем собственном мире, а Джайра — за редкими прохожими, держащихся тени. В любой момент мог появиться кто-то из чародеев.

Она была с Эврикидой в Убежище чародеев только раз — когда наставнице было необходимо посоветоваться с Джардином Тельма, магом воды, по поводу Глотателя Огня, опального чародея из Сиерикона, с которым ведьма долгое время тщетно пыталась связаться. За этот один раз наемница мало что запомнила — ведьма огня была ей безразлична, как и все остальные чародеи. Единственное, что осталось в памяти, тот факт,

что вход в Убежище проходил очень близко к клоаке, через городские подземные туннели, проходящие под каждым домом, но открыть туда проход может только владеющий магией. В какой-то степени, у Джайры тоже есть некоторые магические способности, как и у многих полукровок ее поколения. Некое сопротивление к магии, к ее воздействию, но им невозможно управлять, почти невозможно. Джайра вздохнула. Если бы не Эврикида и ее тренировки, она бы никогда даже не узнала об этих своих способностях.

Чтобы оторваться от безутешных мыслей, наемница снова оценила обстановку. На обоих концах моста сменился караул. В будках городской стражи горели жировые лампы, освещая сквозь узкие бойницы лишь крохотные островки вокруг поста. Молебен в Храме закончился, и двери прикрыли, оставив только небольшую щель, тем не менее, свет храмовых свечей рассеивался по всей Площади Правосудия и едва ли дотягивался до мостовой, обнимая опоясывающую площадь Колоннаду Стражей. Все было видно как на ладони, и Джайра которая раз беспокойно осмотрела освещенное пространство — не падает ли свет на них, укрывшихся за самой дальней к Храму и самой ближней к набережной колонной. Сама наемница сливалась с тенью, но на Фарена же падали отраженные белизной строений блики. Из бокового притвора Храма вышли два храмовника в темных накидках, и тревожное предчувствие Джайры стало сильнее.

«Только бы не почувствовали...»

Договорившись о чем-то у самых дверей, оба разошлись в разные стороны, накинув капюшоны. Тот, что был выше, шел как раз на них, огибая освещенные места. Джайра насторожилась и уже хотела предостеречь Фарена, переместить его ближе к тени, но что-то сверкнуло в складках плаща на шее у незнакомца. Затаив дыхание, она следила за ним, как он обходит Колоннаду, приближаясь к набережной.

«Джардин!»

Маг прошел к возвышающейся на набережной стене у спуска к рыбацкому причалу, не заметив их. Джайра мягко положила руку на плечо Фарену, сама же безотрывно смотрела на действия мага. Проследив за ее взглядом, Фарен больше был удивлен ее поведением, чем мага — наемница как кошка начала красться к чародею, обходя по самому краю освещенные огнями города места.

Приложив ладонь к гладкой стене, маг едва слышно прошептал заклинание. При этом стена, слабо засияв, открыла низкий круглый проход, в котором он и скрылся.

Рукой показывая Фарену двигаться быстрее, Джайра вошла в тень туннеля, едва не придавившего некроманта, кувыркнувшегося под опускающейся стеной.

— Держись рядом, иначе твое присутствие просто будет бесполезным, — прошептала наемница, глядя, как с него стекает вода из лужи, в которую он угодил.

Лабиринт с низким потолком круглых коридоров был наполнен водным эхом, пришедшим из далеких глубин клоаки. Оттуда же шел хоть и слабый, но резкий запах отхожих вод. На дно пятнами падал свет уличных фонарей, разделенных на осколки дорожными дождевыми решетками, и искрился отблесками в редких лужах.

— Ради всего святого, — тихо процедила сквозь зубы Джайра после нескольких минут ходьбы по туннелям следом за удаляющимся свечением заклинаний чародея, — иди потише.

— Тебе-то хорошо в тихоступах, — ответил Фарен.

— Дело не в тихоступах.

— Ну, уж извини! У меня нет способностей к ассасинскому мастерству.

— Поэтому я пытаюсь тебя ему научить.

Где-то в стороне до них гулом донесся чей-то леденящий стон. Фарен похолодел.

— Что это?

Джайра осталась глуха к его вопросу.

— Ты слышала?

— Что?

— Эти звуки... кажется, оттуда...

— Да.

То спокойствие, с каким она ответила, показалось ему тревожным.

— Почему ты не обращаешь на них внимание?

— Потому что лучше их не слышать — дурной знак.

— Ты веришь в знаки и приметы?

— Нет, я верю в признаки чего-то плохого.

Фарен попытался взглянуть в одно из ответвлений лабиринта, уходящее вниз и заполненное тьмой.

— Ты знаешь, что это?

— Нет, — решив его успокоить, она продолжила: — Разные люди описывают увиденное по-разному. Одни говорят, что это вампиры, другие — теневые химеры, а кто-то утверждает, что видел носферату. Многие думают, что это просто беспокойные духи.

Даже в темноте Фарен почувствовал, как она пожала плечами, двинувшись дальше.

— Невероятно.

— Что? — обернулась она к нему.

— Что под Октавой находится оживший некрополь. Неужели никто об этом не знает?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда Октава больше никогда не уснет, — вздохнула Джайра, замерев, наблюдая, как свечение остановилось в нескольких шагах от них за поворотом.

— Резонно.

Свечение мгновенно погасло, будто потушили свечу.

— Мы пришли. Будь готов к тому, что одна из чародеев — некрофил. Она сразу почувствует тебя.

За поворотом оказался проход в короткий туннель, изнутри которого веяло теплом и свежестью. Наемница сняла капюшон и повязку.

— И что мне тогда делать?

— Предоставь это мне.

Выставив Шип вперед себя, она первой вошла под резко уходящие вверх своды туннеля. В круглом зале с начертанной на полу пятиконечной звездой, на концах которой возвышались каменные троны со знаками ковенов, горели факелы. Первый признак того, что здесь кто-то есть. И действительно — напротив трона со знаком огня стоял странный долговязый паренек в смешном красном камзоле. Джайра уже было схватилась за меч, но узнав писклявого собеседника, облегченно выдохнула.

— А, это ты, Кай. А где Джардин?

Тот, кого она назвала Каем, подошел ближе. Его странные движения показались Фарену подозрительными, поэтому он не обратил внимания на сгущающуюся дымку у одного из кресел.

— Кого это ты с собой привела? Впрочем, я не сомневался, что когда-нибудь ты

избавишься от этой бестии Эврикиды.

— Следи за словами, сопляк. Ты никогда не достигнешь той силы, какой обладала она, так что тебе ли высказывать о ней свое мнение, особенно при мне.

Не воспринимая юного чародея всерьез, она оглядывала зал.

— Да как ты вообще посмела войти сюда!

Джайра больно врезалась спиной в стену. В ее горло руками, охваченными красным пламенем, вцепился Кай.

— Жалкая пташка! Как самонадеянно заявляться сюда, не будучи под присмотром у Эврикиды! Тебе так просто не сойдут с рук все оскорбления, которые ты мне причинила!

Как она ни старалась, высвободиться не получалось — все силы отбирал огонь в руках мага, душившего ее и выжигавшего кожу дотла.

Так же внезапно, как все произошло, чародея откинула к другой стене сильная рука. Больше ничем не поддерживаемая, Джайра упала на колени, хватаясь за горло в попытке вздохнуть.

— Все хорошо. Сейчас все пройдет, — опустившийся рядом с ней Фарен дотронулся до ее руки, и боль мгновенно прошла. Ожоги на глазах исцелились. Джайра пораженно уставилась на него.

— Как ты это сделал? — от ожидаемых ран не осталось даже хрипа.

— Он некромант, это его талант — проникать в жизненные силы другого человека, — донесся другой голос, шипящий по-змеиному.

На одном из кресел появилась девочка с очень бледным лицом и спутанными черными волосами, спускавшимися по плечам растрепанной сетью, бывшими до этого той самой собирающейся дымкой. По креслу побежали лучи зеленого призрачного света, вырисовывая на высокой спинке знак некромагии. По бокам от кресла на пьедесталах вспыхнули могильными блуждающими огоньками кристаллы.

— Какая удача, — мило улыбнулась девочка, — он еще и неклеимый. Спасибо за подарок, Джайра.

К ним поползла холодом могилы сила магессы-некрофила. Фарен застыл на месте, со страхом глядя на девочку, и вдруг вздрогнул, сжавшись. Джайра схватила его за руку, по которой от нее побежала та незнакомая ей сила, которую открыла в ней наставница и на которую сейчас натыкалась как вода на скалы некромагия. Фарен расслабил плечи, также недоуменно взглянув на наемницу, как она взглянула на него пару мгновений назад.

Магесса скривилась в злобной гримасе. Пришедший в себя Кай наколдовал огненный шар, метя в наемницу. Фарен сделал шаг вперед, заслонив ее собой и не разжимая руки. Шар угодил в его плечо, испепелив рукав, но не оставив ни следа на теле. Почувствовав, как потусторонняя сила снова ползет ближе, оба крепче сжали руки, не отрывая взглядов от противников.

— Я ожидала от тебя большего, Кай, — прошипела девочка. — Выходит, ты недостойн трона огненного ковена?

Парнишка разозлился не на шутку. Выкрикивая заклинания одно за другим, он окружил незваных гостей в пылающее кольцо, становящееся все уже и уже с каждым новым броском. Фарен пригнулся к земле. Джайра попыталась помочь ему подняться.

— Я ничего не вижу, вокруг тьма...

— Сопrotивляйся, слышишь?!..

Волна чего-то чистого и светлого, исходящая по руке от нее, дала ему другое зрение.

Подняв глаза на Джайру, он увидел ее такой, какой она была в своем кошмаре. Чародей огня казался крошечной свечкой, почти догоревшей. Вместо девочки же на кресле восседал скелет со свисающей кожей и тлеющими глубоко в глазницах зелеными огнями, а за этим скелетом неистовствовал темный вихрь, прародитель того, который чувствовал в себе Фарен.

— Не смотри туда, — Джайра повернула его лицо к себе, — не думай об этом. Иначе она тебя поработит.

Единственное, о чем он думал в этот момент: «Какой прекрасный свет...»

— Довольно!

Кольцо огня залил поток воды, выдохшийся Кай не смог ему сопротивляться. Темный вихрь успокоился, прежнее виденье мира вернулось к Фарену.

В центре зала, между незваными гостями и чародеями, стоял незнакомец в старом дорожном плаще. Капюшон был откинут на плечи, поэтому были видны спутанные каштановые волосы с проседью на висках, похожей на морские волны. Все в нем выдавало мягкость, какой могла обладать только вода, но даже у воды есть своя несокрушимая сила, которую маг почти излучал — она едва ощущалась как что-то текучее, а его глаза гневно смотрели на девочку.

— Не будь нам необходима твоя сила, я бы давно изгнал тебя из Пятиконечной Звезды, Луфа! Не искушай меня вызвать тебя на поединок.

— Яракша этого не допустит.

— Яракша Ститнгалла сейчас в Призрачном дворце и вне досягаемости, так что не надейся на ее покровительство.

— Они вторглись без спроса. А он еще и некромант...

— Молчи! Ничего не желаю слушать! Это Джайра, и она нам не чужая. Это тебя надо спросить, каким демоном сюда принесло Кая!

Широким и тяжелым шагом вечного путника чародей прошел к своему трону, по которому голубым сиянием побежали струйки воды, вычерчивая знак ковена, и заискрились в бесконечных источниках по обе руки от него.

— Светлый день, Джардин.

Маг, опустившийся на каменное сиденье, поднял глаза на наемницу. Оправившийся от недавнего потрясения, Фарен наблюдал за ними обоими. Они смотрели друг на друга, как смотрят люди, далекие друг от друга, но которых настигло одно и то же горе. У обоих линия губ сложилась в горестную складку, в глазах появилась та странная туманность, какая бывает у скорбящих, но ни один не показал более ни признака своих безутешных переживаний.

— Светлый день, Джайра. И тебе светлый день, Фарен.

Некромант слегка склонил голову в дворянском жесте почтения.

— И вам светлый, господин Тельма.

Наемница не обратила внимания на их приветствие. «Какое это имеет сейчас значение?...»

— Знал, что рано или поздно ты ворвешься сюда, — по-родительски ласково, так же, как когда-то улыбалась Эврикида, Джардин Тельма улыбнулся девушке. В уголках глаз тут же проглянули лучами морщинки возраста.

«Как это сильно напоминает ее...» Сердце начало сжиматься. «Да что со мной? Прочь, прочь...»

Глубоко вздохнув, Джайра отогнала хандру, решив первым делом узнать планы Джардина.

— С кем это ты разговаривал там, наверху? Это был Мартин Апретт?

Фарен перевел взгляд, полный изумления, на нее.

Маг ответил, слегка замешкав:

— Да, это был он. Скоро он будет одним из хранителей Убежища в Руэлле, спрашивал совета, стоит ли принимать на себя такую ответственность в нынешнее время.

Краем глаза она отметила реакцию виконта: сомнения — не знает, удивляться или радоваться за друга.

— Да? — продолжила наемница. — А что же вы делали тогда вдвоем в Храме? Неужели молились? Такой большой риск только для совета?

Снова прошло мгновение, прежде чем Джардин ответил:

— От твоего внимания ничего не укроется, да? — и снова смех напомнил об утрате.

— Не вздумай ей рассказывать, Джардин.

На новый голос со старческой хрипотцой обернулись все. В Убежище вошел согбенный босой старец, опирающийся на потрескавшийся посох из магнитного камня, и устроился на троне земли. На пьедесталах вспыхнули необычным бурым пульсирующим светом кристаллы.

— Эта пройдоха быстро наладит для себя выгодный поворот. Научилась у Антиварра!..

— Кзенкх!

— Что, Джардин? Нет теперь твоей сердечной?

Маг подпер ладонью лоб:

— Какое счастье, что я привык к твоей бестактности.

Старик хрипло засмеялся, но внезапно осердился:

— Кай! Ты все еще здесь, даже когда я на троне?! Исчезни с моих глаз, недоносок!

Паренек вздрогнул, но попытался возразить колдуну.

— Я хочу занять трон огня...

— Только после моей смерти! Вон отсюда!

Когда уже из туннелей далеким эхом разносился шлепающий бег, Джардин вздохнул:

— Ну, хоть на этом тебе спасибо, старый ворчун, — Кзенкх прохрипел что-то неразборчивое сквозь нахлынувший старческий кашель, что маг воды воспринял как отступное слово и снова обратился к Джайре: — Это не тайна. Ты можешь это узнать, для ассасинов это будет очень полезная новость. Триумвират заключает с чародеями тайный союз, и как с одними из верховных представителей своих областей, присутствующих в Октаве, они пригласили нас на переговоры.

— И вы пришли к ним? — воскликнул Фарен. — А если бы это была ловушка?

— Для кого? Для двух чародеев? Слишком затратно всего для двоих. К тому же, Сакротум настроен весьма решительно, потому что король глух к их отчаянию.

Джайра и Фарен переглянулись.

— Отчаянию?

— Это очень долго объяснять, — вздохнул маг. — Так что же, зачем ты здесь?

Наемница опустила глаза, набираясь силы духа, чтобы начать осуществление своих замыслов, преследующих ее еще с поселения амазонок.

— Ты знаешь, Джардин.

— Не имею ни малейшего представления, — покачал головой маг.

Кзенкх начал прочищать горло, чтобы что-то сказать, но слова Джайры прозвучали первыми:

— Вы должны уничтожить Мортоса, — и было это неумолимо и решительно, как приказ.

Все вздрогнули при имени темнейшего, архимага Мортоса. Только наемница стояла твердо на ногах, как и в своих намерениях.

— Это невозможно, — подала голос после кроткого молчания на ругань Джардина Луфа.

— Почему? Вы должны с ним сразиться! Он убил одного из вас, как вы можете так спокойно к этому относиться? Или вы не самые сильные чародеи мира?

Фарен не верил своим ушам. «Она с ума сошла?.. Это был ее план?»

— Думай, что говоришь, дитя малое! — воскликнул Кзенкх. — Он сильнейший чародей всех времен, владеет всеми силами магии. Он и есть магия! Появись мы только в тысячи шагах у его пристанища — наша сила перетечет к нему, как песок сквозь пальцы! По какой причине нас осталось так мало? Почему эльфы закрыли границу? Почему природа увядает? Почему оживились нечисть и дроу? Потому что он высасывает всю магию мира! Что мы можем против него со своими жалкими способностями?

Потрясенная, Джайра стояла перед чародеями в растерянности. «Мир слабеет? Он собирает силы? Наверняка Эврикида это знала». Но тогда, по рассуждениям Джайры, ведьма должна была бежать от него, затаиться, а не открыто путешествовать по свету. «Зачем ему нужна была именно она?..»

— Зачем ему вся магия мира? — опередил ее ход мыслей Фарен, и она снова подняла глаза на Джардина.

С обреченным видом маг пожал плечами.

— Кто знает, что он задумал. О Протекторах уже давно ничего не слышно, и некому помешать или остановить его. Возможно, он забирает и их силу, чтобы устроить хаос. А может, просто набирает мощь, чтобы их уничтожить. Исход все равно один, но мы здесь бессильны. Осталась только одна надежда — на то, что наши спасители беспокоятся за мир не меньше нас и уже начали действовать.

— Да поможет им Создатель.

Глубокий голос, прозвучавший за спинами у визитеров, принадлежал высокой женщине с безразличным выражением лица.

— Светлого дня вам, мирные люди. Я принесла вести от Атталы Товаус. Она нашла Глотателя Огня, но он пока не хочет говорить с ней.

— Кто это? — шепнул Фарен Джайре.

— Соломея Амальгама.

Вот чья внешность нравилась Джайре. Кроме такого элегантного наряда мрачноватой колдуньи, в отличие от цветастой бабочки Эврикиды, у нее на груди сверкал тысячами искр не огранённый алмаз, из-за чего в молодости она собирала на дорогах всех разбойников.

— Поэтому она и не успела вернуться к новолунию, — подытожил Джардин. — Надеюсь, он примет звание повелителя огня и присоединится к нам.

— Иначе и быть не может, — сказал Кзенкх. — Или мы совсем ослабеем.

— Значит, вас беспокоит только то, что нет полного набора? — резко возмутилась Джайра. — Не прошло и месяца, а вы уже нашли замену Эврикиде! Сдается мне, что дорога она была только мне. Так, Джардин? — на лице мага на короткий момент показалось страдание, но он тут же закрыл глаза рукой. Фарен попытался остановить девушку, положив руку на плечо, но она сделала выпад вперед к Джардину, оказавшись вне досягаемости. —

Вы любите друг друга! Все это знают. Не мое дело, почему вы не сошлись во взглядах, но я и не подозревала, что вода может быть настолько непостоянна.

— Хватит!

Джардин вскочил с трона. Вода забурлила и запенилась, как морские волны. Он более не сказал ни слова, но в глазах выражалась такая мука, на какую может обречь только любовь.

— Джайра, — к ней подошла Амальгама, — тебе следует уйти со мной. Здесь тебе больше нечего делать.

— Лети к своей судьбе, птица-буревестница, а нас оставь нашей, — прохрипел Кзенкх.

Луфа проводила обоих гостей, идущих за чародейкой, недобрый взглядом, но никто из них не обратил на нее внимания — Джайра, оторвавшись от глаз Джардина, кинула прощальный взгляд на пустующий трон огненного ковена, а Фарен смотрел на нее, проникаясь тем же горем.

Тайным ходом Соломея проводила их в архивы старой столичной библиотеки, закрытые от посторонних глаз и переполненные зеркалами всех видов, что оправдывало ее прозвище, ставшее вторым именем. В одно единственное витражное окно пробивался фонарный свет, отражавшийся от поверхностей зеркал как рикошетная стрела. Прошелестев мантией, Соломея прошла к дальнему алхимическому столу, зажигая по пути голубым пламенем старые бесформенные свечи. Джайра последовала за ней.

— Соломея, мне нужно в астрал.

Лицо Фарена в очередной раз вытянулось в удивлении. Магесса же спокойно ответила:

— У тебя есть Чернильное Око?

— Есть. Спасибо запасливости Эврикиды.

— Зачем тебе туда? — не выдержал Фарен. — Не знаю, что ты знаешь про астрал, но я о нем не знаю ничего хорошего. И как это поможет тебе Чернильное Око туда попасть? Это же просто дурман.

— Для вас, простых людей, — прищурилась Джайра, — может, и просто дурман, потому что вы его растираете и нюхаете, а нужно есть.

Фарен сморщился:

— Да оно же на вкус как вековая гниль.

— Думаешь, в астрале все сверкает новизной? — не дожидаясь ответа, Джайра обернулась к Соломее. — Ты сможешь вытащить меня оттуда?

— Не обязательно умирать для того, чтобы попасть в астрал.

— Мне, собственно, не совсем в астрал нужно. Мне нужно прямо в ад.

Теперь некромант совсем потерял дар речи. Магесса не меняла каменного выражения лица.

— Повторяю: для этого не обязательно умирать. Как с тобой поступала Эврикида?

Джайра вздохнула, начав рассматривать посторонние мелочи вокруг:

— Сердечный удар. Потом силовой удар в грудину, — рефлекторно она потеряла грудную клетку, вспоминая синяки и долгое откашливание.

— Я с тобой поступлю более милосердно. Можешь начинать.

Не успел Фарен проявить какую-либо реакцию, как Джайра уже проглотила единственную ягоду, оставшуюся в запасах ее наставницы. Тем временем Амальгама накрывала все зеркала плотными занавесями, оставив открытым только одно, узкое и стоявшее в тени. Состояние наемницы менялось на глазах: сначала начали медленно моргать

веки, будто она выпила лишнего, потом сам взгляд стал блуждающим, затем она и вовсе вот-вот могла потерять равновесие, стоя на ровном месте.

— Это всегда так?

— Что? — не поняла ее вопрос магесса.

— При каждом переходе вокруг такая толпа мелких демонов?

Соломея остановилась на полдвижении, оглянувшись на девушку.

— Сколько их?

— Не знаю. Десять, двадцать, тридцать. Они маячат слишком близко, но на расстоянии не меньше пяти шагов...

— И у тебя всегда так?

— Да. За вами, чародеями, всегда такая толпа ходит, или они слетаются на предчувствие перехода?

Соломея покачала головой.

— Нет. У меня нет демонов. Это скорее всего духи. И они твои.

Джайра нахмурилась, но тут же отмахнулась от странного предположения. Соломея же теперь неотрывно наблюдала за ней.

— Ну, что?

— Гляжу, у тебя тут личи след оставили...

— Все готово, — сделала вывод магесса и подвела за руку Джайру к тому зеркалу. — Смотри туда, в свои зрачки, и ты увидишь...

Она хотела задать вопрос «Что? Свое глупое отражение?», но вокруг уже кипело пространство ада.

— Эврикида!..

Когда Джайра замерла на месте, молча вытаращившись на свое отражение и обретя каменное выражение лица, Фарен подошел к ней и уже хотел дернуть за руку, но отошедшая снова к алхимическому столу Соломея его остановила:

— Не трогай ее, если не хочешь, чтобы она навсегда осталась в аду.

Он снова взглянул на наемницу. Она дышала ровно, стояла неподвижно и не теряя равновесия, как бдительный часовой.

— Как это действует? — задал он вопрос, всматриваясь в глаза наемницы, словно остекленевшие.

Магесса подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение.

— В каждом из нас есть рай и ад. Нужно только заглянуть за пределы своей души, выйти за рамки реальности. Глаза — зеркало души, и если заглянуть в нее, ты можешь попасть куда захочешь — или в рай, или в ад. Но если что-то потревожит тебя в этом мире, твоя душа потеряет связь с явью и будет обречена скитаться в астрале — пространстве между раем, адом и реальностью — и станет призраком или духом.

— Вы знаете, что ей нужно в аду?

Магесса перевела все тот же безразличный взгляд на некроманта.

— Да. Она ищет Эврикиду.

Теперь ему стал ясен весь тот риск, на который шла наемница, чтобы получить желанные ответы на вопросы. На свои вопросы он решил получить ответы от Соломеи.

— Тот старец, Кзенкх, сказал, что чародеев осталось мало. Это правда?

— Да. Большею частью в этом виноваты Стражи и Искатели. Чародеи не доживают и до семидесяти лет — с возрастом становишься не так ловок, как в молодости, и сила

израсходуется сама себя, если не развивать свой дар. Редко кто доживает до уровня адепта, — магесса повернулась к нему, моргнула, и ее глаза внезапно стали ярко желтыми с вертикальными зрачками. Фарен отступил на шаг, но после второго моргания ее глаза стали прежними. — Не говоря уже о том, чтобы выбрать высшую ступень развития. Из всех существовавших и существующих чародеев только темнейший является архимагом. Второй путь высшей магии — путь химеры-метаморфа, по которому следую я — уже давно никем не осуществлялся, потому что он требует больше жертв, чем сверхчувствительность. Метаморфов отличает полное отсутствие чувств и эмоций, на их место встают неисчерпаемые ресурсы магии. Их предназначение — вечное служение Протекторам, их телохранителями и рыцарями.

— Вот почему их никто уже давно не видел — вся магия уходит к темнейшему?

Соломея согласно склонила голову и отошла к окну, оправляя занавеси, пропустившие маленький лучик света. Комнату заполнил голубой свет чистейшего пламени.

— Почему вас называют Амальгамой?

— Потому что мне открылась магия зеркал, которую не могут до конца постигнуть даже дварфы, всезнающие в металлургии. Видишь ли, кроме рая и ада, существует междумирье, астрал, как мы, чародеи, его называем. Каждому существу принадлежит своя часть астрала, иногда эти части могут пересекаться, но они никогда не соприкасаются с конечными судьбами душ. Зеркала — один из способов преодолеть эту преграду. В каждом из нас заложены обе противоположности. Стоит только заглянуть чуть дальше своей души, а что, как не зеркало, может в этом помочь, может отразить наши желания и места, куда мы хотим попасть?.. Время пришло. Позови ее.

Фарен обернулся к наемнице, все так же глядящей в глаза своему отражению. Почему-то этот момент вызвал у него неловкость, что-то подсказывало, что позвать — не значит, кричать, и, чуть наклонившись к самому ее уху, он тихо произнес:

— Джайра.

Она вздрогнула как от внезапного колокольного звона, широко распахнула глаза, порывисто вдохнула, и какая-то неведомая сила толкнула ее прямо на некроманта, повалив обоих на пол. От наемницы исходили волна адского жара и густой запах гари, хотя она все это время находилась в этой комнате.

Откашляваясь, будто вдохнула пыль, Джайра перекатилась на колени, устало опираясь руками о пол. Удивление Фарена было вполне объяснимо, но сам он уже давно перестал искать объяснение происходящему.

— Ничего не понимаю, — выдавила Джайра. — Я добралась до седьмого круга, но ее нет. Соломея, ее нигде нет.

Магесса сохраняла степенность и спокойствие, помогая обоим подняться.

— Значит, она не в аду.

Наемница хрипло усмехнулась:

— При всем моем расположении к Эврикиде, все же она не могла попасть в рай. Ты это знаешь.

— Знаю. Но есть Чистилище.

Джайра задумалась.

— Это же почти недостижимое место, туда только духи имеют доступ. Как туда попасть?

Соломея покачала головой.

— Но ведь должен быть какой-то способ? — в голосе появились первые отголоски

отчаяния.

— Если и есть, мне он неизвестен. Это место не для живых. Оно только для душ, которым дали второй шанс, у которых есть незаконченные дела. Туда нет дороги.

Джайра не произнесла ни слова, пока они уходили тем же тайным ходом в туннели из архивов, пока они выбирались через один из люков на перекрестке улиц, наиболее близко расположенных к логову ассасинов. Все за нее говорили глаза, в которых потухла та искра, которая вела ее к чародеям поднять их боевой дух.

Занимался рассвет. К солнцу протянула свои ручищи огромная серая туча, что было сразу понятно — теплого дня не жди. По улицам катились торговые повозки, запряженные сонными лошадьми, едва передвигающими ноги и постоянно спотыкающимися. Одна из повозок чуть не налетела на Фарена, и возница крикнул на него:

— Смотри, куда идешь, замарашка!

Некромант проводил взглядом повозку и саркастично усмехнулся:

— Замарашка... Еще никто так меня не называл.

— Не удивительно — ты весь в грязи.

Он обернулся. Наконец подавшая голос Джайра плотнее натягивала капюшон с повязкой.

— Ты тоже, — улыбнулся он, указывая на нее.

Словно услышав нелепость, наемница осмотрела себя с головы до ног, перевела взгляд на Фарена и неуверенно засмеялась. Он поддержал ее смех, и оба рассмеялись в голос.

«Надеюсь, ей стало лучше...»

Глава 13

Марионетки

Так как приготовление купален заняло бы слишком много времени, перепачканным Джайре и Фарену предоставили отдельную комнату, разделенную полотняной занавесью на две части. На большее не было времени — кто бы вынес дольше двух секунд ароматы, исходящие от них как от бездомных бродяг. Оба отмокали в ваннах, наполненных горячей водой с примесью масел, не видя друг друга, но отлично слыша. Слышали их и Ксия с Зайном, помогающие им отмыться и подливающие воду.

— Мы можем поговорить?

— О чем?

— О том, что ты говорила чародеям.

Джайра вздохнула.

— Это было твоим планом — поднять Пятиконечную Звезду на бой против архимага?

Ксия, присевшая на краю ванны, раскрыла рот. Джайра фыркнула. Вместо ответа Фарен услышал всплеск, как будто девушка полностью ушла под воду.

— Ты же понимала, к чему это могло привести? Они бы все погибли от рук архимага!

Она резко вынырнула.

— Откуда ты знаешь, что они пошли бы на бой один на один? Они не настолько легкомысленны, чтобы бросаться в битву с горячей руки.

— В отличие от тебя, да? То, что ты выбрала — дорога в один конец.

— Кто сказал, что я пойду в открытый бой, безоружная?

Внезапно Фарен перегнулся через борт и отдернул край занавеси, обратив суровый взгляд прямо в глаза ошеломленной такой выходкой Джайре.

— Теперь посмотри мне в глаза и скажи, что ты не будешь с ним сражаться.

Ксия, перебарывая девическое возмущение, произнесла в страхе:

— Нет! Ведь ты не будешь сражаться, ведь так?

Джайра уставилась на Фарена испепеляющим взглядом.

— Конечно же, нет.

И вырвав из его руки занавесь, задернула ее обратно. Ксия облегченно вздохнула, некромант же ей не поверил.

Вставая из ванной и принимая из рук Ксии полотно, Джайра раздраженно сказала:

— Моей целью было поднять не только чародеев, но и весь мир против Мортоса, — уже привыкнув слышать от нее имя всемогущего темного чародея, не вздрогнул только Фарен. — Если Сакротум действительно хочет заключить союз с ними, то Триумvirат предпринял бы все меры, чтобы показать свою лояльность, в том числе стал бы их союзником. За Сакротумом тянется весь народ Ардонии, Амнис не смог бы отвертеться от назревающего восстания и его рыцари примкнули бы к общей армии. Они и сами бы это сделали! Когда бы об этом узнали эльфы, они бы бросили все свои силы, только бы покончить с вечным злом. И для всего этого нужен был всего лишь один шаг, слова одного человека. Так почему бы быть этим словам не моими? Это было моим планом, — услышав, как она одевает шелковый халат и смазывает волосы маслом чисто-лотоса, Фарен тоже вышел из ванны, почти не вытираясь, натягивая свежую рубашку и охотничьи брюки. — Но они уперлись в свои страхи и не желают видеть дальше завтрашнего дня!

Уже взявшись за ручку двери, она услышала его за занавесью рядом с собой:

— Ты ненавидишь его, все это знают. Но, поверь мне, лучше ненавидеть в мыслях, чем на деле. Ненависть еще никогда не была венцом благотворных дел.

Она сама отдернула ткань, встретившись взглядом с Фареном, неподвижно стоящим перед ней. При виде Джайры в белом шелковом халате, подпоясанном широкой изумрудной лентой, ему снова вспомнился тот сон.

— Дело не в ненависти.

— Тогда...

Вопрос он не договорил, онемев на мгновение от внезапной догадки.

— Ты боишься его.

Джайра обреченно вздохнула, жалея, что пошла в разговоре на откровенность, и поспешно вышла из купален.

— Ты думаешь, что он доберется и до тебя? — крикнул ей вдогонку Фарен, снова натываясь на странные мысли о тайнах ведьмы огня, которые пытались разъяснить они с Хероном.

Зайн откланялся и по приказанию Джайры отправился рассказать Хакиму о новом союзе. Ксия на время задержалась с Джайрой на выходе.

— Может быть, стоит поменять к нему отношение? — кивнула она на Фарена оставшегося в комнате.

Джайра негодуяще посмотрела на нее:

— Давай еще ты мне душу выверни.

Амазонка покачала головой и понесла полотно слугам.

Из кузни на весь двор разносились гоготание и залиvistый смех стагатов и кузнеца, на входе Фрида что-то показывала и рассказывала всем троим, кривляясь и сменяя роли. На другой стороне двора на них с интересом, но без веселья смотрели близнецы, о чем-то изредка переговариваясь. Курьера нигде не было, значит, он еще ничего не выяснил о намечающейся краже.

Рядом с близнецами остановился Зайн, пьющий отвар из пряностей. Начав что-то рассказывать, Мааруф взмахнул рукой и случайно сбил дымящийся отвар, мгновенно впитавшийся в землю.

— Что ты наделал! — воскликнула Тамира.

— Это всего лишь пряности, сестра.

— Это не просто пряности! У них есть сила, нельзя их обижать, даже случайно! Они могут вызвать ссору...

Дальнейший спор снова заглушил смех из кузни.

За спиной Джайры появился Фарен, с неловкостью подойдя к ней. Почувствовав его приближение, она произнесла, чтобы слышал только он:

— Знаешь, наверно, я должна тебе признаться кое в чем. Я специально позвала тебя с собой в Убежище, потому что я надеялась, что ты прикроешь мне спину. Так и вышло. Мои ожидания оправдались.

Он облегченно вздохнул, собираясь тоже сказать слова благодарности. Ему было отраднее слышать, что наемница стала более расположена к нему, чем была в начале знакомства.

— Рад помочь. Обращайся чаще.

Она уже сделала шаг навстречу вышедшему из трапезной Хакиму, но вернулась и встала

почти вплотную к Фарену.

— Ты сделал бы то же самое для кого-либо другого. Если люди из своего человеческого долга перестанут помогать друг другу, они уже не будут людьми, — она вздохнула, замолчав, потерла ладонью лоб, как всегда это делала, оказавшись в смятении. — И почему ты всегда вырываешь у меня откровения? О них никто не должен знать, о некоторых — даже я...

Фарен дружелюбно улыбнулся. «И снова эта загадочная улыбка...»

— Может, тебе стоит больше доверять мне? Я ведь не враг и хочу помочь.

Она покачала головой. Счастливое выражение исчезло с лица Фарена.

— Твое стремление помочь вызвано чувством долга и совести. А это не та помощь, что я хотела бы получить. Мне нужен единомышленник. Знаешь, в чем плох долг? Когда, идя за мной, тебе придется сделать то, что ты должен мне, но противоречит тебе самому, что ты сделаешь? Один неверный шаг, один неверный поступок может убить твою совесть, а потом сожалениями и угрызениями — и тебя самого. Никто не сможет жить, борясь со своими демонами. Ты — не исключение, здесь не может быть исключений. У тебя останется лишь один выход в тот момент — убить меня.

По всей видимости, они слишком близко стояли друг к другу, раз увидевшая их Фрида позволила отпустить себе такую коварную шутку:

— Что, благоухаете теперь, как королевские оранжереи, так и самих друг к другу потянуло?

В то время, как все не восприняли это всерьез, как и все шутки стагаты, посмеявшись над смутившимися Джайрой и Фареном, Патриц почти стрелой вышел во двор, вперившись в обоих своим леденящим взглядом.

— Надеюсь, ты еще помнишь мое предупреждение, некромант?..

— Хватит уже! — взъелась на бывшего Стража Джайра. — Он держит себя в руках, и ты будь спокоен.

— Он носит в себе бесконтрольное зло, как ты можешь говорить, держит он себя в руках или нет? Его поведение большей частью не зависит от него.

Фарен усмехнулся.

— Не знаю, что ты имеешь в виду под последними словами, но я прекрасно себя чувствую, и сейчас этот темный омут внутри меня очень далеко. Я думаю, он поднимется только в том случае, если меня что-то спровоцирует.

— Ты даже не представляешь, что тебя уже нет, — Патриц угрожающе надвигался. — Вместо тебя говорит эта тьма, что ты называешь омутом...

— Хватит! — Джайра заняла место между ними, встав на равном расстоянии от обоих. Переполошившиеся стагаты и Расул вышли из кузни. Хаким молча наблюдал за происходящим, дав знак ученикам не беспокоиться. — Замолчите оба! Ты здесь гость, так что не вправе сетовать на то, кто находится рядом с тобой — это не твой дом. Он под моей ответственностью, так что мне его и убивать в случае превращения, но уж точно не тебе. Еще хоть слово о твоей навязчивой идее — я сама избавлю тебя от этого страха.

— Спасибо, но я мог сам постоять за себя...

По безмолвному приглашению Хакима она прошла в трапезную, и ее походка выдавала в ней крайнее раздражение. Патриц проводил ее многоговорящим взглядом и последовал за ней, схватив за руку почти у самых дверей, поэтому очередную сцену видели все.

— Что, тебе теперь только со смазливymi нравится общаться? — прорычал он почти ей в лицо.

Наемница оттолкнула его от себя.

— Мир не вертится вокруг твоей внешности, пойми ты уже наконец.

И оба пропали в трапезной.

— Мне кажется, — произнес Фарен, обратив на себя внимание стагатов, — или ни Стражи, ни Искатели не должны испытывать... страсть и ревность, и вообще какие-либо чувства?

Фрида пожала плечами. Ответил Волгрэн:

— Люди меняются рядом с Джайрой, снова обретают то, что когда-то утратили. Ты тоже испытал это на себе.

Фарен онемел. «Значит, не я один это чувствую...»

Когда в трапезную вошли все остальные, Джайра и Патриц сидели в разных концах стола, причем он не отрывал от нее гневного взгляда, а она, прижав к себе колени и уткнувшись в них, отгородилась от всего раздумьями.

«Самый короткий и самый беспроегрешный путь к возмездию отрезан. Остается только подбираться к архимагу окольными путями, воровством и подлогом мешать его планам. Кража только первый шаг, подготовка, и она поведет за собой еще большие свершения, если не помешать этому. Но какие у него замыслы? Единственный способ узнать — обокрасть его самого, послушать игры Гильдии воров и посмотреть, что будет дальше. Возможно, дальнейший путь укажет перст судьбы, если уж на то пошло...»

Стагаты обсудили свой визит к графу Тантелли, не упоминая его имени, поэтому Фарен остался в неведении, и покинули логово ассасинов.

— Съешь хоть что-нибудь, — обратился Хаким к Джайре, оторвав ее от забытья. — И тебе не помешало бы отдохнуть, вам обоим.

Не успела она и притронуться к еде, как в трапезную вбежал один из подручных Башира и остановился только у ног Джайры, начав что-то шептать на ухо.

— Где? — сурово спросила наемница. Курьер снова что-то прошептал.

Джайра вскочила на ноги, направившись к выходу.

— Хаким, собери учеников, намечается дело. Немедленно!

Облачившись в очищенную новую броню, она вышла во двор в полной экипировке.

— Слушайте меня, ассасины. Пару минут назад на Торговой площади был замечен Баширом курьер из Гильдии воров. Он ждет ответа из Шпиля Королей, где скоро произойдет кража чего-то важного. Наша миссия — поймать посыльного и узнать, кому он служит во дворце. Когда прибудем на площадь — распределиться по выходам из главных улиц. В случае чего может быть погоня, будьте к этому готовы. Пошли!

Натянув капюшоны и повязки, точно такие же, как у Джайры, ассасины поднялись на крыши. Одного из них Джайра подозвала к себе.

— Мааруф, хочу тебя кое о чем попросить...

Укрытие, где обычно находился эйеах Башир, находилось между двумя прилавками в самой тени целебрария, примыкающего к Храму Сакротума. Оттуда открывался хороший обзор на все торговые ряды, а в случае опасности — рядом стояла лестница трубочиста, с помощью которой можно было легко переместиться на крыши. Один из прилавков принадлежал торговцу шелком, одному из хецинской общины, отсюда и доходили все срочные вести от эйеаха до логова. Ученики остались на крышах, разместившись на перекрестках и наблюдая за обывателями в ожидании сигналов от аль-мусиальда. Джайра спустилась к Баширу, пристально осматривая площадь.

— Ну, что? Где он?

— Вон там, у рыбной лавки на выходе из Фактории.

Вор изображал дремлющего чернорабочего, устроившись на пустых ящиках и изредка безразлично поглядывая по сторонам. Единственное, что могло в нем выдать вора, так это маленький перочинный нож со стальным набалдашником. Будь он простым рыбаком, набалдашника бы не было.

— Отличная работа.

Она подала знак ассасинам следить за вором в один глаз, сама же, ловко скрываясь в толпе, встала в тени навеса на углу перекрестка с улицей, ведущей прямой дорогой к Шпилю Королей. Посыльного оказалось ждать не долго — хилый паренек сам по себе привлекал слишком много внимания своими постоянными оглядываниями и нервозностью. Джайра подала знак — «это цель». Ассасины на крыше переместились ближе к вору. Сама же она, шла за ним следом в десяти шагах, ускользя от его постоянных взглядов в толпе или у прилавков. При его приближении вор открыл глаза и встал на ноги, непринужденно проведя рукой по стальному набалдашнику. Паренек заспешил к нему, и оба обменялись записками. Вор обошел прилавок и начал подниматься на крышу по еще одной лестнице трубочиста. Джайра приказала ассасинам дать ему уйти, сама же встала почти за спиной у зазевавшегося на вора посыльного и, зажав ему рот рукой, уволокла его в один из переулков. Башир прикрыл их отход, создав внезапную драку у одного из торговых рядов.

Приперев несчастного парнишку к мокрой стене, Джайра прошипела ему в лицо:

— Что ты передал ему?

— Я ничего не знаю! Клянусь!

— Кому ты служишь?

— Пожалуйста, не убивайте!

— Ты не умрешь, это мы можем обещать тебе, — прикрывая от посторонних глаз допрос, ее обступили ассасины. — Ответь на вопросы и можешь быть свободен.

— Хорошо, я отвечу.

Джайра выпустила его из захвата. Паренек, переведя дух, обернулся к ней.

— Я всего лишь слуга, не более. Я служу...

Внезапно в его горло вонзился нож со стальным набалдашником, рекой полилась кровь, слуга с выражением ужаса на лице осел на землю. Джайра устремила взгляд на крышу и едва ли успела увидеть вора, скрывшегося из виду.

— За ним!

Сама же, выхватив из сжатого кулака посыльного записку, наскоро пробежала ее глазами и, сунув ее обратно в руку мертвеца, бросилась вслед за убийцей, за которым уже гнались ученики.

Торговая площадь была еще недалеко, когда ее остановил бежавший наперерез посыльный Хакима.

— Мой аль-мусиальд! В общине беда! Нужна ваша помощь!

Выругавшись, Джайра последовала за посыльным Хакима, предполагая только одну причину, по которой могло что-либо произойти.

— Догнать его и отобрать записку! В случае опасности не вздумайте героизировать. Зайн, ты за старшего!

Бросив беглый взгляд на Мааруфа и кивнув в ответ на его кивок, она ринулась к логову.

Не зря Джайра торопилась — даже на крышах были слышны крики со двора. Самыми

страшными опасениями были всевозможные варианты стычек Фарена и Патрица, причем причина любой из них только одна, и эта причина сейчас дразнила мечом некроманта так, будто игриво щекотала. Понять, что на самом деле вытворяет Страж, мог только кто-то из его же ордена. И сама Джайра. Оставалось надеяться только на выдержку некроманта, но и у него терпение не бесконечное.

— Ну же, давай! Покажи, что ты такое на самом деле! — яростные выкрики стагата казались Джайре чудовищным ревом, тогда как хецины и остальные стагаты больше опасались грозного рычания, вырывавшегося из глотки некроманта, упавшего на колени и словно державшегося за землю, будто в любой момент он мог невольно взлететь. — Может, теперь все увидят, какое зло они гостеприимно впустили в свой дом!

Бывший Страж коршуном кружил вокруг сопротивляющегося что есть сил Фарена, и все же тот поразил всех своей способностью все еще говорить человеческим голосом, хоть и сдавленным.

— Чего ты этим добиваешься? Если я потеряю контроль, ты будешь первым...

Недоговорив, он схватился за сердце, весь сжавшись и задыхаясь, но не отрывая глаз, полных паники, от Патрица. Его трясло как от лихорадки. Расширенные радужки, полностью скрывшие белки глаз, затопила густо-алая кровь, зрачки увеличились раз в пять и превратились в бездонные дыры, зияющие пустотой и не отвечающие бликом на свет.

— Первым — кем? — не унимался Патриц. Шрамы добавляли всему его виду еще большей чудовищности.

— Жертвой, — договорила Джайра, спрыгнув с крыши прямо между ними и грозно глядя на стагата. — Только это произойдет раньше и от моей руки, если ты сейчас же не уберешься отсюда.

Снова едва удерживаемый рокот тьмы, уже громче и сильнее. Фарен склонился к земле, волосы скрыли его лицо. Совершенно не думая об опасности, Джайра присела рядом с ним, положив руку на плечо и заглядывая в лицо.

— Не сдавайся. Ты можешь это побороть, ведь уже получалось, — тяжело дыша, он поднял голову. Она ободряюще кивнула. — Ты же сильнее этого.

Он пораженно, почти с восторгом смотрел ей в глаза, собираясь что-то сказать, но неожиданно вздрогнул, и вместо слов изо рта снова вырвался оглушающий рев, исказив его лицо, и все же закончившийся криком боли. Не понимая, в чем дело, Джайра подхватила падающего некроманта, растерянно озираясь вокруг. Клинок стагата, до этого сверкавший на солнце металлом, влажно блестел алым. Ее обуяла злоба.

— Ты все еще веришь в то, что его можно спасти? — ярился Патриц. — Взгляни на него: он ничтожество, чудовище! Предоставляя ему убежище, вы сами себя обрекаете на смерть...

Джайра метнулась стрелой к Стражу. В полном изумлении он смотрел ей в глаза, подставившей ему к горлу Шип. По ее лицу можно было прочесть неистовую ярость и гнев, каким она еще никого не одаривала.

— Вон отсюда.

Шепот добавлял еще больше жестокости. Если бы она закричала, было бы меньше угрозы в ее голосе, чем сейчас.

— Почему ты защищаешь его?

Мольба Патрица была воспринята всеми как чуть ли не плач. Воцарилась полная тишина, не считая частого надрывного дыхания Фарена.

— Потому что его еще можно спасти, а тебя уже ничто не спасет.

Патриц издал вздох отчаяния.

— Убирайся.

Оторвав от него испепеляющий взгляд, Джайра снова опустилась на колени рядом с Фареном, взяв его за плечи.

Такой горькой утраты Патриц не испытывал даже в день отречения от ордена. За мгновение он стал выглядеть больным, плечи ссутулились, ноги нетвердо стояли на земле.

— Хаким, и ты допустишь это? Она пользуется правами хозяина?

— Она старше меня по рангу и может распоряжаться логовом как аль-мусиальд.

Патриц пошатнулся. Если бы никто не боялся, каждый, кто был свидетелем этой сцены, поспешил бы на помощь Фарену, но не Патрицу.

— А вы? — надорванным голосом обратился Страж к стагатам. — Вы тоже считаете монстром меня, а не его?

Стагаты молчали, сурово глядя на собрата.

— Лучше ты ответь, — промолвил Волгрэн, — из благих намерений Стража ты поступил так жестоко с этим человеком или из личных побуждений ты подверг всех риску?

Патриц не отрывал взгляд, полный боли, от Джайры, пытавшейся дозваться Фарена. Пятясь к одному из выходов из логова, он все ждал, что она обернется к нему, и это будет для него знаком того, что все же он ей не безразличен. Но все внимание Джайры было поглощено Фареном.

— Ну, взгляни же на меня!

Она с силой подняла его лицо к себе.

— Нет! Отойди!

Зажмурившийся, он пытался убрать ее руки, но тут же ощутил облегчение от прикосновения. Как тогда, в Убежище чародеев. Как будто беспощадную зимнюю вьюгу мгновенно сменило ласковое весеннее тепло. Приходя в себя, Фарен медленно вдохнул, с жадностью вбирая в себя от прикосновения это сладкое чувство жизненной теплоты.

Когда Фарен открыл глаза, Джайра успокоилась: кровавая дымка с глаз спала и к ним возвращался человеческий осмысленный взгляд.

— С ним все в порядке, — не без радости сказала она наблюдавшим.

Отняв руки от лица некроманта, наемница хотела подняться с земли и подать руку, но Фарен порывисто схватил ее.

— Нет, подожди, пожалуйста.

Джайра смутилась, но руки не отняла, отвечая на его дрожащее прикосновение уверенным пожатием.

— Встань.

Подхватив его под руку, она помогла ему подняться. Уберегая его от падения из-за бессилия, его с другой стороны подхватил Волгрэн. Вторыми оцепенение преодолели Ксия, Хаким и Фрида. Сает тут же отдал распоряжения слугам приготовить целительные отвары. Увидев, что с крыши спускаются ассасины, Джайра направилась к ним, но Фарен задержал ее руку в своей. В этот раз она не возмутилась, как при прибытии в логово, а только вопросительно взглянула на него.

— Спасибо.

Слабо улыбнувшись, она кивнула и отошла к ученикам, передав Фарена на попечение Ксии и Хакима.

— Ну, что? Вы не поймали его?

Зайн огорченно покачал головой.

— Хуже того. Он ушел к Западному Арсеналу и завел нас в западню. Все это было подстроено. И еще...

— Говори, не останавливайся.

— Они схватили Мааруфа.

За спиной Зайна всхлипывала Тамира, пытающаяся удержать слезы. Судя по виду Зайна, он порывался ее приободрить.

— Значит, Западный Арсенал... Отдыхайте. Мааруф будет сегодня здесь, я обещаю, — про себя добавила: «Пришло время поворошить Осиное Гнездо».

— Ты пойдешь туда за ним? — услышал их разговор Хаким.

— Я никогда не бросаю своих учеников, Хаким. Ты ведь тоже этому учил Али.

— Я не позволю тебе идти туда.

— Что мне могут они сделать? Я знаю все их действия, знаю все, что они умеют, что могло измениться? Тем более, что это моя вина.

Хаким, замолчавший на мгновение, мгновенно сменил тревогу на гнев.

— Твоя вина?!

По всему двору понеслась ругань на хецинском, в то время как Джайра уже взобралась обратно на крыши.

День подходил к вечеру. Этой ночью должна была произойти встреча на Тихой улице в полночь, о которой говорилось в записке, и нужно было успеть вытащить Мааруфа из заточения до этого времени.

Тот самый игорный дом. Он стоял почти у самого Западного Арсенала, где останавливались торговые галеи. Ветер уже изменился, поэтому с соседнего квартала складов и ям для гребцов-рабов разносился душный смрад. Логово Шершня здесь было единственным двухэтажным строением, если не считать высокой каменной стены Арсенала. Парадный вход для гостей и тайный для «своих» были хорошо охраняемы, и то, что охрана играла в излюбленное развлечение всех воров и соглядатаев — в карты — не было признаком того, что бдительности нет. Даже если бы Джайра не знала те тайные ходы, что она обнаружила в этом доме, когда еще была обычной воровкой, она все равно смогла бы залезть через окно — в этом хорошо помогло бы освещение. Стена укрывала дом от солнца, падающего к горизонту, уличные фонари зажгут только с наступлением темноты. Стоя в темном переулке, достаточно далеко от игорного дома, Джайра вспоминала, куда ведет ход через погреб. Воспоминания были не самые хорошие.

Все произошло четыре года назад, а то и больше, но из-за остроты переживаний, которую она тогда испытывала, случившееся казалось вчерашним днем. Перед ней, прикованной к огромному икс-образному кресту из грубо обтесанных балок, расхаживал Шершень, еще с пальцами, еще с отличным зрением, лучшим среди воров и соглядатаев, и с самодовольной улыбкой рассматривал в руке тот самый талисман, что она с таким трудом добыла, вступив в союз с Эдориусом.

— Я ведь видел, как ты исчезла с ним в руке, — произнес он, — и появилась в другом месте. Лис, как же это было неосторожно, даже для Безымянного. Если ты мне расскажешь, как он работает, то я оставлю тебя в живых.

Джайра смотрела на него исподлобья. Ни один нормальный человек не будет доверять Шершню, что уж говорить о том, кого он поймал с поличным.

— Что-то я тебе не верю.

Он ослабился, любовно погладив кулон.

— Что ж, даю тебе час на то, чтобы мне поверить и принять мои условия. Думаю, ты знаешь, что тебя ждет в случае отказа.

Оставив факел на столбе рядом с крестом, он вышел, заперев дверь на замок, а не на ключ. Подождя, пока его свист затихнет, Джайра несколько раз попробовала вытянуть как можно дальше хотя бы одну руку, но цепь оставалась цельной, и при вытягивании одной руки вторую пришивало к балке, так что даже на пластику и извороты не хватало свободы. Впрочем, браслеты сидели неплотно — были рассчитаны на кого-то большего размера, но, чтобы вытащить кисть из железного кольца, нужно было сломать все суставы, на что Джайра в любом случае не осмелилась бы пойти — как волк отгрызать себе лапу, чтобы выбраться из капкана, было не в ее характере, уж лучше убежать вместе с капканом. Правда, этот крест за собой не утащишь, тем более, по подземному ходу. Есть еще один способ, как освободиться. Проблема одна — нехватка времени. На поиски скрытого рычага в погреб уйдет больше всего времени, а ведь нужно еще забрать свое снаряжение. Жаль, что талисман не вернешь. И все же можно злобно усмехнуться: Шершень никогда не узнает, как им пользоваться.

Скоба факела находилась достаточно низко, чтобы можно было сбить факел, но Джайре было необходимо факельное масло. С большим усилием она дотягивалась до конца факела только коленом, но ведь большего и не нужно. Еле-еле она сумела потревожить его в скобе и повернуть к себе. Горячее масло закапало на браслет, Джайра стиснула зубы от боли. С усилием, прислушиваясь к звукам снаружи, она выдернула руку из кандалов. Вторую освободила с помощью отмычки, оставшейся приколотой к воротнику. На ножных кандалах был слабый замок, поэтому они времени почти не отняли.

Как ни удивительно, рычаг был на самом видном месте, только незнающий человек даже не подумал бы о его предназначении. При нажатии решетка в водосток упала, открыв проход в лаз, в котором мог уместиться и волколак. Этот дом с самого своего фундамента предназначался для Гильдии воров, никак иначе — как еще объяснить такое количество ходов и лазов в стенах и в подполе, словно его обитателями были мыши и крысы, а не люди. Предусмотрительно закрыв решетку за собой, Джайра ползла по мокрому из-за прошедшего дождя ходу почти через весь дом. Снаряжение Шершень припрятал у себя, лелея все же приобретенный талисман больше, чем ассасинский скрытый клинок. Его даже меньше волновало знание истинного облика Лиса и Безымянного в одном, уж эту драгоценную тайну он ни с кем не разделит. Оставшись в своих апартаментах один на один с туповатым помощником-вышибалой Кулаком, он строил предположения, как заставить действовать талисман. Джайра ясно видела его через щель в стене, сидящего на засаленном бархатном кресле, начинающего досадовать из-за неудачных попыток.

— Может, нужно что-нибудь сказать?

«О, да! Скажи, и поплатишься за это», — в уме сложился весьма подлый план, как взять с повелителя тысяч жал плату за унижение и вред, что он ей нанес.

Улучив момент, когда Шершень посмотрит на потолок, он прошептала:

— Ние.

Внезапно вор растворился в кресле и в эту же секунду появился под потолком, приложившись об него носом и рухнув на пол.

— Хозяин! — Кулак сделал к нему шаг, но Шершень рукой остановил его.

— Ты что-нибудь говорил или думал сейчас?

Вышибала помотал головой.

— Да что я тебя спрашиваю! Можешь ли ты вообще думать...

— Ние.

Теперь вор встретился лбом со своим помощником, и оба повалились на пол.

— Что за демонщина! Я ничего не говорил... Здесь кто-то есть.

Пока они вставали с затоптанного пола, Джайра успела просунуть руку в щель, приоткрыв потайную створку, и стащить свой меч, Шип и запасной нож, который всегда прятала в сапоге. Уже проползая к выходу — окну погреба — и усмехаясь в мыслях над проделкой, она услышала, как Стражи выломали двери и ворвались в игорный дом. Уже с улицы она наблюдала за тем, как брыкающегося Шершня волокут в мешке два «рыцаря Сакротума», а третий разбивает на дорожном булыжнике освещенным мечом вожделенный талисман. Более мгновенной реакции кого-либо из воинов на появление угрозы она больше нигде не видела.

Судя по не заколоченному окну погреба, тайный ход все еще никто не нашел, так что ничто не мешало ей снова пробраться тем же путем.

Теперь рядом с погребом, вверх по лестнице, за кривым столом сидел старый одноногий скупщик краденного. Проходя за стеной мимо его стола, Джайра услышала через отдушину:

— Что-то нынче воры обмельчали.

— Ты это про мой рост или возраст?

— Про то барахло, что ты тащишь.

«Мелочные люди — мелкие делишки», — подумала Джайра. Воры действительно переживали не самые лучшие времена. В свою очередь, она сделала все, чтобы на юге такого не было. Ведь если даже вору нечего украсть — людям не на что жить.

В подтверждение ее мыслям грубый голос за другой стеной произнес:

— Охотничьи уголья заняли весь юг и держат глаза всегда открытыми, а мы даже один город освоить не можем!..

Спускаясь в подземелье, где все так же стоял пресловутый крест для пленников, она услышала знакомый голос.

— ... она здесь, в городе, ведь так? Кому еще мог приглянуться мой курьер! Странно, что он оказался проворнее вас, ассасинов. Верно, ты еще ученик, раз был таким легкомысленным, что попался моим «золотым ручкам». Ну, что же ты? Ответишь, и я отпущу тебя.

Мааруф не подавал голоса.

— Славный малый, хорошо она тебя натаскала. Только за тобой она не придет — зачем ей сюда совать свой нос?

Джайра нахмурилась. «Имеет в виду, не он главный?..»

— Что ж, можешь подумать, ночь будет долгой. Мои ребята тебя посторожат. Если что — зови их.

Два вора остались на часах снаружи двери. Сам же Шершень, что-то выслушивая от Кулака, поднимался на верхние этажи. Заглянув через перегородку, Джайра смогла увидеть его лицо. Проходя мимо, глава воров проворчал на вопрос подручного:

— Король-рыцарь строит флот, женится на чернокнижнице и огрызается на восток. Скоро нам совсем будет нечем поживиться, а ты еще спрашиваешь, в преисподнюю нам

сдался этот сопляк?! Да ты совсем мозгов лишился на своих мордобоях!..

На полученную Кулаком оплеуху часовые захихикали, но потом продолжили игру в карты.

— Добро есть?

— Нет, не сегодня. Малой меня прошманил на своих закладах. Только на щелбаны.

— Ха! Смотри, как бы тоже мозги не растерять!

Первый звонкий щелбан был слышан еще до того момента, как Джайра опустила решетку. Мааруф, с багровым кровоподтеком у правого глаза, сразу обратил на нее внимание.

— Прости, что я так с тобой поступила, — прошептала Джайра, с удрученным видом осматривая его лицо и рану на ноге от ножа.

— Я ведь понимаю, зачем вам все это нужно было, — ответил мунтетлак, пока она расковывала его. — Вы выяснили то, что хотели?

— Да.

Услышанное ее не обрадовало. То, что она нарочно послала ученика в плен, понял и Хаким. Радужный прием в логове ассасинов ее не ждал.

— Значит, дело удалось, — улыбнулся юноша.

Указав не издавать ни звука, она повела его тем же путем назад, но в одном месте у ширм, что стояли в той самой комнате, где шли переговоры Шершня со странным визитером, завязалась драка, и закопченные ткани колыхались, не давая пройти незаметно. Прикрывая собой в неосвещенном углу Мааруфа, Джайра соображала, как обойти препятствие. Как по злему року, в комнате появился Кулак, услышавший шум драки. Ставив со стула чей-то изорванный плащ, она накинула его на ассасина, накрыв с головой и пригнув.

— Изображай кашель.

Сама же она, потуже натянув повязку и капюшон, взяла его под руку, ведя к открытому окну за ширмами. Кулак уже расставил зачинщиков беспорядка по разным сторонам. В тот же момент, как они скрылись за ширмами, он увидел кровавые следы на полу. Это же заметила и Джайра, когда отправляла Мааруфа спускаться в окно и увидела пятна. Набросив на себя старый плащ так же, как до того на ассасина, она измазала руку кровью, поднеся ее ко рту и похоже закашляв. Кулак отдернул занавесь, бестолково уставившись на нее.

— Ты бы хоть на воздух вышел, старый. Тут тебе не целебрий!

Джайра закивала, закашливаясь сильнее. Как только вышибала повернулся к ней спиной, она сбросила плащ и выпрыгнула в окно. Ученик ждал ее за углом соседнего дома, благополучно пройдя мимо охраны, ничего не увидевшей в сгущающихся сумерках.

— Откуда вы знаете все ходы в этом игорном доме? — услышала она при приближении его восторженный шепот.

— Я тоже когда-то была его пленницей, — на вопросительный взгляд юноши, она усмехнулась: — Скажем так: Шершень такой косою и беспалый по моей вине.

Их возвращение в логово община встретила с триумфом. Тамира не отходила от своего брата ни на шаг, Зайн сам помогал ему снять снаряжение. Пока Ксия, уже блеснув своими ценными знаниями целительства, распоряжалась о всем необходимом для обработки ран, к спасенному подошел Фарен, всего лишь предложив взять его руку. В пяти шагах Хаким что есть сил срывал гнев на Джайру, старавшуюся сдерживать свои чувства и наблюдавшую за глухонемым слугой, моющим галереи.

— Ты используешь людей. Думаешь, это допустимо для ассасина: использовать своих же?

— Ты мне не сает и не аль-муалим, чтобы указывать.

— Тебе никто не голова, когда ты действуешь только в своих целях.

— Я же сказала, что не оставлю его, — ее терпение было на пределе.

— Какой ты ассасин после этого!

Последняя капля. Она резко повернулась к Хакиму, вздрогнувшему от этого стремительного движения.

— Ну, так напиши Вездесущему, пусть вышвырнет меня из общины! Так и знай: я больше не буду обучать твоих учеников.

Все трое, услышав это, ужаснулись.

Хаким ступешался.

— Но ведь так нельзя! Все ожидают от тебя большего.

— Именно этими ожиданиями в последнее время я и обманываю людей, — с сарказмом перебила его Джайра. — Запомни, Хаким, запомните все: самое страшное, что может случиться с человеком — что он будет стремиться оправдывать чьи-то ожидания. Жизнь жестока и непредсказуема, хоть и любит приевшиеся шутки.

Оставив огорченного Хакима, она направилась к лестнице на второй этаж, провести оставшееся время в одном из кресел. Ее нагнал Зайн.

— Мой аль-мусиальд... Джайра, ведь ты не оставишь нас? Мы не закончили обучение.

— Кто это сказал?

— Мы все понимаем: сегодня ночью что-то будет, возьми нас на дело. Пожалуйста.

Опустившись в кресло, она устало вздохнула.

— Возьму. Напомни близнецам, кто такой всевидящий, направляющий и персты. Если Мааруф не сможет...

Тут же снизу донесся радостный крик юноши, сообщившего всем о чудесном исцелении от руки некроманта.

— Иди.

Зайн замешкался.

— Что еще ты хочешь спросить?

Молодой человек, осмелев, расправил плечи.

— Почему ты не дала мне это дело?

Наемница хмуро посмотрела на него.

— Зайн, ты ведь уже давно не ученик и сам все должен понимать.

— Но ведь я приставлен к тебе помощником, а ты назначила себе в помощь Мааруфа...

— Зайн, послушай меня. Неужели ты не видишь, что происходит? Как ты думаешь, почему Хаким везде таскает тебя за собой и понукает меня, как дрессированного тигра, вести себя примерно для вас? Приставляет тебя ко мне и позволяет оставаться на всех наших с ним разговорах?.. Зайн, ты будущий сает, преемник Хакима. Никто не должен знать тебя в лицо, тем более — Осиное Гнездо. Мааруф никогда не станет таким же уравновешенным как ты, зато он исполнительен, несмотря на свою бесшабашность. Вот почему я взяла его, а не тебя.

Задумавшийся на минуту, Зайн молчал, глядя, как сает о чем-то говорит с Фареном и подошедшими стагатами. И вдруг он низко поклонился Джайре, как обычно в Аль-Пассале склоняются младшие члены семьи перед мудрецами.

— Спасибо, я многому научился.

Джайра кивнула, уже отгораживаясь мыслями от реальности.

Фарен и стагаты расположились вокруг гостевого столика на противоположной стороне.

— И почему Джайра не сообщила нам, что ты виконт Тантелли! А ведь я догадывалась, что ты дворянской крови.

— Давно уехал мой отец?

— Нам сообщили, что его позвало на родину неотложное дело. Большого мы не узнали.

— Что же вам было нужно?

— То же, что и всем — справедливость.

Фарен натянуто улыбнулся.

— Бывший Страж, тагари и куртизанка — идеальное воплощение ордена, восстанавливающего справедливость в стране.

— Не смейся над нашей жизнью, — возмутилась Фрида, впервые приняв непроницаемый холодный вид. — Чтобы стать такими, как мы, нужно сжечь свое завтра.

— Знаешь, что нас отделяет от преступников? — произнес Волгрэн. — Одно неверное решение, только одно.

— Знаю, поэтому вас многие и недолюбливают...

Джайре был не слышен их разговор. Он даже не вызывал ее интерес. Единственное, что занимало ее мысли, были бесконечные терзания в догадках насчет того, кто в городе мог быть авторитетнее Шершня.

— Зачем ты это делаешь? — появление Хакима не было для нее внезапным. Наемница уже привыкла к этому.

— Что делаю?

— Ты сама знаешь, — Хаким едва заметно повел головой на Фарена.

Джайра подперла голову ладонью.

— Посмотри на него. Что ты видишь?

— Некроманта, как и есть.

— Нет, он еще не некромант. Он борется, и у него получается. Ты видел когда-нибудь, чтобы человек так цеплялся за жизнь? Видел когда-нибудь такую стойкость, такую целеустремленность?..

Встретившись с упорным взглядом Хакима, она услышала его ответ:

— Видел.

— О, брось, — усмехнулась она. — Как будто ты меня не знаешь. Я падаю духом при малейшей ошибке.

— У тебя не бывает малейших ошибок.

Она развела руками:

— Еще лучше...

— Пока что ты искупила все свои провинности. Я лишь советую тебе избегать их в дальнейшем.

— Очень полезный совет, — огрызнулась наемница. — Понимаешь, это интересный случай. Мне любопытно, сможет ли он остаться человеком и жить с этим проклятьем? Или в какой-то момент он сорвется?

Выдержав короткое молчание, хецин осторожно спросил:

— А ты бы этого хотела?

— Нет, — на его отраду ответ был уверенным. — Я не ставлю эксперименты на живых людях как чернокнижники. Я хочу ему помочь...

— Чтобы не чувствовать себя одинокой в своей маленькой войне?

Наемница посмотрела на хецина. Глаза сверкали стальным блеском.

— Одиночество, говоришь? Что ты знаешь об одиночестве? Учитель, окруженный своими преданными учениками. По твоим словам, одиночество — это человеческий порок. На самом деле это далеко не так...

Хаким тяжело вздохнул. «Грызет сама себя...»

Ночная тень скользнула на второй этаж, закат догорал. Незаметные слуги расставили по всему периметру тысячи свечей, в свете которых все люди казались желто-черными. Компания за столом напротив продолжала веселиться. Теперь рассказчиком был сам некромант. Стагаты слушали настолько внимательно, что даже не двигались. Судя по их задумчивости, это был не забавный случай из жизни, а нечто важное, что может случиться с каждым, но случилось именно с ним. Сидя в самом темном углу, Джайра все так же наблюдала за ними, водя пальцами по круглой выемке в подлокотнике. Выдержав пару минут молчания, Хаким растворился в тени, отправившись распоряжаться торговыми делами. Слова Фарена слышны были глухим ворчанием, неразборчивым и тихим, больше звуков вокруг не было. Закончив рассказ, некромант поднял полупустой бокал с бордовым, произнося какой-то тост. Стагаты в ответ торопливо взяли свои кружки, подняли и осушили до дна по своему обычаю, не чокаясь. «Память павших?..» В наступившей тишине он внезапно перевел взгляд на нее, будто всегда знал, что она скрывается именно в этом самом темном месте на всем этаже, и кивнул. Не зная, видит ли он, Джайра кивнула в ответ, немного помедлив.

Разговор стагатов и Фарена не прерывался.

— ... Был как-то у нее период жизни, когда ее преследовала смерть. Что ни замысел — то неудача, — промолвила Фрида. — Не знаю, что она задумала сейчас, но только стервятников над ее головой не хватает. Не советую с ней связываться.

Фарен с беспокойством посмотрел вслед уходящей с противоположного балкона Джайре, вдруг почувствовав себя одиноким.

— Что это? — произнес Волгрэн. — Я вижу ужас.

— Сдается мне, ты тоже когда-то был близок со смертью, — сощурилась Фрида. — Боишься за нее?

Оставив стагатов путаться в догадках, он не стал раскрывать того, о чем они с Хероном догадывались еще при отъезде из Накра.

Глава 14

Гонка за ответами

Растущая луна тяжело нависала над лениво плывущими тучами. Разновысокие крыши домов то уходили во тьму, то резко появлялись на свету уродливыми чешуйчатыми скалами. Бегущие тени скользили с одной крыши на другую, играя с темнотой ночи, как мошенник с картами. Перепрыгнув скрытый во тьме переулок, тени остановились через две крыши от него, наблюдая едва освещенную Тихую улицу. Присев у края черепичного ската, Джайра оглядела потрескавшуюся мощеную разбитым булыжником дорогу. В этот поздний час редко где в окнах еще оставался гореть ночник. В дальнем конце улицы причитала собака. С соседнего Кузнечного района глухо разносилось эхо одинокого молотка и вздыхающих мехов. За весь день не удалось выяснить, ездят ли по этой улице кареты, но, если судить по ее ширине, навряд ли они здесь разъедутся. Странно, что соглядатаи выбрали именно этот переулок, полностью скрытый навесами...

Нервные и резкие движения учеников выдавали их волнение, только Зайн был весь внимание, готовый мгновенно отреагировать на указания Джайры. Сама же Джайра не ощущала волнения, как жар от нее исходила решительность, перемешанная с легкой озлобленностью. Подобной игры воры не затевали со времен Таплапата Вискура, единственного принца воров всех времен и народов. Шершень вообще боялся короля-рыцаря, как и Стражей с Искателями после того случая. Почему-то не было сомнений, что главный игрок именно Шершень, кого-то другого до такой крупной ставки он бы не допустил, да и это подорвало бы его авторитет. Но есть одна загвоздка: игрок находится в Шпиле Королей, а это означало очень высокую игру, выше принца воров. «Кто это может быть? На что он способен?..»

Со стороны Западного Арсенала по крышам шумно продвигалась компания наблюдателей, присланных Шершнем для поддержания порядка. Джайра дала знак ассасинам встать за ней и держаться тени. Она же осталась почти на краю границы отблеска единственного уличного фонаря.

— Смотрите, — прошептала она на хецинском ученикам. — Сейчас для вас будет наглядный урок, как с выгодой использовать свет, страх и внушение.

Заметив ассасинов, воры насторожились, поведя себя как охотничья свора — рассредоточились по всей крыше, чтобы показать свое превосходство в количестве.

— Не место двум ястребам в одном укрытии.

Ассасины не пошевелились на слова предводительствующего вора. Джайра медленно повела головой. Этот жест у любого мог вызвать дрожь.

— Если только один из них не имеет когтей поострее.

Полушепот полз по черепице, создавая невероятное эхо. Воры вздрогнули и пугливо переглянулись. Предводитель вновь произнес:

— Чего вы хотите? Убивать?

Прозвучал мистический смех. Джайра в темноте спустила повязку и лишь чуть-чуть повернула голову в лево, давая свету только слегка коснуться лица. Все воры сосредоточили взгляд на татуировке загадочного ассасина и все как один отступили в страхе назад.

— Мне кажется, эта территория в первую очередь принадлежит королю, и только он может определять, кто имеет право здесь находиться. Но ведь нам не нужны конфликты с

королевской властью, не так ли?

Она чуть повела головой, и неожиданно засветились ее глаза, восприняв свет фонаря и став опасными омутами.

— Нам ведь не нужна война на улицах? — Джайра снова повернула голову во тьму, глаза вспыхнули как у демона. — А королевского барахла хватит на всех.

Не найдясь с ответом, собеседник попятился назад, ускоряя каждый шаг. Когда вся пугливая шайка, поджав хвосты, скрылась из виду далеко за пределами квартала, Мааруф позволил себе усмешку:

— Либо они очень смелы, что пытались нас запугать, либо очень глупы.

— Ни то, ни другое, — ответил Зайн. — Это воры. Когда они действуют сообща, то похожи на крыс. Если же по одиночке — ты даже не узнаешь, что рядом кто-то был. Странно, что они все еще сохраняют единство Гильдии.

— Они еще пожалеют об этом, — несмотря на оскорбительный смысл слов, прозвучали они с сожалением и почти с отчаянием. — Принц воров бы не допустил такого поведения своих подданных.

Улица внезапно затихла, словно была живым существом и сама почувствовала приближение чего-то таинственного. Луна скрылась за тучами, единственным источником света остался одинокий тусклый фонарь.

Едва Джайра повела головой в сторону Зайна, как он уже оказался рядом с ней.

— Отправь Тамиру ко входу в переулоч. Напомни ей, чтобы держалась тени. Отметку пусть использует только тогда, когда будет знак. Мааруф пусть спрячется на крыше навеса — что бы он ни услышал, должен запомнить, но его не должны видеть. Он подаст сигнал, когда карета тронется обратно. Сигнал примешь ты, ступай на ту крышу над переулком, — она обратилась ко всем: — Язык жестов, надеюсь, все помнят?

Ассасины уверенно кивнули, впитывая ее решимость в себя.

— Тамира примет сигнал от меня. В ее распоряжении только одна отметка, пусть целится лучше.

В знак окончания указаний она кивнула Зайну на учеников.

Что-то не давало ей покоя. Не вопрос о неизвестном воре, а что-то другое, что могло свершиться здесь и сейчас. В переулке зашевелились тени — трое, не меньше. Башенные часы на Торговой площади отозвались раскатистыми ударами. Ровно двенадцать. Тут же вдалеке загрела карета. Вокруг фонаря танцевали мотыльки, отбрасывая тени крылатых гарпий и горгулий на стены домов и не давая разглядеть цвет обивки кареты и ее знаки отличия. Пара лошадей, неторопливо идущих размашистой рысью, остановилась под навесом. «Он даже не соизволил выйти из кареты». Едва заметно она повела рукой, изобразив волну — «быть начеку». Зайн на противоположной крыше поднял кулак — «указание получено» — и передал этот же знак близнецам. Судя по легкой ряби на их местах, они ответили ему тем же.

Переговоры длились дольше, чем ожидала Джайра. Слишком большая стая мотыльков начинала перекрывать свет. Луна спешила выбраться из-за туч. Зайн подал знак «идет». Слышно было, как задремавшие лошади затоптались на месте. Джайра перевернула ладонь кверху — «приготовься», Тамира коротко подняла кулак. Карета, медленно набирая темп, показалась из-под навеса. Сквозь нещадное дребезжание рессор даже не слышно было звука разбившегося стекла. По стенке кареты в гаснущем свете фонаря бежали капли жидкости. Все прошло гладко, карета скрылась в конце улицы, но Джайру привлекли отчаянные знаки

Зайна — «другая цель». Она обратила взгляд к переулку. Оттуда послышалась глухая ругань, кучер щелкнул хлыстом, и лошади с дикими глазами понеслись по улице. Вышедшая из-за туч луна высветила золоченый герб на дверке кареты. Времени для раздумий не было. Сорвавшись с места, Джайра помчалась по крышам вдоль улицы и прыгнула вниз, едва сумев зацепиться правой рукой за крышу кареты. Ширмы заднего окна раскрылись, из окна выглянул густо заросший мускулистый телохранитель.

— Лис!

В его руках бледным светом сверкнул нож. Балансируя одной рукой, Джайра защищалась Шипом, стараясь заставить цыгана отстраниться в салон кареты. Главное — успеть разглядеть сидевшего там дворянина. Луна поможет в этом.

Помогла и неровная дорога. От слишком резкого толчка цыган повалился внутрь, не дав возможность Джайре заглянуть туда. С последней попыткой она перехватила руку и вынула из кармана запасной пузырек с пахучей жидкостью, разбила его о бархатную обшивку кареты. Из окна снова показался цыган и ногой толкнул наемницу с кареты. С криком боли прокатившись по бульжнику несколько метров, Джайра распласталась на дороге. Приподнявшись на одной руке, она посмотрела вслед карете, на стенке которой расплывалось черное пятно...

Суматоха поднялась во всей общине, даже если бы все спали, а не тревожно ожидали своих ассасинов. Мааруф и Зайн поддерживали Джайру с обеих сторон, стараясь не задевать неестественно вывернутую левую руку. Она же ничего толком не могла сказать, только сдерживала стоны от боли, пока ее не усадили в кресло на втором этаже. Вся сжавшись и прижимая к себе изо всех сил больную руку, она тяжело дышала, глядя в пустоту. Поднявшийся Фарен не сразу понял, что произошло — обескураженные и растерянные ученики что-то оживленно на хецинском рассказывали слугам из общины, Хаким и Ксия бранились на весь двор, споря, чем лучше лечить раненую.

— ... Отвар из костяного куста вполне подойдет!

— Сначала нужно выправить кости! Немедленно несите костоправ!..

Он присел в соседнее кресло.

— Что случилось?

Она перевела на него мутный взгляд.

— Чуть не провалили дело.

— А что с рукой?

— Вывих, — хором ответили целители.

Фарен молча подал Джайре руку. Она недовольно посмотрела на него, но помощь приняла.

— Ты всегда оказываешься рядом, когда кому-то больно?

Некромант, улыбнувшись, пожал плечами.

— Я умею избавлять только от поверхностной боли, вывихи исцелять я не умею. Извини.

— Я тебя об этом и не прошу, — со вздохом облегчения она расслабилась в кресле, откинувшись на спинку.

Уступив Ксие, Хаким напустился на учеников:

— А теперь скажите мне, как вы допустили, что ваш всевидящий получил увечье?

Джайра снова выдохнула:

— Хаким, они не виноваты. Это была случайность. Там было две кареты.

— Две кареты?

— Да, ты не ослышался. Одна из них была почтовая. Случайно проезжала по этой же улице.

— Или они не случайно выбрали именно эту улицу.

В наступившей паузе оба аль-мусиальда переглянулись.

Ксия со слугами притащили странное сооружение из металла, ремней и дерева.

— Как вы узнали?

— Что узнала? — переспросила Джайра Тамиру.

— Что будет еще одна карета?

— Это просто. Такие люди, сколько им не угрожай, никогда не приходят на встречу одни. Охрана, соглядатаи, даже подставные — они прихватят с собой всех. Удивительно, что была всего только одна карета.

— А про телохранителя?

— Я видела, как шторы отбрасывают шевелящиеся тени. Но я не предполагала, что это будет цыган. Если бы знала, не была бы так опрометчива, — она задумалась. — Откуда он меня знал? Откуда они знали, что это буду именно я?.. И он явно понимал, что мы ассасины... Ему сообщили. Сообщили, что «охотничьи угодыя» посещал кто-то из ассасинов. А я ведь говорила «егерю»... Да, сеть этого паука велика, но не настолько сильна, раз он собственноручно делает заказы и сам ездит на такие мелкие встречи. Все из-за меня... а точнее — из-за этой проклятой метки!..

— Она поставлена на твоём лице не зря, — перебил ее Хаким, — ты опаснее, чем думаешь.

Хаким начал готовить целебное снадобье. Отодвинув Фарена и выпроводив всех лишних, Ксия закрепила раненную руку Джайры в деревянном желобе и затянула ее ремнями, ухватившись за железную вертушку. Приготовившись, Джайра посмотрела на Фарена, в ответ пожавшего ей здоровую руку, все еще держа ее в своей.

— Как ты не смогла справиться с телохранителем? — задал вопрос Хаким.

Только она открыла рот, как Ксия резко крутанула рычаг. Крик боли оглушил и обездвижил весь двор. Выдернув руку из руки некроманта, наемница упала на колени и вцепилась в костоправ, сжав зубы и процедив сквозь них:

— Не знаю. Говорю же: я не знала, что он из цыган, и поэтому не была готова.

— Раньше твое внимание было всевидящим, и тебе не нужны были приготовления — ты была всегда наготове.

Джайра сердито глянула на хецина.

— Хочешь сказать, я теряю сноровку?..

Снова крик, протяжнее предыдущего. Не помогла даже сила регенерации, которую Фарен вкладывал в прикосновение к ее здоровой руке, сжимавшей дерево.

— Ты не могла бы делать это аккуратнее? — упрекнул Фарен амазонку. — Я не успеваю сосредоточиться.

— Может, ты знаешь, как ее вылечить?..

— Ты всегда была лучшей, — продолжал Хаким, — это неизменно. Но что-то путает твои мысли, вводит тебя в растерянность. Ты стала несобранной. Даже если тебе не избавиться от этой помехи, все же остерегись попадать в такие рискованные ситуации.

Ксия скрутила вертушку в последний раз. Крик. Что-то хрустнуло в плече, и Джайра обмякла, повиснув на ремнях.

— Вы оба быстрее меня в могилу сведете, чем все эти, воры, чародеи и прочие.

— Вот она — благодарность лекарю! — воскликнула Ксия, распутывая ремни. Хаким согласно кивнул ей, воздев руки к небу и что-то произнеся на хецинском, потом сунул Джайре снадобье, от которого она шарахнулась.

— Пей и не морщись.

Только один глоток заставил закашляться.

— Пей без остановки!

Снадобье пришлось по глотке обжигающей засухой.

— Дайте мне воды.

— Нельзя.

— Да мне же язык связало!

— Если будешь делать все, как я скажу, уже завтра вечером будешь здорова.

— А пока не смей двигать рукой, — Ксия перекинула ей через шею шелковый шарф. — Фарен, помоги мне.

Не обращая внимания ни на Ксию, ни на Фарена, снимающих с нее броню и оружие, сквозь подступающее беспмятство Джайра прохрипела:

— Зайн!.. Зайн, подойди ко мне...

Она едва сумела сфокусировать зрение на ассасине, язык почти не поворачивался.

— Завтра проберись в королевский каретный двор и найди нашу отметку.

— Как я пойму, что это наша отметка?

Джайра криво улыбнулась.

— Поймешь.

Сказав это, она начала медленно падать. Фарен и Зайн подскочили к ней, но остановились перед поднятой здоровой рукой.

— Все нормально. Сама дойду...

«Что за знак там был на обшивке?..»

Качало из стороны в сторону, будто вокруг не на шутку разыгрался шторм. При очередном волнении очень резко повело в сторону, и она ударилась большой рукой о дверь своей же комнаты, слабо вскрикнув.

— Будь проклят этот заговор...

«Почему Эврикида никому ничего не рассказала? Даже Джардину? Если знала, что Мортос найдет ее...»

— Скверное дело...

Еле дойдя до кровати, не скидывая тихоступы, она грохнулась на спину в мягкое одеяло.

— Что ем... Что ему нужно во дворце?.. Откуда он знает Эврикиду? Может быть... Он охотится за Лисом... Будь проклят этот заговор... Сама дойду... Я узнаю, что тебе нужно... Мортос... Мортос...

Сквозь сон послышалось:

— Что с ней? Ее голос слышно через стены.

— Она бредит. Это пройдет.

— Ее волосы...

— Тише. Смотрите, она держится за руку.

Ноющая боль успокоилась.

— Я посижу здесь. Если вы не против?

— Ты немного странно себя ведешь. Неужто ты...

— Что?

— Да так, ничего...

До самого горизонта волновалось изумрудное море высокотравных холмов. Белые ленты, свисающие с рук, путались в траве, их изредка подхватывал ветер. Она не хотела оглядываться, знала, что там увидит. Все повторится, так зачем приближать конец?

Только на этот раз все было не так. Рядом кто-то стоял.

— Красивое место, — произнес Фарен, оглядывая холмы. Почувствовав изумленный взгляд Джайры, уставившейся на него и на их сцепленные в замок руки, он посмотрел на нее: — Существует ли оно на самом деле?

— Я не знаю.

— Если ты против...

— Нет, не уходи. Только не оглядывайся. Я не хочу снова упасть в бездну.

Улыбнувшись, он кивнул.

В отличие от нее, ее бесформенных плотно окутывающих белых лент, Фарен был облачен в доспехи с гербом в виде рычащего тигра, но разбитые и поблекшие. За спиной уныло свисал на половину сгоревший малиновый плащ. Глубокий порез на лице только-только затянулся, в глазах не было того кровавого безумия, что постоянно прмелькивало при малейших признаках раздражительности. Но не было и того омута, что был в прошлый раз.

«Это его душа?»

— Душа? — переспросил виконт.

— Я ничего не говорила.

— Оу, извини. Это все...

— Тише!

Где-то близко слышно было знакомое бормотание.

— Бежим! Нужно ее догнать!

— Кого?

— Эврикиду!

Замешкавшись с ответом, Фарен, которого она тянула за собой, пробежал за ней небольшое расстояние, прежде чем смог остановить ее.

— Стой! Ее нельзя догнать. Ее уже не догнать.

— Что? Ты не понимаешь...

— Понимаю. Оттуда не возвращаются.

За спиной раскаты грома становились все ближе. Трава под ногами превратилась в пепел. Ветер пытался сбить с ног.

— Ты должна отпустить ее, Джайра. Не надо за ней гнаться.

— Тебе легко говорить, — приходилось перекрикивать поднимающуюся бурю. — Ты не потерял в океане тайн! Не мучаешься вопросами, что от тебя скрывают!

Теперь она сама пыталась высвободить руку.

— Дело не в этом! Не надо преследовать умерших. Ты делаешь больно и им, и себе. Больше всего — себе. Ты не потеряешься, не останешься одна, если простишься с ней.

Она почувствовала, как по щеке катится слеза. Больше не сопротивляясь отчаянию, Джайра повернулась к жгучей буре.

— Нет, я уже сейчас одна. Единственное, что удерживает мою жизнь — это она. Она отвела от меня смерть. Теперь между мной и омутом тьмы больше нет никаких преград.

Руки сами собой разжались. Фарен в один миг исчез. Все повторилось...

На утро она ничего не вспомнила из того, что видела и слышала во сне, и мучилась необъяснимой досадой, будто пропустила что-то важное. Добавил масла в огонь Хаким, разговор с которым за завтраком вылился в напряженное ничто, и оно только из-за одной неосторожной случайности могло превратиться в добротную ссору.

Сейчас большую часть мыслей занимало ожидание прихода Зайна. И чтобы хоть как-то ослабить нетерпение, Джайра вывела во двор поразмяться Ворона, прицепив к его недоуздку корду и скомандовав идти по кругу. Рука почти не ныла, но при движении ее словно пронзало кинжалом. Как заметили накануне Ксия и Фарен, ее волосы стали темными и больше не меняли своего цвета, как это было прежде. Хаким уверил их, что это все из-за тех тайн, что не дают ей покоя. О тренировках ассасинов не было и речи. Община приутихла.

— Ты нервничаешь.

К ней подошел Фарен, нагнувшись под кордой, когда Ворон пробежал позади него.

— А ты всегда оказываешься рядом, когда я испытываю слабость.

Некромант стусевался и повернулся назад, подозревая в ее колкости намек на сон.

— Извини.

— Нет, постой, — он с надеждой обернулся. — О чем ты хотел поговорить?

Он вздохнул, собираясь с мыслями.

Ворон остановился, что-то вынюхивая под ногами.

— Эй, лентяй! Хик, Хэ!

Конь послушно продолжил движение.

— Таурийский? — удивился Фарен.

Джайра была удивлена не меньше познаниями молодого человека.

— Откуда ты знаешь этот язык?

Он широко улыбнулся, наблюдая за конем.

— Счастливое время... Я выучил его, когда обучал моего коня вместе с мастером всему, что знает от тебя твой Ворон.

— Это должен быть отличный конь чистой породы. Откуда он у тебя был?

— Это был подарок.

— От кого и за какие же такие заслуги?

Фарен засмеялся, смущенно запустив руку в волосы.

— За опасную выходку...

Ворон во всей своей красе вороной масти восточной породы делал круг за кругом вокруг беседующих.

— Очень знакомая история. Подожди! — внезапно воскликнула Джайра. — Пасахалель-Кенз! Ты был хозяином «Сокровища пустыни»? Того самого, из песен? И это поется о твоём отце: «... лорд-винодел для своего озорного сынишки купил султанского жеребца, не потратив золотишка...»?

И от изумления даже открыла рот, а потом рассмеялась.

— Да, — кивнул Фарен, даже немного покраснев от упоминания песни. — Он был отличным конем и прожил долгую жизнь.

— Что с ним стало?

— Стрела в сердце. В то время было очень много татей и мародеров. В одном из патрулей во время нападения он заслонил меня от нее. Он был моим хорошим другом, единственным, кто меня понимал без слов, — он слегка помотал головой, отгоняя грустные

воспоминания. — Теперь я понимаю, почему он слушается только тебя, — кивнул он на Ворона.

— А я теперь понимаю, почему он льнет к тебе.

Оба коротко посмеялись.

За их спинами, шоркая ногами, кто-то прошел по второму этажу. Обернувшись, Джайра увидела спину удаляющегося глухонемого слуги. Тут же рядом в кресле она напоролась на суровый отцовский взгляд Хакима и поспешно отвернулась.

— Ты боишься его?

— С чего ты взял?

— Я, конечно, ничего не понял из вашего иноязычного разговора, но, как мне кажется, ты нервничаешь именно из-за этого.

Джайра вздохнула. «Не такая уж это теперь и тайна...»

— Он злится на меня.

— Почему?

— Потому что я могу ненароком развязать войну, которую в наших общих целях мы обязаны не допустить. Я ничего не могу поделать.

Фарен о чем-то раздумывал, выдержав долгую паузу.

— Мне рассказали, что было ночью. Уходя, Зайн сказал, что на карете был какой-то герб, но его было трудно рассмотреть. Ты видела его?

— Нет. Иначе бы не послала Зайна в каретный двор.

Как по зову, с крыш спустился ассасин и немедленно подошел к аль-мусиальду.

— Ну, что?

— Забавную метку вы придумали, — засмеялся Зайн. — Конюхи проклинаят все на свете, пытаясь разогнать кошек.

— Экстракт валерианы? — в догадках неуверенно произнес Фарен. Джайра кивнула.

— Мне не удалось разговорить кого-либо из них, но я видел знак на карете. Это алмаз, который держат в пастьях две серебряные змеи.

— Это знак королевского казначейства и монетного двора, — мгновенно ответил Фарен.

Джайра повернулась к виконту.

— Ты знаешь, как зовут казначея?

— Увы, нет. Он сменился пару лет назад. Такие люди, обычно не разглашают всему народу свое имя.

Досада вернулась с двойной силой. Заведя Ворона в конюшню, Джайра поднялась к Хакиму, усевшись перед ним, терзаемая угрызениями за утренний спор. Хецин тихо переговаривался с сидевшей рядом Ксией, поэтому, когда к ним присоединилась Джайра, она стала свидетельницей их разговора.

— Не понимаю, как вы можете это курить каждый день.

Ксия изо всех сил разгоняла руками окутывающие ее вихрящиеся облачка дыма из трубки саета.

— Это мое лекарство. В ардонском воздухе слишком много влаги для хецинских легких. Молодое тело еще может приспособиться, но старому уже не хватает сил, — беззлобно ответил старик.

— Шестьдесят семь лет — не такой уж и старый, — осмелилась подать голос Джайра. — Кстати говоря, Сальмоней Нар Атив тоже страдает этим недугом.

Хаким обдал ее дымом.

— Ну, да, тебе ли говорить о старости. Да и у Фарена та же история.

— По-моему, — усмехнулся некромант, подперев спиной деревянный столб, — у меня другой случай.

Почему-то подобные темы всегда задевали Джайру.

Она недовольно посмотрела на него:

— Ты хотя бы знаешь причину. А я своего проклятия не знаю.

— В тебе эльфийская кровь, — произнес Фарен, — это даже так заметно. Человеческая и эльфийская природа вместе — это совершенная красота.

Джайра бросила на него косой взгляд. Отчего-то среди разговаривающих повисло неудобное молчание.

— Не все люди так снисходительно относятся к полукровкам, — наконец нашла с ответом наемница, молясь про себя, чтобы не покраснела.

— А жаль, — пожал плечами молодой человек.

— Твоими сладкими речами да уши куртизанок бы усладить, — фыркнула она. Фарен отвернулся в сторону, чтобы не выдать своего смущения.

Немного набравшись смелости после этой словесной баталии, глубоко вздохнув, Джайра обратилась к саету:

— Хаким, мне нужно воспользоваться «Ловцом мыслей».

Он достаточно долго не отвечал, глядя ей в глаза. Ее намерения были тверды, поэтому она глаз не отводила.

— Ты с ума сошла! — всплеснула руками Ксия. — Это же сильнейший дурман!

В надежде найти союзника она взглянула на Фарена. Тот развел руками:

— Я уже ничему не удивляюсь.

— Все настолько запутано? — тихо спросил Хаким.

— Почти как с заговором в Китране.

Хецин не отреагировал.

— Ты только подумай, — понизила голос Джайра, придав ему таинственности, — если в опасности Октава, значит, и вся Ардония тоже...

— Не прячь за добродетелью свое возмездие, — отрезал сает. Джайра сникла. — Я подготовлю для тебя часовню, — она слегка улыбнулась. — Но это лишь только потому, что я не хочу, чтобы Гильдия имела такой весомый союз с темнейшим. Нам тогда с ними не справиться.

Он кивнул молчаливо стоявшему рядом Зайну. Слуги принесли все необходимое, и спустя малое время все было готово.

Вьющийся словно змей сиреневатый дымок занимал собой всю часовню, не смея распространять свой дурман за пределы предоставленной опочивальни. Джайра уже не раз подчинялась власти «Ловца мыслей» и знала, каков его характер. Чтобы не вызывать болевых тисков, нельзя торопиться, тогда это будут мягкие объятия, дающие полную ясность рассудка и бесконечное время для рассуждений, на которые в реальности пришлось бы потратить целую вечность. Успокоив дыхание и почти расслабившись, Джайра медленно вошла в полумрак часовни, преодолев всего лишь две ступеньки так, будто это была высокая лестница. Дымок, уже клубившийся легким полупрозрачным туманом, мгновенно окружил ее. У «Ловца», в отличие от других дурманов, всегда была одна особенность: сколько помнила Джайра, у него каждый раз был разный запах и разный вкус. Она почувствовала,

как его аромат сгустился под небом. В этот раз это был запах вечернего леса — хвоя, сочная листва, древесина и почему-то ежевика. Осторожно опустившись на ковер, она проделала обычный ритуальный жест ассасинов: собрав мысли и напряжение с лица, открыла ладони, положив их тыльной стороной на колени, открываясь миру. Зрение уже слабело. Вход, находившийся в паре шагов, казался далеким туннелем. «Ловец мыслей» вырисовывал из дыма странные очертания лиц, предметов, слышались знакомые голоса и обрывки важных разговоров. Сидя в самой возможной неподвижности, Джайра сделала глубокий вдох, последний шаг в подсознание, и, медленно выдыхая, закрыла глаза.

Наблюдавший за ней вместе с Ксией Фарен, словно тот же дурман, разгонял туман противоречивых мыслей у себя в голове. Больше всего он не понимал, почему Зайн и Хаким так спокойно чего-то ждут. Даже слуги и люди из общины старались вести себя тише, поглядывая на часовню. Наконец, он не выдержал:

— Чего она этим добивается? Дурман сносит голову не хуже палача.

— Это если ты не умеешь с ним говорить, — мягко перебил его Зайн.

Реальный мир почти исчез, растворился в дурмане. Перед Джайрой на застеленном бордовым ковром полу были разложены карты: факты, события, имена, изображения лиц. Оставалось только начать игру, сложить пасьянс.

«С чего начать?..»

«...Грядут большие перемены. Начало уже положено. Звезды дрожат и трепещут, их охватывает мрак. Что-то грядет. Что-то, что изменит весь мир...»

Все началось с Мортоса. За его черной картой тянутся оборванные нити заговоров, сделок и предательств. Они настолько призрачны и спутаны, что не видно ни начала, ни конца. Тут же вслед за ним трепещет карта смерти Эврикиды.

«...Очень жаль, что ты не веришь звездам, а ведь в последнее время они беспокойны...»

Совсем рядом слышалось бормотание ведьмы, такое же, как во сне. Только было не разобрать, о чем же она рассуждает.

Почему-то среди всех прочих горят суровым холодом разноцветные глаза Амниса. «Похожи на глаза Хамелеона Акуна...»

«...мне кажется, что турнир организуется непросто так. Он служит прикрытием для чего-то. Уже очень давно самые сильные воины мира не собирались вместе... Будь внимательнее — этот капкан поставлен на кого-то очень большого и сильного...»

Радостное лицо Бенрада, голубые глаза которого скрывают тихую печаль.

«...Тебя все ждали, это празднование в честь Героя Ардонии...»

«...в-четвертых, им не удастся свергнуть короля в одиночку, их должен поддержать народ. Для этого им необходим стойкий лидер, за которым пойдут люди...»

Джайра покачала головой. Все связано между собой, но эта связь теряется, ее не уловить среди мелочей, разбегающихся прочь как лягушки.

До слуха долетел отголосок напеваемой танцовщицей Песни Ветра в тот вечер у монумента Рыцарству.

«...Да поможет им Создатель...»

«...Лети к своей судьбе, птица-буревестница, а нас оставь нашей...»

Что-то начало все затмевать. Вместо карты вспыхнуло что-то похожее на звезду. Чтобы не отвлекаться, Джайра выкинула ее прочь в туман, где она рассыпалась в прекрасное рассветное сияние, осветившее все карты яснее.

Черные дымные щупальца от карты архимага подгребали к себе неизвестную белую маску. «Белые маски носили во время краж воры Китрана. Кто это?» Маска увеличилась и встала перед глазами, хитро ухмыляясь.

— Лис! — выкрикнула она голосом телохранителя из кареты.

Черная карта, обернувшаяся скорпионом, бегала по сложившейся колодке о Герое Ардонии, пытаясь все разрушить.

— Брысь! — Джайра попыталась отогнать его рукой, но злобное создание перепрыгнуло на другие карты, начав их перетасовывать.

— Ну уж нет!

Выкинув скорпиона, она вытащила из вороха несколько карт. Шершень. Встреча на Тихой улице. Осиное Гнездо. Охотничьи угодья. Предстоящая кража в Шпиле Королей. И почему-то нападение Бродячего Пса на дороге из Китрана. «Он их союзник?»

«...на нашу общую мольбу откликнулась только ее высочество. Весь тот товар, что был продан на ярмарке в Китране, нечто иное как подношения султана Аль-Пассала принцессе Ардонии...»

Кто же еще мог сообщить татам о том, что это именно Сальмоней Нар Атив? Конечно же, только такой же вор, как они.

Скорпион, откинутый прочь, рассыпался по полу черным жемчугом. Жемчужины очень быстро снова сложились в надоедливую тварь.

Архимаг первоначально искал Лиса. Он посылал кого-то из Хладнокровных. «Орнубис?..» Нет, этот не стал бы выполнять приказ собственноручно. Этот вампир-вожде сам считает себя властителем. В Ардонии был кто-то из его подчиненных.

Кто-то, кто больше всех других предан Мортосу.

«Кто еще ему предан?»

Главный игрок не Шершень, это ясно сразу. Это казначей. Птицы более высокого полета нет, но тогда он тоже должен быть вором, причем опытным. Наверняка из старых игроков.

«...Певчий тоже знать бы хотел, да забился. Ждет, пока пыль от копыт уляжется. Да никто и не хочет хвост прижимать, уж сильно капкан большой...»

Либо это действительно очень большая продуманная западня, либо долгожданная месть. У старых игроков есть счеты с Лисом. Певчий здесь ни причем. Он слишком боится архимага, да и Шершень тоже не жалуется магию. «Решил поучаствовать в игре?» Такая игра стоит того, что поставлено на кон — власть над всей страной. Только кто же этот новоявленный принц воров в самой шпильке?

Что-то ускользало, какая-то деталь. Оно крутилось рядом, ползало между карт.

— Лис! — снова крикнула маска, рассмеявшись демонским смехом.

«Тот телохранитель...» Он был цыганом. Цыгане не останавливаются долго на одном месте, да еще так близко к городу — тот цыганский табор, когда она прибыла в Октаву вместе с караваном... «Всем известно, что цыгане — законодатели воровского кредо. Но они не помогают не своим...»

Колодка о краже почти сложилась. Джайра подняла глаза на маску.

— Я знаю тебя.

Белый лик усмехался.

— Филиппе Мичлессо.

«Заговор налицо. Никак иначе, на Тихой улице он лично встречался с Шершнем».

Как смог этот плут пробраться в казначей короля?! Немыслимо! Впрочем, с его хитрыми мозгами и лукавым языком это было можно сделать. Он что-то замыслил, это как пить дать. То, что он обворовывает казну, это было понятно, но почему он так верно прислуживает архимагу?.. Здесь кроется что-то более зловещее, чем простая кража.

Вместо маски перед ней теперь было лицо ухмыляющегося старика.

— Что нужно такому старому игроку в Шпиле Королей? Тебе не хватило моих зубов в Китране, Жук?

— Мне нужно то же, что и тебе, — ответил казначей. — Только ты об этом еще не знаешь.

Лицо растворилось в дымке. Джайра ойкнула от слабого щипка. Пока она говорила с маской, к ее руке, именно той, что была повреждена накануне, подобрался скорпион. Она схватила его за хвост.

«Скорпион?.. Пещеры Скорпионов. Кавендах».

«...Темнейшего ожидают увидеть в ближайшем времени в Пещерах Скорпионов, но зачем — никто не знает...»

К краже будут причастны дроу? Или они ему помогают?

«...решил сделать предложение руки и сердца Каэле!.. Да нет! Это дроу! Говорю вам, это подлые темные эльфы решили предъявить права на более плодородные земли, чем их черные пески... Дроу, кто же еще! Видимо, их царица решила избавиться от главных противников ее народа, ведь она по слухам хочет вступить в брак с Амнисом...»

Что нужно Мортосу у них? Амнис, Каэла, Мортос. Невероятная связь.

«Что ему нужно в Шпиле Королей?»

«...Из-за них погибли король Лестр и королева Беатриче. Будто ты не знаешь эту историю! Ненависть к ним в крови у всех рыцарей, и должна быть у всех ардонцев!...»

«...Мы собираем согласия лордов Ардонии на прошение о независимых державах... Идет Год Дракона. Было много предсказаний, что именно в этот Год Дракона мир изменится и прекратится весь этот хаос...»

«...под Октавой находится оживший некрополь. Неужели никто об этом не знает?..»

«...Триумвират заключает с чародеями тайный союз... Сакротум настроен весьма решительно, потому что король глух к их отчаянию...»

«...Он сильнейший чародей всех времен, владеет всеми силами магии. Он и есть магия! Появись мы только в тысячи шагах у его пристанища — наша сила перетечет к нему, как песок сквозь пальцы! По какой причине нас осталось так мало? Почему эльфы закрыли границу? Почему природа увядает? Почему оживились нечисть и дроу? Потому что он высасывает всю магию мира! Что мы можем против него со своими жалкими способностями?..»

«...О Протекторах уже давно ничего не слышно, и некому помешать или остановить его. Возможно, он забирает и их силу, чтобы устроить хаос. А может, просто набирает мощь, чтобы их уничтожить. Исход все равно один, но мы здесь бессильны. Осталась только одна надежда — на то, что наши спасители беспокоятся за мир не меньше нас и уже начали действовать...»

«...Да поможет им Создатель...»

«...Ясно только одно: если не произойдет чудо, мир умрет. Вся его история может исчезнуть по прихоти только одного...»

«...Время. На все нужно время. Дождись своего момента, и ты все узнаешь. Не я должен

тебе это рассказать, только не я. Твоя же протяннутая Длань Протектора должна указать тебе путь мужества. Главное, не бойся оказывать милосердие, это отнюдь не слабость...»

Джайра потрясла головой. «Уже что-то невразумительное...»

Карты закружились вокруг нее красочным вихрем.

«...Ты сама поведала нам о том, что следишь за ним. В своих замыслах ты себя не ограничиваешь, так что мы можем разгадать твою тайну. Остерегись его. Миру будет плохо без героев...»

«...Ты тоже лучшая, но ты не можешь быть постоянно на привязи, пока не сочтешь это нужным...»

«...Если тебе повезет, ты останешься тем самым Героем Ардонии, не притязательным до славы и пожимающим плечами на любые сложности. Если же нет — ты вернешься безликим дворянином, таким же, как все, кто там будет...»

«...Я и сам порой не узнаю своих друзей, когда они снимают доспехи...»

«...Старый мир рушится, вот что. Его опоры прогнили насквозь и уже не отвечают требованиям людей. Если уж такие сильные люди, как сестра, не могут выдержать натиска грядущих перемен, то кто же сможет? Кто взвалит весь мир на свои плечи, когда обломятся эти опоры?..»

«...Тебя все ждали, это празднование в честь Героя Ардонии...»

«...Ты ненавидишь его, все это знают. Но, поверь мне, лучше ненавидеть в мыслях, чем на деле. Ненависть еще никогда не была венцом благотворных дел...»

— Нет!

В один миг все остановилось. Скорпион в ее руке растаял. Карты исчезли. Дымку разогнало рассветное сияние, становившееся все сильнее и сильнее, пока не заставило закрыть глаза.

В реальности все это время Джайра сидела подобно застывшей статуе и открыла глаза спустя довольно долгое время, когда «Ловец мыслей» уже оставил часовню. И тут же она перевела взгляд на Хакима, стоявшего у входа в часовню с чашкой в руках. Он подошел и расположился перед ней, передав чашку.

— Я знаю, кто это.

— Пей.

— Это Жук.

В чашке было какое-то теплое белое снадобье. От него все сковало внутри.

— В этот раз ты превзошел себя со своими травами.

— Это всего лишь молоко.

— Он и Шершень в сговоре. Они выполняют поручение архимага.

— Что ему нужно из казны?

Джайра пожала плечами. Вспомнилось одно поручение.

— Мааруф.

Ученики стояли чуть поодаль от часовни и разговора учителей не слышали, но стоило чуть повысить голос, как они встрепнулись все. Брат-близнец подбежал к аль-мусиальду. Увидев, что к часовне позволено подойти, глухонемой слуга принес ведро с водой и начал уборку крыльца.

— Ты что-нибудь слышал, когда был над переулком?

— Немного. Они говорили о каком-то амулете. Чтобы ни в коем случае шкатулку не открывали. И что за ними могут следить. Я не придал этому значения.

Хаким и Джайра переглянулись.

— Амулет в Шпиле Королей? — произнес хецин. — И Амнис не знает об этом?

Джайру осенило.

— Амулет Душ. Тот самый, убивший короля и королеву. Эврикида рассказывала, что он пропал, когда пришли чародеи.

— Выходит, все это время он был во дворце.

«Амнис. Каэла. Мортос. Не удивительно...» В большее волнение привел другой вопрос.

— Откуда они знали, что за ними будут следить? И почему они знали, что там будет Лис?

По лицу Хакима пробежала судорога злости.

— Хочешь сказать, кто-то печет?

— Печет так, что мы горим.

В задумчивости Джайра наблюдала за работой глухонемого. Мааруф все еще стоял рядом, немного пораженный известием о предателе в рядах ассасинов. Ей на ум пришла странная догадка...

Слуга отошел достаточно далеко от ведра, повернувшись спиной ко всем троим. Джайра подала несколько знаков Мааруфу. Ассасин бесшумно подкрался к ведру и перенес его ближе в часовню, снова вернувшись на свое место. Наемница подала знак ученикам подойти к часовне. Глухонемой, как ни в чем не бывало, подошел к ведру, как будто всегда знал, что оно стоит там.

— Схватить его! — выкрикнул Хаким.

Перепуганный хецин повернулся к саету и бросился было бежать, но ассасины скрутили его по рукам и по приказу Хакима отвели в трапезную...

... Она смотрела на предателя, была с ним один на один, но понимала, что преимущество не у нее. Несмотря на ужасающую и без всех этих губительных для разума паров дурманов маску на ее лице, привязанный к стулу человек не чувствовал себя пойманным и бессильным. Когда она выпивала противоядие перед входом в комнату, Хаким спросил ее: «Справишься одна?» Вместо ответа она надела маску и вошла. Сейчас, глядя на разновеликие зрачки допрашиваемого, на его разноцветные глаза, она чувствовала в себе паники больше, чем в нем. Ее уверенность в себе пошатнулась, когда он первым произнес:

— Я чувствую твой страх. И это страх перед неизвестностью.

Голос был человеческим, хоть и никогда бы не мог прозвучать из горла этого прослужившего много лет в общине хецина, но интонация... Она могла поклясться, что это не просто демон.

— Бояться кого-то — преумножать его власть, — ответила низким голосом наемница. — Зачем мне тебя бояться?

Одержимый засмеялся.

— Я ведь обманул всех вас. Вы ведь знаете, что это я все рассказывал ворами. Только поняли это очень поздно. Я умелый обманщик.

— Если тебе удалось обмануть людей, это не значит, что ты гений. Это значит, что тебе доверяли больше, чем ты заслуживаешь.

— Да, отчасти это так. У меня уже получилось один раз уничтожить всех ассасинов в этом логове, отчего бы не попробовать завоевать доверие самого Безымянного? Или Лиса? Как тебя лучше звать? Или Кровопийца, Герой Ардонии?

Джайра еле сдержалась, чтобы не нанести удар по этой ухмылке.

— Кому ты служишь? Кто тебя подослал?

— Кто ты такой?

Джайра замерла. «Он меня не видит?»

— Тут столпилось слишком много духов, — он обвел комнату глазами, будто вокруг стояло множество людей, хотя была здесь только одна Джайра. — Я не вижу из-за них человека, стоящего передо мной.

— У меня много имен, — не растерялась Джайра. — Ты назвал только часть из них.

— У тебя что-то есть, что ограждает тебя. Да еще эти духи... Даже у некроманта проклятие поутихло. Жаль, что у него нет клейма — он был бы ценной пешкой в этой шахматной игре. Было бы не так расточительно, как посылать помародерствовать темных эльфов...

У Джайры волосы зашевелились на голове. По спине пробежал холод. «Неужели это сам...»

— Кто ты такой?

— Я задал этот вопрос первым. Было бы невежливо после стольких ответов на твои еще не заданные вопросы не ответить мне всего на один. У-у, у кого-то трясутся поджилки?..

Уступив страху, Джайра вышла из трапезной, закрыв за собой двери, не могшие заглушить пронзительный демонический смех. Стараясь унять дрожь, она сняла маску, чтобы было легче дышать.

— Он одержим?

Хаким и Зайн все это время стояли у входа, ожидая ее. Она кивнула на вопрос саета.

— Нужно немедленно решить, что с ним делать...

— Зови Стражей, — отрезала она.

— Но, Джайра, он из народа Хеции! Это поставит всех нас под угрозу!..

— Он или оно — сейчас самая большая угроза, которая нам всем грозит гибелью, — от ее округленных от ужаса глаз хецины шарахнулись. — Зови Стражей.

Каким-то краем бдительности она ощутила опасность за спиной. Вовремя успев оттолкнуть ассасинов прочь, наемница сама попала под удар.

В ушах зазвенело. Небо смешалось с землей и стенами. Последовал еще удар, и Джайра полностью оглохла, встретившись наконец с землей. Перед глазами поплыли белые и крапчатые круги, сквозь которые она видела, как одержимый, превратившийся в отродье, перепрыгнул через выломанную дверь и навис над ней. В голове стучала тупая мысль, что нужно подняться, но сил для этого не было. Подкатила туманная волна забытья, и она только и успела заметить, как некромант встал между ней и монстром.

... -... Она без сознания уже четыре часа.

— По-моему, еще не время паниковать, Ксия.

— Я приготовил припарку, ей это должно помочь.

— Как припарка может помочь проломленной голове? Дайте мне и ей время, я почти залечил рану. И кто-нибудь принесите корпию и воду!

По руке к голове шла успокаивающая волна тепла, хотя где-то за глазами все еще искрились звезды. За закрытыми веками слепило красными лучами закатное солнце, так что она едва сумела разлепить их, тем более, что любое движение грозило сбросить Джайру с кровати — мир неистово вращался.

На фоне красной пелены возник мужской силуэт.

— Эй, ты как? — Фарен крепче сжал ее руку.

Джайра открыла рот, слова казались достаточно простыми: «Мне плохо», но вихрь вокруг головы был слишком быстр, что не давал даже сосредоточиться на речи.

— Можешь не отвечать, я все чувствую.

На лоб легла рука Ксии с холодной мокрой тряпицей.

Джайра едва смогла сфокусировать зрение на глазах Фарена, как между ними пролезла рука Хакима и почти воткнула что-то в нос Джайре. Она не успела отстраниться от резкого убийственного запаха, ввевшегося, казалось, в самые мозги и в легкие. Зверский холод в голове. Внезапно мир остановился и стал четким, а она закашлялась, согнувшись почти пополам.

— Что ты ей дал?

— Это всего лишь травы.

За дверью послышался голос Зайна, уходящий вниз:

— Она очнулась!..

Мысли наконец сложились в единую мозаику. Догадка, которая не успела родиться в уме перед нападением одержимого, в один момент засияла маяком.

— Это был он.

Ее услышал только Фарен, мгновенно посуровевший.

— Ты думаешь, он мог завладеть чьим-то разумом?

— Это был он...

Воспользовавшись всеобщим замешательством, Джайра вскочила с кровати, растолкав всех в стороны, и метнулась к дверям, сдернув с гардеробной стойки свой плащ. Вдогонку доносились приказы саета ассасинам остановить ее, но она вспорхнула на крышу как птица и уже была далеко, чтобы кто-либо успел разглядеть, куда она направилась.

Холодный зал архивов был недосыгаем для солнца, но его освещали лунным светом расставленные свечи. Соломея и Джардин сидели друг напротив друга. Маг уже довольно долго держал в руках остывающий отвар, выпитый только наполовину, и слушал речь чародейки.

— ... она искала Эврикиду, чтобы что-то узнать. Но я полагаю, что тайна лежит перед нами как раскрытая книга.

— Ты это полагаешь из-за тех духов, что она видела вокруг себя?

— Именно. Они оберегают что-то, принадлежащее Протекторам, это очевидно.

Джардин горько усмехнулся.

— Если бы у Эврикиды был подобный артефакт, она не смогла бы его носить при себе, ты это знаешь. Да и причем тут может быть Джайра?

— А как ты еще можешь объяснить то, почему она увлекла *его* за собой? Она не хотела подвергать ее риску, которому подвергла амазонок. Это что-то сейчас у Джайры.

— Тогда почему она ничего не рассказала мне? Она никогда не доверяла себе одной хранить такие тайны.

Соломея выдержала паузу, прислушиваясь к тиканью часов.

— Помнишь, она странствовала с каким-то эльфом? — Джардин нахмурился, заблудившись в памяти. — Какие тайны самые сокровенные? Те, которые давали под клятвой.

— Я тоже знал его. Уж не думаешь ли ты, — удивился он, — что он...

Витражные ставни распахнулись, впустив суматошный городской шум вместе с

ворвавшейся наемницей.

— Джайра?..

— Вы оба должны ответить на мой вопрос. Это срочно.

Отдышавшись, она выпалила:

— Может ли темнейший наблюдать за миром через одержимого?

С непроницаемым лицом магесса посмотрела на собеседника. Джардин понял ее намек, но удивление постарался сдержать.

— Если в теории, то это не исключено, — ответил с запинкой он. — На практике никто такого не встречал. Это скорее вопрос к Стражам и к Триумвирату, чем к нам.

— Личи, обладая потусторонней магией, могут наблюдать за людьми через горгулий и големов, если ты черпаешь предположения оттуда. В практике чародеев такого не было, но это не значит, что темнейший не усовершенствовал способы управления сознанием от личей.

— Во всяком случае, твое сопротивление к магии способно оттолкнуть от себя любые чары.

Джайра засомневалась в своем предположении. «Но ведь по словам это был *он...*»

— Спасибо, — стужа в голове слабела, снова подкатывала дурнота. — Это все, что мне было нужно.

Уже без такой спешки, она снова вскарабкалась на крыши через окно.

Джардин, сведя брови, отпил холодный отвар, глядя вслед Джайре. Амальгама терпеливо ждала, глядя на него.

— Духи, говоришь?

Медленно в его голове вспыхивало невероятное открытие. Он в изумлении уставился на Соломею. Та степенно кивнула.

Глава 15

Капканы на Лиса

Когда Джайра, уставшая, потрясенная и разбитая, спустилась с крыш общинного двора, нигде уже не было и следа пребывания здесь одержимого. Фарен о чем-то с радостной улыбкой разговаривал с ассасинами за гостевым столиком на втором этаже. Улыбка была несколько смущенной, об этом же говорил и опущенный взгляд. Обрадованный чем-то Мааруф стрелой спустился вниз. Подошедшая Джайра грохнулась в свободное кресло.

— С тобой все в порядке? — осторожно поинтересовалась Ксия.

Джайра кивнула. Она ссутулилась в кресле, опершись локтями о колени и разглаживая ладонями лоб.

— Я же сказал, что залечил ее рану...

Обратив внимание на ее потрясение, Фарен осекся.

— Что-то не так?

Она вздохнула, выпрямившись и откинувшись на спинку кресла.

— Не могу взять себя в руки. Все это слишком неожиданно...

Она не договорила, уставившись в одну точку, переживая снова и снова события прошедших дней в Октаве.

— Выдохни, — произнес Фарен. — Посмотри на небо, — он указал рукой на полощущиеся от ветра ткани, сквозь которое пылал небосвод. — Сегодня прекрасный закат, не правда ли? Ему все равно на чьи-то козни, он всегда будет светел.

Она слабо улыбнулась.

— Ты должна поблагодарить Фарена, — настойчиво ввязалась в разговор Ксия. — Если бы не он и не его странное оружие, мы бы не лечили, а оплакивали бы тебя.

Джайра помрачнела.

— Вот уж никогда бы не подумал, — усмехнулся молодой человек, — что мне придется воспользоваться этим сюррикемом. Херон как в воду глядел, что подарил мне его.

Наемница бросила на него быстрый взгляд и снова уставилась в одну точку, услышав напоминание об эльфах. Собеседник воспринял это как надменность.

— Скорее это моя благодарность и оплата долга, — неуверенно добавил Фарен, замолчав почти на полуслове в неловкости.

Из темноты внутренних комнат, открытых гостевому столику, донесся голос Хакима:

— Ты получаешь слишком много увечий.

Джайра перевела взгляд на него и тоже ответила на хецинском:

— Будто ты в свое время был неуязвим.

— И посмотри на меня теперь — я постоянно прибегаю к целительной силе трав, чтобы мои ноги в одно прекрасное утро не отнялись.

Она вздохнула.

— Ты преувеличиваешь это по отношению ко мне.

— Когда-нибудь из-за твоего равнодушия к своему здоровью твои раны станут твоими уязвимостями.

Чувствовавшие себя не в своей тарелке, став свидетелями этого иноязычного для них разговора, Фарен и Ксия поняли только одно: Джайре он настроения не прибавил. Ассасины же с сочувствием смотрели на своих учителей.

После долгого молчания Джайра произнесла на всеобщем:

— Ему нужен Амулет Душ.

Все слушатели сразу поняли, о чем идет речь.

— У колдовства такого рода все свойства и способности мало изучены, — Хакима можно было различить только по выплывающим белым облачкам изо рта. — От ардонской библиотеки ты ничего не сможешь найти, у нас, в Аль-Пассале, такого сторонятся. Может, что-то есть в Облачном Городе, но пока туда доберешься — опоздаешь к самому главному торжеству, — Джайра раздраженно возвела глаза к небу. — Но вот в Оркулуме должны сохраниться кое-какие древние знания...

— Не забывай об эльфах, — вставила она. — Им тоже многое известно.

— Не спорю, но тебе у них засиживаться некогда, да и появится множество эльфийских вопросов.

Шутку старика не поняла только Ксия.

— Вы сказали «Облачный Город»? — переспросил Фарен. — Облачного Города не существует. Это все сказки.

Джайра сверкнула глазами. В подкравшейся ночи они казались зачарованными изумрудами. Слуги начинали зажигать светильники.

— Откуда ты знаешь? Ты, что, бывал там?

— Доводилось. Виноделы Южных Провинций искали обходной путь через Желтые Степи и Ягуаровые Саванны в Аль-Пассал, я участвовал в этом деле и не преминул заглянуть в этот город... Его просто нет. Даже его предполагаемое место — пустота. Это просто выдумка.

«Какой самоуверенный...»

— Ну, раз ты был в его предполагаемом местонахождении, то ты встречался с ракшасами?

— Нет, их там тоже не было.

Она усмехнулась.

— А ты уверен вообще, что ты был именно в том месте?

— Абсолютно.

— Значит, Город не захотел тебе открыться. Твое время еще не пришло.

— Ты его сама-то видела?

Джайра посмотрела на Фарена, но не смогла понять, что это: насмешка или недоверие.

— Да. Один раз, когда меня посвятили в ассасины. И, поверь мне, этот город — сокровище всего мира, поэтому он просто обязан быть скрытым от жаждущих искателей.

— А ты не жаждала его увидеть?

— Нет. Я даже не знала, куда меня ведут. Пока не встретила ракшасов. Они стражи города, сами Протекторы назначили их оберегать это сокровище, и они как никто другой знают, кто достоин его увидеть, кто готов к этому, а кто — нет.

Прибежавший с лютней Мааруф несколько ослабил напряжение. Джайра с нескрываемым любопытством наблюдала его уговоры:

— Именно на руэлльский лад, и именно Песнь Ветра.

Виконт снова смутился:

— Я уже так давно не держал в руках лютни... даже не знаю, вспомню ли...

— Пожалуйста, — взмолилась Тамира.

— Ну... хорошо.

Кинув беглый взгляд на наемницу, молча сидевшей перед ним, он перетянул две крайние струны ближе к остальным, несколько раз проведя по ним пальцами, подтянул остальные струны, чтобы они не «мычали», как на хецинский лад, а гудели, и сыграл первые аккорды песни. После протяжного вздоха свободы началась песня...

Пение никто не смел нарушить, и даже слуги тише обычного зажигали светильники. Единственным звуком извне были только хлопки полощущихся под яростным ветром тканей. На это время Джайра забыла обо всем — о том, что предстоит проникнуть во дворец, о том, что столько времени за ней наблюдали прямо в логове ассасинов, о том, что она в полной растерянности и не знает, как дальше идти по избранному пути. Единственной ее мыслью сейчас было то, что в исполнении Фарена Песнь Ветра на всеобщем звучит лучше всех. Видно было, что он тоже истосковался по ней — как будто сам переживал все то, о чем пелось, и вкладывал в нее чуть больше души, чем обычно позволяют это себе менестрели. В какой-то момент он поймал на себе, словно зачарованной, взгляд Джайры, и внезапно песня стала принадлежать только ей.

Когда он закончил, она даже не сразу поняла, что вопрос задан ей:

— Может быть, ты что-нибудь сыграешь? Уверен, ты прекрасно поешь.

— О, нет-нет! После Песни Ветра обычно уже ничего не хочется слушать...

— Она знает эльфийский язык, — донеслось из комнат. — Попросите ее спеть на эльфийском.

Все ученики, даже Зайн, обычно не принимавший в таком участия, завопили:

— Спойте! Спойте!

— Я знаю только три песни на эльфийском, — запинаясь, ответила наемница. — Одну из них уже спели.

— Какие это песни?

— «Слезы Луны» и «Слава герою».

— Спой «Слезы Луны», — произнесла Ксия. — Пожалуйста.

— Но я не смогу переложить ее на всеобщий.

— Спой на эльфийском, — Фарен передал ей лютню.

— Ну...

Теперь понимая смущение Фарена, она не могла вынести всех этих настойчивых восхищенных взглядов.

— Если вы так хотите...

По новой прикрепив струны на эльфийское звучание, Джайра проверила, чтобы они звенели каплей, и прочистила горло.

«Слезы Луны», в отличие от других песен, всегда начиналась с нарастающего пения и только после вступала плачущая лютня. На середине песни, оглядев всех слушателей, Джайра пожалела, что позволила им выбрать эту песню. Тоска будет неизбежной. Ей она именно этим и нравилась — печальный покой после долгой дороги. Когда струны затихли, Джайра с сожалением отложила лютню. Теперь Фарен смотрел на нее так, будто она пела сама о себе. Единственным, кто не выказал ни капли чувств, был скрытый темнотой Хаким.

— Уже поздно, — встала с кресла наемница, — у меня много дел завтра, — проходя мимо виконта, она приостановилась и обратила на себя внимание словами: — А закат был действительно прекрасным.

И еще очень долго с губ обоих не сходила улыбка — до самого того момента, как сознание погрузилось в сон.

— И сотворил Создатель расы и народы, населившие мир...

По количеству людей у переборок и не скажешь, что жители столицы верят во что-то, кроме как в богатство — почти все были нищими, даже счастливые семьи, воспитывающие своих детей в лучших традициях. Переборка, за которой молилась принцесса, была пуста. У одного ее конца, прислонившись к стене и пристально наблюдая за прихожанами, стоял в тени один из гвардейцев. Второй, переодетый в монаха, молился у переборки в проходе. Принцесса выбрала удобное место — свет свечей едва доставал до ее серого плаща, оставляя только красноватое свечение на складках. Подкрасться не сложно, главное — уговорить принцессу выслушать.

Октавский Храм Сакротума — воплощение величия ардонской веры. В благоговейный трепет приводили одни только высоченные статуи Стражей, у которых были завязаны глаза — символ беспристрастия. Большей частью он бывает наводнен несчастными страдальцами, ищущими приют в целебрии Храма, и служителями Сакротума, выполняющих в нынешнее время больше эмиссарской работы, чем деяний проповедников и благодетелей. И все же только здесь можно было обрести спокойствие за то, что всегда будет кто-то, поддерживающий порядок и готовый помочь каждому. Единственное место, где все было так, как должно.

Обходя людей, Джайра держалась туманных теней, как можно дальше от свечей. Как она и ожидала, «монах» просто не различил ее в темноте из-за близкого света, гвардеец же, по всей видимости, не опускает глаза ниже своего носа, раз не обратил внимание на то, как кто-то прошел почти у самых его ног.

— ...При сотворении мира Создателю, чей лик сокрыт от нас, как и его воля, пытался помешать мрак из Бездны Времен, когда существовала только пустота. Мраку прислуживали духи, не способные жить самостоятельно и жадные до чужих жизней. Их было двое. Один обладал способностью искушать, другому была дана способность управлять смертью. Их имена прокляты и скрыты под другими личинами. И поныне они, побежденные Создателем, скрываются в тени. Мрак не смог поглотить созданный мир, откинутый в Бездну Времен Благодатным Светом Создателя. Но его власть все равно проникла на его территорию...

Принцесса горячо молилась. Она повернула голову к Джайре только тогда, когда та слегка задела ее плащ. Мариин вздрогнула и отшатнулась.

— Простите, ваше высочество. Это я, Кровопийца.

Не-монах слишком поторопился и сам себе наступил на одеяние, выдав себя. Гвардеец не сразу схватился за меч, но даже из-за этого переполоха большая часть молящихся и сам проповедник уставились на них. Замолчав лишь на секунду, он продолжил:

— За тысячи лет до Переломной Битвы мир был другим. Существовало четыре великих государства, а магия была повсюду. Чародеи были правителями и говорили на том языке, что ныне зовут мертвым, люди же, говорившие на общем, решали, кому из них присягнуть на верность. Магия была в избытке, мощь каждого из правителей достигала невероятной силы, поэтому у стоящих ниже не было и мысли о предательстве и низвержении...

Принцесса подала знак охране, чтобы те не беспокоились.

— Что вы здесь делаете?

— Сакротум никому не запрещает находиться под покровом его Храмов.

— Я имела в виду: зачем вы пришли ко мне сюда? Разве вам, как рыцарю, не лучше ли попросить у меня аудиенции в Шпиле Королей?

Джайра огляделась с проверкой на слушачей.

— Тогда бы я не смог избежать внимания соглядатаев.

Кто-то из детей показал на нее пальцем, из восторга перед Героем Ардонии или из испуга перед подозрительным человеком — не определить. Одернув чадо, родители снова велели ему слушать проповедника.

— ... Четыре государства — четыре сферы магического искусства: Меотида — земля магии природы, целительной силы воды, Церра — территория силы каменной стихии, магия созидания, Элья — страна воздуха, магия метаморфозы, Дорш — область вечного огня, магия разрушения. Но была еще пятая страна, скрытая от общего внимания — Нурманд, простершийся в подземельях и катакомбах всего мира. Магия Нурманда — потусторонняя, питающаяся смертью и вселяющаяся в пустые тела. Каждой из других магических сфер эта магия была неприятна, поэтому последователи Нурманда претерпевали всевозможные гонения, но и сами были не менее могущественны и жестоки. За половину срока до Переломной Битвы соглядатаи Нурманда смогли посеять раздоры между государствами. С тех самых пор каждая из держав стремилась блюсти чистоту правителей своего рода. Так появились эльфы, демиурги, дварфы, титаны, пироманты. И только люди оставались между ними самими собой, приветствуемые всеми странами...

— И вы решили украсть у меня мое личное время?

Джайра стусевалась. Такой реакции она не предполагала.

— Прошу простить меня за то, что прерываю вашу молитву, ваше высочество, но ваше время не будет зря потрачено, уверяю вас.

Охрана, вопреки своему предназначению, гневно наблюдала за наемницей вместо того, чтобы высматривать настоящую угрозу.

— ... Среди людей магия также нашла себе место, появились первые чародеи-люди. Именно они могли владеть магией всех сфер, и в их руках она могла набрать всю свою силу, превратившись в смертоносное оружие. Многие из людей постигли эту силу, но не только государства наблюдали за их возвышением, но и Нурманд. Для того, чтобы хоть как-то вернуть равновесие в мире, одна из династий правителей Меотиды решила постичь все сферы магии. Два сына из эльфийского рода странствовали по свету много лет, набираясь знаний и опыта. Но правителей Нурманда не устраивала такая ситуация, в их планах было умертвить весь мир, чтобы очистить его от вражды и создать новый путем магического вмешательства. У них получилось поселить зависть, а позже — и ненависть к своему брату одного из странствующих меотидцев. И тот присягнул Нурманду...

Сам проповедник тоже большей частью не спускал глаз с визитера принцессы.

— Не тяните, говорите, что вы хотите мне сообщить.

— Мне нужна ваша помощь.

Принцесса в изумлении повернулась к Джайре, встретившись с ее сверкающими глазами.

— Помощь?.. Не понимаю, как вообще я способна вам помочь?

— Способны. Отдав всего один приказ, вы облегчите мне очень сложное дело.

— О чем вы? Какое это дело?

Наемница снова огляделась. Их шепот все больше привлекал к себе посторонних.

— ... предав своего брата, он покорял своей мощью государство за государством, заражая их мраком и превращая в неживых существ, покорных своему господину. Старший брат остался на стороне мира и созвал огромную армию из всех стран, чтобы низвергнуть

брата. Обладая магией всех сфер и постигнув всю ее суть, он получил дар, который и поныне называют Светом Всепрощения. С помощью этого дара он смог разбить большую часть темного полчища, но и сам был сражен стрелой. Его звали Драгонус, младшего же брата — Мортос. И по сей день младший брат остается самым большим злом мира, ибо так и не избавился от ненависти. Он уничтожил все древние предания времен до Переломной Битвы, так что почти никто не помнит, как был сотворен тот мир, какой он есть сейчас...

Проповедь заканчивалась. К передним переборкам подтягивался народ за благословением.

— До меня дошли известия о том, что кто-то из Клана Хладнокровных искал вора Лиса для кражи в Шпиле Королей. Лис отказался от предложенной игры... но решил помешать этой краже, — принцесса, затаив дыхание, слушала ее. — Ему необходимо перехватить эту вещь, но есть очень много преград, одна из них — гвардейцы Шпиля Королей. Если бы вы приказали страже покинуть на одну эту ночь западное крыло, у него появилось бы больше шансов к успеху.

Проповедник, закончив благословение, направился к принцессе с явной целью обезопасить ее от настойчивого просителя. Джайра торопливо зашептала:

— Ваше высочество, только вы мне сможете помочь. Этим самым вы поможете и сами себе.

— Господин, — навис храмовник над ними, — в Храме следует снимать головные уборы и повязки.

Джайра безразлично взглянула на него.

— А что, Создателю важно, как мы выглядим или он не знает наших лиц?

Ответ настолько обескуражил храмовника, что тот растерялся и только открывал рот как рыба.

— Я даю вам добро, — принцесса степенно поднялась на ноги. — Можете идти.

Отметив про себя смекалку принцессы не выдавать важности разговора, наемница поклонилась ей и под общими восторженными взглядами вышла из Храма, нареченная народом тайным соглядатаем принцессы.

На Дворцовой площади было не протиснуться. Вокруг фонтана нетерпеливо переминались с ноги на ногу лошади, представляя собой многоногое и многоголовое существо. Рядом с лошадьми стояли оруженосцы. Все ждали рыцарей и короля. Джайра притулилась к стражнической береговой будке, хорошо скрытая ее тенью. В новой броне и переодетом на белую сторону плаще Кровопийца был неузнаваем, а от прикрепленного на новые ножны двуручного меча, торчащего на уровне головы внушительной рукоятью, многие шарахались, как от огня. Наемницу это не волновало — так было удобней на подобных вылазках.

Главной целью Джайры было, зачем она здесь торчала, — посмотреть, как лучше подобраться к тайному ходу, которым пользовались рыцари, когда хотели подсмотреть, что происходит на Королевском Совете. Не всех туда приглашали. Не все знали об этом ходе, хоть и, по словам Фарена, существует он очень давно. На этот счет она даже позволила себе пошутить словами принца воров: «Хочешь узнать планы врагов — посади их всех за один стол». Если бы виконт не сообщил ей об этом так вовремя, пришлось бы пробираться во дворец вслепую, а так — если принцесса избавит от лишних забот, все будет гораздо проще сделать.

Пока Джайра осматривала дворцовые стены, как бы лучше забраться на них, появился Амнис в сопровождении рыцарей. Несмотря на то, что это было торжество — проводы участников турнира до пристани, где их ждали норфейские корабли — лица рыцарей были далеки от выражения хоть какой-то радости. В то время, как все садились на лошадей, Амнис задержался с приземистым стариком в бархатной бардовой мантии до пят и с огромным медальоном на груди в виде змей, держащих драгоценный камень. Джайра злобно сощурилась, узнавая в этом человеке старого врага. Филиппе Мичлессо, именуемый теперь дворянами господином казначеем, скрывал свое лицо капюшоном даже при разговоре с королем. Он что-то почти с жаром говорил правителю Ардонии, на что тот все больше и больше сводил брови в негодующую кривую линию. Потеряв терпение, Амнис закричал на казначея, да так, что услышали все, кто был на площади:

— Нет! Экономика Ардонии не касается Аль-Пассала!

Абсолютно не придавая значения тому, что свидетелем его вспыльчивости стала вся Октава, он, бряцая шпорами, мечом и всем чем угодно в доспехах, спустился с лестницы и выхватил повод из рук оруженосца, одним махом вспрыгнув на гнедого коня, бешено грызущего удила.

— Но, ваше величество, — снова обратился к нему казначей, потеряв всякую надежду образумить государя, — мы понесем немислимые затраты на дорогу, пусть султан оплатит хотя бы половину предложенного.

— Я сказал нет! — конь под королем-рыцарем, чувствуя гнев всадника, плясал на месте и порывался вскинуться на дыбы. — И больше не смейте приносить мне подобные вести!

Народ молча наблюдал за этой неосторожной выходкой Амниса.

— Как прикажете, ваше величество...

Обдавая пугающим холодом каждого, кто попадался ему на глаза, король-рыцарь погнал коня к Восточному Арсеналу вдоль набережной. Рыцари, тревожно переглядываясь, последовали за ним. Джайра дала себя увидеть Бенраду, на его глазах поправив рукоять меча за спиной. Вайенец кивнул Герою Ардонии, Джайра ответила тем же, и Бен улыбнулся, забыв про обиду, причиненную ему Кровопийцей. Уверенность, которую показала Джайра в этом одном коротком движении, дала ему понять, что его друг прибудет на турнир во что бы то ни стало.

По пустым улицам гулял одинокий ветер, бился в наглухо закрытые окна и запертые двери, то ли зовя на помощь, то ли угрожая жестокой расправой своим жертвам. Если бы Джайра надела плащ, он пытался бы сорвать его и кидал бы наемницу из стороны в сторону. Капюшон и повязка плотно покрывали голову, поэтому Джайре досаждал только его звериный вой. Ночь была слишком темной, даже для Предзимнего месяца, но холод был ему под стать. Забираясь по каменной стене набережной с торца королевского дворца, она потратила больше времени, чем ожидала — немея от прикосновения к заледеневшему булыжнику, пальцы соскальзывали и отказывались слушаться. А ведь еще предстояло лезть по решеткам ограды и на второй этаж Шпиля Королей... Единственное, что все облегчало, — гвардейцев действительно нигде не было. Принцесса выполнила уговор.

По воде, вдобавок ко всему разносимое ветром, гремело эхом надрывное пение двух пьяных моряков, плывущих на опасно качающейся лодке посреди Эюны.

— ... Сталь поет на ветру -

Зовет пронзить

Чье-то брненное тело...

Переживая в тени, Джайра покачала головой на старую моряцкую балладу — Сказание о «Призраке». Несмотря на всю красоту и глубокий смысл этой песни, она была настолько своевременна, что вызывала неприязнь. В ней пелось не только о мужестве, но и о самоуверенности. Когда Джайра прокралась до стен дворца, ветер принес с собой три удара часового колокола. Осмотревшись, наемница взобралась по статуе титана, подпирающего своей головой лоджию, на второй этаж. В высоких окнах был виден свет свечей коридорных канделябров. Заметив в их мерцании лица, Джайра припала к простенку, но всмотревшись, облегченно вздохнула и усмехнулась сама над собой — вдоль всего коридора были развешаны портреты. Она осторожно толкнула раму одного из окон, как и говорил Фарен, и оно подалось внутрь, заскрипев несмазанными петлями. Даже через закрытые окна были слышны оры под Мостом Единства:

— ... Грожу смерти

Кулаком я смело,

Судьбу держу за горло

Что морского змея.

Ведь знаю я -

Фаракана уберезет меня!..

Дверь под лестницей в конце коридора — все, как было сказано. Из скрытой галереи прямо над залом совета тянуло чуть ли не могильным холодом, вокруг ни души. После потайной двери — снова пустой коридор, тот, который нужен.

«Дверь с золотыми змеями... дверь с золотыми змеями...»

Изогнутые ручки с разверстыми пальцами сверкали как сокровища древности, захочешь — не пропустишь. На той стороне коридора из-за высоких белых дверей слышались женские голоса, из широкой щели, раздвинутой сквозняком, падала яркая полоска света, затмевающего приглушенный свет коридорных свечей. Пригнувшись под свисающими из высоких ваз белыми цветами, Джайра подкралась к золотым змеям. Из-за дверей донеслось:

— ... прихоти принцессы ее апартаменты перенесли в это крыло. Гвардейцы по ее же приказу здесь этим вечером под ногами не мешаются, иначе я бы тебя сюда не провел.

— А чего бы не сейчас десяточку унять? Мне меньше возни, и тебе...

— Слушай меня, москит недобитый! Удача твоя, что я целую ночь не спать буду — все тревожиться, что холера эта к себе кого позовет. А вместе с *этим* в одной комнате — лучше уж сразу в могилу. А уж что в Осином будет... Завтра. Утром. Как я сказал. Понял?

— Как бы не Шершень, стал бы я под хомутом этим надрываться...

Шаги приближались к дверям. Думать было некогда, и Джайра шмыгнула в щель высоких дверей.

Мариин сидела перед зеркалом и под аккуратное расчесывание служанки почти не слушала ее болтовню. С самого утра, после той проповеди в Храме, где-то внутри нарастал трепет того, что сегодня ночью что-то должно произойти. Именно здесь, в этом крыле Шпиля Королей. Из-за этого она не могла уснуть и приказала приготовить для нее эту комнату. Кроме этого невыносимого волнения принцесса мучилась противоречивыми мыслями о данном ей разрешении Кровопийце. «Кто она — Герой Ардонии или воровка и убийца?.. Может, я зря это сделала?..» Джайра объяснила ей все крайне ясно: из дворца украдут что-то очень зловещее, что очень нужно темнейшему — Клан Хладнокровных может подчиняться еще разве что только личам. Что именно — принцесса даже знать не хотела —

это бы лишило ее всякого чувства безопасности в своем доме. Но правильным ли было решение довериться этой наемнице?..

Вдруг мысли остановились, Мариин даже вздрогнула от неожиданности — в зеркале она увидела тень у полога кровати, обладающую глазами Кровопийцы. Джайра приложила указательный палец к повязке.

— Что-то не так, ваше высочество?

— Нет-нет, просто что-то здесь плохо натопили.

— Передать ваш приказ, ваше высочество?

— Нет, просто кажется, я наконец-то засну.

Тень чуть склонилась в поклоне и куда-то пропала. Немного отодвинувшись, скрипнули двери.

— О, в этом коридоре всегда сквозняки, — служанка закрыла двери и снова вернулась к зеркалу.

Присев за вазой с цветами, Джайра прислушивалась к удаляющимся шагам заговорщиков, вода отмычкой в замке между золотых змей. С шестой попытки замок поддался. Защелкнув за собой двери, она осмотрелась. По всей видимости, это был личный кабинет казначея, совмещенный с его опочивальней. Отражавшаяся в огромном зеркале за спинкой кресла, на столе одиноко горела свеча. Над грудой бумаг, свитков и чернильниц с разноцветными перьями возвышалась шкатулка из Камня Ведьм с высеченными магическими знаками. От нее, запечатанной заклинаниями, веяло странным притяжением. Чудился какой-то шепот, зовущий, что-то предлагающий, соблазняющий... Джайра поймала себя на том, что ее рука почти дотронулась до шкатулки. В шоке она прижала руку к себе другой рукой.

— ... Теплой ночи, ваше высочество!.. О, господин казначей...

— Ее высочество спит?

— Да, ваша светлость.

— Очень хорошо...

Ключ повернулся в замке. Ловко придерживая рукой бархатную мантию бордового цвета, казначей вошел в кабинет. Медленными шагами, явно с большим усилием заставляя свой разум сопротивляться зловещему шепоту, он подошел к столу и взял шкатулку в руки, нервно облизнув губы. Некоторое время завороченно разглядывая символы на гладкой крышке, он к чему-то прислушивался, затем резко вышел из комнаты, спрятав шкатулку в складках мантии и не заперевав двери.

Все это время стоявшая к столу спиной и наблюдавшая за старым вором через зеркало, Джайра вышла из недосягаемого для света угла и поспешила за Мичлессо.

Довольно долго Жук петлял по коридорам и галереям, с каждым поворотом ускоряя шаг, пока не достиг подсобной рядом с кухней. Страх перед тем, что лежит в шкатулке, был настолько велик, что он даже после не вспомнил о предосторожности, не замечая ничего вокруг себя. Вконец потеряв счет поворотам и лестницам, Джайра притаилась за углом, выжидая, когда казначей уйдет. Либо он подготовил тайник заранее, либо был так сильно напуган — но ушел он очень быстро, почти бегом. Найти шкатулку будет легко... если ты уже слышал шепот Амулета Душ. Джайра могла поклясться, что начинает разбирать слова в этом шепоте. Что-то похожее на «Открой меня... Выпусти меня...», и чем ближе она подходила к тому месту, откуда шел шепот, тем разборчивей становился зов.

«Я дам тебе невероятную силу, только открой меня...»

Чем ближе становился опасный артефакт, тем четче был его голос. Взяв шкатулку в руки, Джайра услышала его так, будто он был у самого уха.

Вернув на место вынутые половицы в углу подсобной, она сунула шкатулку за пазуху и осмотрелась.

«Правильно. Забери меня... Я награжу тебя...»

Похоже, во дворце в такой час самым безлюдным местом была кухня. И еще надолго она останется такой — нескоро возобновятся балы и званые обеды. Поднявшись из цоколя на первый этаж, откуда расходились коридоры во все стороны, Джайра заглядывала в каждый, чтобы удостовериться в полном одиночестве и найти выход. Только ей очень сильно в этом мешали.

«Видишь второй правый коридор? В конце него — та самая комната для аудиенций, где все случилось... О да, я все еще чувствую их ужас, чувствую их панику... их смерть... Они во мне...»

По спине пробежали мурашки, даже волосы на голове зашевелились. Узнав один из коридоров, по которому проводили гостей в бальную залу, Джайра повернула в него, готовая к появлению гвардейцев в любой момент.

«Со мной тебе никто не страшен. Ты только выпусти меня, дай мне свободу... Открой меня... Освободи меня...»

— Замолчи! — процедила она сквозь зубы вслух. После этого прислушивалась минуту — шепот пропал.

На ее шепот неожиданно откуда-то из ниши раздался громкий храп. На стуле, перегораживая собой половину узкого прохода, спал привратник, уронив подбородок на грудь. За ним Джайра разглядела дверь наружу с широким окном. Осторожно пробравшись у самой стенки мимо спящего, она притаилась у окна, оглядывая площадь. Хоть каморка привратника и была вне видимости с парадной лестницы и находилась немного в стороне, по всему периметру площади стояли гвардейцы. Обойти их можно было только по стенам Шпиля Королей, но с такой объемной ношей в руках это было невозможно. Каким-то образом отвлечь их внимание, не переполошив при этом весь дворец — дело еще более невыполнимое, чем прокрасться за их спинами. К глубокой досаде Джайры, Фарен не рассказал ей полного плана дворца, поскольку и сам его знал не до конца. По его словам, Шпиль Королей строился не просто так Эффероном Драгонусом, первым королем Ардонии, — он должен был стать темницей из бесконечных лабиринтов для тех, кто проникал сюда без приглашения. С течением веков оказалось так, что даже королевская династия позабыла о многих тайных ходах. Многие из них стали почти легендой среди рыцарей, знати и дворцовых слуг. Даже если сейчас Джайре посчастливится найти хоть один из этих ходов, она все равно не воспользуется им — откуда знать, куда он ведет.

Со стороны западного крыла послышался чей-то крик. Гвардейцы немедленно устремились туда. Поразившись, насколько ей сегодня везет, Джайра осторожно вышла наружу.

— ... Во дворце вор! Ищите его!..

А из-под моста все еще гремело:

— ... Придет к тебе

Тот самый Жнец

С печальной улыбкой...

Издали часовая колокол прогудел четыре удара.

«Была ни была...»

Удерживая шкатулку двумя руками под мышкой, она устремилась к фонтану, но не успела пробежать и половины, как из-за туч показался месяц, полностью осветив Дворцовую площадь.

— Смотрите! Вон он!

Теперь она бежала во весь дух. Выбежавшие из будки стражники попытались остановить ее алебардами, но наемница круто ушла в сторону и скатилась по наклонной стене к лодочному причалу. Когда подоспели арбалетчики, она ловко перепрыгивала с одного волнолома на другой и уже добралась до противоположного берега Эюны. Там ее скрыла тень от монумента рыцарству, и она пропала из виду.

В логово ассасинов она вошла через шелковую лавку хецинов в районе Фактории, через которую в свое время вошли стагаты. К этому времени по всей Октаве скакали гвардейцы, поднимая город на ноги своей суматохой. В логове же было тихо. Прислонившись к стене спиной, Джайра глубоко вздохнула, сбрасывая напряжение. Рядом с ней, держась все же подальше от опасной ноши наемницы, возник Хаким.

— Получилось?

Джайра посмотрела на него и кивнула.

— Получилось.

До самого утра оба просидели на втором этаже, охраняя шкатулку и никого не подпуская близко. Поэтому, когда к ним подошли Ксия и Фарен, которым уже все рассказали ассасины, готовившие припасы к отъезду аль-мусиальда, Джайра остановила их:

— Оставайтесь на расстоянии десяти шагов, ближе подходить — рискуете стать жертвами.

— Жертвами чего? — растерялась Ксия. Фарен же улавливал странный шепот, зовущий его не по имени, а как приверженца мрака.

— Что это?

Поняв по его бледности, что он слышит Амулет, наемница напряглась, сжав в руках меч, лежащий у нее на коленях.

— То, что забирает души. Не слушай его. Сопrotивляйся.

— Зайн, все готово? — крикнул во двор Хаким.

— Да. Только у нас нет вороных лошадей.

— Ничего, — ответила Джайра, — Фарен поедет со мной. Только поклянись, — обратилась она к некроманту, — что не притронешься к шкатулке.

— Даже мысли не было.

Несколько мгновений она смотрела прямо ему в глаза.

— Верю. Собирайтесь, мы уезжаем из города.

Она ушла в свою комнату и уже через пять минут вышла из нее переодетая и с полной сумкой вещей. Еще через пять минут она села на Ворона. Фарен был за ее спиной и старался совладать со своей тягой к жуткому артефакту у нее в сумке, Ксие предоставили гнедую лошадь.

Хаким с печальной улыбкой подошел к ней. За его спиной стояли ассасины, тоскливо смотревшие на учителя.

— Пусть дорога твоя никогда не заканчивается, Безымянный, — хецин проделал тот же жест доверия, каким приветствовала его Джайра. Она растрогано улыбнулась.

— Прощай, Бродяга. Кто знает, увидимся ли мы еще.

Ассасины склонились в низком поклоне почти одновременно.

— Прощайте, аль-муалим.

— Берегите это логово, — сурово сказала она всем троим. — Три шкуры спущу, если кто-нибудь из вас набедокурит, — и на их вопросительные взгляды задорно подмигнула.

Для них открыли проход через Трущобы, использовавшийся меньше всего. Надвинув на глаза капюшон и до нижних век задрав повязку, Джайра вывела Ворона за ворота. За ней подгоняла гнедую лошадку Ксия. Джайра чувствовала, как подрагивает позади нее некромант, сдерживая свою жажду вытащить у нее драгоценную шкатулку. Все было относительно хорошо, пока они не вышли на ближайшие улицы к главным воротам. Фарен, заметив ее напряженность, тихо спросил:

— Что не так? Ты вдруг заволновалась.

— За нами следят. Это соглядатаи казначея. Не показывай глаз, они могут еще и Стражей привлечь. Я выжидала все утро, когда стихнет тревога, но, похоже, так просто он из города нас не выпустит...

Когда они благополучно достигли южных ворот Октавы, откуда Джайра прибыла в город, она уже немного расслабилась, и все бы было безупречно, если бы стража, завидев ее еще издали, не стала перекрывать проход, выстраиваясь шеренгой. Джайра приостановила Ворона, начавшего нервно дрожать. Ксия без преград проехала под каменной аркой и остановилась с той стороны, осознав, что едет одна.

— Что будем делать? — шепнул Фарен, оглядываясь — позади тоже откуда-то взялся целый отряд.

Начальник южных ворот подошел к ним:

— Вы арестованы по приказу королевского казначея!

— Держись крепче, — прошептала она Фарену.

Внезапно Ворон заржал и поднялся на задние ноги, ударив капитана, и в следующую секунду галопом помчался по улицам Октавы. Джайра гнала его через Рыночную площадь, надеясь успеть к восточным воротам до того, как их закроют по тревоге. И пусть на пути будет кавалерия — Ворона еще никто не смог обогнать.

По случайности или нет, но конный отряд уже перекрыл Мост Единства, единственный путь к восточным воротам с Рыночной площади. Круто затормозив и повернувшись к каменным ступеням, ведущим на стены города, Джайра направила коня вверх по лестнице.

— Что ты задумала? — прокричал ей Фарен.

— Увидишь, ты только держись!

Сшибая на стенах охрану, они достигли лестницы к восточным воротам Октавы. Показывая немислимые способности, Ворон одним прыжком преодолел каменные ступени и успел прорваться через уже захлопывающиеся ворота. Не сбавляя темпа, Джайра гнала коня по дороге к отъехавшей на достаточное расстояние от города Ксие. Показав ей жестом, чтобы она следовала за ней, Джайра сказала Фарену через плечо:

— Сейчас я высажу тебя в подлеске, там дальше по тропинке будет мост. Переведи туда Ксию и жди меня там у заброшенной хижины...

— А как же ты?

— Кто-то же должен завести их в тупик, — она кивнула в сторону города — из ворот за ними пыльной тучей устремилась погоня кавалеристов. — Про мост они не знают, но будь осторожен. Держи, я доверяю Амулет тебе. Жизнью за него отвечаешь! — она протянула ему сумку с вещами, остановив храпевшего Ворона среди высоких зарослей акации. — Иди!

Быстрее!..

Проследив, как некромант уводит за повод смирную лошаденку встревоженной Ксии, на ходу объясняя ей их положение, дальше к едва видимой тропинке в кустарник, Джайра криком выслала Ворона снова в галоп, направив дальше в лес. Погоня с криками и улюлюканьями не отставала от нее. Водя их по кругу по маленькому лесочку у обрыва, она оторвалась от преследования и, немного покружившись на одном месте, завела коня в густую листву придорожных деревьев. Глядя по шее Ворона, этим самым хваля его, она выжидала. Мимо промелькнули пятнадцать всадников, и все вдруг затихло. Уже выйдя обратно на дорогу, она рысью направила Ворона обратно к мосту, но из-за кустарника прямо на нее выехал шестнадцатый всадник. С быстротой стрелы перескочив через поваленное дерево, конь, управляемый наемницей, бросился в обход подлеска. Преодолев это короткое расстояние, погоня попала на небольшой утес с редкими деревьями. Ловко лавируя между ними, Джайра направила коня прямо на обрыв, на ту сторону глубокого ущелья, в котором много веков точила камни Эюна.

— Давай, Ворон, давай!.. Ты сможешь!..

Заржав, конь взлетел над пропастью, оставив далеко позади себя кавалерию. Оказавшись на противоположной стороне, он твердо приземлился на каменный выступ скалы и снова встал на дыбы.

— Тише... тише... Молодец. Умница, — похвалила его голосом Джайра, усмирив его возбужденность быстрой скачкой. Пара кавалеристов, понадеявшись на своих слабеньких лошадей, исчезла в пропасти. Остальные, покрутившись у обрыва, уехали назад в город. Облегченно вздохнув, Джайра похлопала Ворона по шее.

— Ты молодец! — похвалила она коня. — Молодец.

Спешившись, она повела Ворона в лес. Там, среди корявых тонких стволов, с течением долгих лет покрывалась мхом и мелкой порослью старая хижина лесника. Ксия и Фарен побоялись заходить внутрь, беспокойно оглядывая дебри переплетений ветвей. Рядом ярился водопад, пытаясь достать брызгами до обветшалых бревен. Когда Джайра вышла к ним, Ксия одним только вздохом облегчения показала все свои чувства. Фарен же, не ожидавший ничего другого от исхода погони, произнес:

— Что это за дом?

— Здесь когда-то жил охотник, — ответила наемница, поправляя подпругу, — теперь это убежище контрабандистов на крайний случай.

— Даже не хочу знать, откуда тебе это известно.

Джайра усмехнулась, взглянув на него.

— Нам нельзя здесь задерживаться. Никто из городской стражи не знает об этом месте, но о нем знает Жук.

— Кто такой этот Жук? — Ксия повела вслед за Джайрой свою лошадь. — И почему ты так его боишься?

— Я? Боюсь его? Нет, вот еще! Это он меня боится, иначе не посылал бы за мной такую погоню...

Где-то в стороне ей послышался треск ветвей. Внутреннее чутье подсказывало: рядом враг.

— Идите вперед, — ничего не объясняя, Джайра отдала поводья Фарену, указав на начинающийся спуск вдоль ущелья к низкому берегу, где начинался обычный лес, а не те густые заросли, что окружали хижину. — Я догоню.

— Тебе не обязательно туда идти.

Уже сделав несколько шагов к дэбрям, наемница обернулась к виконту. Почему-то теперь беспокойство Фарена не удивляло ее.

— Ты хочешь, чтобы нас застали врасплох?

Спустя еще пару шагов, Фарен снова остановил ее:

— Может пойти кто-нибудь из нас.

Джайра снова обернулась.

— Из нас троих могу пойти только я. Идите, быстрее.

Стараясь не создавать много шума, она вошла в лес. Кустарник, заполонивший собой все как туман, упорно трещал под копытами лошадей и стоптанными сапогами людей. Как смогла различить Джайра, цыгане, шестеро. И три всадника.

«Он знал, что я приду сюда. Но опоздал. Снова».

Торжествуя победу, она направилась назад, но зацепилась плащом за колючки.

Один из всадников что-то прокричал на цыганском наречии, завидев впереди наемницу, отчаянно пытающуюся вырваться из пут. Уже не осторожничая, Джайра одним рывком сдернула плащ и побежала обратно к хижине. Первым из леса вырвался тот главный всадник. Бархатная мантия развивалась за его спиной и осыпала пеших головорезов градом сломанных сучьев. Благодаря небо за то, что опасность угрожала только ей, так как Фарен с Ксией успели спуститься к реке, она бежала вдоль обрыва, петляя всеми способами и уходя от рубящих ударов меча казначея.

— Тебе не уйти!

На этот крик ее спутники обернулись.

— Нужно помочь ей!

— Нет! — остановил амазонку некромант. — Мы только все усложним. Она справится.

Двое всадников перекрыли спуск к ровным берегам. Увернувшись от их арбалетных болтов и добежав до водопада, Джайра остановилась, приготовившись встретить врага лицом к лицу. Мичлессо остановил коня.

— Ну, вот мы и встретились снова, Лис. Или мне называть тебя Безымянным? А может быть, Кровопийцей? — его цыгане рассмеялись в голос, сужая круг. — Слишком много ты игр ведешь. Что будешь делать, если проиграешь? Как сейчас.

— Кто сказал, что я проиграла? — усмехнулась Джайра, обнажая меч. Руны на нем вспыхнули багряным огнем. — Это твой проигрыш, ведь Амулет у меня.

Воры остановились в замешательстве. Мичлессо долго осматривал наемницу с ног до головы.

— Ты спрятала его. Или отдала кому-то из своих союзников. Даже если мне его не достать, этот демон сам проложит себе дорогу кровавыми жертвами к повелителю ужаса. Да-да, — начал глумиться он над на мгновение отразившимися на лице Джайры догадками. — Ты правильно поняла. Амулет Душ — один из тех двух древних демонов, которые испокон веков изводят человечество. Теперь ты знаешь, какую опасность он представляет для Ардонии. Он всегда ведет за собой зло. Посмотри сама! — он указал на тяжелые грозовые тучи, надвигающиеся к ним с севера. — Если бы не твои дерзкие проделки, которыми ты вечно срываешь мои замыслы, у меня бы все получилось.

— Кажется, я поняла. Ты специально подослал Бродячего Пса ограбить караван — сам он никогда бы не собрал такую шайку, — перебила его Джайра. — Нищета в городе бы процветала, Сальмоней Нар Атив потерял бы доверие королевского двора, что могло бы

спровоцировать ссору с Аль-Пассалом, рыцари бы тоже оказались не у дел — и вся власть была бы у тебя. Шершню не доступны такие связи, какие есть у тебя, мастер-паук, ему далеко до дворцовых тайн. Таплапат Вискур гордился бы своим приемником. Если бы только не союз с темнейшим. Он тебя подвел.

Мичлессо устало вздохнул.

— Ты поняла бы мои цели, когда бы дожила до старости. Когда в стране даже вору тяжело живется, нужно быть на самой высокой горе, чтобы не утонуть в прибывающем море нищеты и бедствий. Я хотел стабильности, а для этого необходимо, чтобы Ардонии ничто не угрожало. Самая большая опасность — это темнейший. Я отдал бы Амулет ему взамен того, что он оставит Ардонию в покое. Что ж, теперь мне остается только надеяться, что он сдержит слово, когда я сообщу ему о казни грабителя.

Все это время, пока Жук отвлекал Лиса, к наемнице подкрадывался один из наймитов. Сейчас же по одному только короткому взгляду казначея наймит последним рывком оказался рядом с Джайрой. Она не успела вовремя среагировать и ослабила удар кривым кинжалом только тем, что повернулась боком, а не спиной, но лезвие все равно вонзилось по самую рукоять. Она не издала ни звука, пораженная тем, что так близко подпустила врага.

— Сеть!

По приказу старого вора двое всадников в один миг развернули огромную сеть с шипастыми гирями на концах и понеслись на наемницу. Земля резко ушла из-под ног. В лицо хлынули брызги неистового водопада. Гири обернули сеть вокруг Джайры коконом, и она камнем упала в воду. Проследив за ее исчезновением в бурлящем потоке, цыгане во главе со старым китранским воров, одержавшим победу в реванше, скрылись в лесу, не услышав в стороне всплеск воды.

Барахтаясь в сети, Джайра опустилась на дно бурлящей стремнины. Тщетно она пыталась плыть — падение сбilo ориентацию в пространстве. Руки запутались в веревочных ячейках. Меч и наруч тянули ко дну. Вдруг кто-то поймал ее за руку, начав перерезать вокруг тела запутавшиеся веревки. Высвободив из сеточных пут Джайру, Фарен потянул ее к поверхности. Тяжело дыша и откашливаясь, она вынырнула из воды. Полностью погрузившись в странные ощущения от вонзенного кинжала, она не заметила, как Фарен помог ей доплыть до берега, где им помогла Ксия. Над этим пустым берегом, где возвышался только огромный дуб, борющийся с точащим береговой камень потоком, прогремел первый глухой удар грома.

Стоя на коленях и пытаясь отдышаться, чуть-чуть подрагивая от холода после воды, Джайра посмотрела на Фарена:

— Спасибо...

Ксия поспешила к лошадям, отвязывая от седел дорожные одеяла.

— Ты в порядке? — тихо спросил Фарен, подавая ей руку. — Там, на обрыве, было не похоже, чтобы они так легко смогли тебя столкнуть.

Все еще тяжело дыша, она поднялась с его помощью и тут же с вскриком согнулась пополам, придерживаясь за ствол дуба.

— Что с тобой?

— Вытащи!

Только по прижатой к правому боку руке он понял, о чем она говорит.

— Ксия! Нужна твоя помощь!

Подоспевшая амазонка наклонилась к самой рукояти.

— Я знаю, что делать. Вытащи кинжал, я скоро вернусь.

— Готова? — на короткий кивок Джайры Фарен выдернул кинжал. Вздогнув, она пошатнулась и всем телом облокотилась о ствол дерева. — О Небо...

Рана была не глубока, как определил Фарен, но о расползающихся и чернеющих на глазах кровотоках ничего хорошего не скажешь. Джайра, словно околдованная, рассматривала нож, чему-то рассмеялась и отбросила его в сторону.

— Знаешь, как называется этот сложный шахматный ход? Его история очень... многогранна и... прекрасна в исполнении. Когда-то очень давно в Либели правил злостный градоначальник. Местные жители не могли ответить на обиду, поэтому за дело взялись волхвы. Они наслали на градоначальника неизлечимую болезнь, так что у него не оставалось выбора, кроме как обратиться к ним за помощью. Исцеление было под условием, что он прекратит тиранию. Обещание было дано, но тут же нарушено, поэтому волхвы наняли ассасина и дали ему особый кинжал, смазанный ядом василиска...

Ударил второй гром, от которого она вздрогнула и перевела туманный взгляд на него. Из рта вытекла тонкая струйка крови.

— Градоначальник умирал очень долго, насколько я помню — одиннадцать дней...

Он едва успел подхватить ее, чтобы она не ударилась головой о землю.

— Ты вся дрожишь.

Оглядываясь в поисках запропастившейся Ксии, Фарен поспешно и как можно осторожно скинул с себя еще мокрую куртку и броню с Джайры, стараясь согреть своим теплом.

— Не молчи, говори, что ты чувствуешь. Ксия!

Сама Джайра ничего не видела вокруг себя, только его лицо, тревожное и чего-то боящееся, но беспрестанно обращающееся к ней. К ней же впервые за такое долгое время пришла безмятежность, безразличие.

— Я не чувствую ног. Хочется спать...

Откуда-то из сгущающейся темноты прибежала Ксия, с ходу бросившись к раненой и приложив к ее ране разорванные на мелкие кусочки травы.

— Это замедлит действие яда, но я не уверена.

— Что с ней? Почему она так быстро обессилела?

Амазонка потрогала лоб наемницы, пощупала пульс.

— Сомнамбула. Яд действует слишком быстро. У нас нет средств, чтобы обезвредить его... Она теряет сознание! Джайра!

Встряхнув, Фарен прижал ее к себе еще сильнее.

— Говори со мной! Джайра!

Глаза снова раскрылись. Слабая улыбка.

— Прости, что вела себя так надменно. Я не желала тебе зла, только хотела помочь.

— Подожди с прощаниями, ты не умрешь, — Фарен облегченно вздохнул и снова обратился к Ксие. — Ее трясет. Нужно как-то ее согреть.

— Все что у нас есть — только одеяла, — девушка снова бросилась к лошадям. — Не давай ей засыпать!

С неба редким градом посыпались крупные капли. Снова раскат грома. Молния дважды осветила местность.

— Джайра, ты меня слышишь? Не умирай.

— Почему? Все незаконченные дела уладятся и без меня.

— Глупая, — усмехнулся он. — Кто же их за тебя закончит?

— Игроки найдутся. Кому я нужна...

Сам не понимая, что им движет, Фарен провел ладонью по лицу Джайры, убирая мокрую прядь.

— Ты нужна... мне.

Он поднял голову — Ксия притащила целый ворох всего, что могло послужить одеялом. Еще один раскат грома. Дождь начинал набирать силу.

— Джайра, ты слышишь меня? — Ксия нащупывала пульс.

Взор снова затуманивался. Тело ослабевало.

— Тепло...

— Нет, нет, нет! — в один момент она обмякла на руках у Фарена, уронив голову.

Ксия в отчаянии качала головой:

— Мы не сможем ее спасти.

Дуб едва защищал от плотной завесы дождя. Крупные капли катились по лицам. Одежда мгновенно промокла.

— Нам нужно возвращаться в Октаву.

— Нет! Туда нам заказана дорога напрямик в темницы Шпиля Королей. А мне — в Казематы Обиталища.

— А кто тогда нам поможет?

Оба в один момент взглянули друг на друга. Ксия первой озвучила идею:

— Эльфы.

— Херон, — кивнул Фарен. — Быстрее! До эльфийской заставы четыре дня пути, если идти без остановки. Думаю, мы сможем сократить этот путь в два раза.

Не дожидаясь ответа амазонки, он поднялся с намокшей травы, взяв Джайру на руки.

Глава 16

Вечная борьба

Перед глазами мутился клубами туман во мраке. Не было ни пятнышка света. Под собой чувствовалось движение. Было холодно. Плечи и спину охватывала чья-то теплая рука, прислонявшая ее к темной громаде тепла. Изредка слышалось чье-то дыхание, осторожное, у самого лица. Сильно хотелось пить, жгло и резало в боку, будто туда вгрызался какой-то мелкий вредитель. Она пыталась разогнать туман, чтобы увидеть, что же там дальше, но от этого только еще больше задыхалась, во рту появлялся вкус крови. Движение усилилось, от таких сильных толчков рана заныла и по телу прошла волна судорог. В один момент все остановилось, по лицу кто-то провел теплой рукой, будто снял боль. Голос из-за тумана произнес:

— Тише... тише... все хорошо...

От него стало лучше. Осторожные руки по-другому куда-то посадили ее, и движение продолжилось, но уже не было больно.

Это состояние было похоже на то, когда Эврикида ухаживала за ней во время болезни. Но голос был другой, и руки были более заботливые и теплые... Теперь она, наверно, встретится со своей наставницей. По щекам потекли слезы. Туман стал удаляться, а она падать дальше во тьму.

Падение, как показалось Джайре, длилось целую вечность. Исчезла рука, исчезло тепло, остался только бесформенный туман и темнота чернее ночи. Наверно, случилось бы то же самое, если бы она упала в тот омут в кошмаре... Что-то изменилось, сквозь плотную завесу мрака прорезался крохотный солнечный луч, постепенно превратившийся в золотой закат, а она мягко упала на постель. Преодолевая слабость, Джайра открыла глаза.

День клонился к вечеру. На висячих мостах сами собой зажигались звездным светом хрустальные шары. Вокруг них начинали свой вечерний танец светлячки. Начинался прилив, и среди корней исполинских белых древ Озерного Края затеяли игру в догонялки светящиеся рыбки. На водных источниках, скрытых от глаз зарослями плакучих ив, послышался залиvistый смех дриад. Из рощи зазвучала флейта фавна, поющая эльфийскую колыбельную.

Почти все эльфы возвращались в древесные павильоны, построенные на огромных белых деревьях. В основании раздвоения ствола дерева, почти у самой воды, сидел, свесив одну ногу, Фарен, обративший тоскующий взгляд к закатному солнцу. Рядом с ним на подвесном мосте стоял Херон, нашедший для друга время поговорить о том, что произошло с бывшим виконтом за последние дни.

— Я не знаю, почему, но рядом с ней мне легче. Я забываю о том, что я такое. Я живу... У тебя есть этому объяснение?

— Возможно, она поддерживает в тебе дух, дает цели, близкие тебе по душе.

— Нет, — иронично засмеялся Фарен. — Знал бы ты, какая она лицемерка.

— А ты не был таким?

— Был, — нахмурился молодой человек. — Но это явно не моральная поддержка. Здесь что-то другое, что-то внутри нее, чего она не раскрывает, прячет ото всех. Что это?

— Если она сама никого не подпускает к себе, то никому туда и не проникнуть.

Фарен посмотрел на Херона, дав понять, что эльф снова заговорил для него слишком загадочно. Тот улыбнулся.

— Этому есть два объяснения. И одно из них: она тебе не безразлична.

Фарен немедленно взбунтовался.

— То есть, ты имеешь в виду... Да нет же, быть того не может! Нет, ну, ты сам подумай: я и она! Это же... Это же...

— Так очевидно, — завершил эльф.

Молодой человек насупился, упрямо сложив руки на груди.

— Может, ты и прав отчасти, но я не могу в это поверить.

— Но ты не услышал второе объяснение, — насмешка в голосе эльфа возмущала Фарена сильнее, чем смысл его слов. — Чтобы дать тебе такого рода исцеление, она должна быть очень могущественным источником силы, не важно какой. Но она не может исцелить тебя полностью, так же, как и ты не можешь отойти от нее на большое расстояние, потому как она не знает, как этой силой управлять, и навряд ли даже догадывается о ней. Чтобы это случилось, она должна узнать свое предназначение, так она раскроет себя в полной силе. Насколько знаю я и все, кто помнит прошлые века, сила такого рода может принадлежать только Протекторам.

— Значит, я прав?

— Думаю, что да. Но прежде времени об этом говорить нельзя, даже между собой — если она даже случайно услышит об этом, это может убить ее саму, подавить ее дух.

— Но ведь...

— Не спеши. Я еще не все сказал. Здесь уместны оба объяснения. Так считаю не только я один. Верить или нет — выбирать тебе.

— О Небо... Так я влюблен в нее, потому что она меня исцеляет, или я получаю исцеление, потому что влюблен?

Встретившись взглядом с улыбающимся Хероном, Фарен провел ладонями по лицу.

— О, Херон. Я даже не думал, что когда-нибудь такие вопросы будут не давать мне покоя. Она единственная, кто сводит меня с ума своими невозможными и необъяснимыми выходками. Она невыносима в своем упорстве.

— Только невыносимые люди способны на невозможное.

Фарен с недоверием посмотрел на друга.

— Поверь мне, — коротко засмеялся Херон, — у меня тоже был такой друг. Я провел с ним все детство и отрочество, но до самой нашей последней встречи он оставался таким же невыносимым в своей целеустремленности, которая казалась мне неоправданным риском.

После недолгого молчания Фарен спросил:

— Вы так и не нашли его?

— Нет. Он потерян для всех нас, как и все его предшественники.

Флейта замолчала. Смех дриад на время стих. Сверху из самых высоких павильонов полилась песнь на эльфийском «Вечный огонь», которую Фарен слышал только здесь. Солнце стало червонно-золотым.

— Она скоро очнется.

Замечтавшись, молодой человек не сразу понял, о чем говорит эльф.

Херон степенным шагом направился к уединенному неосвещенному ничем, кроме заката, павильону. Фарен поднялся на ноги, с надеждой глядя на балкон павильона, будто Джайра могла там появиться с минуты на минуту.

— С ней должен быть кто-то рядом, чтобы она не навредила сама себе, — произнес эльф.

Ветер легко колыхал полупрозрачные занавеси, отсвечивающие в закатном свете всеми цветами радуги. Обрывками до слуха долетало пение на эльфийском, словно нисходящее с небес. Джайра обвела взглядом комнату. Веки все еще были тяжелы, все тело ныло от болезненной слабости, некоторые мышцы затекли от долгого напряжения. Все ее вещи были аккуратно разложены на столе и двух стульях, сама же она обнаружила на себе не привычную темную рубашку и охотничьи брюки, а шелковое одеяние, какие носят только эльфы. Все еще не в состоянии осмыслить обстановку, она попыталась сесть в постели, но тут же бок пронзило резкой болью, заставившей сжаться.

— Тебе еще нельзя двигаться.

Мягко ступая по мраморному полу комнаты, к ней подошел Херон, приподнял подушку и помог ей устроиться удобней.

— Ты?

— Рад, что ты меня помнишь, — улыбнулся эльф.

— Где я?

— В Эльфийских Княжествах. В Пристанище, что в Озерном Краю.

— Озерный Край?!

— Ты не ослышалась.

Преодолевая боль, Джайра встала с кровати, хватаясь за любую опору, и направилась к балкону. Понимая, что не остановит ее, Херон, поддерживая за локти, помог ей дойти до перил, оплетенных цветами.

Тяжело облокотившись о решётку, Джайра посмотрела на Херона и указала на его сверкающую лунным камнем диадему:

— А ты, значит...

— Князь этого княжества, — кивнул эльф.

— Так я и знала, — пробурчала Джайра. — И как мне теперь вас называть, ваше вашество?

Он широко улыбнулся.

— В силу нашего давнего знакомства зови меня просто Херон.

— Ага... Ну и паршивый же ты актер, Херон.

Эльф рассмеялся.

— Когда-то люди велись на это. Теперь уже не те нравы, что были прежде.

Джайра с восхищением созерцала открывшийся ее глазам простор Пристанища. Радующие глаз сочетания разного света умиротворяли душу. Эльфийское пение теперь было слышно лучше, и в нем она узнавала знакомую песню.

— Как я здесь оказалась?

— Тебя привезли сюда Фарен и Ксия три недели назад. Они едва успели...

— Три недели?!

Эльф кивнул.

— О девять кругов ада...

— Ты торопишься?

— Да, на главное торжество.

— Какое же?

— Турнир в Тааре, чтоб его съели пески времени. Я дала обещание рыцарям, — на недоумевающий взгляд Херона она пояснила. — Кровопийца дал им обещание.

— Да, наслышан об этом.

Усмехнувшись, она схватилась за рану от приступа судорог и нестерпимой боли.

— Больно? — сочувственно спросил Херон. — Рана будет болеть еще очень долгое время. Яд василиска очень сильно въедается в плоть. В твоём теле его больше нет, но тот вред, что он нанес, останется твоей слабостью на всю жизнь.

Джайра печально вздохнула.

— Тебе не следует много двигаться, особенно ехать верхом и держать в руках меч. Но, зная тебя через рассказы тех, кого ты спасла, и кто спас тебя, я понимаю, что ты не послушаешься. И я не стану тебя удерживать.

Она взглянула в пронзительно-голубые глаза князя Озерного Края. Он был величав, статен, все его движения и голос теперь выдавали его мудрость и благородство, и не было ни капли той наивности от прежнего Херона-неумехи.

— Спасибо.

Он тепло улыбнулся.

— Благодарить нужно не меня — я ведь всего лишь отдал тебе долг. Если бы не твои друзья, тебя бы здесь не было.

За его спиной Джайра услышала, как кто-то торопливо взбегаёт по винтовой лестнице, поэтому произнесла тихо:

— Друзья для меня роскошь. А я для них — проклятье.

— Джайра! — к ней подбежала Ксия и обхватила ее за шею. — Хвала Небу, ты очнулась!

— Во-первых, отпусти, пожалуйста, — с напряженным от боли голосом сказала наемница. — А во-вторых, я тоже рада видеть тебя при свете дня.

Появление Фарена ее смутило. Внезапно она осознала, кто был тем теплом, что удерживало ее при жизни. Даже сквозь немощную бледность проступил слабый румянец. Фарен витал в собственных мыслях, вскруженных вихрем словами Херона, и не замечал, что не сводит с нее глаз. Закат стал из червонно-золотого огненным.

Незаметно Херон отвел Фарена куда-то в сторону. Джайра только спустя мгновение, в очередной раз при попытке взглянуть прямо в глаза Фарену, обнаружила их исчезновение и обругала себя в сердцах за потерю внимания.

— Как вы меня сюда довели? Ведь я же... я была на грани.

— Он тебя вез, — спокойно ответила Ксия.

— Как?.. Он...

— Да, он ехал верхом на Вороне и держал тебя на руках.

Джайра провела ладонью по лбу. «Так это был его голос...» И тут же заметила, что ее волосы снова стали светлыми.

— Нас всю дорогу преследовал ливень, — продолжала Ксия. — Думаю, это из-за того, что было в шкатулке. Мы поддерживали в тебе силы любыми средствами. Уже ничего не помогало, мы боялись, что не довезем тебя. В конце концов оставалось только одно эффективное средство — регенерация некроманта. Когда мы прибыли к заставе, Фарен и сам едва ли не падал с седла. Мы ехали четыре дня, и это было самое тяжелое для меня путешествие. На заставе мы передали тебя эльфам, и они уже сами доставили тебя к Херону. Он обладает великим целительским даром! И у него столько знаний о лекарстве, о которых я

даже ничего не слышала! И это место... я думала, что никогда такого не увижу.

— Что сказал Херон?

— Он добился разрешения Кворума для нас, чтобы мы могли здесь остаться, если захотим.

— И ты этого хочешь.

Джайра с улыбкой смотрела на давнюю подругу.

— Ты не спрашиваешь.

— Нет, я утверждаю. По-моему, это прекрасное место.

— И вам здесь всегда рады, — произнес Херон за спиной у девушек. Рядом с ним стоял Фарен, нервно сжавший губы, слегка прикусывая их. — Для меня будет огромной отрадой видеть вас каждый день.

На лице Фарена промелькнула улыбка. Ему припомнилось, как все эти дни князь довольно часто и много разговаривал с амазонкой.

— Извини, Херон, — вздохнула Джайра, — ты знаешь, я не могу остаться.

— Знаю, поэтому отдам немедленно приказ подготовить все тебе в дорогу.

Следом за ним ушла и Ксия.

Молчание длилось недолго — ровно до того момента, как закончилась песня. В роще снова заиграла флейта фавна, похоже было на «Слезы Луны». Фарен подошел к перилам, тоже опершись на них, и созерцая закат. Джайра не смела переводить взгляд. Неровно вздохнув, она произнесла:

— Даже не знаю, что сказать в благодарность.

— Ничего. Ты спасала мою жизнь уже... э-э-мм... четыре раза.

Она засмеялась, но оборвала смех из-за боли.

— Уже ведется счет?

— Пора бы.

Солнце скрылось за горизонтом на половину. Белые стволы исполинов горели алым.

В голову Джайре лезли странные мысли. «Ему нельзя со мной. Он погибнет...» Примерно о том же думал Фарен.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, чем три недели назад. А ты?

— Как может чувствовать себя некромант в таком месте, полном жизни? Пока я еще никого не убил.

Джайра недоумевала, откуда у него опять вдруг появилось такое омерзение к себе самому. Когда она наконец взглянула на него, его глаза от заката светились красным, и что-то в этом зрелище ее напугало, и она отвернулась. Фарен воспринял это с болью, но виду не подал.

— Что ж, — с напускной усмешкой сказал он, — теперь ты свободна. Все еще не отказалась от своих замыслов?

Внутри проснулась прежняя надменность, с которой она относилась к некроманту в начале путешествия.

— Я думала, тебе нет до этого дела.

— Так и есть, ведь тебя не отговорить. Куда ты теперь пойдешь? На турнир? В Оркулум? Или сначала к дреу?

Чувствуя жгучую обиду, причем не на него, а на себя, она отвернулась в сторону.

— Сам знаешь. Ну, а ты? Куда пойдешь теперь ты?

— Ты подсказала мне путь к избавлению от проклятья, — на время он потерял ложную насмешку в тоне. — Пойду за той, которую полюбил.

Ей показалось, что пропали все звуки. Она закрыла глаза. «Глупая... глупая... Как ты только могла такое подумать...» С недавнего времени она все чаще думала о том, что ошибалась насчет своих слов о любви, и Ксия была права, но сейчас... сейчас все вновь возвращалось. Джайра провела ладонью по лбу. Злобная гордыня не давала политься слезам, но на лице бродила серыми тучами обида и белела печаль. Солнце наконец закатилось, и эльфийский лес тут же утонул в ночном мраке.

— Что ж, удачи.

Холод в голосе удвоил боль Фарена. Злость, державшая ее теперь на ногах, помогла ей самостоятельно дойти до павильона. Оставшись в одиночестве на балконе, Фарен смотрел в одну точку и тихо прошептал:

— Я пойду за тобой...

В полной растерянности и в разбитости он спустился к озеру. Не зная, куда податься, и не вполне осознавая, что теперь делать, молодой человек опустился на ступени винтовой лестницы и запустил руки в волосы, опустив голову.

«Строптивая и до безумия неуравновешенная... И как такое могло произойти...»

Долгое время Фарен слушал окружающие его звуки, наблюдал за рыбками, подплывающими к самому подножию лестницы.

«Я не могу ее отпустить. Она погибнет, идет прямо на смерть...»

Прошедший мимо Херон, почти слышал его мысли, переживая за друга и понимая, что сейчас происходит в его душе. Фарен не услышал его, и князь поднялся снова к павильону. Джайра экипировалась. Как раз сейчас она проверяла смазку Шипа. На ее лице отражалась борьба сердца и разума, так знакомая Херону. На его приближение наемница бросила в его сторону быстрый взгляд и снова сделала вид, будто вся занята сборами. Некоторые движения давались с трудом, но в какой-то мере эту боль она считала на пользу себе.

— Я хотел тебе открыть ту тайну, которую ты пыталась выведать у нас еще на территории амазонок.

— С чего вдруг такое доверие?

Понимая, чем вызван такой тон, Херон не обратил на это внимания. Подойдя к окну, он одним движением руки зажег светильники.

— Лучше скажи мне вот что: где та шкатулка, что была в моей седельной сумке?

— Вместе с Кворумом мы открыли шкатулку.

Джайра удивленно взглянула на него.

— И?

— Амулет был там, но это была обычная побрякушка. Демона там давно не было.

Наемница замерла, рука с ножнами зависла в воздухе.

— То есть как это — не было?

— От него остался очень сильный сгусток силы, впитавшийся в шкатулку, его образ. Демон покинул украшение.

«Он остался в Шпиле Королей», — подумала Джайра, хмыкнула вслух и продолжила собирать вещи, отложив мысли об этом скверном деле на потом.

Херон же продолжал:

— Сейчас идут самые тяжелые времена, не только для людей, но и для эльфов. Мой род всегда отвечал за связь с людьми, за дружбу с ними, единение, но боюсь, скоро всем нам

придется надеть доспехи, — уже слышав похужую речь от Акадии, Джайра обернулась к эльфийскому князю. — Мгла с запада не останавливается. Наш народ не восприимчив к скверне, но те создания, что прячутся в тенях, вполне могут убить нас. И мы с каждым днем все больше слабеем.

Наемнице припомнились слова Кзенкха о высасывании магии из мира.

— И что же говорит Кворум? Приняты какие-нибудь решения?

— Решение здесь в любом случае может быть только одно: нам нужен Протектор.

На тяжелый взгляд эльфа Джайра всплеснула руками:

— Превосходное решение — скинуть все на одного человека! Вам не кажется, что у Протектора должны быть стальные плечи, чтобы выдержать всех?

— Протектор обладает такой силой, которая не дана никому. Кроме него, никто не сможет остановить надвигающиеся беды.

Она вздохнула.

— Ну, хорошо. А как это связано с твоей тайной?

— До некоторого времени сообщать тебе такие вести было излишним, но теперь, когда ты отправляешься в такой долгий путь, возможно, тебе посчастливится узнать хоть что-нибудь о моем друге.

Херон грустно вздохнул, нахмутив лоб. Над его ладонью кружила бабочка-ночница, и он ласково предоставил ей погреться на его руке.

— Я не видел его уже много лет... И надеялся, что твоя наставница хоть что-то знала о нем.

— О ком ты говоришь?

— Его звали Адемус Драгонус, — на услышанное имя Джайра округлила глаза. — Он был последним Протектором. Эврикида хорошо его знала, он передал ей многие тайны. Но о нем уже давно ничего не слышно, с тех самых пор, как он пропал в Оркулуме, борясь с проклятием dwarфов, насланных на них Мортосом. Большого я не знаю.

— Откуда ты знаешь...

— Что ты отправишься к Оркулуму? Твои друзья очень беспокоятся о тебе, даже слишком. То, что ты ищешь, ты найдешь там.

Почему-то Джайре казалось, что перед Хероном надо ответить за свои планы на будущее — как-никак он один из старейшей расы мира.

— Я понимаю, что встала на неверный путь, но он гораздо короче, а врага надо держать на коротком поводке.

Князь улыбнулся ей.

— Твои замыслы достойны восхищения, но вот их первопричина... Я надеюсь, что Лис, Безымянный и Кровопийца вместе с другими известными людьми добьются своей цели.

Джайра улыбнулась в ответ.

— Обещаю, я разыщу вести о твоём друге.

Он подошел к ней, снимая с руки кольцо.

— Тебе потребуется вот это.

Джайра с интересом рассматривала кольцо, которое вручил ей Херон. Искусно сделанная серебряная саламандра сверкала обсидиановыми глазами.

— Это древний символ Кворума. Обычно наш народ отмечает таким знаком те знания и вещи, которые имеют важное значение для всего мира. Так тебя должны узнать. Не потеряй его.

— Никогда, — Джайра надела кольцо, оказавшееся ей впору, на средний палец и спрятала его в беспалой перчатке.

Когда она взобралась в седло, занималась заря. Херон и Ксия стояли у серебряных колон, границы Озерного Края и Пограничья. Там, дальше по дороге, за вишневым вечно цветущим садом, была эльфийская застава. Розовые лепестки вишен повторяли движения теплого ветра, уносящегося куда-то вперед, далеко за пределы Эльфийских Княжеств и Ардонии.

— Пообещай, что вернешься сюда, — робко подошла к ней Ксия.

— Вернусь, — улыбнулась Джайра. — Я буду скучать по тебе.

Девушки пожали друг другу руки. Чтобы скрыть слезы, Ксия первой разжала руку и отошла к Херону.

— Будь осторожнее, — в свою очередь произнес эльфийский князь. — Помни: твоя рана теперь — твоя уязвимость.

Она кивнула. Здесь были только они трое, и все же ее не покидала надежда, что Фарен придет, и она старалась незаметно высмотреть его на аллее, ведущей к колоннам. Тянуть время дальше было бесполезно, и наемница, помахав обретенным друзьям, выслала отдохнувшего за эти дни Ворона в легкую рысь, двинувшись по дороге к заставе. Когда она удалилась на достаточное расстояние, Фарен, прятанный в тени, как его научила Джайра, одной из колон, вышел на дорогу, глядя ей вслед.

В небе расцветал рассвет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Аарос — поселение тагари.

Авантюристы — искатели приключений ради наживы, объединяющиеся в группы.

Аль-Пассал — западная часть государства Хеция, последняя ее область, свободная от мглы с восточных горелых пустошей. Столица — Таар. Представляет собой несколько пустынь разного рода с изредка встречающимися оазисами вдоль единственной реки Гуары. Правящий дом — Саттам.

Амазонки — женский орден, основанный одной из династии Протекторов Имраной Заступницей. Появился как противодействие Охоте на женщин и Войны за Северное Побережье с целью защитить женщин. С самого начала основания было три поселения, с течением времени осталось только одно — на юге Ардонии, у самого магического заслона. Главная особенность амазонок — противостояние темной магии дроу. Форма правления — сенат. Правительница носит звание верховной амазонки и легиоры.

Амулет Душ — артефакт мрака, в котором заключен один из двух сильнейших демонов Пожиратель Душ. Пожирателем Душ прозвали чародея, жившего во времена задолго до Переломной Битвы, который захотел завладеть всей мощью магии. Он узнал, что самой большой силой обладают души, и стал собирать жизни в свой амулет. Когда его убийства стали заметны, паладины поймали его и заточили в темницу на Суровом острове, где позже появились Казематы. В темнице чародей смог провести ритуал: он заточил свою душу в этот же амулет, но так как он обладал большей силой, поработил их, убийства дали ему заключить с мраком договор, чтобы он и дальше вел свое существование в качестве ненасытного демона.

Анафема амазонок — всеобщее порицание и объявление человека смертником. Малейшее проявление человеком неуважения после анафемы амазонок позволяет его мгновенно убить любой амазонке.

Ардония — людское государство, основанное из объединенного королевства Веллии и Дождливого Края. Впервые было провозглашено Эффероном Драгонусом, ставшим первым королем Ардонии и основателем Октавы в 722 году от Переломной Битвы. Позже к Ардонии присоединились северо-восточные земли и Эдиния, после чего страна была разделена на несколько областей: Сердечная область, Эдинийские Провинции, Речные графства, Пограничье и Южные Провинции. Представляет собой основную часть силы людей. Правящий дом — Викариус Лючис.

Архимаг — одна из высших степеней развития чародея. Архимагу, в отличие от нижних степеней, не требуется усилитель или источник магии, он может черпать ее из окружающего мира неограниченно.

Ассасины — община людей, обладающих какими-либо уникальными способностями, чьи стремления направлены на поддержание благополучия и мира первоначально в Аль-Пассале, позже — во всем мире, пускай даже и с помощью убийств. Создана младшим преданным братом султана Аль-Пассала Ирфаном Саттамом. Боевое искусство ассасинов почти полностью заимствовано от Темного Круга. Главу общины — Ирфана — называют Вездесущим, его главных сподвижников и помощников — аль-мусиальды (от хецинского «помощники»). Всего аль-мусиальдов семеро: Безымянный, Бродяга, Пересмешник, Блеск, Молчание, Шепот и Затмение. В Ардонии, в отличие от городов Аль-Пассала, есть только

одно логово ассасинов — хецинская торговая компания в Октаве. У каждого логова есть сает — от хецинского «мастер», который является главой логова, а также хотя бы по одному представителю каждой специализации ассасинов. Специализации: берибех («разитель») — отвечает за охрану кого-либо или чего-либо; джеллаед («палач») — убийца, способный быстро и незаметно с помощью оружия убить цель; аваян («око») — соглядатай и слухач; эйеах («ветер») — курьер, обычно самый быстрый из ассасинов логова; зелах («тень») — вор; талюфу («губитель») — алхимик логова. Чтобы принять специализацию, необходимо пройти обучение в Эйфе — тайном городе ассасинов. Новобранцев называют мунтетлаками («послушниками»), тех, кто прошел первую стадию обучения и уже приставлен к какому-либо логову — тельмифами («учениками»). К тельмифам, как и к мунтетлакам, приставляют аль-муалимов («наставников»), которые должны закончить не только боевое обучение начинающих ассасинов, но и их образование. Аль-муалимами могут являться только аль-мусиальды.

Астрал — междумирье. Является переходным эфемерным пространством между реальностью и потусторонним миром. Через астрал можно попасть в рай, мир, предназначенный для упокоения невинных душ и заслуженных героев и миротворцев, и в ад, мир, предназначенный для наказания душ прислужников мрака. Астрал считается миром Создателя, из этого же мира проистекает магия. Населен духами и демонами, а также неуспокоенными душами, которые изредка проявляются в реальности.

Атрибуты магов — индикатор их силы и принадлежности именно к этому классу чародеев. Могут заключать в себе частицу магической энергии хозяина, которая при необходимости может перейти или просто усилить чародея. Атрибут колдунов и колдуний — фамилиар, так же верно помогает и несет в себе частичку силы хозяина. Атрибут ведьм — посох, те же функции. Атрибут магов и магесс — кулон.

Бездна Времен — время создания мира, знаменовавшееся сражением Создателя с мраком и окончившееся его победой, проявившейся в сотворении мира.

Безымянный — один из приближенных ассасинов Вездесущего, аль-мусиальд, аваян. Прозвище дано из-за того, что невозможно выделить какую-то одну особенность ассасина.

Бесконечный Океан — бескрайнее водное пространство, окружающее мир. Возможно, где-то и существуют его границы и другие континенты, но Океан до сих пор никем не исследован из-за Туманных Вод. Граничит с северными эльфийскими княжествами, с Северным Побережьем Ардонии, Пепельными берегами и заливом Коготь Черной Пустыни с северным окончанием Серых Гор и северной частью Аль-Пассала.

Бессмертные — все, кто обладает даром бессмертия — не умирает от старости, но может погибнуть от болезни, ран или проклятья.

«Вечный огонь» — эльфийская песня, в которой поется о бессмертной душе и о силе воли, горящей пламенем в сердце каждого.

Благодатная Эпоха — времена до войны, закончившейся Переломной Битвой, о которых сохранилось очень мало преданий.

Благословенный Век — легендарная эпоха благоденствия мира, наступившая после Переломной Битвы. В то время ровно сто лет не происходило никаких проявлений мрака.

Болотистая пустошь — заболоченное гиблое место, место Битвы Легионов, завершившей Войну за Северное Побережье. В болотах покоятся непогребенные тела погибших воинов. Есть несколько заброшенных замков, в которых осталось все убранство как во времена, когда имения были заселены, что является лакомым кусочком для

авантюристов, но считается очень опасной авантюрой.

Буревестник — прозвище известного среди дреу провидца, предупредившего их о надвигающихся полчищах подземных тварей. На самом деле, сам Буревестник их и привел, ища в Пещерах Скорпионов Клинок Удачи.

Ваие — священный город на окраине Сердечной области Ардонии. Хранит в своих стенах одну из древнейших реликвий мира — стрелу, сразившую первого Протектора во время Переломной Битвы. Символ города — бронзовый ясень. Вокруг города произрастают редкие ясенвые леса. Создан вокруг часовни, хранящей реликвию.

Валькирии — женщины, родившиеся в море и проживающие в вечных странствиях по нему всю жизнь. Прирожденные мореплаватели. Иногда их связывают с Фараканой из-за их способности предугадывать погоду в море и удачу в сражениях.

Варвары — отделившаяся от тагари часть народа, предпочитающая определять свои предназначения самостоятельно.

«*Вездесущие*» — так называют воры ассасинов. Пошло от имени главы общины ассасинов, потому что воры не знают, кто именно из ассасинов является главой.

Вездесущий — глава общины ассасинов, ее основатель, Ирфан Сагтам, младший брат султана Аль-Пассала.

Веллия (веллийцы) — древнее государство эльфов, бывшее на территории Сердечной области, Пограничья и Южных Провинций Ардонии. Прекратило свое существование при создании Ардонии в 722 году от Переломной Битвы. Жители Веллии, веллийцы, из-за нетерпимости людей стали кочевым народом, разрозненным на кланы. Веллийцы очень скрытны и не приближаются к людским городам. В Эльфийские Леса заходят редко, сохраняя верность своей прародине. Являются хранителями древних преданий Ардонии.

«*Верхушка*» — верховная власть, знать.

Вестники Смерти — воины из армии дреу, отличающиеся своей жестокостью и смертоносностью. Носят костяные шлемы из черепов побежденных врагов, к которым прикреплены высокие и длинные красные султаны.

Викариус Лючис — королевская династия Ардонии, происходящая от второго короля Ардонии Экториаса, бывшего паладином и назначенным наместником короля, пока Протектор Эфферон (361 — 780 годы от Переломной Битвы) вел переговоры с Эдинией. После гибели Эфферона был единогласно провозглашен народом новым королем Ардонии. Изначально Экториас был безродным бродягой, имя Викариус Лючис (берет корни из мертвого языка «наместник света») дал ему Эфферон. С того времени трон Ардонии наследовали все потомки Экториаса по мужской линии. Несколько потомков по женской линии являются одними из представителей знатных домов других областей, один из них — род Де Мио, состоящий в родстве с Викариус Лючис в семидесятом поколении.

Война за Северное Побережье — одна из самых страшных и разорительных войн, потрясшая Ардонию в 1000 — 1603 годах от Переломной Битвы. Началась с вторжения армии мертвецов, посланных Мортосом через Бесконечный Океан после того, как он восстановил силы после Переломной Битвы. Погибает большая часть мужского населения Ардонии, полностью уничтожен орден паладинов. Впервые появляются одержимые, пробуждаются носферату. С запада и востока на обетованные земли надвигается мгла, погибают шесть восточных городов Хеции. Появляется орден Стражей и Искателей и начинается Охота на женщин. Война заканчивается продолжительной Битвой Легионов, в которой погибло около трех миллионов воинов всех людских держав, на месте битвы

образовывается Болотистая Пустошь, которая до сих пор является последним пристанищем непогребенных воителей.

Волгрэн — на тагарийском языке означает «полукровка». Так зовут следующего тагу, разделенного между двумя предназначениями из-за родителей, принадлежащих разным народам.

Волхвы — странствующие целители, историческим центром происхождения которых является Дождливый Край. Многие из волхвов обладают большой силой и являются сильными чародеями, но хорошо это скрывают. Легко узнаваемы по мешковатому одеянию. Всегда спят под небом, не едят мяса, считая, что так они наиболее приближены к силе природы и не причиняют ей особого вреда. В свое время утратили почитаемость и популярность из-за основания Обиталища на Суровом острове, где, кроме ордена Стражей и Искателей, воспитываются служители целебария.

Вурдалак — нечисть среднего ранга, питающаяся мертвечиной, но любящая и человеческую кровь.

Глас — представитель знати в Королевском Совете, отвечающий за одну из областей Ардонии. У каждого Гласа может быть два советника. В основном, это представители торговой гильдии и рыцарского гарнизона города.

Глотатель Огня — прозвище мага огня, члена Гильдии воров Сиерикона.

«Гнездо» — Гильдия воров в Китране.

Гримуар — книга заклинаний, артефакт мрака, в котором обитает один из двух сильнейших демонов. Гримуаром звали чародея, жившего задолго до Переломной Битвы, который решил собрать все заклинания со всего мира, так как он видел силу магии в словах. Он был первым, кто стал собирать знания в свое единоличное владение. Чтобы эти знания больше никому не достались, он уничтожил первоисточник — убивал чародеев, поэтому его сила и добытые знания окутывались мраком. Один из паладинов убил чародея, но его душа настолько была привязана к книге, что он не ушел в потусторонний мир. Мрак сделал его демоном.

Дар магии — уникальная способность человека или эльфа управлять основополагающей силой мироздания. Обладатель дара магии зовется чародеем. Чародеи делятся по основной стихии, их силы делятся на ковены и по магическому развитию на ранги. Существует четыре ранга чародейского мастерства, по нарастающей: ученик, испытатель, мастер, адепт. После адепта чародею для дальнейшего развития требуется выбрать один из путей: путь архимага или путь метаморфа. У каждого чародея есть свой атрибут, без которого он не может контролировать даже осознанное проявление своего дара, т. е. не может управлять заклинаниями. В зависимости от того, какой атрибут выбрал себе чародей, он становится представителем определенного класса: ведьма/ведьмак, колдун/колдунья, маг/магесса. У каждого из классов свои особенности использования магии, напрямую зависящие от их атрибута. Чародеи на уровне адепта могут обходиться без произношения заклинания, вызывая магию силой мысли. На уровне архимага чародеи могут обходиться без атрибута, беря магическую силу под свой полный контроль из окружающего мира. Химеры-метаморфы сами являются магическим проявлением. Кроме стихийного деления, существует магия основ силы, делящаяся на: созидание, разрушение, боевая магия, целительная магия, магия крови, ритуальная магия, астральная магия (предсказания, слежка, поиск существ, невидимость, чтение мыслей). Если человек или эльф обладает магическими способностями, то они проявляются еще в раннем детстве. У каждого ученика должен быть

учитель, иначе из него не получится чародея, так как его неконтролируемая сила может его убить.

Дахав («город тишины») — пограничный город Аль-Пассала, затянутый мглой. Последний рубеж перед Тааром, если его пересечет мгла.

Дварфские руны — инструкция для металлургов о том, как был сделан меч. Особый язык кузнецов, который существует только в написании.

Дворец Справедливости — некогда резиденция Имраны Заступницы. Место проведения советов амазонок и судов. Был построен как место, где можно было спокойно размышлять, а не как крепость, отчего представляет собой неукрепленное строение.

Девичья Дорога — одна из четырех главных дорог Ардонии, ведущая из поселения амазонок в Китран.

Демииурги — древние существа, среди которых есть и духи стихий. Так называются все древние народы, населявшие мир до Переломной Битвы.

«Десяточку унять» — совершить кражу. Происходит от десятины — десятой доли, лучшей из всех припасов и ценностей, которую должен отдавать вассал своему сюзеру.

Джа`Арви — на тагарийском означает «опытный наставник».

Дикий — город у подножия Ледяных гор, где находятся Мерзлые каменоломни. Место ссылки дворян.

Доверительный жест ассасинов — выражение уважения и почта в общине ассасинов кому бы то ни было. При этом жесте, немного склоняясь, разводят руки в стороны раскрытыми ладонями вверх, опуская голову ниже уровня глаз того, кому посвящен жест. Выражает собой то, что человек безоружен и доверяет свою жизнь и тайны.

Дорш — одно из древних государств. Считается прародиной хецинов. Источник магии огня. Находилась на месте восточных горелых пустошей.

Дочь Луны — так хецины называют женщин. Происходит от ассоциации женского начала с ночным светилом и темным временем суток, когда человеку необходим отдых, ласка и забота, а также связано с женской натурой хранить в себе тайны.

Дочь Эюны — небольшая река, ответвление Эюны, уходящее через территорию амазонок к Уделу Троллей.

Драгонус — первый Протектор. Эльф из древнего правящего рода Меотиды. Погиб от стрелы в Переломной Битве. Владелец Дара Всепрощения.

«Егерь» — глава Охотничьих угодий.

Жук — прозвище бывшего главы «Гнезда» до того, как оно стало называться таковым.

«Забиться» — спасовать.

«Задворки» — имеется в виду местность, не подвластная Охотничьим угодьям.

«Заставить пить свою кровь» — заставить бояться, приструнить.

«Звенеть» — быть всем известным.

Зеленый Путь — одна из основных дорог Ардонии, начинающаяся в Китране и проходящая через все Южные Провинции.

Зимовье — один из самых любимых праздников ардонцев. Знаменует собой середину зимнего времени года, когда больше можно не экономить припасы. Длится около недели. Праздник сопровождается маскарадом и плясками вокруг костров по ночам.

«Золотник» — дворянское общество.

Золотые Леса — одна из Южных Провинций. Является главным поставщиком тканей в Ардонии.

«Зубоскалы» — лугару.

«Игрок» — вор.

Имрана Заступница — одна из династии Протекторов, седьмое поколение. Годы жизни 1296 — 1603 от Переломной Битвы. Воспитывалась в Шпиле Королей королевской семьей Викариус Лючис. Установила в пограничных городах Хеции, одолеваемой мглой, светочи. Отбила границы Ардонии, пораженной Войной за Северное Побережье, у друу, в том числе священный город Вайе (1471 год от Переломной Битвы). Создала орден Стражей и Искателей. Впервые по ее приказу женщины взяли в руки оружие, так как в городах больше не осталось мужчин, способных защищать оставшееся население. Основательница ордена амазонок. Погибла при попытке прекратить Войну демиургов на юге.

Искатель («рыцарь без доспехов», «ищейка Сакротума») — служитель ордена Сакротума, призванный странствовать по Ардонии и уничтожать проявления мрака. Искатели воспитываются в Обиталище на Суровом острове, куда отбирают людей с самого рождения, обладающих сопротивлением к магии. Каждому Стражу и Искателю дается новое имя. Искателю запрещено заключать брак, иметь детей и вступать в политическую деятельность государства. В любом поселении Искателю обязаны проявить гостепреимство и по первому его призыву отдать детей на обучение в орден, если Искатель увидит в ребенке потенциал. Орден Искателей и Стражей создан взамен паладинов одной из Протекторов Имраной Заступницей во время Войны за Северное Побережье (1000 — 1603 годы от Переломной Битвы), когда появились первые одержимые. Глава Искателей — дуайен, один из Триумвирата Сакротума.

Испытание на рыцарство — полоса препятствий, требующая от испытуемого хорошей физической подготовки, ловкости и смекалки. Было создано для тех, кто не унаследовал право быть рыцарем.

Исра — город алхимиков и ученых, научный центр Ардонии.

Кавендах — город-государство друу в Пещерах Скорпионов.

Кавендахские кристаллы — единственные источники света в Пещерах Скорпионов, наполненные энергией земных недр.

Каменная горгона — древнее существо, бык с неуязвимой шкурой.

Камень Ведьм — черный оникс. При правильно проведенном магическом ритуале способен оберегать от сил мрака, впитывая их в себя. Получил свое названия из-за кратковременной популярности в качестве материала для посохов.

«*Кашлять*» — говорить.

Каэла — царица друу, могущественная магесса-некрофил, верховная жрица Сектеш.

Каядис — глава тагарита, некто вроде главного проповедника. Обладает правом определять предназначение каждого тагари и давать ему имя.

Кворум эльфов — высший орган управления эльфийских княжеств. Раньше был Советом Меотиды, пока была не уничтожена большая часть Меотиды, в том числе ее исторический центр, повлекший за собой гибель многих княжеств и правящих домов. В Кворум раньше входил и Протектор как правитель княжества Сумеречная Долина, но так как Протектор большую часть жизни обычно проводит в странствиях, то Кворум действует самостоятельно в пределах Эльфийских Лесов. Когда же дело касается внешней политики, решающую роль играет слово Протектора. В состав Кворума входят все князья Эльфийских Лесов.

Квота короля — обязательство короля поддерживать необходимыми ресурсами нуждающиеся в помощи области, будь то боевая помощь, продовольственная или

финансовая.

Клан Хладнокровных — сборище нечисти под предводительством Орнубиса. Представляет собой силу приверженцев мрака, бывших некогда людьми. Сюда входят вампиры, некроманты, оборотни, упыри и чернокнижники.

Клинок Удачи — легендарный кинжал, принадлежащий принцу воров Таплапату Вискуру. Приносил удачу владельцу в любом, даже самом безнадежном и опаснейшем деле. Символ почета и возвышения у воров. Владеющий этим Клинком мог стать следующим принцем воров.

Княжество Полумясяца — одно из северных эльфийских княжеств, разделенное на две части — княжество Заката и княжество Восхода, управляемые князьями-близнецами. Является сильнейшей эльфийской морской державой.

Ковен — объединение чародеев, выбравших одну стихию в основы своего магического дара. Существует пять ковен, соответствующих пяти сферам магии: огонь, вода, воздух, камень и потусторонняя магия или некромагия. Отдельно ковен как сообществ не существует, скорее это нечто общее в заклинаниях и методе развития определенной стихии. Чародеи одного ковена являются соперниками друг другу, но редко соперничают с другими ковенами, исключение составляет только некроковен, где противоположные правила.

«Козырная» — Октава.

«Козырный туз» — король. Используются термины из карточных игр, так как карты являются излюбленным развлечением воров.

Колоннада Стражей — кольцо из двенадцати статуй в одеяниях Стражей, их лица скрывают капюшоны, каждый опирается на меч. Предполагается, что это владельцы двенадцати мечей Протектора, ставшие идеалом воплощения служителей ордена Стражей и Искателей, хоть никогда ими и не бывшие.

Королевские Мечи — гвардия из двенадцати рыцарей, лучших в своем деле. Традиция выбирать лучших двенадцать воинов пошла от Эндуара Мракоборца (2901 — 3479 годы от Переломной Битвы), создавшего двенадцать заколдованных мечей Протекторов, способных противостоять любому существу, но подчиняющихся только своему законному хозяину. Большинство таких мечей принадлежит и поныне эльфийским династиям, но несколько по слухам затеряны по всему миру. Двенадцать рыцарей Королевских Мечей выбраны по аналогии королем Ардонии Виктаросом I Викариус Лючис, который был в ссоре с Эндуаром.

Королевский Совет — состав ключевых представителей правящих домов Ардонии при короле. Кроме самого короля и его двух советников, обычно, это глава Королевских Мечей и казначей, туда входят Гласы и их советники, по одному Гласу от каждой области государства. При чрезвычайных обстоятельствах или при необходимости в Совет могут быть вызваны другие представители дворянства, рыцарства или служителей Сакротума, а также Посланцы отдельных городов областей. Всего в Королевском Совете 15 постоянных членов совета, в областных советах членов двенадцать.

Костяной куст — кустарник без листьев, в корнях которого содержится средство, помогающее гораздо быстрее срастить кости и восстановить суставы.

«Край слезливого неба» — Дождливый Край.

«Крикун» — наниматель, заказчик.

Кровавый плод — крупная ягода, произрастающая на редком кустарнике из Болотистых Пустошей. Обладает способностью утолять любую жажду.

Кровотийца — прозвище воина, чье имя до сих пор неизвестно. Спас Исру от полчиш зомби, убив чернокнижника, управлявших ими.

Легат — звание амазонки, входящей в высший состав ордена и военного совета в случае военного положения. Легаты командуют своими полками, следят за порядком в них. Принимают активное участие в управлении орденом и непосредственно влияют на его развитие.

Легиора — звание правительницы амазонок как главнокомандующей.

Ледяные горы — западная гряда горного кряжа по соседству с Самерией. Самые старые горы Ардони, большая часть которых представляет собой древние ледники.

Лис — вор, обхитривший Гильдию воров в Китране, замышлявших подменить короля-рыцаря двойником. Является покровителем «Охотничьих Угодий».

Лихач — бандит на дороге.

Личи — воскресшие из мертвых чародеи, в чьих телах нашла выход магия. Обладают сферой потусторонней магии. Могут подчинять себе разумы существ нижних ступеней развития. Обладают знаниями создания големов и горугий. Глава личей — Яракша Стингалла.

«Ловец мыслей» — сильнодействующий дурман, содержащийся в лепестках особого сорта жасмина, выведенного алхимиками, чтобы отогнать от посевов вредителей.

«Лопотать» — доносить.

Лотт — крепость на востоке Сердечной области Ардонии, отвечающая за охрану восточной границы и содержание пограничных фортов.

Лугару — звероподобный народ, похожий на волков. Не являются оборотнями или перевертышами, так как, в отличие от названных, могут сохранять свою переходную форму от человека к волку. Обитают в лесах Дождливого Края и являются его негласными правителями. Почти не контактируют с людьми, путающих их с оборотнями. Главная их цель — сохранить неприкосновенность единственных нетронутых человеком лесов.

Магический заслон (на юге) — специально вознесенная защита одним из Протекторов Эндуаром Мракоборцем от разрушительной Войны демиургов, начавшейся в 1584 году от Переломной Битвы. Представляет собой непрозрачную белую пелену, не пропускающую ни жизнь, ни смерть. Окружает весь юг, границы заслона видны с южных окраин эльфийских княжеств, с территории амазонок, с самых высоких пиков Самерии, из Облачного Города и Ягуаровых Саванн.

Малея — приток Эюны, питающей водной жилы Ардонии. Малея огибает склоны Ледяных гор, где берет свое начало, впадает в Эюну в городе Дикий.

Масло чисто-лотоса — текучая прозрачная жидкость из водного растения чисто-лотоса, произрастающего только в Курсе, городе Аль-Пассала. Не имеет запаха и цвета. Обладает особым свойством сохранять на довольно длительное время чистоту тела.

Мглистый перевал — один из путей через Серые Горы, самый безопасный для торговых караванов.

Меотида — одно из древних государств. Считается прародиной эльфов. Источник магии воды. Исторический центр Меотиды уничтожен мглой, оставшиеся земли занимают эльфийские княжества.

Мертвый язык — язык, на котором говорили в древности. На нем же говорят Протекторы. Сохранился в большинстве заклинаний, произносимых чародеями.

Месяц Предзимья — один из двенадцати месяцев в году. Все месяца, начиная с Зимовья:

месяц Дремы, месяц Бури, месяц Оттепели, месяц Возрождения, месяц Жизни, месяц Цветов, месяц Зноя, месяц Сухостоя, месяц Урожая, месяц Предзимья, месяц Межсезонья, месяц Покоя.

Метки ассасинов — татуировки. В зависимости от назначения рисуются на разных частях тела. Являются опознавательными знаками среди самих ассасинов, давая понять, какое качество в собрате лучшее и чем он владеет. У Джайры метка — ветка плюща на левом виске, расползающаяся вокруг глаза. Значение — цепкий язык, ядовитый как плющ, остерегайтесь этого больше всего — из-за того, что висок левый, может отравить ядом недоверия.

Мироферия — статус одной из Эдинийских Провинций Прилесье, родной город рода Антиварра.

Молодой Феникс — прозвище, данное Эриону Линделлу, рыцарю, начальнику городской стражи Октавы. Родовой герб — феникс с оливковой ветвью на белом фоне.

«*Монетки*» — новости.

Монумент рыцарству — огромный памятник первому королю Ардонии и Протектору Эфферону (361 — 780 годы от Переломной Битвы). Является гербом Октавы и Ардонии. Выполнен из бронзы. Представляет собой всадника в полных рыцарских доспехах, вскинувшего над головой меч в команде атаковать, за его спиной развевается плащ, конь под ним вздыблен.

Мост Единства — мост, соединяющий Площадь Правосудия и Королевскую площадь. В начале моста, на границе с Площадью Правосудия, находится монумент рыцарству. Мост назван в честь единоначалия Сакротума и королевской власти.

«*Навести шороху*» — утрашить.

Небо — обращение к возвышенному миру, безграничному и труднодоступному для живых, где все подчинено только воле Создателя. Считается, что Небо — идеал жизни живых, противовес земному миру, где слишком много сложных отношений, отчего жизнь на Небе намного легче.

Некромагия — потусторонняя магия, одна из пяти сфер магии. Сила некромагии заключается в управлении смертью и умершей плотью, а также всем, что имеет в своем начале мрак. Не предполагает приверженность мраку. Первоисточник некромагии — древнее тайное государство Нурманд, наследниками которого являются личи.

Некромант — человек или эльф, зараженный мраком. Некромантия считается проклятием, которое почти невозможно снять. Заражение мраком зависит не только от раны, нанесенной приверженцем мрака, но и от душевного состояния зараженного — некромантами становятся только падшие духом. Освободится от некромантии можно тремя путями: умереть, пожертвовать собой ради любви и переродиться и получить исцеление от Протектора. Некромант всегда находится под муками жажды плоти и крови, и чем сильнее жажда, тем больше разлагается душа зараженного. Некроманта невозможно убить неосвященным оружием или магией, кроме света Протектора, так как они обладают быстрой регенерацией. Обладают способностью проникать в жизненную силу кого бы то ни было, забирать его боль себе, превращая ее в регенерацию, и проникать в сознание. Превращение некроманта оставляет на внешности и душе зараженного непоправимые изменения, выражающиеся в чудовищном уродстве. По учениям ордена Стражей и Искателей, некроманты являются самыми страшными приверженцами мрака, практически непобедимыми в последней стадии развития. Поддаются контролю через клеймо, если его

наложил достаточно сильный чародей-некрофил или лич.

Некрофил — чародей, главной сферой своего дара магии выбравший некромагию.

Норф — один из городов-портов Ардонии, где стоит большая часть флота государства. Главная особенность города — его неприступность из-за того, что он расположен в узком заливе среди скал, на краю которых располагается замок Сизых Волн, наблюдательная крепость правителя города герцога Энелла Каррага. Вход в город со стороны суши представляет собой длинный тоннель, заканчивающийся широким мостом, на котором стоят гигантские статуи рыцарей. Сам город окружен водой.

Нурманд — тайное древнее государство. Считается прародиной друу. Появилось в результате хитросплетений мрака. Источник некромагии. Предполагаемое местонахождение — Серые Горы.

«Обдесятить» — обокрастить. Буквально — забрать десятую часть, самое лучшее, что может предложить вассал сюзерену.

Оберег от Стражей и Искателей — зачарованные талисманы, чаще всего драгоценные камни, заговоренные впитывать в себя любые неподконтрольные чародеям проявления их магического дара, очень сильные талисманы. Обычно требуются только чародеям ранга ученик или испытатель.

Обиталище — место обучения Стражей, Искателей и целителей на Суровом острове, а также место заключения чародеев, попавших под арест во время несчастного случая в Шпиле Королей в 7248 году от Переломной Битвы.

Облачный Город — тайный город, находящийся где-то в Ягуаровых Саваннах, охраняемый ракшасами, единственными, кто знает к нему путь. Хранит в себе древние знания — все, что остались от мира до Переломной Битвы. Был создан Протектором Алуной (1 — 372 годы от Переломной Битвы), дочерью первого Протектора.

Обсидиановые руины — останки одной из древних крепостей, разрушенной и заброшенной после Переломной Битвы.

Озерный Край — восточное эльфийское княжество, находящееся под управлением дома Аэленилл. Представляет собой большей частью затопленную чистой водой местность, на которой произрастают белые исполинские деревья. Княжество является самой близкой территорией эльфов к Ардонской границе.

Озеро Дождей — единственный водный объект на юго-западе Ардонии, притягивающий к себе все бури и грозы.

Озеро Соли — озеро соленой воды, остаток древней границы Бесконечного Океана, окружающее Исру.

Октава — столица Ардонии. Город основан первым королем Ардонии Протектором Эффероном Драгонусом в 722 году от Переломной Битвы. Прозвана в народе «песня Ардонии», так как долгое время была культурным центром всего людского государства. Состоит из нескольких районов, основными из которых являются Фактория, Трущобы, Западный и Восточный Арсеналы.

Оркулум — государство-архипелаг далеко от основного континента в северной части Бесконечного Океана. Представляет собой местность с высокими горами и скалами, соединенных между собой тоннелями и мостами, созданными дварфами. Горы испещрены пещерами и вытесанными гротами, являющимися поселениями дварфов — станами. На одном из островов на вершине вечного ледника по предположению находится башня Мортоса. Кроме дварфов, в Оркулуме обитают и другие создания, одни из них — великаны.

Орнубис — первый вампир, вождь Клана Хладнокровных. До присяги мраку был алхимиком, принадлежал знатному роду из Речных Графств, искал способ получить бессмертие.

«Осиное Гнездо» — Гильдия воров Сердечной области, находящаяся в Октаве.

«Осы» — вору «Осиного Гнезда».

Отродье — уродливое существо, в которое безвозвратно превращается одержимый. Обладает чудовищной силой, но может погибнуть от обычного оружия или магии.

Охота на женщин — массовое гонение, произошедшее во время Войны за Северное Побережье. Так как почти все мужское население Ардонии сражалось на войне, к власти впервые приблизились женщины. Основой гонений стало то, что среди женщин были сильные чародеи, которые могли дать отпор, не только врагу человечества, но и друг другу. Выдвинув против них обвинение в одержимости, частому явлению в то время, орден Стражей и Искателей уничтожал чародеек, либо отправлял их в Обиталище.

«Охотнички» — вору «Охотничьих угодий».

«Охотничьи угодья» — Гильдия воров Южных Провинций и Дождливом Крае.

«Партия» — кража.

«Певчий» — глава Гнезда.

Пекна — один из статусов Южных Провинций. Правящий дом — Моргерт. Славится лучшим ардонским вином «бордовым».

Перевертыши — представители разных рас и народов, способные превращаться в животного определенного вида. Перевертыши могут рождаться только у потомственных чародеев. Превращение перевертышей напрямую, как и у оборотней, зависит от их психологического состояния, которое, со временем, перевертыши учатся контролировать и превращаются по собственному желанию. Отличаются долголетием и иммунитетом ко многим болезням, а также регенерацией на уровень ниже регенерации некромантов. Главное отличие от оборотней — полное сохранение разума, меняется только обличье.

Переломная Битва — длительное сражение, окончившее противостояние накопленных сил мрака и объединенных войск древних государств. Самое жестокое и опустошительное из всех сражений в истории мира. Конец самой битвы положил эльф Драгонус из правящего дома Меотиды, ставший первым Протектором — героем, вернувшем мир. Через переосмысление своей судьбы им было постигнуто свое предназначение, и был дарован Создателем Дар Всепрощения. Сам Драгонус, хоть и уничтожив с помощью света почти всю армию мрака, был убит случайной стрелой. На месте битвы располагается бесплодная Черная Пустыня, по которой носятся фантомы — отголоски и видения Переломной Битвы, запечатлевшиеся из-за большой концентрации магии в одном месте.

«Пернатые» — вору Гнезда.

Пещеры Скорпионов — сеть пещер, проходящая через все Серые Горы и доходящая до очень большой глубины. Населена чудовищами низшего ранга, в том числе скорпионами.

Пироманты — древний народ, населявший Дорш.

Площадь Правосудия — полукруглая площадь перед Храмом Сакротума в Октаве, от нее напрямую до Шпиля Королей идет Мост Единства. На этой Площади совершаются казни приверженцев мрака и массовые молебны и благословения. Окружена Колоннадой Стражей.

Пограничье — западная область Ардонии, крайняя территория, граничащая с владениями эльфов.

«Подбирать картишки» — искать вора, чтобы сыграть «партию».

Посланец города — представитель знати в Королевском Совете, выбранный отвечать перед Королевским Советом Октавы за обстановку в своем городе. Не обязан присутствовать на каждом Совете, приходит только по приказу Совета. У городов, не являющихся статусами областей Ардонии, есть свои Посланцы.

Последнее Убежище — четыре замка на окраине Черной Пустыни со стороны Ардонии. Останки одного из владений веллийцев. Один из обменных пунктов между ардонцами и хецинами.

Праздничная площадь — одна из площадей Октавы в районе имений дворян. На ней проводятся дворянские празднества столицы и Испытание на рыцарство.

Приветствие аль-мусиальдов — заключается в двух вопросах: «Что ищешь ты здесь, о...? — Что хочешь показать ты мне, о...?», при этом обращение говорящих друг к другу может быть разным. Изначально задавался аль-мусиальдами друг другу в той ситуации, если в данной местности один из них уже выполнял какое-то порученное дело.

Призрачный дворец — резиденция Яракши Стингалла, обитель личей. Находится в заливе Коготь (побережье Черной Пустыни).

Пристанище — целительский центр Озерного Края. Представляет собой эльфийское поселение в виде построек — павильонов на белых деревьях.

Прокаядис — наследник Каядиса. До того момента, пока после смерти предшественника не станет Каядисом, является главнокомандующим тагарита.

Протектор — защитник мира, миротворец, в предназначении которого больше не допустить мраку набрать такой мощи, как при Переломной Битве, сохранить мир. Владелец единственной в мире силы, способной очистить душу любого создания — Дар Всепрощения. Единственный, кто может в полной мере противостоять мраку, представитель добра. Слово из мертвого языка. Впервые таковым был назван Драгонус из Меотиды, старший наследник правящего дома, погибший в Переломной Битве. После него так называли всех его потомков, так как они унаследовали его Дар Всепрощения. Протектор обладает огромной силой воли. С тех пор, как многие из них были преданы и убиты теми, кого поклялись защищать, Протекторам с рождения не разрешено знать свое предназначение, что они — защитники мира, так как слишком большая ответственность может потрясти их душу, отчего их сила будет бесконтрольно проявляться повсеместно и они могут сойти с ума, по этой же причине приверженцы мрака могут быстро их, беззащитных и беспомощных, найти и убить. Прежде чем Протектор узнает о своем предназначении, он должен вырасти как личность.

Прошение о независимой державе — ультиматум королевской власти, выставленный одним из советников Гласа Речных Графств Майером Солмейком, за что он был сослан в Дикий. Ультиматум заключается в следующем: область, подавшая прошение, объявляет себя отдельным государством и отделяется от основного состава Ардонии, сохраняя торговые отношения с ней. Область может содержать свою армию и не подчиняться приказам короля, имеет право выбрать своего правителя и составить свои законы.

«Птички» — донесения.

Пятиконечная Звезда — пять самых могущественных чародеев каждый из своего ковена. Когда погибает или умирает один из Пятиконечной Звезды, оставшиеся четверо ищут ему замену из известных им сильнейших чародеев. Каждый из пяти — владыка соответствующего ковена.

Ракишасы — звероподобный народ, похожий на кошек и всех подобных им животных.

Обитают только в Ягуаровых саваннах и являются самым скрытным народом. Имеют дикий нрав, но спокойно контактируют с другими народами и не проявляют враждебности. Верно несут службу Протекторам, принеся одному из них Ульмару (1544 — 1906 годы от Переломной Битвы) клятву защищать самые ценные знания всего мира, какие удалось сохранить после Переломной Битвы о древних временах. Эти знания хранятся в Облачном Городе, куда знают путь только ракшасы.

Речные Графства — одна из областей Ардонии, находящаяся на северо-востоке страны. Статус — Сиерикон. Состоит из нескольких графств: Туманный Край, Грозовой Камень и Серебряная Река. Основная отрасль хозяйства — производство оружия и доспехов. Правящий орган — Совет Сиерикона, в его состав входят три графа: Аркон Неара (Туманный Край), Мейн Эура (Грозовой Камень) и Корин Мадэра (Серебряная Река). Раньше правящим домом Серебряной Реки был дом Тельма, но последний наследник, преследуемый за дар магии, был вынужден покинуть дом, поэтому королевской властью был назначен другой правитель.

«Решка» / «Король» — в качестве двух сторон золотой монеты — золотника — имеются в виду две стороны дворянского общества — знатные роды, куда входят городская знать и владельцы городов и областей Ардонии, и придворные.

Ритуал сожжения чародеев — вступил в обиход по всему миру после Войны с личами (1741 год от Переломной Битвы). Для того, чтобы магия не нашла себе пристанища в опустевшем теле чародея и не воскресила его в качестве лича, всех умерших чародеев сжигают.

Русалочье озеро — озеро, окружающее крепость Лотт. Остатки древнего океана. Раньше в нем действительно обитали русалки.

Руэлла — один из статусов Южных Провинций. Родной город Фарена Тантелли. Правящий дом — Тантелли. Славится лучшим ардонским вином «золотым».

Рыцарский Тракт — одна из главных дорог Ардонии, ведущих от Китрана в Октаву. Тракт идет параллельно Эюне и заканчивается на пороге южных ворот Октавы.

Рыцарь-трибут — защитник города, высшая должность вассала владельца города. Каждый владелец может иметь двоих трибутов — начальника городской стражи и начальника личной гвардии — по аналогии с устройством Королевского Совета.

Сакротум — воплощение мировой религии, поклонения Создателю, в Ардонии. Храм Сакротума есть в каждом городе, если не Храм, то обязательно часовня. Представляет собой единство трех элементов: воли, предназначения и духа. Управляет Сакротумом Триумвират.

Самерия — горное государство на границе магического заслона, населенное тагари. Состоит из нескольких горных хребтов, самые известные из которых и одновременно самые высокие Палаты Неба и Гряда Титанов.

Сардолл — рыцарский город. Находится в трех днях пути от Октавы на юго-запад. Там стоит вся ардонская армия. Является центром обучения рыцарей.

Сардолльское восстание — восстание происходило дважды. Первый раз (3479 год от Переломной Битвы) — когда правящий лорд города граф Марк Стагат восстал против несправедливости королевской власти, вылившуюся в ссору короля с Протектором Эндуаром Мракоборцем (2901 — 3479 годы от Переломной Битвы). Второй раз (7281 год от Переломной Битвы) восстание произошло под тайным предводительством Безымянного, поднявшего рыцарей и правящего графа Эриха Дайенгорта против короля Амниса Викариус Лючис вместе с орденом Стагатат с целью смягчить тиранию короля. Оба восстания закончились провалом. Граф Дайенгорт был казнен в Октаве за измену, его сын и другие

участвовавшие в восстании дворяне отбывают пожизненную ссылку в Диком.

Свет/Дар Всепрощения — уникальная способность Протектора очищать раскаявшуюся душу и уничтожать проявление мрака.

Светоч — магические обереги от мглы и приверженцев мрака, сияющие на достаточно большое расстояние. Также отпугивают чудовищ.

Сектеш — первая царица дроу, ставшая для них почитаемой богиней-покровительницей. Выглядит как существо с двумя началами: женщина-дроу с телом скорпиона.

Сердечная область — центральная часть Ардонии.

Серебряное море — море, омывающее Северное Побережье Ардонии и берега северных эльфийских княжеств.

Серые Горы — горный хребет, отделяющий Черную Пустыню и Аль-Пассал. Тянутся от северных окраин Ягуаровых Саванн до побережья Бесконечного Океана. Большею частью поросли еловым лесом, но вершины засыпаны снегом.

Сиерикон — статус Речных Графств. Родной город Таплапата Вискура. Славится бесшабашной знатью, проводящей почти каждую ночь маскарады с фейерверками и танцами прямо на улицах города. Половина города стоит на суше, половина — на море, поэтому многие причалы располагаются прямо между домами. Один из главных городов-портов Ардонии, где стоит меньшая часть флота государства и проходят морские торговые пути.

Сила пряностей и дурманов — по поверьям хецинов эта сила заключается в их воздействии на человека через непосредственный контакт с ними. Воздействие начинается через органы чувств, после чего влияет на психику человека. Конечный результат зависит от того, как человек поведет себя под их воздействием. И все же большей частью сила пряностей оказывает положительное влияние на людей в отличие от дурманов, обладающих из всех свойств только одним положительным эффектом — расслабление тела и разума.

Символы года — символика исчисления времени происходит от цикличности деятельности человека в мире и схожести характеров цикла с древними существами. Всего символов двенадцать: скорпиора — год скрытности, гарпия — год ненависти, сфинкс — год открытий, феникс — год возрождения уничтоженного, грифон — год подъема волевого начала, мантикора — год смены власти, виверн — год бурь и дождей, василиск — год подъема магии, дракон — год перемен и метаморфоз, единорог — год плодородия, горгулья — год спокойствия, горгона — год мятежа.

Синие соколы — птицы с магическим даром. Обладают способностью находить человека, если назвать его имя. Считаются самыми быстрыми летунами.

Сказание о «Призраке» — баллада, в которой говорится о неуловимом корабле «Призрак» и его капитане, полюбившего одну из валькирий. Их судьба сначала складывалась счастливо, но после до конца жизни они враждовали друг с другом. Конец песни рассказывает об оставшемся сыне этих воителей. В реальности это история последних лет жизни Протектора Олрана (2359 — 2973 годы от Переломной Битвы), сражавшегося с расцветом пиратства. Сыном Олрана является Эндуар Мракоборец. Корабль «Призрак» считается первым кораблем-капером. В состав команды «Призрака» входили только Искатели и чародеи.

Скверна — болезнь земли, идущая от мглы. Унижает плодородие и превращает все живое в чудовищ или одержимых.

«Слава героям» — эльфийская песня, славящая Протекторов и всех их известных

последователей, а также призывающая мир стать такими же героями.

«Слезы Луны» — эльфийская песня-плач, сложенная о пропавших без вести воителях. В ней рассказывается о безутешной скорби родных и близких и о том, что эти слезы проливает луна над телом погибшего.

Создатель — высшее существо, бог, создавший мир.

Стагатат — орден добровольцев, восстанавливающий справедливость в Ардони. Оппозиционеры королевской власти. Название происходит от родового имени первого рыцаря, восставшего против короля — Стагат (см. Сардолльское восстание). Членов ордена называют стагатами.

Статус — административный центр области.

Страж («рыцарь без доспехов», «рыцарь Сакротума») — служитель ордена Сакротума, призванный охранять Храмы Сакротума в городах, а также население города и близлежащих деревень от проявлений мрака. Стражи воспитываются в Обиталище на Суровом острове, куда отбирают людей с самого рождения, обладающих сопротивлением к магии. Каждому, кто становится служителем ордена, дают новое имя. Стражу запрещено заключать брак, иметь детей и вступать в политическую деятельность государства. В любом доме Стражу обязаны проявить гостепреимство и по первому его призыву отдать детей на обучение в орден, если Страж увидит в ребенке потенциал. Орден Искателей и Стражей создан взамен паладинов одной из Протекторов Имраной Заступницей во время Войны за Северное Побережье (1000 — 1603 годы от Переломной Битвы), когда появились первые одержимые. Глава Стражей — нунций, один из Триумvirата Сакротума.

Сумеречная Долина — одно из эльфийских княжеств, находящееся под управлением династии Протекторов. Скрыто от посторонних глаз в густом тумане до тех пор, пока мир не будет достоин появления Протекторов открыто среди народа.

Сын Солнца — так хецины называют мужчин. Происходит от ассоциации мужского начала с дневным светилом и светлым временем дня, когда происходит вся основная деятельность человека.

Таар — столица Аль-Пассала, крупнейший торговый город Хеции и один из самых древних городов мира. Несмотря на то, что город был рассчитан стать крепостью, никогда не подвергался нападениям ни извне, ни внутри. Особенность города — ступенчатая структура, представляющая собой многоярусные крытые галереи. Главная достопримечательность — гигантские статуи тигров. Глубоко под городом проходят катакомбы, тянущиеся от Пещер Скорпионов. В катакомбах течет мертвая вода.

Таг — особая форма правления и социальная структура в одном народа тагари. Представляет из себя строгое социальное деление общества по социальным ролям, назначаемым каждому тагари с момента взросления и дающееся ему с именем. Имя может быть изменено, если тагари определено другое предназначение. Каждое имя тагари — название его предназначения не только в своем народе, но и в мире. Таг предпочитает строгость во всем, даже в наследственности, поэтому требует соблюдения чистоты крови. Тагари не вправе поменять свое имя, так же как и поменять предназначение, которому он обязан следовать до конца жизни. Каждый, кто не принадлежит народу тагари, но хочет вступить в таг, должен пройти Испытание, где Охотник покажет испытуемому его слабости прежде, чем истыпуемый обратится в таг. Предназначение каждого определяет Каядис. Главная цель тага — охрана магического залона и границы Церры, что находится за заслоном.

Тагари — народ Самерии. Название народа происходит от особой формы правления и социальной структуры — таг. Тагари представляют из себя высоких существ, по телосложению похожих на людей, но отличаются от них рогами различной формы и темно-серой кожей. Обладают устойчивостью к холоду и большой выносливостью. Считаются замкнутым народом. В 1596 году от Переломной Битвы в тагарите произошел раскол трактовки тага, и от тагари отделилась часть народа, которую называли варварами — на тагарийском «отступники».

Тайнум — тайная прислуга, состоящая из слухачей и соглядатаев. Нередко и из подосланных людей и шпионов.

Таплапат Вискур — легендарный и единственный в своем роде принц воров. Один из основателей Гильдии воров, изначально созданной для помощи нищим и бездомным в противовес ожесточению королевской власти. Второй из основателей — Протектор Олран (2359 — 2973 годы от Переломной Битвы), свергнутый Вискуром. Ему принадлежат многие знаменитые высказывания, как то «В Октаве тесно — не потеряетесь» и «Хочешь узнать планы врагов — посади их всех за один стол». Пропал безвести. Считается обладателем зачарованного кинжала Клинка Удачи, который был потерян им в Пещерах Скорпионов при попытке совершить грандиозную кражу у дроу.

Тарбана — убежище в ущельях Демонских утесов в Серых Горах, до которого можно добраться только через залив Чаек, проплыв Нити Фараканы. Логово пиратов.

Таурийский язык — язык кочевого народа, населяющего Таурию. На этом языке ведется обучение лошадей, если хозяин животного хочет вырастить из подопечного не просто средство передвижения. Обучение лошадей на таурийском заключается в полном взаимопонимании всадника и лошади, в результате обучения лошадь буквально с полуслова и с полудвижения понимает всадника и становится его лучшим союзником в любом деле.

Таурия — равнинная местность у северного подножия Самерии, известная также как Желтые Степи из-за засушливого лета и продолжительной осени. До Переломной Битвы была королевством народа, потомками которого являются кочевники, ныне обитающие в Таурии.

Темный Круг — древний культ смерти, поклоняющийся Пожирателю Душ. Самые беспощадные и непобедимые убийцы. Убийство происходит всегда ночью. Из темноты недалеко от жертвы убийца начинает петь Колыбельную Смерти, причем жертва не может определить, откуда идет голос. Окружающие люди тоже слышат песню. Никто из них не догадывается, для кого она предназначена, поэтому начинается паника. Пока люди в замешательстве, после конца песни убийца убивает жертву, тихо и незаметно. Единственный признак, что убийца действительно тут был и что он именно из Темного Круга — вокруг трупа жертвы расползается черный магический круг, исчезающий с наступлением рассвета. Ардонцы до сих пор хранят страх перед бардубийцами из их рядов.

Титаны — древний народ, населявший Самерию. Был полностью уничтожен во время Переломной Битвы.

Торговая площадь — самая многолюдная площадь городов Ардонии, объединяющая собой сразу несколько районов.

«Травовары» — волхвы.

Триумвират — управляющий орган Сакротума. Состоит из святителя, главы всех храмовых служителей, дуайена, главы всех Искателей, и нунция, главы всех Стражей. Никому не известно, где именно находится Триумвират, так как личности Триумвирата

находятся в строжайшей тайне. Является выборным органом, в котором все решения принимаются сообща. В Триумвират выбираются только самые верные служители Сакротума.

Троглодит — низшее существо, слепое чудовище, обитающее в Пещерах Скорпионов.

Тропа Лесорубов — одна из основных дорог Ардонии, начинающаяся в Китране и ведущая в Шерию.

Туманные Воды — неисследованная часть Бесконечного Океана, находящаяся под гнетом того же проклятья, что и местность, заполненная мглой.

«*Тыкать пальцем в небо*» — наводить справки, собирать вести.

Тысячелетнее молчание — имеется в виду то, что люди не желают контактировать с эльфами. Длятся эти напряженные отношения больше тысячи лет, но даже этого достаточно для нарастающей враждебности. Началось с ссоры одного из Протекторов Ульмара с королем Ардонии Виктаросом II Викариус Лючис.

Убежище чародеев — тайное место собраний чародеев правящей пятерки города. Убежище может быть открыто только тем, кто обладает магическим даром. Собrania проводятся в новолуние, если есть необходимость провести собрание.

Удел Троллей — холмистая лесная местность на границе между территорией амазонок и Эльфийскими Лесами. Населена троллями. Считается непроходимой лесной чащей.

«*Унюхать*» — найти.

Уот`Уото — на тагарийском языке означает «невежественный неуч». Так тагари называют всех, кто не следует тагу.

Урук`Талл — на тагарийском языке означает «пришлый воин». Уникальное имя, данное Джайре тагари.

Устав рыцарей — свод правил поведения рыцарей, их прав и обязанностей. Происходит от клятв паладинов.

Фантомы — призраки Черной Пустыни, видения, созданные из-за большого скопления магии в одном месте, запечатлевшей события Переломной Битвы.

Фаракана — богиня моря у валькирий и пиратов, повелительница штормов и бризов. В прошлом по легенде была первой валькирией.

«*Хвост прижимать*» — рисковать жизнью.

Хеция, хецины — восточный народ людей. Главная особенность — неспособность к магии. Являются потомками пиромантов древнего государства Дорш. Находится под гнетом мглы с восточных горелых пустошей.

Химеры-метаморфы — воины, прислуживающие Протекторам. В прошлом были чародеями, выбравшими один из путей высшего развития. Они отказались от чувств и эмоций, на место которых встало магическое искусство. Из-за этого слывут жестокими и бесчувственными воителями, Протекторы направляют их силу в нужное направление, более никто из живущих этого не может. Главная особенность — не имеют пола и могут превращаться в одно из древних существ.

Храмовник — небрежное нарицание ардонцами служителей Сакротума и вообще всех, кто слишком навязчиво проповедует волю Создателя.

Целебрарий — заведение целительства и исследования недугов и болезней. Всегда состоит при Храме Сакротума. Служители целебрария воспитываются также, как и Стражи и Искатели, на Суровом острове. В целители может пойти любой желающий. В отличие от ордена Стражей и Искателей, служителям целебрария разрешено вести обычную

обывательскую жизнь.

Центуора — мастер над оружием в ордене амазонок. Отвечает за боевую подготовку амазонок и за арсенал ордена.

Церра — государство, занимающее южную часть континента. Отделена от мира магическим заслоном. Земля, бывшая до Переломной Битвы под правлением древнего народа. Источник магии земли.

Черная Пустыня — большая равнина, простершаяся от границ Ардонии до Серых Гор. Представляет собой выжженую пустошь с пепельным песком, по которой беспрестанно снуют фантомы. Является местом, где прошла Переломная Битва.

Чернильное Око — редкие ягоды, считающиеся одним из сильнейших дурманов. При их высушивании их вдыхают, при этом они производят эффект двойственности мира — человек начинает видеть явления из астрала. Если ягоду съесть, наступает временное отключение связи сознания с реальностью, способное погрузить человека в летаргический сон.

«*Швырнуть кости*» — перебраться.

«*Шевелиться*» — думать.

Шептовать — ассасинское выражение, означающее «наговаривать».

Шерия — статус Дождливого Края. Один из древнейших городов Ардонии, до основания государства населенный веллийцами. Находится под негласным правлением лугару. Один из центров Гильдии воров.

«*Шершень*» — «повелитель тысяч жал», глава «Осиного Гнезда».

Шип — особое оружие ассасинов, технология которого была изобретена в Оркулуме. Представляет собой наруч на левую руку со скрытым узким и тонким клинком, выдвигаемом при резком движении запястьем. Шип есть у каждого аль-мусиальда.

«*Шпилька*» — Королевский Совет.

Эдинийские Провинции — северо-западная область Ардонии, представляющая собой леса. Основная отрасль хозяйства — кораблестроение. Статус — Эдиния, хотя Норф является более популярным городом из-за выхода в Серебряное море. Правящий дом — Эдинийский. Род Эдинийский происходит из цыган, чьей родиной являются Эдинийские Провинции. Делятся на несколько провинций: Прилесье, Медовые Леса и Лавандовия.

Эйф — тайный город ассасинов у подножия Серых Гор со стороны Аль-Пассала. Центр их обучения.

Эльфийские Леса — общее людское название эльфийских княжеств.

Элья — одно из древних государств. Считается прародиной синих соколов. Источник магии воздуха. Местонахождение Эльи предполагается в оставшихся целыми после Переломной Битвы горах Самерии.

Эндуар Мракоборец — самый известный из династии Протекторов, двенадцатый представитель рода. Жил в 2901 — 3479 годах от Переломной Битвы. Последний известный миру Протектор, вероломно отравленный одним из королей Викариус Лючис. После него Протекторы стали действовать скрыто. Создатель магического заслона, двенадцати мечей Протектора. Получил свое прозвище из-за невероятной способности одолевать в одиночку полчища нечисти.

Эюна — водная артерия Ардонии, на которой расположена большая часть крупных городов страны. Начиная с Болотистой Пустоши, распадается на обширную речную сеть, некоторые водотоки которой служат судоходству и являются единственными путями в северные города.

Южные Провинции — южная область Ардонии, представляющая собой плодородные черноземные земли. Считается, что Южные Провинции кормят всю страну, хотя другие области могут обеспечить себя сами, если оставят основную отрасль деятельности. Правящие дома — Тантелли и Моргерт. Делятся на несколько провинций: Пшеничные Поля, Соловьиные Рощи, Вересковые Луга, Дальний Предел, Золотые Леса и провинции Виноделов.

Ягуаровые Саванны — южная область Аль-Пассала, не исследованная из-за опасных обитателей, одними из которых являются ракшасы.

Яракша Стингалла — первый лич и единственный чародей-некрофил, носящий звание архилича. Является главой личей. Родилась в 1724, была убита Протектором Ульмаром (1544 — 1906 годы от Переломной Битвы) в 1741 году от Переломной Битвы из-за череды убийств, в том числе и возлюбленной Ульмара. Не присягала мраку и старается придерживаться независимости. Мечтает возродить Нурманд, чтобы научиться управлять смертью.

«*Ястреб*» — кто-то очень опытный.